

СЕРГЕЙ КУЛИК

КОГДА ДУХИ ОТСТУПАЮТ

специально для www.koob.ru

Москва «Мысль» 1981

ББК 26.89(6)
К90

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Художник Г. Л. ЧИЖЕВСКИЙ

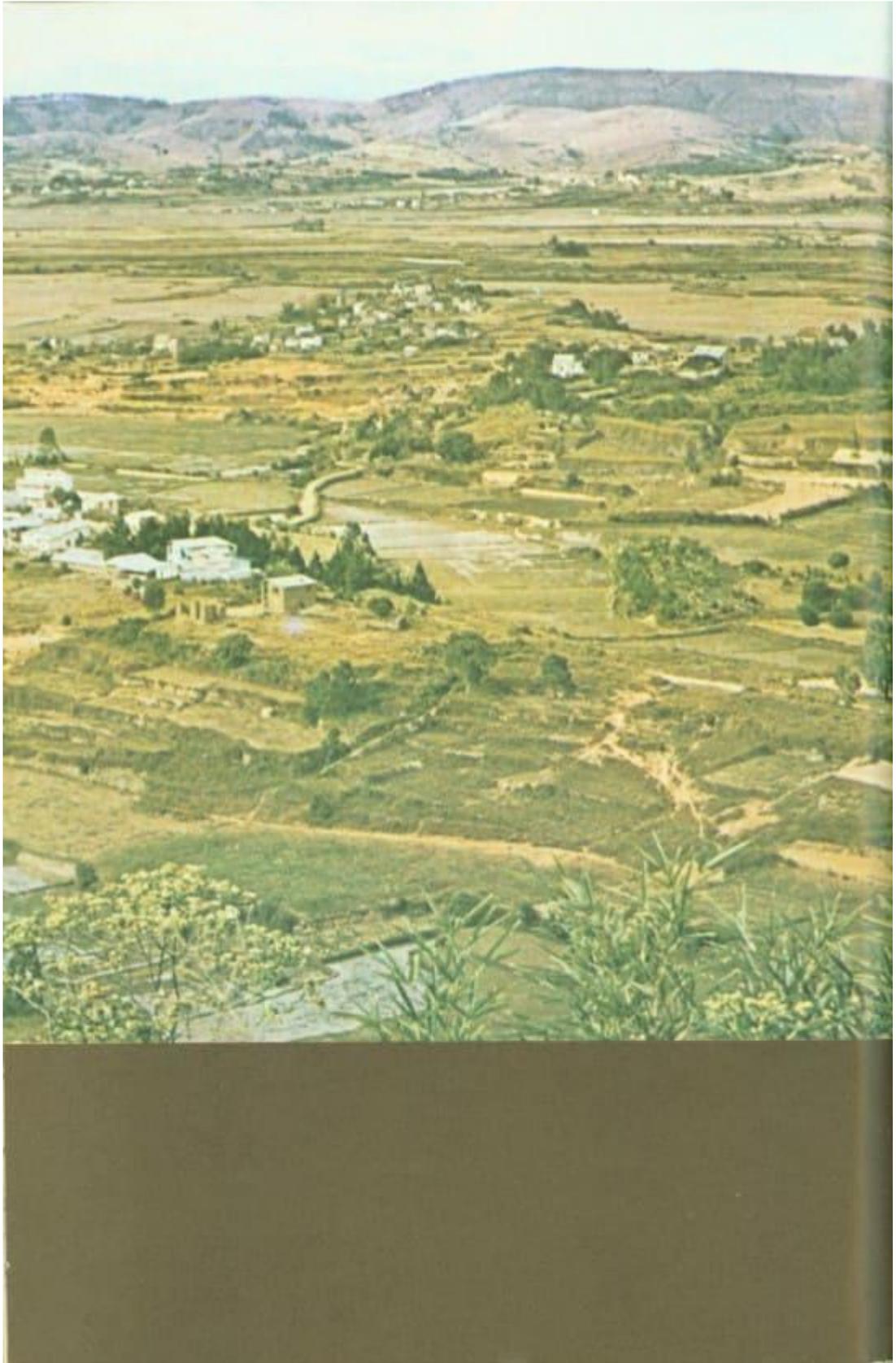
К $\frac{20901-010}{004(01) 81}$ 158-81. 1905020000

© Издательство «Мысль». 1981

Содержание

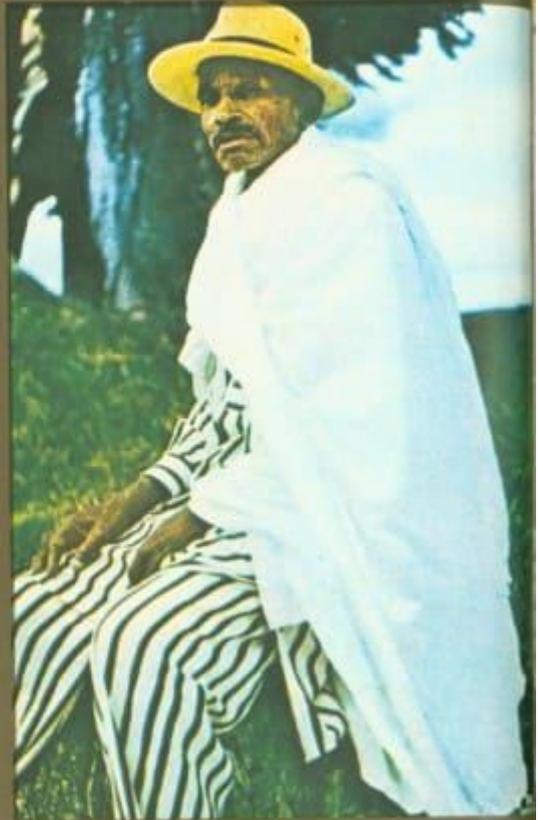
Предисловие, познакомившись с которым читатель поймет, почему оно длиннее обычного	18
Прогулка по большому зума	28
Уроки топонимики и истории.....	33
За стенами Амбухиманги	36
И снова голос библиотечных фолиантов	38
«Цветок, оторванный от стебля».....	42
Дорога через плато	45
Части света и духи.....	48
Винтана — малагасийский гороскоп	51
В царстве равенал.....	54
Город соленой воды.....	56
Среда — день тяжелый.....	60
Фукунулуна — община свободных	65
Остров пиратский Сент-Мари*	68
Кладоискатели и последний король	73
Маруанцентра — город камчатцев.....	76
Амод, внук Амода	97
Судьба учителя Рамасо	100
У бецимисарака — свадьба	103
В лесах Масуала	108
«Встреча» с деревом-людоедом.....	112
Фади, лемуры и ... прогресс	115
Сифаки голосуют «за»	121
Анталаха—ванильная столица мира	125
Марумиты идут на север.....	130
Собакоголовые люди гор Царатанана	134
Диего-Суарес — лучшая бухта Земли	140
Кто же открыл Мадагаскар?	144
Антанкарана дружат с крокодилами.....	147
Руконожки и рыбы, которые тонут в воде	151

«Большая земля» народа цимихети.....	172
Хаин-тени — поэтические дуэли	177
На земле сакалава	182
«Пойман на бычьем заду».....	187
Везо — дети моря.....	193
«Магистраль № 8», «магистраль № 9».....	197
«Запретные леса» махафали.....	201
На земле эпиорниса	207
Гигантские ракушки и удивительные деревья.....	211
«Люди, живущие в кустах».....	214
Антаисака, антаифаси, антаиморо и антамбахуака	217
Кофе и хамелеоны земли танала	221
Колдуны, знахари и ясновидцы.....	226
Хадридридридрна!!!.....	248
Бара впадают в транс	254
В столице бецилеу.....	258
Удивительная церемония фамадихана	261
Малагасийский хлеб	264
Битва за рис	268
Снова в Тана (Вместо заключения)	271

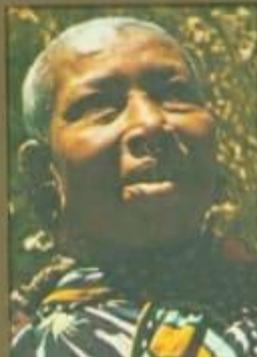

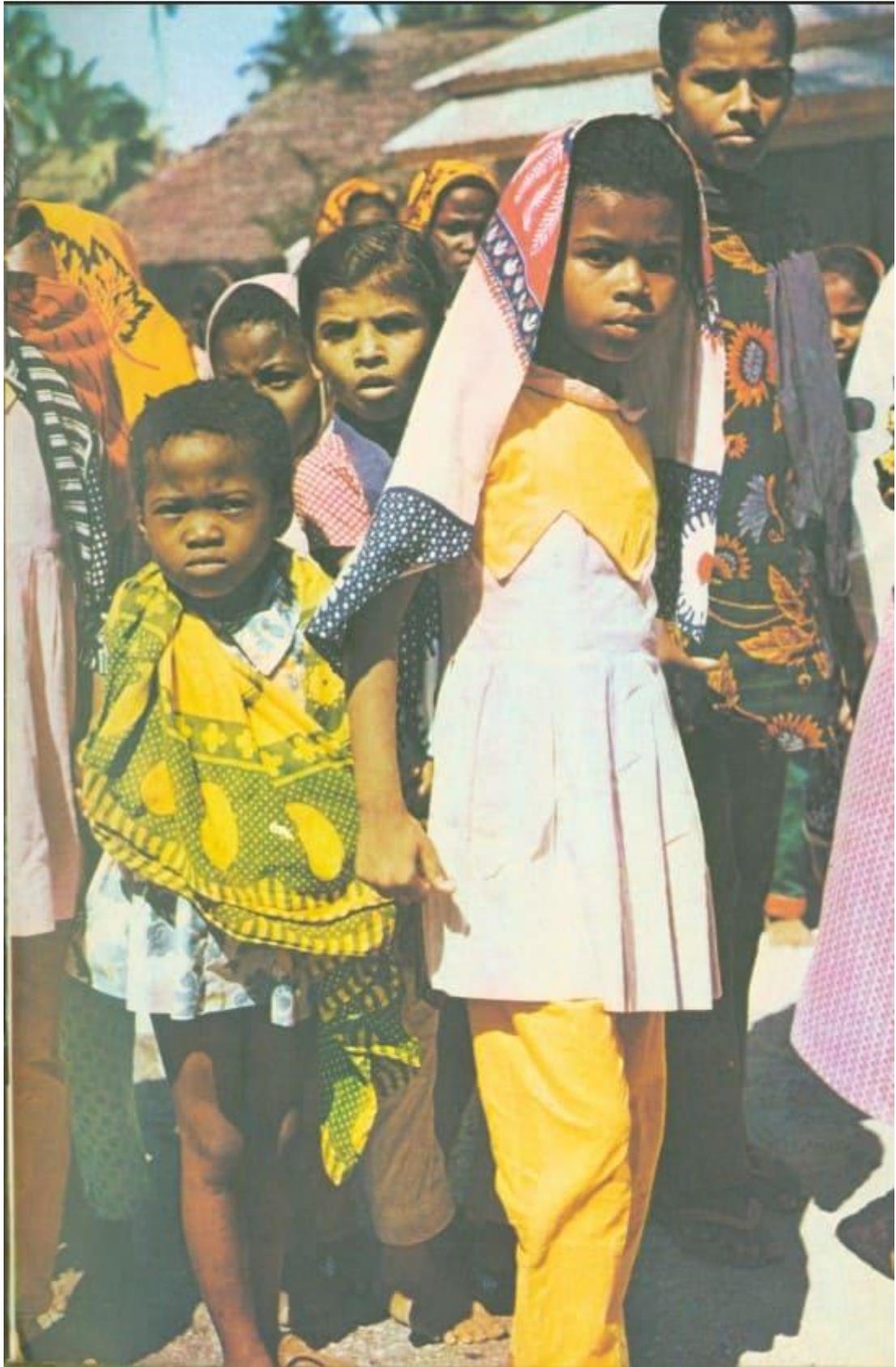

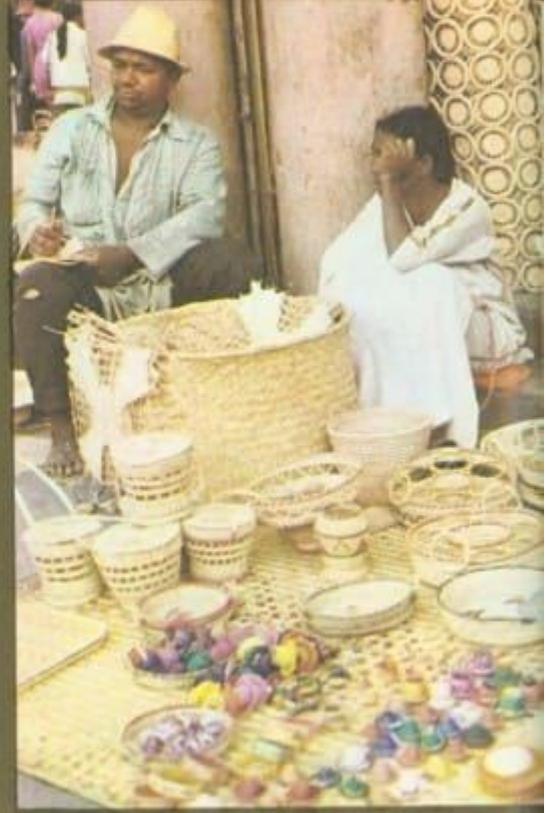
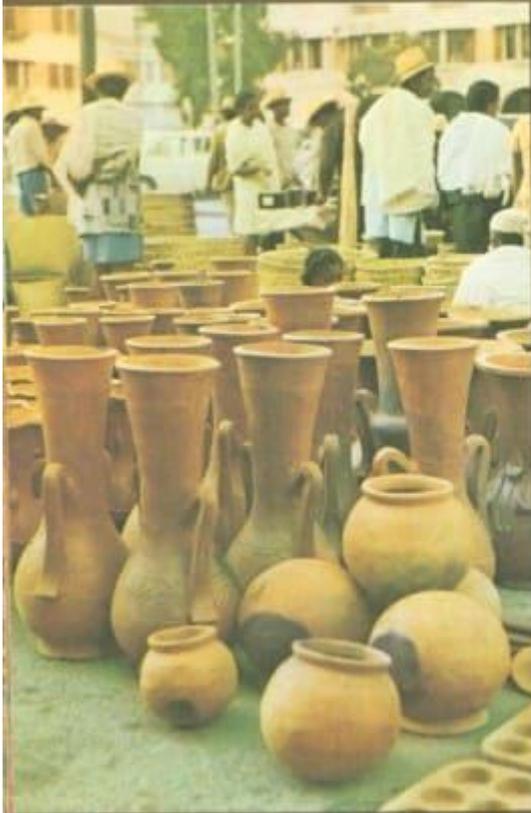
Рисовые поля
и островерхие дома —
так выглядят
населенные мерина
районы плато...

У некоторых из этих людей желтоватый цвет кожи, у других — почти черный. Кое-кто походит на жителей тихоокеанских островов, а иные — типичные африканцы. Но все они — малагасийцы

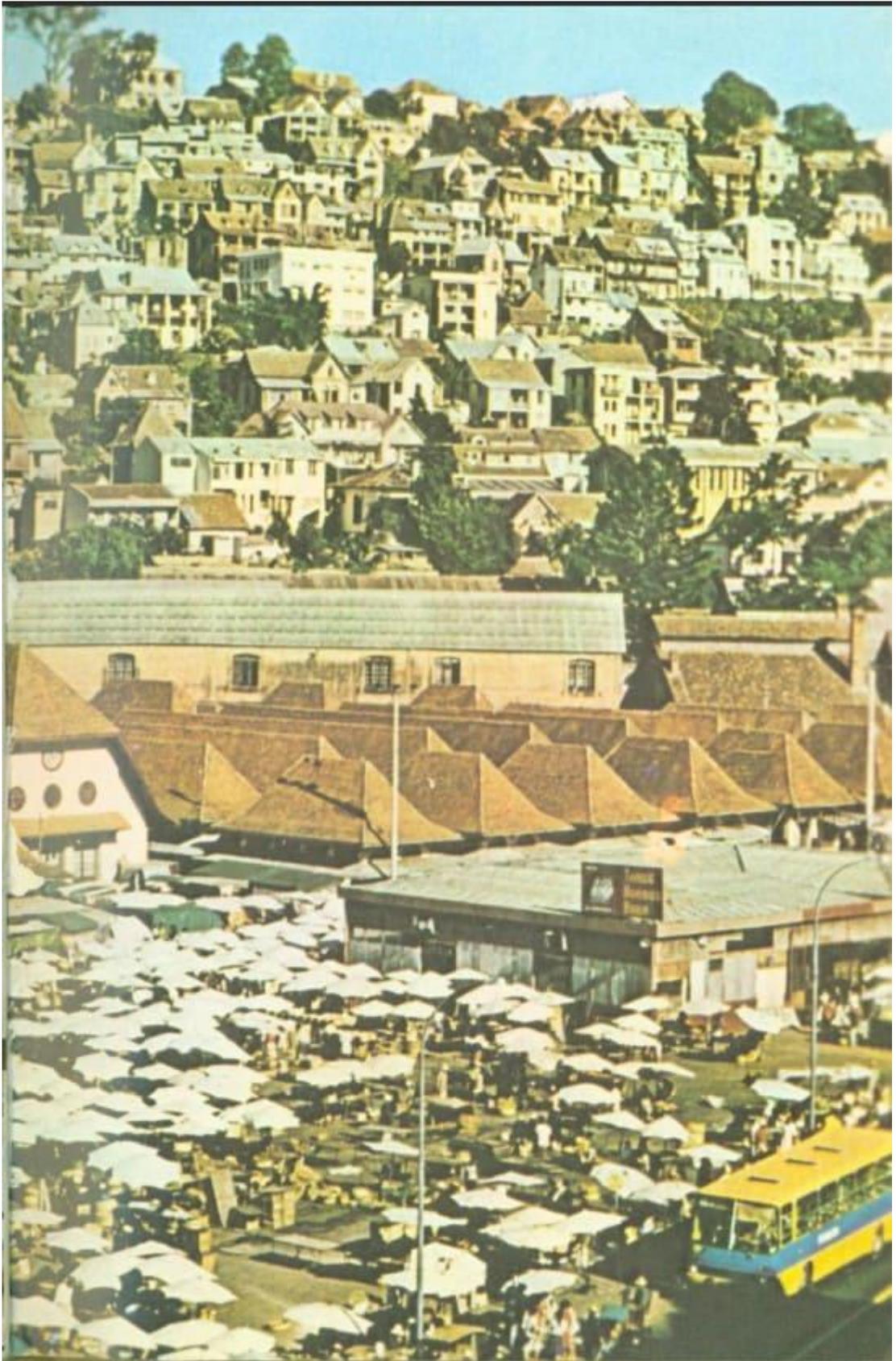

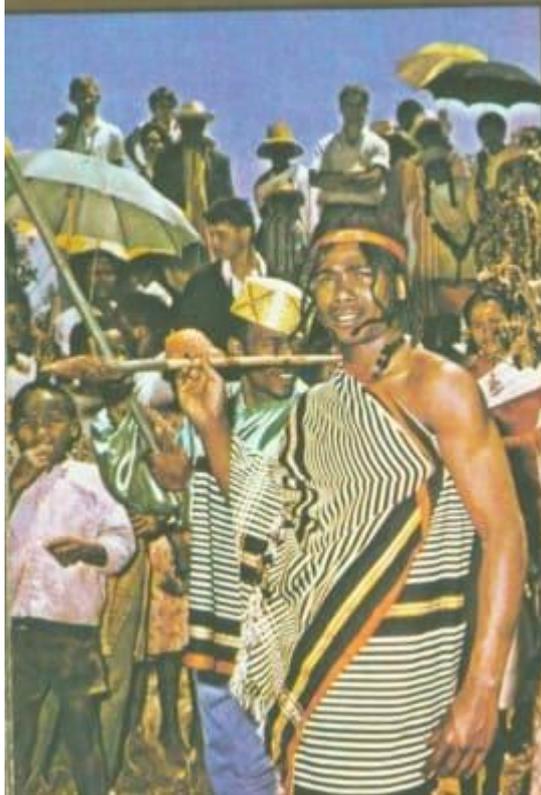
Зуме в Антананари-
ву— это одновременно и огромное
торжище, и музей
под открытым не-
бом, и интересней-
шее действо, разы-
грывающееся на
древней площади
Аналакели вот уже
сотни лет

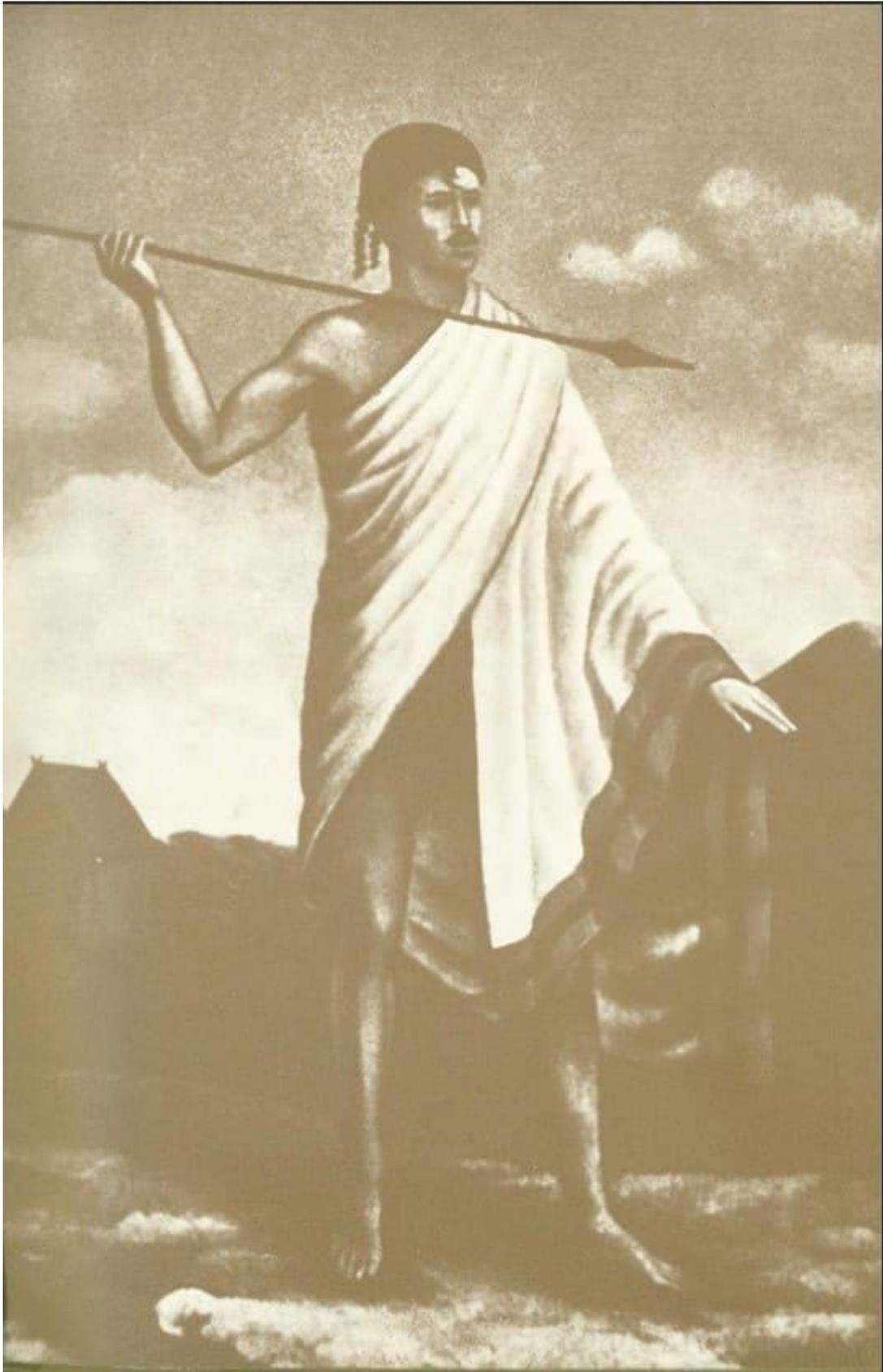

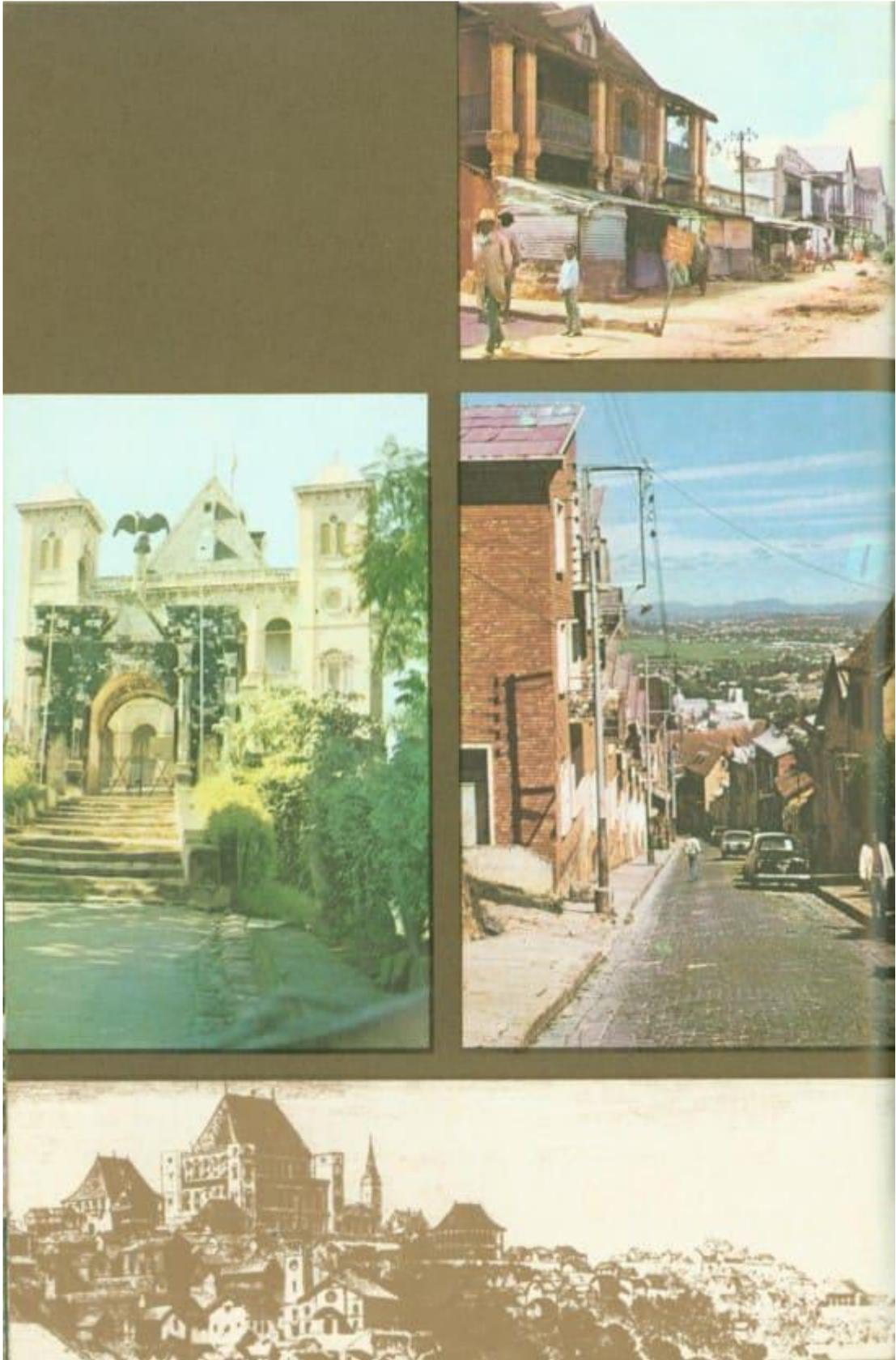

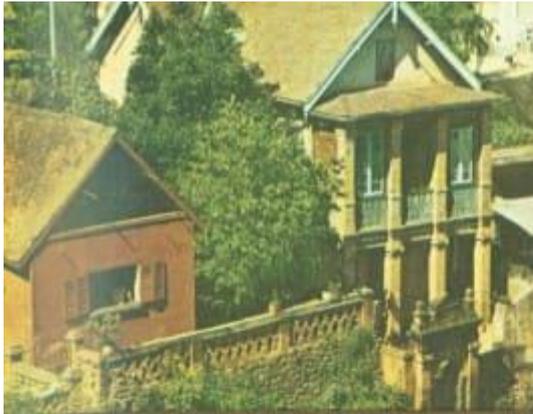

Если великий Андрианампуйнимерина внешне мало чем отличался от рядового общинника, то Ранавалона I и ее преемницы на троне Имерины, перенив многое от дворов Европы, окружили себя роскошью и богатством

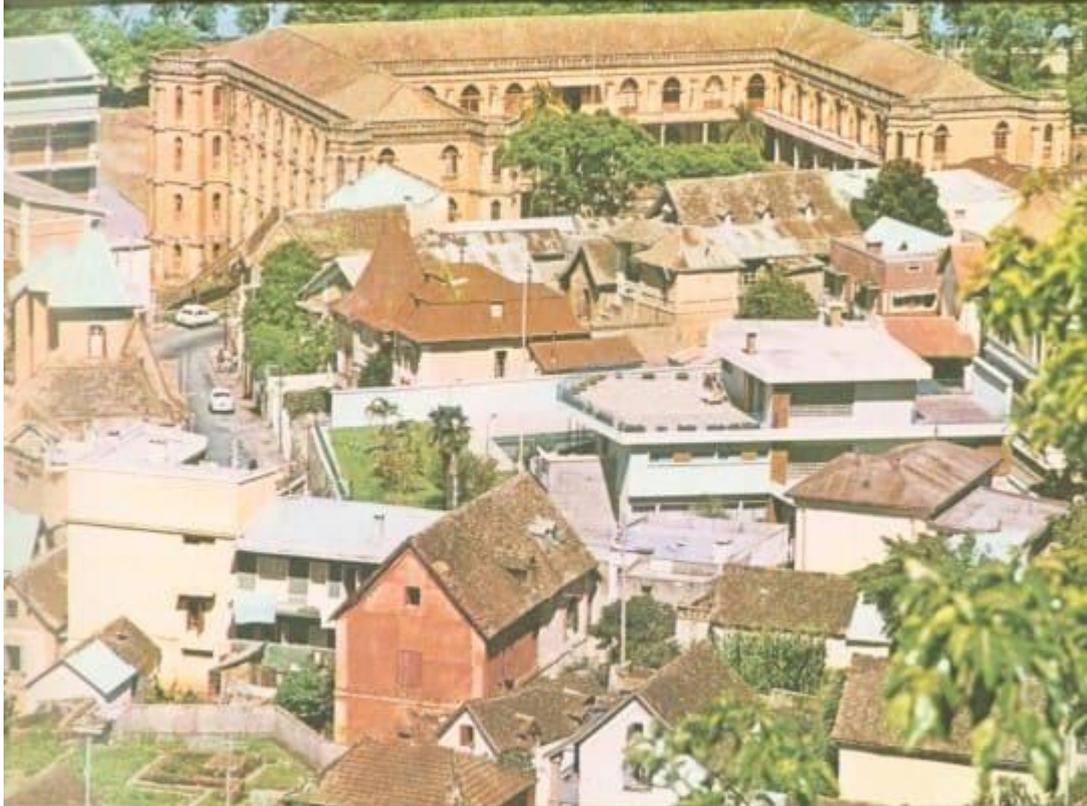

Гравюра конца XIX века свидетельствует о том, что внешний облик Рувы мало изменился за последнее столетие. Величественный дворец, к которому ведет брусчатая дорога, соседствует с ко-

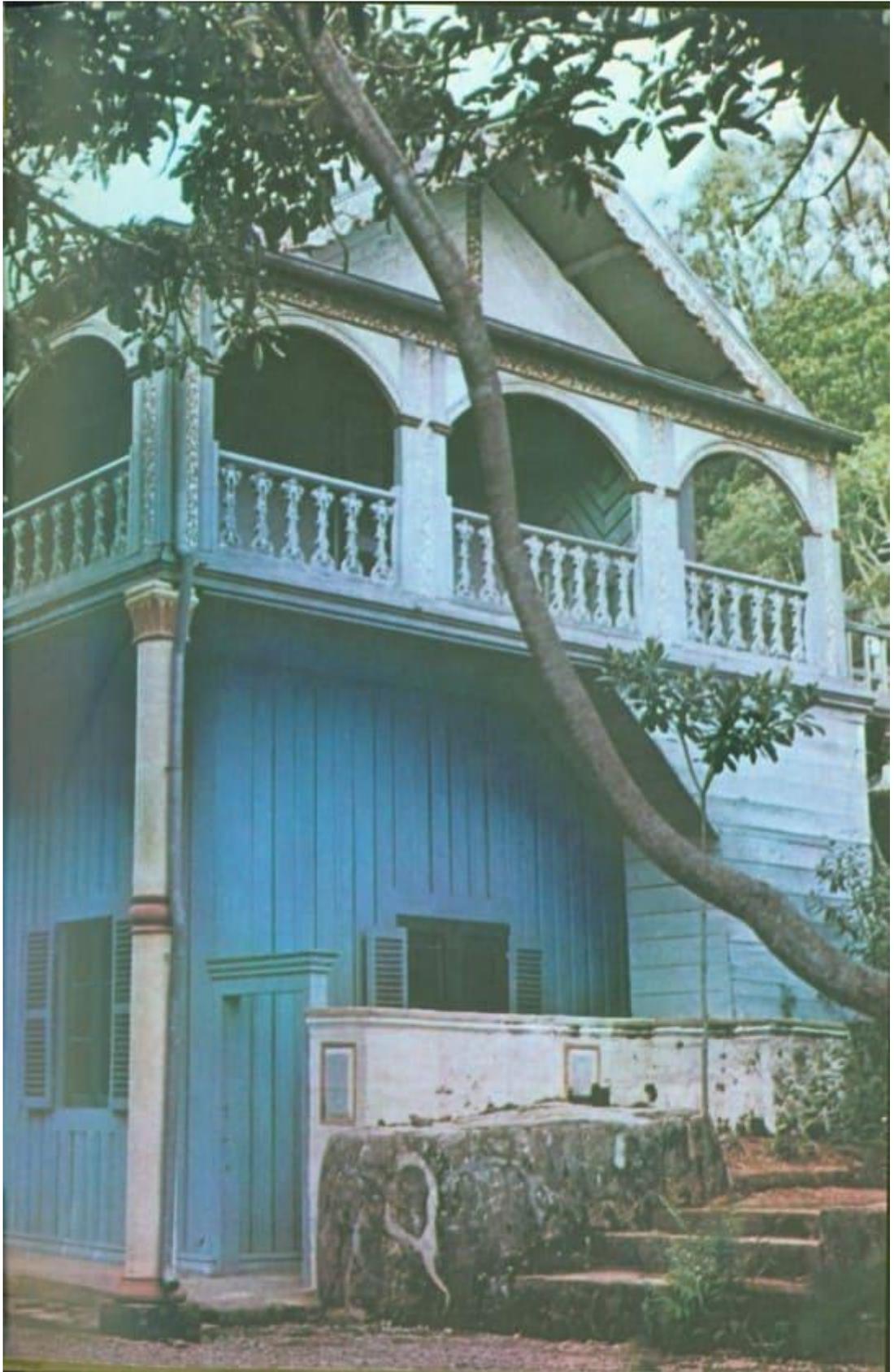
лоннадой королевского суда. По склонам и у подножия холма — типично малагасийские дома бедняков и богачей. И только на равнине появляются более поздние здания европейской архитектуры

Овеянные романтикой прошлого древние гробницы королей, словно вышедшие из сказки терема Амбузиманги, и яркие краски сегодняшнего дня...

Бесчисленность твоих легенд
И обновленье славы
Лишь в беспредельности нашли предел.

Ж. Рабеманандзара. Антса

Предисловие, познакомившись с которым читатель поймет, почему оно длиннее обычного

Когда в 1968 году я впервые на несколько дней попал в Антананариву, то на пестром столичном базаре купил толстую записную книжку. Книжка была в красивом тисненном кожаном переплете и открывалась картой Мадагаскара.

В этой книжке я сделал первые записи об этом острове, поразившем меня непохожестью на все ранее виданное в Африке. А на карте прочертил маршруты своих первых поездок: по историческим городкам вокруг столицы и на восток, сквозь дебри горных лесов к Таматаве (Туамасина) — океанским воротам Мадагаскара.

С тех пор я не раз бывал на этом острове и каждый раз брал с собой книжку в тисненном переплете, постепенно заполнявшуюся заметками о мадагаскарских встречах и впечатлениях. И после каждой поездки отмечал на карте города и деревни, в которых останавливался, соединяя их линиями дорог и троп, по которым проехал или прошел.

Начиная писать эту книгу по записям, сохранившимся под тисненым переплетом, я решил не следовать хронологии, а выстроил эти путешествия «вдоль дороги» в единую «мадагаскарскую кругосветку». Строго говоря, такой «кругосветки» за один прием я никогда не совершал, но почти каждый ее отрезок был мною пройден в разное время.

До 1972 года между СССР и Малагасийской Республикой не существовало никаких отношений. Тогдашнее неокOLONиалистское правительство Мадагаскара не жаловало гостей из социалистических стран. Однако, будучи корреспондентом ТАСС в Восточной Африке и на островах Индийского океана, я оказался на особом положении и в визе мне не отказывали. Поэтому на протяжении нескольких лет я был практически единственным советским человеком, получавшим возможность посещать Мадагаскар, причем не только столицу, но и его глубинные районы. Это накладывало на меня определенные обязательства. В каждый приезд на остров надо было побольше увидеть, побольше понять, с тем чтобы потом рассказать об этой удивительной и почти неизвестной нам стране.

Однако многое для этой книги я увидел и понял за тысячи километров от Мадагаскара. Это не парадокс, а результат того, что история «Великого острова», расположенного у берегов Африки, «начиналась» на далеких землях тихоокеанского мира — в Полинезии, Индонезии, на Филиппинах.

В новозеландском городе Окленде, в знаменитом Музее маори, меня поразили огромные размеры каноэ, на которых с незапамятных времен бороздили океан полинезийцы. Мой попутчик, известный австралийский ученый Джек Голсон, посвятивший свою жизнь изучению морей, перехватив мой изумленный взгляд, рассказал:

— Были и сорокаметровые каноэ, которые брали на борт более ста восьмидесяти человек и могли, не приставая к берегу, находиться в океане пятнадцать суток. Трудно пове-

рять, но на таких весельных судах полинезийцы предпринимали путешествия, которые кажутся рискованными даже в наш век. Единственный в мире народ, создавший большие каноэ, которые могли уходить далеко в океан, они открыли и освоили огромный островной мир, где расстояния порою измеряются шестью — восемью тысячами километров.

Пользуясь попутными течениями и следуя вдоль берегов Индии, Аравии и Сомали, корабли полинезийцев без особого труда могли достигать и Мадагаскара. Пожалуй, этим можно объяснить то обстоятельство, что в малагасийском языке сохранились те же названия многих культурных растений (например, таро и игнам), что и в Океании.

В апреле 1967 года я присутствовал на организованной Университетом Найроби конференции по истории афро-азиатских связей. Выступивший на ней доктор А. Криста из Королевского института антропологии в Лондоне в своем докладе попытался объяснить причины появления выходцев из индонезийского мира на далеком Мадагаскаре. Он нарисовал романтическую историю плавания индонезийских рабов на покинувшем Яву индийском парусно-гребном судне, их бунта, полного приключений дрейфа в сторону Мадагаскара, историю создания первой переселенческой колонии на необитаемом побережье и постепенного освоения острова потомками его «случайных» первооткрывателей из Азии. Как признал сам А. Кристи, свою гипотезу он создал для того, чтобы «примирить» географию с историей, найти объяснение тому, почему этот африканский остров заселен азиатскими народами.

Но вскоре на Сейшельских островах журналистская судьба свела меня с Фолько Куичичи. Знаменитый итальянский кино-режиссер и путешественник все еще находился под впечатлениями своей десятилетней одиссеи по Океании, и поэтому наши беседы об островах Индийского океана волей-неволей сбивались на темы их связи с тихоокеанским миром... Только тот, кто никогда не был в Океании и не проникся духом ее народа, для которого морские путешествия и открытия — это смысл жизни, может додуматься до того, что мореплаватели с востока набрали на Мадагаскар «случайно», убежденно говорил он. Еще в прошлом веке новозеландец Э. Шарп, пользуясь статистическим методом, рассчитал пути потерпевших крушение пирог и каноэ и попытался доказать, что именно кораблекрушения и другие «случайности» были основной причиной миграции населения в Южных морях. Однако его теория была отвергнута. Древними мореплавателями двигала потребность в сырье, в торговом обмене, в обновлении ремесла. Кроме того, когда из-за перенаселенности на уже обжитых островах им не хватало земли или когда они терпели поражение в войне, вожди сажали своих подданных в каноэ и выходили в океан. В одно из таких плаваний полинезийцы достигли и Мадагаскара. Неизвестно только, плыли ли суда древних прямо сразу к Мадагаскару, или мореплаватели мигрировали на запад из поколения в поколение, продвигаясь к африканскому побережью через Цейлон, Мальдивы, Сейшелы.

Все на той же конференции в Найроби оживленный спор разгорелся по вопросу о том, был ли Мадагаскар до появления на нем пришельцев из тихоокеанского мира необитаем, или же они колонизовали остров, ранее уже заселенный выходцами из Африки. Сорбонский профессор Ю. Дешамп отстаивал точку зрения тех ученых, которые считают, что аборигенами Мадагаскара были наиболее древние обитатели Африки — пигмеи и люди койсанской расы, предки бушменов и готтентотов. В доказательство тому приводились многочисленные примеры из сказок малагасийцев, которые утверждают, что первые мореплаватели, прибывшие с востока, повсюду сталкивались на острове с низкорослыми желтокожими людьми. В одних местах Мадагаскара их называют вазимба, в других — микее, в третьих — коколампи.

Некоторые ученые были склонны считать, что 10—11 тысяч лет назад Мадагаскар могли посещать и представители семито-хамитских народов, переместившихся в свое время из Сомали в район Великих озер.

Однако выступивший позже профессор Пьер Вери из университета Мадагаскара подверг критике теории раннего заселения острова африканцами. Он аргументированно доказал, что в те далекие времена, когда полинезийцы уже претендовали на честь называться древнейшими навигаторами, жители восточноафриканского побережья еще даже не умели плавать. «К тому же, где археологические доказательства того, что африканцы появились на этом острове раньше, чем индонезийцы? — резонно спросил ученый. — Ведь самые ранние находки, связанные с африканским присутствием на Мадагаскаре, относятся к IX веку нашей эры. Эта керамика исламизированных банту, но никак не памятники материальной культуры пигмеев, койсанов или семито-хамитов!»

Когда же произошло заселение Мадагаскара? В Париже я обратился с этим вопросом к Пьеру Буато, французскому ученому-марксисту, мировому авторитету по малагасийской истории, более двадцати лет проработавшему на Мадагаскаре.

— Однозначно на этот вопрос не ответить, — говорит ученый. — Никаких следов доисторического существования малагасийцев, или, как их называют на французский манер, мальгашей, не обнаружено. Это еще раз свидетельствует, что люди на остров пришли из-за моря. Произошло это скорее всего в X—VI веках до новой эры. Это, конечно, были люди неомеланезийского антропологического типа и примитивной цивилизации, которые, оторвавшись от своей родины и будучи крайне малочисленными, не смогли освоить Мадагаскар. Они ушли в леса, занялись первобытной охотой и собирательством, превратившись в тех «вазимба», которые и фигурируют в мальгашских легендах. Однако, начиная с III века до нашей эры, когда в Индонезии расцветают блистательные цивилизации, на Мадагаскар устремляется новая волна переселенцев. Миграции с Явы, Суматры, Малайи становятся организованными, приток людей на остров все увеличивается. На этот раз доминируют представители индонезийского антропологического типа.

Постепенно плотность населения прибрежных районов становится слишком высокой для людей, которые живут лишь за счет собирательства и охоты. Так цивилизация вазимба становится достоянием истории. Ей на смену приходит цивилизация земледельцев-рисоводов, которые в поисках новых земель покидают побережье и начинают осваивать горные районы острова. Представляется весьма правдоподобным, что к началу нашей эры основные элементы, из которых сложилось население Мадагаскара, уже находились на острове, — продолжает ученый.

О том, что это были не африканские элементы, свидетельствует их язык, который лег в основу современного малагасийского языка. Он относится к малайско-полинезийской языковой семье, по своему грамматическому строю и словарному составу ближе всего к тагальскому языку. Даже национальная одежда мальгашей — белая туника, ламба, по-тагальски называется ламбон; по-явански — лембар; по-сундански — ламбор. Технические термины и названия многих предметов, дающие представление о той цивилизации, которую индонезийцы завезли на Мадагаскар, также одинаковы или очень близки в малагасийском и индонезийских языках.

— Лексические заимствования из африканских и арабского языков носят куда более поздний характер, — заключает П. Буато. — Все это лишний раз доказывает, что первыми людьми на Мадагаскаре были мигранты с Востока. Теория же о вытеснении аборигенных негроидных элементов переселенцами из индонезийского мира — это выдумка, противоречащая серьезным научным данным. Она была создана колонизаторами для того, чтобы оправдать французскую оккупацию Мадагаскара, доказать, что европейцы имеют на этот остров не меньшие права, чем их азиатские «предшественники-завоеватели».

Однако безоговорочно утверждать, что нынешнее население Мадагаскара является по происхождению «чисто» индонезийским или малайским, все же нельзя, поскольку в средние века на острове появились довольно многочисленные африканцы и арабы, оказавшие немалое влияние на формирование физического типа малагасийцев. И неудивительно по-

этому, что, в то время как 90 процентов наиболее многочисленной народности Мадагаскара, мерина, живущей в центральной части острова, относится к монголоидному типу, большинство сака лава, населяющих обращенное к Африке западное побережье, — к негроидному, а среди антаифаси, испытавших на себе сильное арабское влияние, 28 процентов — к европеоидному. Но все они говорят на одном и том же языке и являются одним и тем же народом — малагасийцами!

...У Мадагаскара есть множество названий: и географических, и поэтических, и описательных. Нет только своего, исконно местного названия, данного его собственными жителями. Причиной тому скорее всего то, что Мадагаскар — огромен. Это четвертый по площади остров Земли после Гренландии, Новой Гвинеи и Калимантана, занимающий 590 тысяч квадратных километров. Чтобы осмыслить такую махину как единое целое и дать ей название, на нее надо было взглянуть со стороны, как это делали ближайшие соседи мальгашей — обитатели Комор или крохотных островков у мадагаскарского побережья — Нуси-Бе, Нуси-Митси, Нуси-Кумба, Нуси-Фали. Они дали острову имя Танти-Бе — «большая земля». Нередко это малагасийское название, пришедшее извне, употребляют и сами мальгаше, которые во всем остальном не проявляли «забывчивости» в отношении своего острова. Созданная ими номенклатура географических названий — самая развитая и сложная в Африке. Освоить ее в совершенстве не дано никому, потому что, чем короче и уже какая-нибудь мадагаскарская речонка, чем заброшеннее деревенька, тем поэтичнее и, следовательно, тем витееватее выглядит ее название. Амбинанибеанатсиндрану, Тра-трамаринаниндрангаронто или Марумиандрахимахавелона — это, наверное, не самые длинные слова, найденные мною на карте Мадагаскара.

Европейцы, не опасаясь быть обвиненными в плагиате, окрестили Мадагаскар Великим островом. В конце XVIII — начале XIX века, когда французы начали употреблять это название, их поразили блеск двора владык королевства Имерина, объединивших под свою корону племена всего острова, боеспособность их армии, высокая культура мальгашей. Французский *La Grande Ile* — это дань тому уровню социально-экономического развития, которого жители Мадагаскара достигли еще до того, как началось их приобщение к европейской цивилизации.

Красновато-оранжевому цвету латеритных почв, окрашивающих и землю, и реки, и деревья, Мадагаскар обязан еще одним прозвищем — «красный остров». Французский географ Э. Готье обронил крылатую фразу о том, что Мадагаскар по форме и цвету можно сравнить с кирпичом. И уже без всяких шуток добавлял: по своему плодородию красные почвы этого острова также недалеко ушли от кирпича.

Кажущееся богатство тропической природы Мадагаскара зачастую обманчиво. Не помню, где вычитал я мысль о том, что, видимо, на Мадагаскаре творец Вселенной тренировался в своем искусстве, прежде чем приступил к созданию ныне существующих материков: тут видны все его достижения и просчеты. А просчетов этих немало. Так, например, вдоль ровных берегов «кирпича» есть всего лишь одна-единственная естественная гавань. Бурные течения и противотечения как бы отгораживают этот африканский остров от Африки. С обидной пунктуальностью минимум один-два циклона ежегодно обрушивают на остров разрушительные ветры и наводнения. Рельеф чинит серьезные препятствия транспорту и людям. Реки несудоходны и обладают нерегулярным, но бурным стоком, что затрудняет строительство ирригационных сооружений, без которых невозможна культура риса — хлеба малагасийцев.

Полезные ископаемые? По обилию топазов, гранатов, бериллов, турмалинов и шпинелей, которыми мальчишки торгуют прямо на улицах Антананариву, у заезжих туристов обычно складывается впечатление о «сказочных богатствах» Мадагаскара. Однако не драгоценные и полудрагоценные камни создают в XX веке основу стабильной экономики.

Утверждают, что есть на острове и нефть, и бокситы, и железные руды, и цветные металлы. Но природа Красного острова так просто не раскрывает и не отдает своих богатств.

В кругах малагасийской интеллигенции я не раз слышал: «Нет, Мадагаскар — это не крупнейший остров, а самый маленький континент нашей планеты». Действительно, уж больно все необычно, ярко и самобытно на Мадагаскаре, который, по образному выражению мальгашского поэта Жака Рабеманандзары, расположен как дерзкий вызов на перекрестке морей, на схождении материков!

Мадагаскар — это единственное место Земли, где Африка встречается с Океанией, где утонченная французская культура тонким налетом ложится на вековые пласты традиций, завезенных сюда из Индонезии, с суахильского побережья Черного континента и Арабского Востока.

Право именоваться «континентом» Мадагаскару дает и солидный возраст его «самостоятельного существования». Он отделился от гипотетического материка Гондваны, некогда объединявшего Африку, Бразилию, Индию и Австралию, еще в те фантастически далекие времена, когда на Земле не было обезьян, львов, слонов и ядовитых змей. В результате на Великом острове самым крупным животным считается завезенная на Мадагаскар человеком длиннорогая горбатая корова — зебу, а самыми страшными хищными зверями слывут одичавшие собаки и кошки, фигурирующие в роли зловердных персонажей малагасийских сказок.

Зато в водах, омывающих Танти-Бе, уже выловлено более 40 живых целакантов — рыб, которые «забыли» умереть. Эти живые ископаемые, появившиеся в девонском океане 400 миллионов лет назад, ближе всех других современных животных к предкам наземных амфибий и рептилий, птиц и млекопитающих, произошедших от выселившихся на сушу и научившихся дышать вне воды кистеперых двоякодышащих рыб.

Право именоваться естественным палеонтологическим музеем представляют Мадагаскару и лемуры, встречающиеся только здесь и на соседних Коморах. Эти кроткие существа занимают одну из верхних ступеней эволюции животного мира на пути к появлению обезьяны. Девятнадцать видов лемуридов, уже открытых на острове, встречаются только на Мадагаскаре. Всего же из 36 видов наземных млекопитающих острова эндемичны 32. Из 147 видов птиц сугубо мадагаскарских — 52, в том числе ворона с белой шеей, красные воробьи, черные попугаи, зеленые голуби, голубые кукушки и хохлатые соловьи. Множество хамелеонов, 6000 видов жуков и самые большие в мире бабочки дополняют своеобразие фауны этого острова.

Эндемизм в растительном мире Мадагаскара еще более высок. Из «тривиальных» цветковых здесь известны разве что орхидеи, которых на Танти-Бе известно более 740 видов. Любители диковинной флоры, отправляющиеся на остров, должны захватить с собой лакомства для растений-хищников, подстерегающих добычу в реликтовых лесах. Полмиллиарда лет — таков минимальный срок появления пород, растущих в этих лесах древовидных папоротников, огромных хвощей и плаунов, пышных цикад — первых и наиболее примитивных пальм Земли.

Вряд ли стоит объяснять после этого, почему зоологи и ботаники выделяют Мадагаскар и окружающие его острова в самостоятельные зоо- и фитогеографические области. Эти области ассоциируются с древним континентом, ушедшим под воду Индийского океана. С континентом Лемурия...

«Никакой Мадагаскар не «континент» и даже не остров, а архипелаг», — утверждают другие. Рельеф Мадагаскара на редкость мозаичен; это одна из немногих африканских стран, обладающих природными зонами почти всех широт — от экваториальных до умеренных. Обилие микроклиматов, «клочковатость» пригодных для обработки земель мешают формированию устойчивых и однородных типов хозяйств, столь характерных для континентальной Африки, где на площади в тысячи, десятки тысяч квадратных километ-

ров население выращивает одну и ту же культуру. В результате экономика на Мадагаскаре формируется из многочисленных хозяйственных островков, на первый взгляд живущих в полной изоляции. Хаос рельефа предопределяет дробный характер расселения малагасийцев, 77 процентов девятимиллионного населения острова живут в деревнях, насчитывающих сто и менее человек каждая.

С экономической точки зрения такое распыление человеческих ресурсов по огромной, лишенной дорог территории предопределяет большую роль натуральных хозяйств. «Поликультура» — обилие культур, выращиваемых в таких хозяйствах в мизерных количествах и только для собственного потребления, на Мадагаскаре сделалась не меньшим бичом, чем монокультура на континенте. В пределах этого «сухопутного архипелага» крайне тяжело, и дорого осуществить любой современный проект: объединить людей для совместного труда, электрифицировать деревни, охватить детей школьным образованием, наладить медицинское обслуживание.

Но тем не менее внутренняя раздробленность с лихвой компенсируется тем географическим единством, которое обеспечивает Мадагаскару его островное положение. «Именно эта островная изолированность от мира явилась в духовном плане причиной этнического единства малагасийцев, — писал один из видных деятелей освободительного движения Мадагаскара — Расета. — Сегодня малагасийцы стоят очень близко к формированию единой нации... Это единство закреплено единством нашего языка и, главное, наших обычаев и традиций». И если в этой книге я иногда излишне скрупулезно выписываю те или иные индивидуальные черты того или иного мальгашского народа, то делаю это по одной причине: уж слишком ярко, рельефно и порою неожиданно выделяются они на фоне унифицированных традиций малагасийцев.

Вообще же об этих обычаях и традициях, привезенных малагасийцами преимущественно из Индонезии, следует поговорить особо. Они настолько влиятельны и живучи, что еще лет десять назад в изголовья сидений всех самолетов, направлявшихся на Мадагаскар, в числе информации о прививках, курсе франка, об адресах отелей и прочих необходимых вещах вкладывался листок, в котором власти считали должны предупредить о следующем:

«Никто не может приблизиться к пониманию жизни на Мадагаскаре без приобретения определенных знаний о верованиях его народа. На первый взгляд повседневная жизнь на Великом острове кажется обманчиво простой. Однако под поверхностью обыденности существует масса верований, унаследованных от предков (разана), традиционных обычаев, и табу (фади), которые предопределяют любой аспект жизни малагасийца и корректируют любой его поступок. Даже среди образованных малагасийцев трудно найти семью, свободную от суеверий, пусть даже и подсознательных. Любой малагасиец чувствует глубокую приверженность к дому разана и желает после смерти лечь в семейную могилу. Что же касается глубинных районов острова, то там вера в дух предков, лежащая в основе религиозных представлений малагасийцев, настолько сильна, что является основой основ повседневной жизни и хозяйственной деятельности крестьян. Их поведение базируется на принципе: «Лучший способ не вызвать недовольства предков — это продолжать действовать так же, как они». И хотя подобный принцип, зачастую активно препятствующий развитию экономики, может показаться просвещенному современнику скорее вредным, чем полезным, иностранцы должны всячески избегать ситуаций, при которых они могут проявить свое неуважение к местным обычаям. В ряде районов острова пренебрежение к разана может повлечь серьезные неприятности для иностранца и даже поставить под угрозу его кошелек, а то и жизнь».

Честно говоря, листок этот тогда вызвал у меня лишь улыбку.

Я подумал, что это преувеличение с целью рекламы, попытка привлечь на остров побольше иностранных любителей экзотики с долларами в кармане.

Первое мое знакомство с «культом разана» в столице лишь подтвердило это мнение, а суеверия малагасийцев оказались обычными предрассудками, мало чем отличающимися от тех, с которыми сталкиваешься в любой стране. Однако, отъехав подальше от столицы, я вскоре понял, что вера в разана — вещь не такая уж безобидная. На севере острова я однажды столкнулся с тем, что крестьяне наотрез отказались сеять доходный на их землях хлопок и принялись выращивать какие-то малопродуктивные корнеплоды лишь на том основании, что корнеплоды эти «сажал еще их великий дедушка Ракуту». Как объяснил мне председатель местной общины, «начать сеять хлопок — значит оскорбить заветы Ракуту».

Путешествуя по бездорожью Мадагаскарского Юга, я как-то заночевал в бедной, почти нищей хижине из тростника. Хозяин был худ, дети явно страдали от недоедания и, по их собственному признанию, забыли вкус мяса. Но в загоне за хижинной ревели около тридцати коров, которых, как объяснил мне хозяин, вскоре забьют. Их рога используют для строительства изгороди вокруг могилы отца хозяина хижины, а горы мяса будут съедены гостями, которые съедутся на поминки со всей округи. Прошло уже семь лет, как умер почтенный отец, и все это время его сын, отказывая себе и детям буквально во всем, копил деньги на эти поминки. Похоронил жену, надорвавшуюся на заработках, влез в долги на несколько лет вперед. Через пару дней будет уничтожено целое стадо продуктивных коров. И все это ради того, чтобы могила разана, как это предписывается традицией, была огорожена частоколом из рогов зебу.

То ли мне везло с проводниками, предостерегавшими от необдуманных поступков, то ли я сам был достаточно корректен, но, за исключением нескольких курьезов, описанных в этой книге, я не навлекал на себя гнев разана и не подвергал опасности ни кошелька, ни жизни.

Однако постепенно впечатление от экзотики традиций начал отеснять тревожный вывод, созревавший по мере того, как я постигал мадагаскарскую действительность: реклама «духа предков», консервация и пестование архаических обычаев — это преднамеренный курс неокOLONиалистского правительства Ф. Циранана, правившего на острове со дня провозглашения формальной независимости Малагасийской Республики в июне 1960 года до бурных майских событий 1972 года. Возведенный в ранг чуть ли не государственной политики, «культ предков», насаждавший идею о том, что приверженность к прошлому более важна, чем завоевание будущего, практически помогал циранановскому режиму отвлечь обездоленные массы от борьбы за хлеб насущный, давал возможность правителям Мадагаскара придерживаться курса, мало чем отличавшегося от политики их предшественников — французских колонизаторов.

Это было страшное для Великого острова время разгула диктатуры. Активисты циранановской социал-демократической партии ПСД, или, как по созвучию презрительно называли ее малагасийцы, «пису диа» («дикая кошка»), повсеместно взяли на себя функцию соглядатаев и шпииков. Используя традицию в своих целях, власти принялись за возрождение малагасийской сельской общины — фукунулуны. Однако первым долгом «дикие кошки» ввели там принцип коллективной ответственности, означающий, что за оппозиционные настроения любого из жителей деревни наказываться будет все ее население. Прикрываясь демагогическими рассуждениями о «малагасийском социализме», клика Цирананы принялась насаждать в фукунулунах частнокапиталистические кооперативы. Их итог — повсеместное разорение и обезземеливание общинников. О коллективном труде в таких «кооперативах» вспоминали лишь тогда, когда крестьян заставляли задарма обработать соседнее поле, принадлежащее министру и функционеру ПСД.

Куда бы я ни приезжал, всюду малагасийские друзья показывали мне французские земельные концессии и плантации вдоль дорог, французские заводы в городах, французские горнорудные компании в рудничных поселках. Иногда встречались американские, запад-

ногерманские, японские предприятия. Западный капитал чувствовал себя под охраной «малагасийского социализма» полным хозяином на острове. Вывозя с Мадагаскара львиную долю своих прибылей, он уделял малую толику доходов сотрудничавшим с ним представителям правящей бюрократической элиты.

Выполнение первого пятилетнего плана развития Малагасийской Республики растянулось на 10 лет, но завершено так и не было. Сугубо аграрная страна, Мадагаскар не мог обеспечить себя продовольствием, с каждым годом увеличивая экспорт риса.

Зато на пустынном островке Нуси-Лава в Мозамбикском проливе началось строительство крупного концентрационного лагеря. Наиболее удобная естественная гавань Мадагаскара — порт Диего-Суарес (Анцеранана) был закрыт для малагасийских торговых судов, поскольку расширялся для нужд французского ВМФ. Циранановское правительство проводило «политику диалога» с расистской ЮАР, но в то же время срывало установление дипломатических и торговых отношений с СССР и другими социалистическими странами.

Как-то в один из приездов на Мадагаскар в 1970 году я встретился с Жизель Рабесахалой — замечательной дочерью малагасийского народа, одной из основательниц Партии конгресса независимости Мадагаскара (АКФМ), всегда находившейся в авангарде борьбы против иностранного господства, за социалистический путь развития республики.

Жизель Рабесахала ввела меня тогда в круг малагасийской интеллигенции. Из бесед с видными писателями Арсеном Рацифехерой, Л. Рафакой, молодым литератором Ж. Раду, популярным исполнителем народных песен Анри Рацимбадзафи я понял, что, несмотря на все старания «пису диа», правда о стране Ленина доходит до простых людей Великого острова.

Ришар Андриамандзату — удивительный человек, пастор и председатель партии АКФМ, даже в условиях циранановской диктатуры отстаивавший принципы марксизма, вице-президент Всемирного Совета Мира, а в те годы и мэр Антананариву — говорил мне тогда: «Своими запретами и гонениями на все, что связано с устрашающими их словами «Москва» и «Кремль», власти добиваются лишь обратного — роста интереса к Советскому Союзу».

Малагасийские интеллигенты-патриоты открыли мне глаза на фантастическое богатство прошлого их родины и богатство души народа, творившего это прошлое. Вот почему в этой книге так много места заняли исторические страницы и поэзия. Скрупулезно вдаваясь в былое Великого острова, я хотел лишний раз доказать несостоятельность голословных утверждений тех западных авторов, которые по-прежнему твердят: африканские народы не имеют прошлого, их общество находилось в состоянии застоя, их история началась с появления колонизаторов. Судьба Мадагаскара скорее свидетельствует об обратном: стремительное развитие малагасийского общества застопорилось после завоевания острова французами.

Что же касается поэзии, в первую очередь народной, то без нее, по-моему, вообще нельзя понять мальгашей. Если в Африке люди рождаются танцорами, то на Мадагаскаре — поэтами. Народные сказки и легенды они впитывают с молоком матери, проносят их через всю жизнь, измеряют мир несколькими сказочными категориями и верят в героев своих мифов как в существа реальные.

В свою очередь через героев этих раскрывается подлинная сущность создавшего их народа. «Добрые молодцы» малагасийской сказки не воинственны и не драчливы, они воздерживаются вызывать врага на единоборство, но, как правило, всегда побеждают его умом, ловкостью и находчивостью. И наверное, потому же самой любимой формой соревнования на Мадагаскаре сделались не силовая борьба, не кулачные бои и не перетягивание каната, а хаин-тени — поэтические дуэли народных острословов.

Несмотря на все попытки «офранцузить» Мадагаскар, малагасийцы остались верны своим культурным традициям, успешно отстояли и развили достижения своего славного

прошлого. Не удивительно поэтому, что ни одна страна Африки не дала миру такой яркой плеяды самобытных поэтов, как Мадагаскар: Жан-Жозеф Рабеаривелу, Жак Рабеманандзара, Флавиен Ранаиву.

Я был в Найроби, когда 18 мая 1972 года, прослушав передачу последних известий радио Антананариву, направил в ТАСС телеграмму: «Сегодня днем пал режим Филибера Цирананы, в результате чего власть на Мадагаскаре перешла в руки военно-гражданского правительства без участия ПСД. Ф. Циранана был вынужден передать по требованию народных масс всю полноту власти на Мадагаскаре генералу Г. Рамананцуа».

После бурных дней «малагасийского мая» на Великий остров пришла «вторая независимость». Как признал новый премьер-министр Малагасийской Республики, вплоть до майских событий Мадагаскар все еще оставался «последней колонией» Франции. Теперь, заявил он, «национальное обновление и достижение подлинной независимости требуют безотлагательного преобразования структур общества, которые лежали в основе всех несправедливостей и гнета».

В октябре 1972 года на острове состоялся общенародный референдум: малагасийцы одобрили антиимпериалистический курс нового правительства, которое незамедлительно начало осуществление своей программы.

На международной арене правительство начало проводить политику «по всем азимутам», заключающуюся в преодолении одностороннего курса ориентации на Запад. И вот результаты: с Мадагаскара эвакуированы французские военные базы в Диего-Суаресе и Ивату; закрыта американская станция слежения за спутниками в Имеринциатусике; прекращен «диалог» с ЮАР; налажены связи с прогрессивными африканскими странами. В сентябре 1972 года были установлены дипломатические отношения Малагасийской Республики с Советским Союзом.

Такой поворот событий явно не устраивал ни внутреннюю, ни внешнюю реакцию. По острову прокатилась волна правого террора, начались этнические конфликты. 5 февраля 1975 года было вынуждено уйти в отставку правительство Рамананцуа. Через несколько месяцев предательская пуля сразила Рацимандраву, сменившего его на посту премьер-министра. Страна стояла на грани гражданской войны. Нити заговора тянулись в штаб-квартиру «пису диа». Однако патриотические силы, группировавшиеся вокруг будущего президента страны Дидье Рацираки, предотвратили национальную катастрофу...

Когда в феврале 1976 года я вновь побывал на Великом острове, на бойких перекрестках Антананариву активисты предлагали прохожим небольшую книжку в ярко-красной обложке. Это была «Хартия малагасийской социалистической революции». «Хартия» наметила программу развития Великого острова, причем по некапиталистическому пути. «Социалистическая революция, — провозглашается в этом документе, — это единственно возможный для нас путь достижения быстрого экономического, социального, культурного и гармоничного развития...»

Одновременно малагасийцы приняли проект новой конституции, закрепляющей основные принципы и достижения своей национально-демократической революции. В соответствии с этой конституцией страна получила новое официальное название — Демократическая Республика Мадагаскар (ДРМ).

Между прочим, в одной из глав «Хартии революции» записано: «Революция в области психологии — это главное требование, ибо от него зависит все остальное». В ней отмечается, что построить социализм на Мадагаскаре можно лишь при условии отказа от цирнанановской философии приоритета прошлого над будущим, критического пересмотра традиций разана, развития современного мышления и восприятия мира.

В этот же приезд в Антананариву я узнал, что на Мадагаскаре родился новый большой поэт — Жорд Раду, певец малагасийской революции, что с его приходом в литературу в поэзии Великого острова появился новый герой. Герой, который в отличие от своих

предшественников не исповедует фаталистическую идею о власти рока над человеком и не избегает, подобно персонажам малагасийского фольклора, открытого боя. Появился герой-боец, идущий в ногу с боевыми буднями сегодняшнего Мадагаскара.

Если свобода прикажет:
«Молчанье!» — верьте, друзья,
Губы мои будут немые,
Буду, как камень, я.

Если свобода прикажет:
«Рабские цепи собьем!» —
Грызть эти цепи зубами
Буду и ночью, и днем.

Если свобода прикажет:
«Снова готовься в бой!» —
Песню наполню гневом,
Песню возьму с собой.

С песней той на рассвете
Выйду навстречу судьбе.
Свобода! В жизни и смерти
Буду верен тебе.

И тогда, перечитав это стихотворение, заполнившее одну из последних страниц моей записной книжки в кожаном переплете, я понял: будущее победило прошлое на Великом острове. Духи предков начинают отступать...

Антананариву — Найроби — Москва.

Прогулка по большому зума

С высоты королевского холма — Рувы, где некогда жили правители Мадагаскара, открывается поражающий глаз яркостью палитры вид на раскинувшийся внизу Антананариву. В самом центре малагасийской столицы, занимающем плоскую низину, — священное озеро Ануси с сиреновой водой, отразившей краски цветущих вокруг раскидистых джакаранд. Посреди озера — вознесшийся в голубое небо обелиск малагасийцам, погибшим в двух мировых войнах. Чуть поодаль — блестящие на солнце стеклом и металлом серебристые коробки современных зданий и ажурные скелеты строящихся небоскребов. А вокруг, насколько хватает глаз, по склонам красных холмов и среди выходов черных базальтов теснятся кварталы старого Антананариву, в которые снизу, из долин, врываются неестественно яркие островки изумрудных рисовых полей.

В отличие от большинства африканских столиц Антананариву, или, как его обычно называют малагасийцы, Тана, сумел уберечься от космополитического влияния колониальной архитектуры, сохранил свое национальное обаяние и колорит. Его бегущие по пригоркам улицы застроены разноцветными каменными домами, узкими и высокими, похожими на гигантские скворечники. Чтобы летом уберечься от африканской жары, а зимой — от антарктических ветров, окна делают в них узкими. А чтобы скатывающиеся с холмов после частых тропических дождей потоки не разрушили дом, его ставят на очень высокий фундамент. Попасты в некоторые из таких домов, построенные еще в прошлом веке, можно лишь по приставной лестнице, убираемой на ночь. Перед многими из домов — крохотные палисадники, с яркими цветами фиолетовых бугенвиллей, желтых кактусов и кроваво-красных «пылающих» деревьев.

В самом сердце этого пестрого города — от древней площади Аналакели, вдоль застроенной двухэтажными домами улицы Индепенданс, до самого вокзала — расположился гигантский базар — зума.

По-малагасийски «зума» — пятница. Рассказывают, что раньше заниматься торговлей на острове разрешали только в этот день, чтобы в остальные дни крестьяне и ремесленники не отвлекались от основного своего дела. Теперь, правда, торговать на Мадагаскаре можно ежедневно. Однако самый большой на острове базар по традиции и сейчас собирается по пятницам. В погожие дни на зума съезжается по 20—25 тысяч человек. Утверждают, что базар этот существовал на площади Аналакели еще в XVII веке и с тех пор почти не изменил своих традиций.

Признаться, раньше я не знал об этом обычае и в этот мой первый приезд на Мадагаскар чуть было не пропустил большой зума. В четверг я засиделся допоздна в гостинице с моим добрым хозяином и попутчиком известным малагасийским журналистом Морисом Ракаутубе. Было уже полночь, когда я пошел проводить его. Вышел на улицу и не поверил глазам своим.

На километровой авеню Индепенданс собиралось огромное торжище. По левую сторону улицы уже образовалось нечто вроде промышленной ярмарки. Владельцы мелких магазинов, портные и ткачи, сапожники и мебельщики расставляли и раскладывали прямо на тротуарах свои товары, несмотря на поздний час, весело перекликались, азартно резались в карты, подтрунивали над представительницами самой древней профессии, фланировавшими по мостовой. Многие торговцы приехали с семьями и, соорудив из предназначенных на продажу тканей, рубашек и брюк подобие шалашей, устроились спать прямо на улице. Тут же на чадящих жаровнях женщины готовили и продавали еду, кормили полусонных детей. Широкая улица уже была полна народу и всяческого скарба, а со стороны вокзала все валил торговый люд, нагруженный ящиками и тюками.

А направо под открытым небом, как по волшебству, возник за одну ночь подлинный музей. Иначе и не назовешь того, что свезли со всего острова на зума мальгашские умельцы.

— Для людей, которые интересуются традициями малагасийцев, зуме открывает редкостные возможности,— говорит Ракаутубе.— Расстояния у нас огромные, и, чтобы среди лесных дебрей восточного побережья найти людей, с таким мастерством превращающих кусок дерева в произведение искусства, или встретить среди пустынь Юга музыкантов, играющих на таких ксилофонах с резонаторами из полых высушенных тыкв, надо затратить недели, а может, и месяцы. А зума представляет прекрасный случай познакомиться и с традиционной культурой мальгашей и с самими мальгашами.

Вот посмотрите на этих стариков, раскладывающих алу-алу — миниатюрные копии разных деревянных надгробий, устанавливаемых на могилах. Они называют себя махафали. Это племя скотоводов, обитающих на юго-западном побережье острова. У них желто-коричневатый цвет кожи, жидкая растительность на лице, гладкие черные волосы, характерный для азиатов разрез глаз. Разве похожи они на африканцев?

Но вот те женщины, что сидят за пестрыми тканями, — типичные жительницы восточноафриканского побережья. Они принадлежат к макуа, предки которых либо были проданы из Мозамбика на Мадагаскар в рабство, либо сами бежали на остров, спасаясь от набегов торговцев живым товаром. А рядом с ними — женщины сакалава, с западного побережья. Могу даже сказать точнее: они из района Кандреху. Только там умеют делать такие красивые циновки, украшенные ярким орнаментом.

— Эти тамтамы, — продолжает мой спутник, проходя мимо огромных, в рост человека, барабанов, обшитых шкурами, — изделия «лесных людей» танала. Рядом с ними, вон, видите, справа, — юноши в широкополых шляпах, играющие на нашем национальном инструменте — валихе. Это жители центральных нагорий — бецилеу, умеющие заставить петь ствол бамбука. Те же мужчины в красных фесках и белых галабеях, что подтягивают свои тюки к вокзалу, приехали с севера, где живут анталаотра. Это тоже малагасийцы. Но благодаря долговому общению с арабами они переняли их обычаи, одежду, исповедуют ислам.

Ошеломленный увиденным, я продолжал пробираться по зума, чувствуя, как захлестнувшие меня впечатления порождали все новый и новый интерес к этому необычному ночному действу. Откуда-то из-под арочных сводов домов авеню торговцы вытащили и начали расставлять прямо на улице сплетенных из сушеных банановых листьев жирафов в человеческий рост. Огромные длинные сооружения, обтянутые мохнатыми шкурами, на деле служили шкапами, стилизованными под традиционные барабаны. Преградивший

мне дорогу столб оказался высоченным штабелем из шляп, сплетенных из рисовой соломы.

— Зайдем в мою лавку, тампуку*, у меня есть порошок, который поможет покорить любую красавицу, — обратился ко мне выглядевший вполне здравомыслящим мужчина в европейском костюме. — Я могу также предложить средства от сглаза, вернуть мужскую силу и научить предугадывать автомобильные катастрофы.

Ответив на все эти заманчивые предложения не менее вежливо, чем они мне были сделаны, я свернул на боковую улочку и оказался... в компании крокодилов. Десятки, сотни чучел крокодилов всех размеров — от «сувенирных», сделанных для того, чтобы уместиться в чемодане туриста, до трехметровых, скорее всего принесенных сюда, чтобы привлечь внимание покупателя, — мерзко оскалив острые белые зубы, уставились в темноту.

И тут я почувствовал, что чувство реальности начинает оставлять меня. Я несколько замешкался, очевидно даже остановился, чтобы не попасть в еще более удивительную улочку, и тут же кто-то сильно толкнул меня в спину. От неожиданности я упал, какие-то легкие непонятные предметы посыпались на меня.

То были... хамелеоны, высушенные чучела хамелеонов, очередную партию которых тащил на вытянутых руках курчавый застенчивый подросток. Происшествие в царящей на зума сутолоке, конечно же, не редкое. Но поскольку случилось оно с иностранцем, мгновенно вокруг столпился народ, на шум из чрева складов вышел хозяин. Убедившись, что все хвосты у хамелеонов целы, а я не претендую на возмещение причиненного мне морального ущерба, хозяин представился:

— Давид Томбазара. Веду оптовую торговлю чучелами крокодилов, хамелеонов, бабочками, ракушками. Скупаю также полудрагоценные камни и самоцветы, составляю коллекции на экспорт. Быть может, месье будет интересно посмотреть?

Я, конечно, не отказался и, зайдя на склад, заставленный столь необычным товаром, сразу же задал вопрос, который должен был вернуть меня в реальный мир.

— Быть может, месье Томбазара, мои представления покажутся вам странными. Но из книг я знаю, что крокодилы, а тем более хамелеоны окружены священным почитанием на Мадагаскаре, что к ним испытывают суеверный страх, что обидеть их — значит нарушить законы предков и навлечь на себя гнев живых. Вы же свободно торгуете ими в центре столицы, а кто-то в провинции ловит и убивает для вас этих животных... Скажите, так ли неверны мои книжные представления? Или законы предков уже не властны над островом?

— Сейчас мне шестьдесят два года, — сказал Томбазара. — Но я отлично помню случай, который произошел в родной деревне, когда мне было семь лет. Тогда утром на крышу хижины, в которой жил старейшина, залез хамелеон. Он сидел, не причиняя никому вреда, не обращая внимания на шум и переполох, который наделал своим появлением. Люди же, бегавшие вокруг, кричали, что хамелеоны всегда приносят беду, а уж если хамелеон появился на крыше старейшины, то не избежать беды всем жителям деревни. А коли так, то надо покидать «плохое место». И они ушли из деревни, уверенные, что здесь их ждет несчастье.

Там, на новом месте, я поступил в школу, а закончив ее, познакомился с французом, который занимался тем же делом, каким я сейчас. Он послал меня на юг, на земли антануси. Это сухой, полуголодный край, однако его редкие реки в те времена еще кишели крокодилами. Не проходило и дня, чтобы прожорливая тварь не затащила под воду девушку, спустившуюся к берегу. Но вместо траурных плачей каждый вечер в прибрежных дерев-

* Тампуку (малаг.) — «мой господин». Распространенное малагасийское уважительное обращение.

нях звучала веселая музыка. Это родители несчастной, которые, как и все антануси, верили в то, что в крокодилов переселяются души вождей, праздновали «свадьбу» своей дочери с почетным предком.

Я поначалу думал, что, убивая крокодилов и тем самым спасая людей, я завоюю их благосклонность. Но не тут-то было. После каждого подстреленного мною крокодила антануси устраивали охоту на меня: мстили за своих именитых предков. Я попытался договориться с вождем одной из прибрежных деревень, предложив платить ему за каждого убитого мною же крокодила по пол-ариари*. Но он отказался и напал на меня. Лишь случайно проезжавшие мимо геологи спасли меня.

Так что вот вам два примера из совсем недавней малагасийской действительности. Ваши книги правы — хамелеонов и крокодилов у нас действительно чтут.

— Чтут или чтили? — уточнил я. — Ведь речь идет о событиях почти полувековой давности.

— И чтили, и чтут, — утвердительно кивая головой, ответил Томбазара. — Все дело в том, где, как и при каких обстоятельствах. Малагасийцы не делают секрета из того, что верят: духи предков постоянно присутствуют в наших домах, живут рядом с нами. Поэтому мы, малагасийцы, рассматриваем себя лишь как звено в бесконечной цепи поколений, а смерть считаем продолжением жизни.

— Так тем труднее нарушить традицию и пойти наперекор предкам, — сказал я.

Томбазара иронически улыбнулся.

— О, мне начинает казаться, что мы меняемся ролями и что культ предков довлеет уже не надо мной, а над вами. Не мне, малагасийцу, рассказывать вам сюжеты из романов Достоевского. Сколько там крови, злодеяний, обмана. Разве все эти преступления оправдывались христианской моралью? Нет, конечно же, нет. И тем не менее ради получения наследства, ради денег сын поднимал руку на собственного отца! Так почему же вы думаете, что малагасиец, когда ему представляется возможность поправить дела, не может прийти к мысли о том, что он вправе поднять руку на дух давным-давно умершего предка, якобы принявшего облик крокодила, да еще и пожирающего его дочерей? Согласитесь, что для персонажей Достоевского путь к убийству должен был быть куда более мучительным, чем для меня первый выстрел в крокодила.

— Итак, ранхаги** Томбазара, вы хотите сказать, что ореол священного пращура над крокодилом развеяли деньги? — удивился я столь диалектическому выводу первого попавшегося мне торговца.

— А кто же еще? — развел он руками. — Никто не хотел портить отношения с предками, а следовательно, и собственное «будущее» после смерти, когда за убитого крокодила я предлагал пол-ариари. На эти жалкие гроши подсластить себе земное существование было невозможно. Но когда лет двадцать тому назад крокодиловая кожа вошла в моду, и я получил возможность дать антануси в двадцать-тридцать раз больше, чем предлагал раньше, они задумались: а почему бы не воспользоваться благами жизни сегодня, не дожидаясь смерти?! Вчерашние почитатели крокодилов превратились в их яростных врагов. Сейчас ажиотаж вокруг крокодиловой кожи прошел, я плачу охотникам опять немного. Но религиозный страх пропал, появился здравый смысл. Поэтому сегодня, пусть с некоторым опозданием, кое-где антануси бьют крокодилов из мести за своих матерей и сестер, по сути дела принесенных в жертву культу предков. Так деньги победили духов...

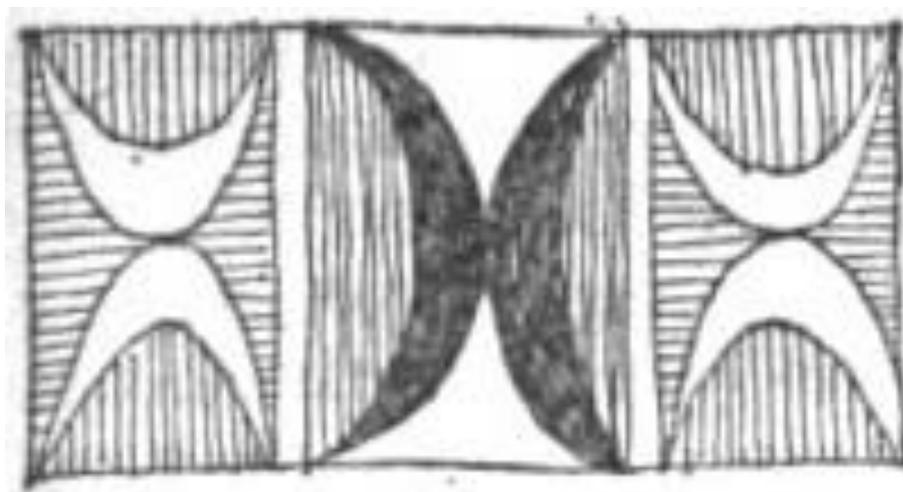
Уже начало светать, когда, попрощавшись с Томбазара, я вышел на улицу. Луч еще не появившегося из-за тананаривских холмов солнца застрял на шпилях дворцов Рувы. Ожил

* Ариари (малаг.) — старое название национальной денежной единицы на Мадагаскаре. Один ариари равен пяти колониальным франкам.

** Ранхаги (малаг.) — почтительное обращение к мужчине на Мадагаскаре.

зеленый рынок Аналакели. Вынесли свой пестрый товар цветочники, оставив тротуары корзинами с розами, магнолиями, гвоздиками. Продавцы овощей и фруктов раскрыли над своими рядами белые зонтики-восьмигранники, одинаково хорошо предохраняющие как от дождя, так и от солнца. Огромное количество зонтов, но теперь уже разноцветных, замелькало по базару с появлением первых покупателей. Гигантское торжище при дневном свете выглядело еще ярче и необычнее. Нигде в Африке, несмотря на все мое пристрастие к посещению рынков, я не видел ничего более грандиозного, чем большой зума Тана.

Уроки топонимики и истории

Наутро в десять раздался телефонный звонок: по рекомендации М. Ракатубе мне разрешен доступ к собранию исторических документов Академии наук. Известный малагасийский историк и филолог профессор Раджемиса-Раулисон, а также архивариус и переводчик месье Ракуту уже ждут меня.

Несмотря на то, что я был наслышан о высоком уровне печатного дела и обилии источников по истории Мадагаскара, увиденное в академической библиотеке меня поразило. Первые письменные рукописи «Сура-бе («большое письмо») относятся к началу XVII века. Они написаны на малагасийском языке арабским алфавитом, содержат тексты религиозного содержания, реже — светские поэмы и, как объяснил мне переводчик, расшифровываются с большим трудом. Однако в 1835 году в Тананариве была создана первая типография, и с тех пор в столице начали появляться книги на малагасийском языке, набранные латинским шрифтом. В 1866 году на острове начал издаваться первый журнал «Тени шуа» («Доброе слово»), в 1872 году была предпринята попытка организации первой газеты. Однако особое место среди этих сокровищ малагасийской культуры занимали, бесспорно, «Анналы истории» — фолианты объемом более тысячи страниц каждый, с мельчайшими подробностями повествующие о богатом прошлом мальгашей.

С энтузиазмом принялся я знакомиться с историей Мадагаскара, даже не подозревая о тех «экзотических» трудностях, которые подкарауливали меня с первых же шагов. Главной из них оказались трудно произносимые и фантастически длинные имена действующих лиц малагасийской истории и географические названия, которыми с завидной легкостью сыпал Ракуту. Я старался запоминать их, переспрашивал и записывал. Как видно, мое усердие воодушевляло переводчика, так как минут через пятнадцать он уже выпалил без запинки: «Перед смертью царь Андриампанаривофонаманудзака разделил свое царство между четырьмя сыновьями. Андрианавалонимерина обосновался в Амбохидрабиби, Андриантомпонимерина — в Амбохидратримо, Андриандзаканаваломбандимби получил юг Имерины, в то время как Андрианцимитовиаминандриандзаке досталась Амбухиманга».

Я понял, что переспрашивать бесполезно, и поинтересовался, как это Ракуту запоминает подобные цепочки слогов.

— Если бы это были бессмысленные цепочки, как вы их воспринимаете, я бы, наверное, тоже запутался. Но для малагасийца эти имена полны смысла, потому что их состав-

ные части соответствуют живым словам нашего языка. Так, вы заметили, наверное, что имена всех названных мною царей и принцев начинаются с «Андриана». Так звали общего мифического духа — предка малагасийцев, почитавшегося богом. Этот же термин употреблялся и в значении «суверен». Включая слово «Андриан» в свое имя, цари и крупные феодалы хотели подчеркнуть величие своей власти, ее общность с духом предка. Когда же примерно в тысяча трехсотом году в центральной части Мадагаскара впервые появился сильный правитель, подчинивший себе соседних феодалов, он избрал себе имя Андриаманеринерве — «возвысившийся повелитель».

— А что, таким же образом можно истолковать и географические названия острова? — поинтересовался я.

— Конечно. Когда первые малагасийцы с побережья проникли в горные районы, где сейчас находится Тана, кругом простирались непроходимые леса, скрывавшие коварные глубокие ущелья и изобиловавшие гигантскими птицами и лемурами. Пробираясь через эти загадочные леса, где нашим суверенным предкам на каждом шагу чудились духи, было необычайно трудно. Поэтому вновь открытую для себя горную страну они назвали...

— Имерина, — решил проявить я свою эрудицию.

— Совсем нет, — улыбнулся Ракуту. — Они назвали Бемихисатр — «там, где нужно преодолеть много препятствий». А главным препятствием для этих людей, засевавших большие площади под рис, был лес. Вооруженные лишь каменными топорами, они вскоре поняли, что их единственным помощником в борьбе с наступающей на их поля дикой растительностью может быть огонь. Над Бемихисатром запылали пожары, зародилась столь характерная для нашего острова земледельческая система — тави, подсечно-огневая система. К тысяча трехсотому году лесов в центральной части острова уже осталось так мало, что она получила название Имерина — «страна, где видно далеко». Жители же ее присвоили себе название «мерина» — «народ, живущий наверху». Тропические заросли, предохранявшие от набегов соседей, остались лишь в самом сердце Имерины, где была спрятана династическая столица королей Амбухиманга — «та, что среди голубых холмов».

— Теперь, когда топонимика обретает смысл и помогает уяснить историю острова, постичь ее становится несколько легче, — сказал я.

— Ну что же, тогда продолжим... В самом начале шестнадцатого века столица Имерины была перенесена в Антананариву — «землю тысячи», названную так в память размещенного здесь королем тысячного войска. Уже тогда солдаты были вооружены дротиками из железа, которое мерина научились плавить столетием раньше. А во второй половине шестнадцатого века мы имели ружья.

Одновременно крестьяне получили железную лопату-заступ ангади. Это дало возможность осуществить вокруг Тана колоссальные по своим размерам ирригационные работы, отвоевать у природы под рисовые поля огромные площади и сделать район столицы житницей царства.

— Но ведь для проведения подобных работ, равно как и для того, чтобы снабдить всех солдат оружием, а крестьян — железными лопатами, уже в восемнадцатом веке надо было иметь хорошую производственную базу? — поинтересовался я.

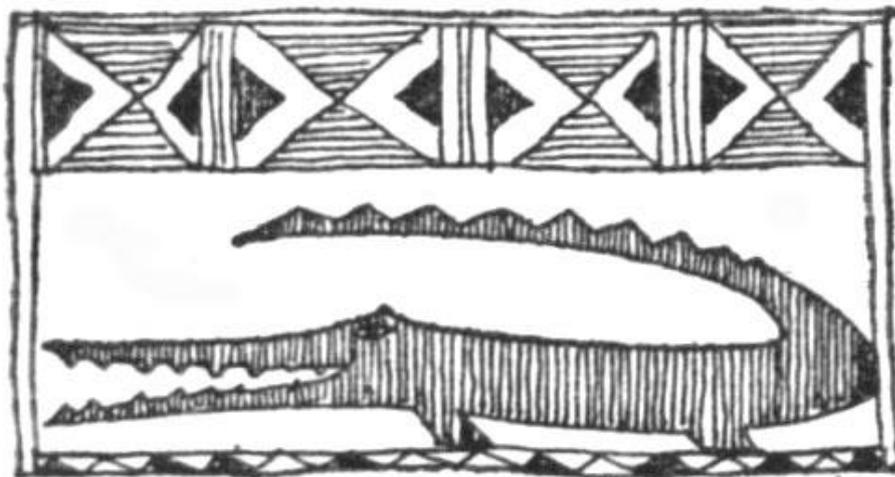
— И она была создана, — включается в нашу беседу Раджемиса-Раулисон. — Начало быстрого экономического развития острова, по времени совпавшее с объединением под властью Имерины всех горных районов центрального Мадагаскара, связано с Андрианампуйнимерином — «правителем, которого желает вся Имерина». Именно при нем границы Имерины достигли моря, и это именно ему принадлежит идея о необходимости объединения всех мальгашских племен в рамках единого государства. «Ny riaka no valamparihiko» («Мое рисовое поле не имеет других границ, кроме океана»), — говорил он. Андрианам-

пуйнимерина начал выписывать мастеров из арабских стран и создал первые цеховые корпорации ремесленников — кузнецов, оружейников, плотников.

— Сам Андрианампуйнимерина, правда, был неграмотным, — отрывает меня от пожелтевших страниц профессор. — Однако, увидав как-то свитки Сура-бе, привезенные с не подвластного тогда еще Имерину севера острова, король тотчас же понял значение грамотности и письма. Вот рукопись тех времен, рассказывающая о дальнейших событиях. Андрианампуйнимерина тотчас же послал на север к королю племени антаиморо посольство, выписав от него в Тана одиннадцать знаменитых книжников-мусульман. Именно им суждено было стать наставниками его сына, короля Радамы Первого — величайшего реформатора Мадагаскара.

— Однако, — смотрит на часы Раджемиса-Раулисон, — о нем мы поговорим в следующий раз. В субботний вечер у нас не принято засиживаться на работе до темноты.

За стенами Амбухиманги

В воскресенье я уехал в Амбухимангу — древнюю столицу Имерины, колыбель малагасийской культуры. Ее создали на заре возвышения государства мерина на одном из двенадцати священных холмов, окружающих Тана. Город пережил блеск и величие, уступив затем лавры первенства новой столице. Но, как говорят легенды, Андрианампуйнимерина предпочитал Тане тихую Амбухимангу, превращенную им в свою загородную резиденцию, в центр проведения ритуальных церемоний. Именно поэтому, наверное, еще сто лет тому назад европейцам запрещали даже приближаться к «той, что среди голубых холмов».

Дорога туда идет мимо островерхих домиков крестьян, то будто бы плывущих среди заливных рисовых полей, то жмущихся к склонам холмов. Следы многовековой борьбы огня с лесом налицо. На месте сведенных лесов совсем недавно высажены эвкалипты; однако они не в состоянии остановить процессы эрозии, вызванные тави. Проезжая, мы видели большие промоины на террасированных полях, рывины и борозды на склонах гор и обнажившуюся красную, как запекшаяся кровь, землю тропиков. Несмотря на воскресный день, поля пестрят людьми. Крестьяне пытаются засыпать промоины, остановить воду, уберечь урожай.

Повсюду рядом с людьми по уши в терракотовой воде лежат зебу. Они же медленно бредут по дорогам, запряженные по три, по четыре в груженные доверху арбы. Такого не увидишь в Африке, где деревня все еще не знает колеса. А у малагасийцев еще средневековые правители ездили на колесницах.

Нынешняя Амбухиманга всего лишь небольшая деревенька. А рядом — превращенная в исторический заповедник цитадель. Архаической, сказочной архитектуры дворцы королей и дома приближенных, окруженные лесом из вековых фиговых деревьев, перевитых лианами, увешанные нежными орхидеями, бородастыми лишайниками. Такой лес растет только на Мадагаскаре, и есть в нем тоже нечто архаическое, сказочное. Потом в одном из путеводителей я прочел, что лес этот — «замечательная реликвия, дающая представление о величии древних лесов острова». Фиговые леса считались священными и всюду окружали жилища королей Имерины.

Сегодняшний день с его суетой и шумом остается на опушке этого леса. Здесь надо оставить автомобиль и взбираться на Руву пешком по выбитой в течение веков бесчисленными ногами каменной тропинке, которая жмет к рыжевато-желтой стене, окружающей дворцы. Она еще крепка, эта стена, и цвет ее был таким еще при королях, потому

что камни и краски Амбухиманги скреплены раствором, замешанным на яичных белках и лимонном соке.

Тропа оканчивается у ворот, которые раньше на ночь закрывались огромным каменным диском, который подкатывали сорок слуг. А за воротами — еще более узкий проход, просматривающийся и простреливающийся, недоступный врагу. Его называют Амбавахадитсиомбиомби — «там, где волю пройти не могут». Мимо островерхих домов, украшенных затейливой резьбой, тропа ведет вверх, к огромному фиговому дереву, обложенному камнем. Под ним творил суд Андрианампуйнимерина.

В первые годы его правления суд, как исстари повелось у мерина, проводили с помощью кур, представляющих истца и ответчика. При большом скоплении народа, стекавшегося на «божий суд», которым руководил сам король, курицам вместе с зерном давали истолченные кусочки ядовитого ореха тангуин.

Виновным оказывался владелец той курицы, которая погибала первой. В зависимости от того, как долго умирала птица, как протекали конвульсии и по направлению к какой стороне света легла ее голова, советники-колдуны подсказывали Андрианампуйнимерине меру наказания виновного.

Однако, когда власть короля усилилась, он начал подвергать испытанию ядом не кур, а самих ответчиков...

Широкая лестница из массивных каменных плит ведет к вымощенной растрескавшимся плитами площадке, где Андрианампуйнимерина обычно объявлял свои решения, распределял зебу среди вассалов и наблюдал за красочными церемониями «подношения подарков», которые свозили ему со всей Имерины подданные, нарядно и пышно разодетые. Двенадцать идолов, высеченных из огромных стволов розовых палисандров, обрамляли эту площадь.

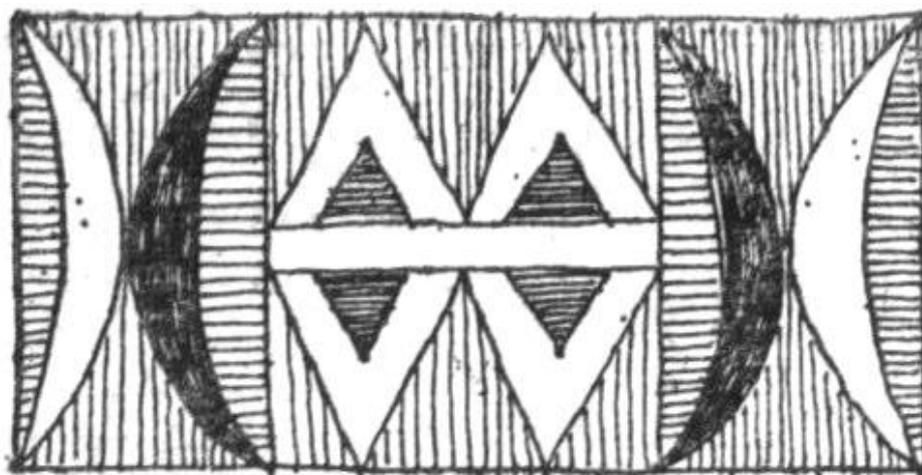
Судя по грубо сработанному деревянному дому Андрианампуйнимерина, король был аскетом. Его комната выстлана циновками, на полках вдоль стен стоят простые деревянные и керамические сосуды. В углу, напротив двери, под самым потолком, нечто вроде помоста, укрепленного на толстых сваях. Так, согласно традиции, должно было выглядеть ложе монарха, который, проводя ночь под потолком, получал возможность приблизиться к предкам.

Отвесные лестницы и подвесные балюстрады, украшенные кружевом деревянной резьбы, соединяют этот скромный дом с более поздними постройками, в которых жили наследники Андрианампуйнимерины. В одной из комнат — подарки, присланные им Наполеоном, Викторией, папой римским. Могущественные правители Европы обычно говорили с Африкой языком «канонерок». Но было время, когда с Имериной они обращались как с уважаемым партнером. Посылали в Амбухимангу своих послов. Добивались расположения коронованных обитателей Рувы.

Безвестные малагасийские архитекторы поставили дворцы Амбухиманги так, что из каждой ее комнаты открывался свой, неповторимый вид на уходящие вдаль горы, еще сохранившие вокруг священной столицы Имерины свой лесной наряд. В жаркие и безветренные дни эвкалипты и фикусы в изобилии выделяют эфирные масла, которые, обволакивая холмы, придают им голубоватый оттенок. Не зная ничего об эфирах, мерина тем не менее подметили это явление, окрестив холмистую равнину Аналамангой — «голубым лесом».

В сумерках, когда смазались контуры деревьев, голубизна леса превратилась в синеву и холмы Аналаманги вдруг напомнили мне застывшие волны древнего моря...

И снова голос библиотечных фолиантов

— Говорят, что король Радама Первый любил сравнивать себя с Наполеоном Первым. Смотришь в зеркало, присланное ему в подарок императором французов, он находил в своих чертах много общего с великим сыном Корсики и всегда подчеркивал, что оба они родились на островах. Однако если отвлечься от этих внешних совпадений, то следовало бы, пожалуй, сравнивать Радаму Первого с русским царем Петром Первым — так неожиданно для меня начал нашу вторую встречу в библиотеке Ракуту.

— Вы удивлены? — улыбнулся он. — Конечно, но только до той поры, пока не узнали о реформах нашего короля. Подобно Петру, Радама своевременно понял значение моря и дал Имерине выходы к восточному и западному побережьям, сделав возможным регулярную торговлю с развитыми странами. Затем вопреки сопротивлению ретроградов он прорубил Мадагаскару окно в Европу, выписал оттуда искусных мастеров, а себя окружил учеными. Вот, смотрите — отрывок из «Тантара ни Андриана», запечатлевший слова Радамы: «Так знай, мой народ, причину, которая побуждает меня призвать европейцев: я хочу создать армию. Иностранцы подготовят наших солдат и предоставят нам современные пушки, ружья и пули». Согласитесь, что мотивы Радамы мало чем отличаются от петровских. Сравнение можно продолжать: Петр Первый брил бороды боярам, принуждал их одеваться в европейские камзолы, а Радама Первый запрещал знати носить сословные украшения. Подобно русскому царю, он повсеместно насаждал грамотность. В начале прошлого века один из французских миссионеров писал: «В Тананариве, да и вообще в Имерине, все стремятся научиться читать. В школы ходят даже старухи». В тысяча восемьсот двадцать шестом году уровень образования был уже настолько высок, что королевский двор уволил глашатаев и приказал вывешивать свои указы прямо на стенах городских домов, чтобы все могли читать их.

Радама Первый запретил работорговлю, а рабов, которых больше не вывозили с острова, приказал использовать на государственных работах. Были построены первые дороги, каналами соединены некоторые порты восточного побережья, проведена нивелировка целых равнин. В тысяча восемьсот двадцать шестом году начал работать первый сахарный завод. Конечно, технология на всех этих предприятиях была европейской. Однако уже тогда многими отраслями руководили малагасийцы.

Наконец, так же, как и после смерти Петра, на мадагаскарский престол была возведена женщина, Ранавалуна Первая, которая была женой и двоюродной сестрой великого Радамы.

Ее привели к власти круги, выступавшие против отмены работорговли и поддерживаемые французами. Привели в нарушение традиций мерина, запрещавших женщине занимать «престол предков». Поэтому придворная камарилья пустилась на невиданную махинацию: Ранавалуна была объявлена «лицом мужского пола», а все двенадцать жен ее бывшего мужа названы ее «супругами». Вот видите — хроники тех лет. Во многих из них речь о Ранавалуне идет в мужском роде.

Подобный оборот событий пришелся не по вкусу купцам и ремесленникам, которые пользовались поддержкой англичан и при Радаме Первом выдвинулись на ведущие государственные посты. Чтобы успокоить влиятельное торговое сословие, был достигнут еще один не менее парадоксальный компромисс: отныне королева, отбросив сословные запреты, начала выбирать себе официальных любовников из числа купцов. Естественно, что любовники эти получали высшие государственные посты. А поскольку в будущем на престоле Имерины почти все время находились женщины, родилась своеобразная традиция: премьер-министр и любовник королевы в одном лице.

Экономическое развитие острова, подготовленное смелыми реформами Радамы Первого, продолжалось еще более стремительными темпами, поскольку королева понимала, что только быстрый прогресс во всех отраслях может обеспечить ей независимость от Франции и Англии. Около двадцати тысяч человек участвовало в строительстве оружейного завода. В тридцатых годах малагасийцы задули свою первую доменную печь, создали предприятия по выплавке меди и производству стекла. Огромное количество металлических изделий — начиная от пушек и кончая иголками — уже производилось на острове! В Ивундру целиком из местных материалов было построено первое малагасийское парусное судно.

Осознавая свои силы и возможности, Ранавалуна вступила в смелую политическую игру с Европой, которая все настойчивее проникала на остров, и заставила западные державы уважать права Имерины как независимого государства.

И тут я вновь разрешу себе прибегнуть к аналогиям: в преемнике Ранавалуны, ее сыне Радаме Втором, мне во многом видятся черты российского императора Павла Первого, — немного помедлив, продолжал Ракуту. — Это был человек слабый, истеричный, рано познавший разврат. Но главной его чертой было раболепие перед всем иностранным и любовь к муштре. Самое умное изречение Радамы Второго касается его же самого. «Я напоминаю себе барана с железной головой», — любил повторять он. Именно он предоставил иностранцам первые земельные концессии, отменил пошлины на европейские товары, дал французам право свободно передвигаться по острову и создавать свои фактории.

Все эти уступки били в первую очередь по могущественному купеческому сословию, начавшему из-за отсутствия поста любовника-премьера при Радаме сдавать свои позиции. И тогда купцы подняли против «барана с железной головой» крестьянские массы. Их движение имело сугубо специфические черты, уходящие своими корнями в культ предков. Во главе его стояли «раманендзаны» — «те, кто одержим духом покойной королевы». Они разъезжали по деревням и, разыгрывая одержимых, исступленно проповедовали, что молодой король предал политическое завещание Ранавалуны, что он хочет отдать Имери-ну иностранцам. Появились листовки, написанные от лица «страдающих предков». В них говорилось, что предки вышли из своих гробниц и объявили Радаму Второго недостойным короны.

Восьмого мая тысяча восемьсот шестьдесят третьего года толпы народа и солдат ворвались на Руву и удушили Радаму Второго шелковым шнуром.

Сейчас, взирая на прошлое, два года правления Радамы Второго представляются своего рода антрактом между теми историческими свершениями, которые были достигнуты малагасийцами при его великих предках, и теми огромными экономическими и культурными завоеваниями, которые ждали Мадагаскар впереди, — рассказывает Ракуту. —

Прежде всего была сделана уступка городским слоям, устранившим «барана на троне». Его жена, возведенная на престол под именем Разухерины, была ограничена конституцией и лишена божественного права. Суд ядом тангцун был отменен, слово мпандазаки потеряло силу закона, который отныне формулировали представители правящего класса купцов и феодалов. Таким образом, подлинная власть перешла от королевы к ее любовнику — премьеру Райнилайяривуни. Он был хитрым и мудрым политиком. Это видно хотя бы из того, что эти оба своих поста он сумел сохранить и при преемницах Разухерины — королевах Ранавалуна Второй и Ранавалуна Третьей.

Их царствование, а вернее, годы правления Райнилайяривуни были наиболее трагическим периодом истории Мадагаскара. Хотя Имерина и оставалась феодальной страной, повсюду быстрыми темпами шло развитие промышленности и ремесел, появились первые крупные плантации.

— Я не хочу утруждать вас статистикой, но, чтобы не показаться голословным, все же назову несколько цифр тех лет, — говорит Ракуту, протягивая мне старые журналы. — Вот, смотрите: только в тысяча восемьсот семидесятом году медицинская помощь на острове была оказана двумстам тысячам человек. Правда, немало для африканской страны? Посмотрите также «Антананирив энноэл» за тысяча восемьсот восемьдесят второй год. Во-первых, сам по себе он свидетельствует о том, что уже в то время в Тана издавалась литература не только на малагасийском и французском, но и на английском языке. Но главное — вот здесь. Ежегодник сообщает, что в школы острова ходили сто сорок семь тысяч учащихся. В тысяча восемьсот семьдесят шестом году обучение на Мадагаскаре было объявлено бесплатным и обязательным. И это уже не общеафриканский, а мировой рекорд! Франция во всяком случае решилась на аналогичную школьную реформу лишь спустя шесть лет!

В тысяча восемьсот семидесятом году Ранавалуна Вторая писала английской королеве Виктории: «Моя страна не является частью ни Европы, ни Азии, ни Африки. Это остров среди морей, и, если его оставят в покое, он будет продолжать идти по пути прогресса во всем, что касается блага, торговли и цивилизации».

Однако «остров среди морей» не оставили в покое. За необычайно короткий исторический срок его народ добился огромного прогресса. Но срок этот, повторяю, был слишком короток для того, чтобы получить возможность противостоять Франции. Поэтому, стараясь выиграть время, малагасийская дипломатия шла порой на серьезные уступки Парижу.

Так, чтобы возместить Франции потери от разорванного мальгашами торгового договора, правители Рувы согласились выплатить компенсацию в один миллион двести тысяч франков. Чтобы перенести пятьсот ящиков с серебряными пиастрами на эту сумму, понадобилось две тысячи носильщиков! В тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году правительство разрешило французам открывать в Тана свои лавки; примечательно, что в них продавали спиртное. В тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году было принято христианство. Ранавалуна Вторая взошла на престол, держа в руках библию, и тотчас же издала указ об уничтожении идолов Амбухиманги. Тогда же были сожжены королевские талисманы — сампи. По всей стране запылали аутодафе, в которых сгорели священные книги и арабо-малагасийские рукописи, без которых многое в нашей истории остается неясным.

В связи с началом французских территориальных захватов на острове особенно остро встал для малагасийцев вопрос о земле, которая была для них священной землей предков. В своей политике даже последние королевы исходили из принципа: «Мадагаскар не является землей предков для иностранцев» — и всячески противились переходу под европейский контроль хотя бы и пяди малагасийской территории. Именно угроза территориальной целостности земли предков, порожденная колонизаторами, способствовала росту национального самосознания малагасийцев, их консолидации в единую нацию.

Очень интересен в этом отношении ответ, который направил французам, требовавшим в восьмидесятых годах прошлого столетия уступки северо-западных провинций, генерал Райнандриаманпандри. «Вы требуете от меня ответа, какую часть острова я согласен уступить, — писал он. — Но это все равно, как если бы вы спросили, какую часть моей руки я согласен отрезать. Я ничего не хочу отрезать. Все ее части мне одинаково дороги. Возьмите ту, которую вы пожелаете, если вы сильны».

Империалистическая Франция пожелала «взять» весь остров. В апреле тысяча восемьсот девяносто пятого года войска захватчиков высадились на Мадагаскаре. Деморализованные нападением, правящие круги Имерины возлагали теперь основные надежды на лес и лихорадку, способные задержать французов. Однако первого октября, несмотря на сопротивление армии и народа, пал Антананариву. Шестого августа следующего года Франция объявила Мадагаскар своей колонией. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году была сослана на Реюньон последняя королева мальгашей — Ранавалуна Третья. Столь стремительно начавшееся развитие Мадагаскара было прервано, — закончил свой рассказ Ракуту.

«Цветок, оторванный от стебля»

Но смирился ли Мадагаскар? Выйдя из Академии, я прошел мимо мрачного здания кафедрального собора столицы, построенного именно на том месте, где французы выторговали себе первую земельную концессию в Тана, и по крутым улицам-ступенькам поднялся на Руву. Ворота Андафиваратра — величественного дворца правительниц Имерины, охраняемые стражниками в экзотических нарядах, оказались открытыми, и я без труда прошел в музей, разместившийся в королевских покоях.

В безлюдном парадном зале было полутемно и пустынно. Огромные портреты владык Мадагаскара, смотревших на меня со всех сторон суровым взглядом, украшали его стены. Лишь Радама I улыбался загадочно и мудро, уверенный в своей исторической правоте и силе. Силу эту великий реформатор острова видел в связи власти с народом. Это ему принадлежат полные символического смысла слова: «Великие — это как бы голова народа, а малые похожи на стебли травы; цветок держится только на стебле. Так же и великие должны быть едины с малыми».

Картинная галерея малагасийских королей — интересная иллюстрация того исторического развития, которое пережила власть на Мадагаскаре. Первый правитель Имерины — Андрианампуйнимерина, изображенный художником в простой народной ламбе и с копьем в руках, перед тем как принять решение, собирал «кабари» — многочленные собрания общинников, на которых обсуждались предложения монарха. Последняя королева острова — Ранавалуна III, облаченная в пышный викторианский наряд и увенчанная короной, сделанной парижскими ювелирами, уже не делилась властью с народом и пыталась навести в своей стране порядок с помощью полицейских и осведомителей...

По мере стремительного социально-экономического развития Мадагаскара его общество все больше и больше приобретало классовые черты. Ведь недаром же в русской до-революционной литературе жителей центральной части острова огульно именовали «хувами». Так на Мадагаскаре называли лично свободных крестьян. Большая часть хувов, задавленных барщиной, налогами и отработками в пользу государства, с годами все больше разорялась и нищала, меньшая, получившая возможность воспользоваться благами технического прогресса, выбивалась в купцы, плантаторы, предприниматели.

Хувы составляли подавляющее большинство населения острова, что и подтолкнуло первых русских авторов называть хувами всех малагасийцев. Однако над хувами на социальной лестнице стояли андрианы — аристократы, владевшие большими угодьями, но освобожденные от налогов и воинской повинности. Именно союз двух правящих сил Ма-

дагаскара — андрианов и разбогатевшей верхушки хувов — отражал одиозный на первый взгляд тандем королева — премьер-любовник. Наиболее угнетаемой группой малагасийского общества были рабы — анадеву. За неуплату налогов или долгов в раба могли превратить и свободного хува. Тогда его называли заза-хува.

Помпезный Андафиаваратра, который мог бы украсить любую европейскую столицу, являл собой прекрасный пример тех социальных контрастов, которые разъединяли высшую власть с семьюдесятью тысячами обитателей народных кварталов Тана, ютившихся в глинобитных лачугах. Чтобы построить этот дворец, из Аналаманги перетащили и внесли на самую верхотуру Рувы гигантское сорокаметровое бревно. Для этой адовой работы потребовалось ни больше и ни меньше, как четыре тысячи хувов и андеву, которым в день давали лишь по мерке риса. За счет «общественных работ» был построен по соседству и дворец выскочки-премьера. Его появление на священном холме расценивалось как вызов традициям предков и стало для народа символом постыдного адюльтера, узаконенного обитателями Рувы.

Сам премьер Райнилайривуни, за 30 лет правления страной превратившийся в преуспевающего буржуа, пользовался в народе все меньшей популярностью. Это по нему и ему подобным была городская пословица тех времен: «Богатый хув хуже небогатого андриана».

Правительство «богатого хува», тратя огромные средства на закупки вооружения и промышленного оборудования, вводило все новые и новые виды барщины, ненавистной крестьянству. В то же время армия, которой столь гордился Радама I, находилась в плачевном состоянии из-за разлагавшей ее семейственности и коррупции. Зачастую экспортируемое из Европы оборудование не приносило никакой пользы, поскольку попадало на плантации или даже в цеха, где использовался труд рабов, абсолютно не заинтересованных в увеличении производительности труда.

Вместо отмены рабства премьер пытался сохранить его с помощью укрепления полиции и увеличения числа надсмотрщиков. По мнению французского ученого Г. Шапю, посетившего Мадагаскар в конце прошлого века, основной чертой этого времени на острове было бросающееся в глаза имущественное неравенство. «В то время как меньшая часть населения была очень хорошо одета, огромное большинство было одето очень плохо либо совсем не было одето», — констатирует он.

По всей стране поползли мрачные слухи, поскольку печать сообщала лишь о военных и дипломатических успехах Мадагаскара, тогда как жители побережья все чаще становились свидетелями обратного. В этой нервной обстановке премьер делался все более подозрительным, уделяя основное внимание предотвращению мнимых и реальных заговоров против его правительства. Отступив от мудрого совета великого Радамы, он допустил, чтобы «цветок оторвался от стебля». Потеряв связь с народом, он лишился и популярности, и влияния.

Таким образом, малагасийское государство, сделав первые шаги на пути развития капитализма, завязло в то же время в болоте феодальных отношений и переживало острейший социальный кризис. Общество мальгашей было расколото на антагонистические классы, правящая верхушка, скомпрометировавшая себя в глазах народа, не нашла в себе сил поднять массы на борьбу с колонизаторами.

Однако присущий малагасийцам дух национального единства вскоре вновь собрал их вместе под знамена освободительной борьбы. Вот запись очевидца событий конца XIX века француза Шарля Делорба: «Нужно было видеть опустевшие деревни и военные лагеря, созданные в центре недоступных плато, куда спешили люди, покинувшие свои родные очаги. Особенно большое впечатление производило то, как в этих лагерях братались вчерашние хозяева и освобожденные рабы, сплоченные единой ненавистью к нам».

На одном из музейных стендов мое внимание привлекла пожелтевшая от времени обложка парижского «Ля пети журналъ» за 1896 год. Французские экспедиционеры расстреливали людей во фраках, расшитых золотыми позументами. Это была сцена казни малагасийских министров-патриотов, приказ о которой отдал генерал Галлиени, незадолго до назначения на пост губернатора в Антананариву, потопивший в крови народные восстания в Индокитае и Западной Африке.

Против захватчиков поднимались целые города, районы, провинции. В центральной части острова началось партизанское движение. В знак скорби по потерянной их родиной независимости патриоты носили траурные (а у мальгашей они красного цвета) одеяния — меналамбы, отчего их движение вошло в историю под названием «Меналамба». По соседству, на землях бецилеу, вновь возродилось движение раманендзанов.

На востоке, в стране бецимисарака, поднялся крестьянский мятеж, участников которого французская печать окрестила «фахаваями» — разбойниками. «Чтобы ликвидировать фахавалу, — прочитал я в музее выдержку из книги французского публициста Савароны, — солдаты уничтожали урожай, обрекая население на голод... У входа в деревни устанавливали колы с насаженными на них головами, которые систематически меняли, поскольку казни совершались чуть ли не ежедневно».

В борьбе против захватчиков, от голода, болезней и разрухи, принесенных французами в первые же годы колонизации, погибли 700 тысяч человек, или четверть тогдашнего населения Мадагаскара. Страшная цифра!

Дорога через плато

А как живет сегодня край легендарных и смелых фахавала? Этот интерес к стране бецимисарака подогрели во мне и все те, с кем я разговаривал в Тана. «Бецимисарака — народность с самобытной культурой, оригинальными обычаями, гостеприимная и общительная. Не побывать там — значит не увидеть Мадагаскара», — говорили мне мои собеседники.

Ранним утром арендованный в Тана «рено», управляемый разговорчивым Рафирингой, миновал красные холмы и изумрудные долины столичных пригородов, ворвался на шоссе и понесся на восток. «Несся» он, правда, недолго. Через каких-нибудь полчаса асфальт кончился. Дорога начала крутить серпантин, то падая в просторы широких аллювиальных равнин, то поднимаясь к вершинам холмов, увенчанных базальтовыми останцами, огибала столовые горы, пересекала вспухшие от тропических дождей красные реки, над которыми чудом удерживались хлипкие мосты, обрывалась у паромов.

Вскоре я понял, что Центральное, или Высокое, плато Мадагаскара выглядит как плато лишь на картах, да и то крупного масштаба. На самом же деле время, ветры и вода основательно разрушили эту древнюю кристаллическую глыбу, отделившуюся от Гондваны. Сторонники существования этого гипотетического материка полагают, что Гондвана распадалась постепенно в результате неравномерного опускания отдельных частей суши. На каком-то этапе от Гондваны, где тогда царствовали сумчатые — самые высокоразвитые по тем временам животные, откололась Австралия. Эволюция животного мира на Гондване продолжалась и дальше, в то время как отделившаяся Австралия, так и осталась царством первобытных зверей Земли, своего рода музеем живых ископаемых.

Прошли миллионы лет, эволюция животного мира шагнула так далеко, что на Гондване появились полуобезьяны — лемуры. И тогда новые катаклизмы вновь потрясли материк-гигант: разломы отделили от нее индо-мадагаскарскую часть, которая получила название Лемурии, а затем выделилась Африка и ранее отколовшийся от нее Мадагаскар. В Индостане и Африке с их огромным разнообразием ландшафтов и широкими естественными контактами с другими континентами эволюция животного и растительного мира продолжалась и дальше. А Мадагаскар благодаря своей островной изоляции превратился во второй после Австралии естественный палеонтологический музей, в царство примитивных полуобезьян. В Остров лемуров...

Следы того, в каких тектонических муках проходило отделение Мадагаскара, видны вдоль нашей дороги повсюду. По берегам бурных рек, водопадов и в узких долинах, чле-

нящих эту глыбу на обособленные плато и массивы (по ним-то и петляет шоссе), очень часты выходы метаморфизированных кварцитов или сланцев, порою принявших почти вертикальное положение. Это свидетели очень сильной складчатости, которая поставила древние породы почти перпендикулярно к современной поверхности. В других местах поверх сланцев, словно гигантская броня, лежит черный панцирь изверженных базальтов, перемежающихся кое-где с гранитами и диабазами. Хотя сейчас вулканы Мадагаскара спят, в прошлом остров был очагом довольно сильной вулканической деятельности. На севере плато землетрясения не редкость и до сих пор.

Однако самыми опасными на этой дороге оказались не горы, а глубокие, слегка вогнутые равнины, расположенные на уступах, которыми плато опускается к океану. Чем дальше на восток, тем влажнее делается климат и тем чаще эти равнинки превращаются в болота или просто месиво красноватой грязи.

Там, где на разбухшей от дождя дороге образуются опасные откосы, — толпы народа. Здесь водители завязших грузовиков сутками ожидают улучшения погоды, но большинство этих людей составляют юноши из придорожных деревень. Они в этой лесной глуши нашли неожиданный заработок — помогают автомашинам преодолеть трудные участки. Не знаю, как надолго застряли бы мы в гигантских лужах плато, если бы не эти парни, которые несколько раз буквально на руках выносили наш «рено» из месива красной глины. Короче, 350-километровый путь, который, судя по карте, мы собирались преодолеть за пять часов, отнял у нас двое суток.

Заночевали мы в первой попавшейся придорожной деревеньке лесорубов, принадлежащих к малочисленному малагасийскому народу безанозану. Кое-кто из буржуазных ученых отказывает им в праве на существование в качестве самостоятельной этнической единицы. Они утверждают, что, зажатые между двумя наиболее многочисленными народами острова — мерина и бецимисарака, — шестьдесят тысяч безанозану уже давно потеряли свою самобытность, смешавшись с соседями. Однако безанозану, которых считают потомками древних поселенцев острова, упорно не хотят исчезать с этнографической карты Мадагаскара. В качестве главного своего отличия от соседей они указывают на... замысловатые прически, от которых произошло название «безанозану» — «те, кто заплетает много маленьких косичек». Косы здесь носят и мужчины, и женщины, причем, чтобы безанозану окончательно не потеряли «свое лицо» и не растворились среди соседей, их старейшины запрещают соплеменникам показываться на дорогах без традиционной прически.

Хотя селение «людей с косичками» было совсем небольшим, даже в нем оказался «дом для гостей». Это была не платная гостиница, а построенная сообща, всеми обитателями деревни, в соответствии с канонами малагасийского гостеприимства хижина, в которой свободно может останавливаться любой заезжий. Рафиринги притащил откуда-то чистые циновки и связку бананов, и мы, наскоро перекусив, уснули как убитые.

Однако среди ночи какие-то звуки, напоминавшие шуршание сухих листьев, разбудили меня. Зная, что в этой части Мадагаскара нет никакой ядовитой живности, которой следовало бы опасаться, я долго не хотел вставать. Однако шуршание продолжалось, и любопытство взяло верх.

В луче карманного фонаря у недоеденной грозди бананов я разглядел двух умильных бесхвостых созданий с острой мордочкой, покрытых вперемешку шерстью, щетиной и иголками. Испугавшись света, они подняли свои иглы, отчего над головами у зверьков образовались занятные хохолки.

От радости и удивления я даже вскрикнул. Тенреки! Первое живое ископаемое Мадагаскара, с которым мне посчастливилось встретиться. Зверьки, которых ученые по внешнему облику считают особенно похожими на самых древних из высших животных, появившихся на Земле еще в середине мезозоя!

Две-три минуты тенреки недовольно смотрели на меня, а иглы на их хохолках часто вибрировали. Но потом животные успокоились, хохолки опали, и они вновь принялись за бананы.

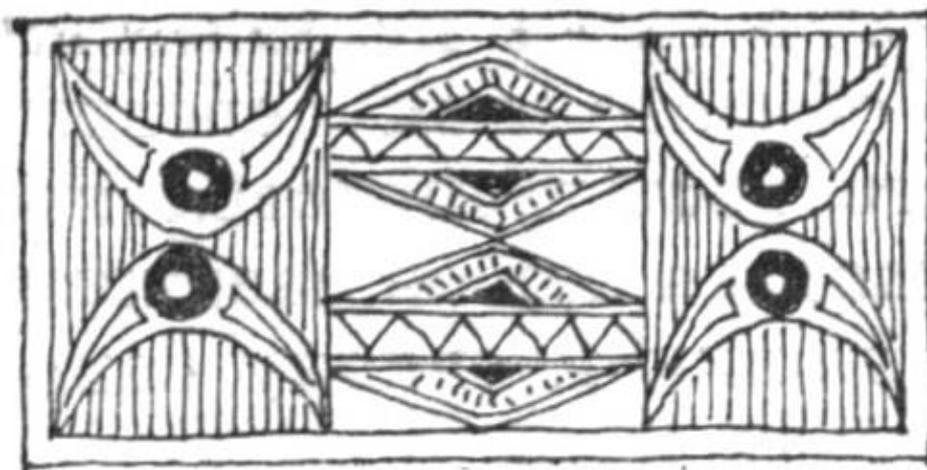
Судя по светло-коричневым пятнам, украшавшим черную мешанину из меха и колючек, покрывавших зверьков, это были так называемые пестрые тенреки. Именно они обладают способностью собирать иглы в удивительный хохолок, поставивший в тупик ученых, недавно начавших изучать этих древнейших обитателей Земли. Выяснилось, что при соприкосновении вибрирующих иглолок хохолка и спины зверьки издают звуки, напоминающие скрип. «Почему же тогда я не слышал их?» — подумал я, напрягая еще погруженные в сон мысли. А, вот оно в чем дело! Дотошные ученые установили, что зверьки скрипят с частотой колебаний от 25 до 40 тысяч герц. Мне же, как и всем людям, от природы дано улавливать звуки с частотой колебаний не более 15—20 тысяч герц.

Для чего же скрипят тенреки? Одни зоологи предполагают, что этот зверек, подобно летучей мыши, использует высокочастотные звуки в качестве сонара. Тенрек, говорят они, — ночное животное со слабым зрением, и выпускаемый трущимися иглами скрип отражается от предметов, которые он и обходит в темноте.

Другие предполагают, что звуки столь высокой частоты не выдают тенреков другим обитателям лесов, но в то же время помогают в темноте детенышам тенреков не отбиться от старших.

Движимый чувством внести свою лепту в изучение тенреков, я обеими руками вцепился в одного из зверьков, но в тот же момент отпрянул назад. Самым неприятным оказались не болезненные уколы, а омерзительный запах.

Части света и духи

Утром, однако, я узнал, что проникновение тенрека в жилище служит его хозяину хорошим предзнаменованием для строительства новой хижины, амбара или хотя бы курятника. А поскольку прошлой ночью тенреки посетили «гостевой дом», принадлежащий всей деревне, то решено было строить дом для молодоженов, который все равно надо сооружать сообща.

Свои деревни безанозану строят вдоль дорог, лесных троп и рек, которыми изобилует их земля. Довольно просторный дом, именуемый почему-то на португальский манер каза, ставят на высоких бамбуковых сваях, предохраняющих жилище от частых наводнений и тропических ливней, а также бесчисленных насекомых, досаждающих людям в лесу.

Наскоро позавтракав, я направился на новостройку. Под надрывные звуки валихи мужчины забили в землю сваи, а затем деревянными гвоздями укрепили на них пол. Подоспевшие юноши притащили свежие бамбуковые стволы, которыми обшили каркас постройки. Вместо стен женщины повесили циновки, на крышу уложили огромные пальмовые листья. Родители новоселов принесли деревянную кровать, покрытую резьбой. Богатый орнамент украшал и скамеечки, бочонки и кухонную утварь, подаренные родственниками. Такие резные деревянные предметы — не роскошь на Мадагаскаре. Их можно встретить в самой бедной семье.

Не преминул подарить новоселам крохотную матрешку и я. Этот мой шаг сразу же сломал какой-то невидимый барьер отчужденности, существовавшей между мною и жителями, превратил меня из постороннего наблюдателя в участника разыгрывавшегося на придорожной поляне действия.

— Переведи гостю, — обратился к Рафиринги подошедший к нам деревенский староста — мпиадид, — что это селение — временное для наших лесорубов, пришедших сюда подработать. Большинство из них переселились сюда из лесных деревень и через два-три года вернутся назад. Там мы строим настоящие дома. А это — временки, в которых...

Мпиадид прервал свой рассказ и, быстро направившись к строящемуся дому, начал что-то гневно выговаривать молодежи. Те, выслушав его, покорно начали ломать бамбуковую постройку, уже наполовину сооруженную.

— В чем дело, тампуку? — поинтересовался я.

— Дело в том, что наша молодежь не хочет помнить законы предков, — укоризненно качая головой, произнес он. — Разве можно строить кухню в этом месте?

— А почему бы и нет? — удивился я, подумав про себя, что юноши выбрали неплохое место для кухни, где люди будут проводить большую часть времени: позади дома, подалее от дороги и глаз односельчан.

Мпиадид посмотрел на меня иронически:

— Злые духи живут на юге, — уверенно сказал он. — Но они боятся огня. Поэтому фатана* в доме должен быть с южной стороны: он предохранит их от сглаза.

Я с недоумением посмотрел на Рафиринги.

Если вы заметили, все дома вдоль дороги, по которой мы ехали, строго ориентированы с севера на юг, — объяснил он. — Так же ставят жилища по всему острову, потому что мы считаем, что каждая из сторон света оказывает на судьбу человека определенное влияние. Добро и сила приходят с севера, зло — с юга. Восток — это «священная» часть света, откуда появились наши предки. Поэтому все предметы, приносимые им в жертву, обязательно располагаются в восточной части. «Угол предка» устраивают в северо-восточной части дома, в то время как вход в жилище — в западной. Подобное расположение дверей позволяет духам предков в любой момент войти в хижину или выйти из нее.

Теперь, думаю, вам понятно, почему мпиадид приказал перенести фатана: его огонь должен отгонять обитающих на юге злых духов. Из тех же соображений мы никогда не ложимся спать головой на юг, но всегда — на восток. Если ночь застанет меня в пути, я всегда разворачиваю машину так, чтобы первые лучи солнца согрели мне макушку.

— Ну я-то этой ночью, наверное, нарушил все правила? — сказал я.

— Нет, ранхаги спал там, где ему положили подушку. Но правильно входить в малагасийский дом, ранхаги, ты еще не умеешь и можешь поэтому навлечь на себя гнев духов, — хитро подмигнув, хлопнул меня по плечу Рафиринга. — Ну, об этом потом.

Сооружение хижины уже подходило к концу. Рядом с жилищем поставили сплетенные из тростника курятник и хранилище для риса на высоких ножках.

Начался праздник. Мпиадид, вынув из деревенского костра пылающую головню, несколько раз очертил круг возле хижины. «Он отгоняет злых духов, которые могут переселиться в новое жилище из леса», — объяснил мне Рафиринги. Потом деревенские юноши и девушки, выстроившись друг против друга, попеременно пели куплеты песни.

Пусть в этом доме всегда будет мир и достаток,
Пусть его хозяева будут счастливы,
Пусть у них будет много детей,
И пусть их любят хорошие духи...—

говорилося в протяжном припеве. Попеременно отступая и наступая друг на друга, шеренги юношей и девушек придумывали бесконечные пожелания новоселам.

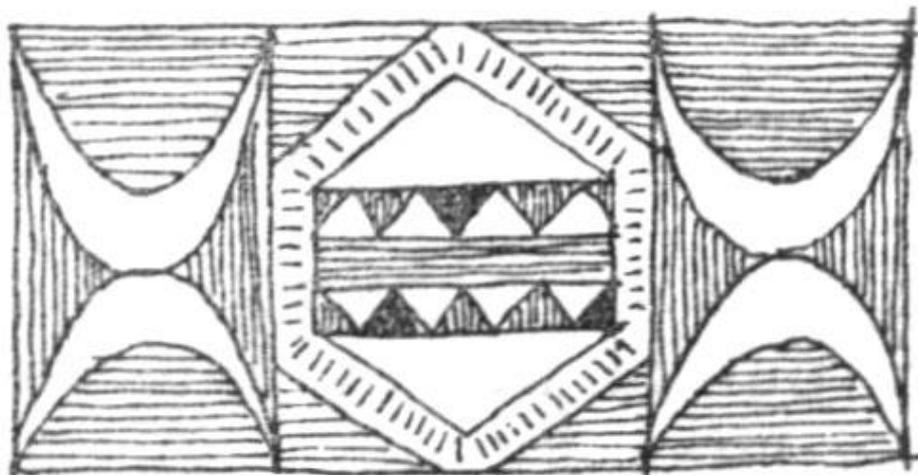
Пронаблюдав за праздником до полудня, мы с Рафиринги пришли к выводу, что пускаться в путь, да еще и по плохой дороге, уже слишком поздно. К тому же ближе к вечеру обитатели деревни собирались посетить кладбище, с тем чтобы разделить радость новоселья с духами предков. Пропустить такой случай было, конечно же, грешно.

Безанозану, подобно своим соседям, бецимисарака, устраивают кладбища в лесных чащобах, где хоронят только своих соплеменников, вернее, их очищенные особым способом кости. Гробы не закапывают, а устанавливают высоко над землей, на столбах, которые украшают орнаментом или причудливыми изображениями «духов предков». Обычно над таким кладбищем сооружают одну общую крышу, а пол посыпают чистым песком. Неписанные законы безанозану и бецимисарака гласят, что кости человека должны быть похоронены рядом с родственниками. Иначе его дух будет беспокоить живых. Поэтому, если безанозану умирает в городе, все его односельчане собирают деньги и стараются как

* Фатана (малаг.) — «очаг».

можно скорее вернуть останки в родную деревню. Только за последние годы под влиянием просвещения и агитации против предрассудков этот обычай, особенно в городах, стал отмирать.

Винтана — малагасийский гороскоп

Вошел Рафиринги, держа в одной руке керосиновую лампу, а в другой — ветку, увешанную литчи — плодами с выростами, напоминающими колючки, под красноватой кожей которых прячется удивительно вкусная, всегда прохладная желеобразная масса.

— Вот, ранхаги, угощайся и слушай, как надо входить в малагасийский дом, — поделовому произнес он, расчищая от листа песчаный пол хижины. — А то поедешь поглубже, на север, войдешь в дом, словно в автобус, по прямой, — не оберешься неприятностей.

— Неужели надо зигзагом?

— Не шути и наберись терпения, — на сей раз серьезно сказал он. — Сложную вещь я тебе буду объяснять. Называется она «винтаной».

Рафиринги, сев на корточки, начертил на песке прямоугольник, обозначив вокруг части света.

— Итак, начнем. Этот прямоугольник — малагасийский дом. Ранхаги, конечно же, помнит, что каждая часть света полна для нас глубокого смысла, что с севера приходит добро, а со стороны юга — зло. Ранхаги должен также учесть, что солнечный европейский календарь появился на острове вместе с миссионерами, то есть много позже тех времен, когда наши предки придумали винтану. Поэтому в основе лежит малагасийский календарь, где каждый месяц имеет по двадцать восемь дней.

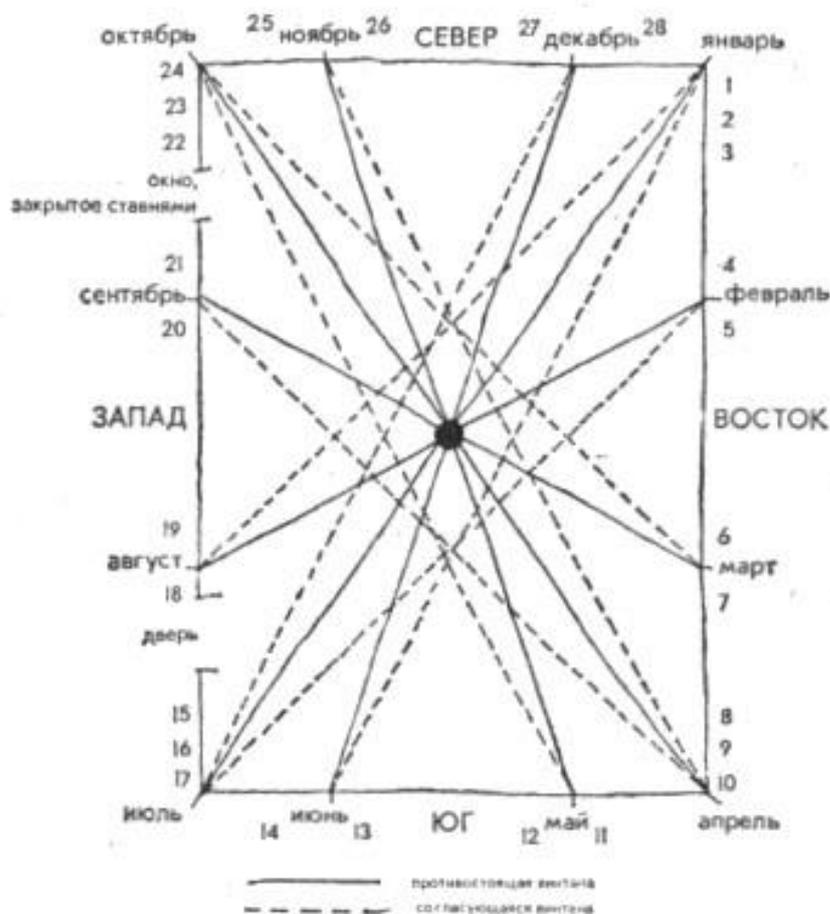
Система винтана, как и новый год, берет начало с месяца алахамеди — января, когда луна смотрит на северо-восточный угол дома. Поскольку луна в своем годовом путешествии по небу как бы обходит вокруг дома, каждый месяц имеет в нем свое место. Так, февралю и марту соответствует восточная часть стенки дома, апрелю — его юго-восточный угол, маю и июню — южная стенка и так далее. Поэтому, ранхаги, в каком месяце года ты бы хотел, чтобы у тебя родился ребенок? — неожиданно спросил он.

— Наверное, в ноябре или декабре, потому что в эти месяцы луна будет на северной стене дома.

— Мы действительно считаем ноябрь и декабрь «счастливыми» месяцами, в то время как начинать большое дело в мае или июне воздерживаемся.

Рафиринги соединил на своем чертеже линиями точки, соответствовавшие «месту луны» на стене дома в каждом из месяцев. При этом линии, пересекавшиеся в центре, он сделал сплошными, а прошедшие в стороне — пунктирными.

— Смотрите! Те линии, которые прошли через центр дома, соединили противостоящие друг другу части света, а следовательно, и соответствующие им месяцы. Поэтому винтаны, ну, если хотите, судьбы людей, родившихся в эти противостоящие ДРУГ другу месяцы, не должны пересекаться. Так, например, запрещен брак между людьми, родившимися, скажем, в апреле и октябре, декабре и июне. Плохим предзнаменованием считается, если месяц рождения сына пересекается с отцовским, а винтана дочери — с материнской.

Но, с другой стороны, те месяцы, которые соединяются друг с другом пунктирами и не проходят через центр, в нашем представлении сосуществуют друг с другом. Таковы, например, март и октябрь, июнь и январь.

— Теперь начинаются более сложные вещи, — предупредил Рафиринги. — Каждый из двадцати восьми дней месяца малагасийского календаря имеет свое определенное «место» в малагасийском доме, поскольку луна за эти двадцать восемь дней занимает определенное место по отношению к частям света. При этом первые три дня месяца «приписаны» к северо-восточному углу, или к «месту января», и так далее, все в той же последовательности: три-два — два-три. Однако, поскольку месяц лунного календаря имеет двадцать девять или тридцать дней, то, если первый круг винтаны начался с первого января, то второй — уже со второго февраля и т. д. Таким образом, винтана движется вокруг дома согласно фазам луны и изменяется ото дня ко дню и от месяца к месяцу. Существует еще более дробное деление от часа к часу, причем каждый час также имеет в доме «свое место», соотносимое с частями света, а следовательно, по нашему мнению, оказывает на судьбы человека положительное или отрицательное влияние.

Пытаясь не потерять нить рассуждений Рафиринги, я в то же время поймал себя на мысли, что помимо мистического смысла винтана имеет и другой. Вся эта стройная си-

стема, созданная на заре освоения людьми Великого острова, свидетельствовала о глубоких познаниях мальгашей в астрономии, об их прекрасной осведомленности в законах движения Земли вокруг Солнца.

— Таким образом, — продолжал Рафиринги, — каждой группе в три или два дня соответствует «свой месяц». Так, первое, второе и третье числа каждого месяца называются «днями января»; четвертое и пятое — «днями февраля»; шестое и седьмое — «днями марта»; восьмое, девятое и десятое — «днями апреля» и так далее. Поэтому по аналогии с противостоящими и согласующимися месяцами мы выделяем также и противостоящие или согласующиеся числа. Человек, день рождения которого приходится на «числа января», с легкостью отправится в путешествие восемнадцатого-девятнадцатого числа каждого месяца, то есть в «числа августа», или тринадцатого-четырнадцатого «числа июля». Таким образом, каждый малагасиец в зависимости от того месяца, когда он родился, имеет в год по двадцать четыре или тридцать шесть «хороших» и «плохих» дня.

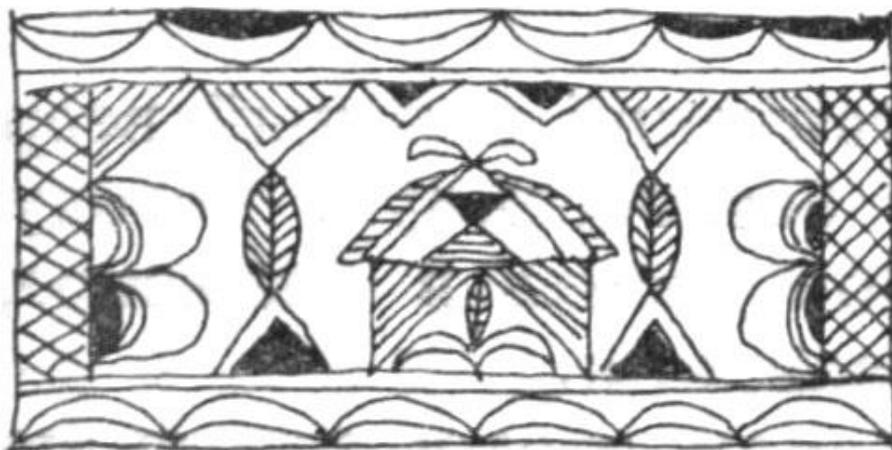
— Осталось только сказать, — продолжал Рафиринги, — что впитана — один из столпов, на котором зиждется духовный мир малагасийского общества. В деревне предписаниями винтаны еще следуют слепо, в городе, особенно среди образованных людей, от нее могут отходить. Однако каждый малагасиец, принимаясь за важное дело, суеверно вспомнит о предписаниях винтаны. Так что, если в будущем, обращаясь к малагасийцу с просьбой сделать что-то сегодня, вы без видимых для вас причин получите отказ, а через один-два дня с готовностью и без напоминаний малагасиец исполнит то же самое ваше желание, знайте — это де каприз, а предписания винтаны.

— Все, кроме одного: какое отношение все это имеет к тому, как надо входить в мальгашский дом? — спросил я.

— Все дело в том, что винтана вслед за луной движется, начиная с северо-восточного угла, в направлении восток — юг — запад — север, то есть против движения солнца. Мы считаем поэтому, что, подходя к дому, опасно двигаться против винтаны. Малагасиец, идущий с севера, никогда не подойдет прямо к дому с западной стороны, где расположена дверь. Он пойдет в обход, чтобы прийти с восточной стороны, обойдет дом по движению винтаны с юга и только тогда приблизится к двери. Ты же, ранхаги, входишь в дом, как тебе заблагорассудится. А ходить против винтаны — значит тревожить разана, которые могут выместить свое неудовольствие на живых. Поэтому живые могут быть недовольны тобой. Понятно!

— Понятно, ранхаги, — с благодарностью ответил я. — Теперь, подходя к дому, я обязательно буду останавливаться и думать, с какой стороны мне входить в дверь.

В царстве равенал

Но не только в мире суеверий живут безанозану. Мы покидали деревню, когда прокричали первые петухи, а по дороге, утопающей в сумерках тропического утра, уже шли мужчины — лесорубы, сборщики каучука, поденщики с плантаций.

Покончив с утренними домашними делами, уходили на поле женщины. Безанозану мистически отождествляют плодородие земли со способностью женщин производить на свет детей и поэтому считают, что обработка почвы и тем более сбор урожая — женское дело. Сейчас, конечно, этот освященный веками порядок сплошь и рядом нарушается. Так, на государственных фермах уже преобладают мужчины. Однако в глубинке женщина по-прежнему остается главной рабочей силой на поле.

Чем дальше на северо-восток, к Таматаве (Туамасина), уводила нас дорога, тем разительнее менялся окрестный пейзаж.

После того как мы преодолели очередной равнинный уступ, которым плато опускается к океану, на смену вторичным зарослям из бамбуков, мелколистных деревьев и открытым участкам саванны пришли знаменитые влажные тропические леса Мадагаскара.

Сначала в буйной растительности, сплошной стеной, подступающей к дороге, трудно было выделить какую-либо господствующую породу. Однако, чем ближе к побережью, тем яснее становилось, что преобладают в здешних лесах невысокие древовидные растения с гигантскими, как казалось, рваными листьями. Эти странные, беспорядочно взмахивающие листья шумно хлопали на ветру. На равнинах под пологом более высоких деревьев было трудно рассмотреть их необычное строение, однако по вершинам холмов, куда взбирались лишь они одни, это чудо природы можно было разглядеть, как на ладони.

Представьте себе огромный веер, укрепленный на ровном, довольно тонком стволе с помощью прямых стеблей-спиц, на которых колышутся четырехметровые, напоминающие банановые листья, собранные в гигантский полукруг. Между черенками листьев — висящие в два ряда рогообразные плоды, красные, с фиолетовым отливом. В пазухах у основания листьев — скопления сладковатой воды, которой, если проткнуть нижнюю часть черенков, можно нацедить литров пять.

В европейской литературе это растение из семейства банановых называют обычно либо «веерной пальмой», хотя оно не имеет к пальмам никакого отношения, либо «деревом путешественника», хотя оно вовсе и не дерево. Зато его малагасийское название равенала

— «лист леса» удивительно соответствует истине и подчеркивает тот неповторимый отпечаток, который этот реликт придает мадагаскарским лесам.

Там, где равенал много, там, где ее гигантский зеленый веер господствует в море растительности, а в безветренную погоду сам собирается в единый лист, эдак метров десять в диаметре, начинаешь понимать всю мудрость этого названия.

Название «дерево путешественников» дали этому растению первые европейцы, поселившиеся в Тана и не имевшие никакого представления об условиях передвижения по острову. Они уверяли, что под равеналой путник всегда может укрыться от солнца, хотя в действительности она не дает тени. Потом они узнали о запасах воды, скапливающихся между стволом и основанием листьев, и придумали, что эта влага спасла жизнь не одному путешественнику, изнывавшему от жажды. Однако они не учли, что равенала на Мадагаскаре растет только там, где люди чаще умирают от избытка влаги, но никак не от ее недостатка.

Равеналу на Мадагаскаре следовало бы назвать «строительной пальмой» или «деревом-благодетелем». Ее листья в здешней деревне заменяют кровельное железо, их же употребляют вместо тарелок для риса, скатертей. Из черенков стеблей вырубают ложки и вилки, из стволов — сосуды для воды.

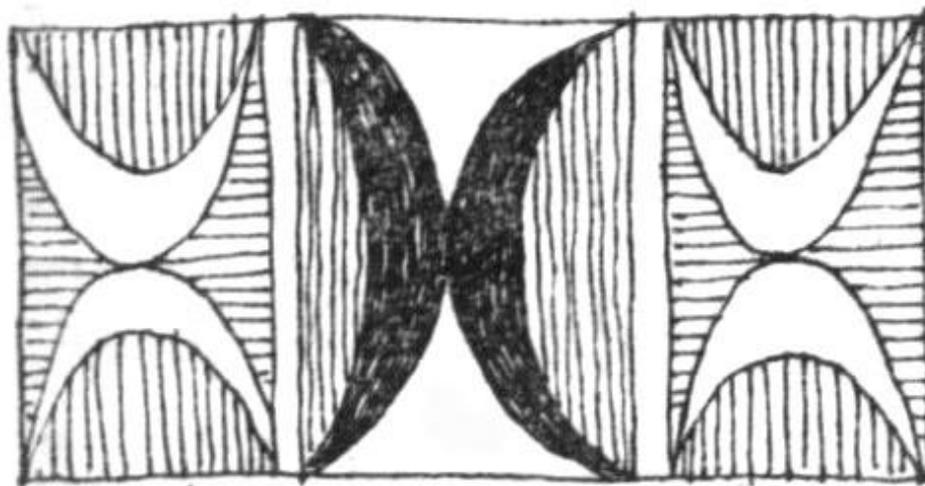
По всему было видно, что мы приближаемся к крупному городу: вдоль дороги потянулись цепочки хижин, появились велосипедисты и живописные группы женщин, возвращавшихся с базара. По обочине сначала поодиночке, потом группками начали попадаться мальчишки, бегущие за машиной и протягивающие пассажирам треугольные пакетики из исписанной тетрадной бумаги. Сами малагасийцы, не сбавляя скорости, проезжают мимо них. Но кое-кто из иностранцев останавливается, сажает одного из продавцов в машину, рассматривает «товар», торгуется. Мальчишки продают бабочек — ярких, с фантастически длинными хвостами-шпорами.

Красота бабочек, порхающих над «красным островом», известна во всем мире, восемь видов этих чешуекрылых обитают только на Мадагаскаре, и, чтобы сделаться их обладателями, богатые натуралисты снаряжают сюда целые «охотничьи» экспедиции.

Конечно, купить у мальчишек эндемичную комету — одну из самых больших бабочек земли, размах крыльев которой достигает 22 сантиметра, или иссиня-зеленую уранию поразительной красоты — редкий случай. Однако яркие павлиноглазки, не уступающие по размерам многим пернатым, пестрые махаоны-маака или раскрашенные в скромные коричневые тона, но обладающие двадцатисантиметровыми «хвостами» шелкопряды здесь не редкость. Неискушенные мальчишки продают их за гроши. В магазинах же Тана или Туамасина цена самой распространенной бабочки, положенной на бархат и обрамленной рамкой, подскакивает в 30—40 раз.

«Охота на бабочек» превратилась в настоящий бизнес и приобрела такие размеры, что власти, пытаясь спасти редких насекомых от истребления, издали декрет об ограничении их ловли и ввели пошлину на вывоз некоторых видов бабочек с острова. Но «охватить» законом мальчишек, промышляющих на лесных дорогах, — дело нелегкое. И поэтому на подступах к Туамасина все еще идет бойкая торговля.

Город соленой воды

Предания гласят, что в 1817 году, преодолев плато, на побережье Индийского океана впервые попал Радама I со своими солдатами. Парадокс, но потомки великих мореплавателей древности, укрывшись в горах Имерины, раньше никогда не видели моря и пришли в неопиcуемый восторг от открывшегося их взгляду безбрежного голубого простора. Попробовав на вкус океанскую воду, король с удивлением воскликнул: «Та матавзина!» («Она соленая!») Так произошло современное название города Туамасина (или, как его произносили на французский манер, Таматаве) и окружающей его провинции.

Когда-то этот жаркий и влажный край называли «могилой белого человека». Однако после того, как здесь была уничтожена малярия, европейцы поняли, что почва провинции на редкость плодородна, и обнаружили, что в ее недрах скрываются мировые запасы слюды и графита, интерес к Туамасина резко возрос. Сейчас провинция Туамасина дает около трети гвоздики, кофе, эфиносов, экспортируемых островом. Все это послужило развитию современного Туамасина — города с помпезным центром и богатыми особняками, каких, пожалуй, нет даже в Тана.

При сравнении Туамасина со столицей на первых порах кажется, что попал в другую страну. Вместо красных каменных домов, как в Тана, — бамбуковые хижины на сваях. Вместо петляющих по холмам и пригоркам кривых улочек — идеальная равнина, по которой прочерчены прямые магистрали. Вместо кутающихся в ламбы прохожих — обливающиеся потом мужчины, вся одежда которых порою состоит из набедренной повязки — салаки. Вместо потока автомашин — сутолока рикш — самого распространенного городского транспорта Туамасина.

После долгой тряской дороги моим главным желанием в этом пекле стало поскорее найти пляж и искупаться. Однако, оставшись без Рафиринги среди темных улочек предместий Туамасина, я несколько сбился с пути и обратился с вопросом, как пройти на пляж, к первому попавшемуся парню.

— Пройдите метров триста на юг, там свернете на запад, обойдете бензоколонку и пойдете на юго-восток, — не задумываясь произнес юноша и пошел своей дорогой. При этом он даже и не подумал показать мне исходное направление рукой.

Я обернулся вокруг собственной оси и устремился наугад в направлении, противоположном тому, куда скрылся парень. Прошлутав некоторое время, я наткнулся наконец на полицейского.

— Дорога на пляж? — спросил он. — Пройдете на север километра полтора, свернете на восток, но лучше идите северо-восточной дорогой и прямехонько окажетесь у океана.

Произнеся все это, полицейский счел необходимым шевельнуть рукой лишь для того, чтобы отдать мне честь.

— А где это, север? — поинтересовался я.

— Вон там, — автоматически махнул полицейский в направлении, откуда я пришел.

На сей раз я без приключений дошел до пляжа, по дороге твердо решив, что моей первой покупкой завтра поутру будет компас.

Океан был спокоен, а пляж — прекрасен. Тысячи крабиков, выскакивая прямо из-под ног, суетно разбегаются в разные стороны. Ажурные казуарины, почти спускавшиеся к воде, едва покачивали своими листьями-ветками, а полная луна, светившая сквозь их кружева, уже проложила серебристую дорожку.

Однако только я вошел в воду, как громовой голос окликнул меня и приказал мне выйти на берег. Прочитав длинное нравоучение, чередовавшееся любопытными историями о местных акулах-людоедах, страж порядка оштрафовал меня на солидную сумму. Оправдываться, что я приезжий, было грешно, свои вещи я аккуратно сложил под столбиком с табличкой, предупреждающей и об акулах, и о штрафе.

Из рассказа полицейского следовало, что население Туамасина не только не купается в океане, но даже воздерживается приближаться к кромке воды: акулы подходят к самому берегу, нередко хватая за ноги рискнувших затеять стирку домохозяек. Любители поплавать поэтому довольствуются здесь бассейном, который открыт до полуночи.

— А как пройти туда? — поинтересовался я.

— О, это совсем просто, — получив штраф, разлюбезничался полицейский. — Надо пройти на север с полкилометра, а потом свернуть на запад. Не пройдет и десяти минут, как вы будете на месте.

— А что, разве у мальгашей нет слов «направо», «налево», «прямо»?

— Направо, налево, прямо? — задумался он. — Ну как же! Если стать лицом к океану, то на севере будет налево, на юге — направо, а на востоке — вперед.

Я было хотел переспросить, но тут же все понял. Винтана! Оказывается, система эта не только окутывает жизнь малагасийцев мистическими предписаниями, но и заставляет их вырабатывать в себе удивительное практическое свойство. Они вынуждены всегда соизмерять свои поступки с винтаной.

Мадагаскар считается африканской страной; Туамасина, ее главный морской порт, как бы отвернулся от Африки. Природа, отделив Африканский материк от Гондваны, и дальше позаботилась о том, чтобы изолировать Мадагаскар от континента.

В центре акватории Индийского океана зарождается теплое течение, которое, подходя к острову, делится на два потока. Меньший из них омывает Мадагаскар с севера и широкой подводной струей проникает в Мозамбикский пролив. Другой, более мощный поток, омывает восточное побережье Мадагаскара, его южную оконечность, и, входя в тот же пролив с юга, заставляет первый поток повернуть назад. Так возникают знаменитые «противотечения» Мозамбикского пролива. Именно они на протяжении веков препятствовали африканцам достичь Мадагаскара. Так получилось, что этот африканский остров оказалось легче заселить со стороны далекой Юго-Восточной Азии, чем с Черного континента.

Почти каждый год в феврале — марте восточное побережье Мадагаскара посещают страшные циклоны, которые первым делом обрушиваются на Туамасина. Циклоны 1926 и 1943 годов почти полностью разрушили порт и большую часть городских зданий. Циклоны 1973 года разрушили железную дорогу, ведущую от порта в Тана. Циклон, получивший название «Ирис», в 1965 году уничтожил в Туамасина около четырех тысяч домов. Опустошив город и прибрежную провинцию, циклон перевалил через плато и, сойдя с гор, с новой силой обрушился на равнины западного Мадагаскара. Ураганный ветер, до-

стигавший порою восьми — девяти баллов, валил деревья-великаны, стирал с лица земли бамбуковые постройки мальгашей, уничтожал мосты.

Затем началось наводнение, вызванное небывалыми даже в этих широтах ливнями. Они прошли в горах, откуда сплошная лавина воды хлынула вниз, все смывая на своем пути. В провинции Туамасина, куда вскоре докатились потоки, положение осложнилось тем, что дувший со стороны океана ветер гнал воду в обратном направлении. В результате вышедшие из берегов реки разлились и затопили территорию, простирающуюся почти на сто километров. Уровень воды кое-где превышал три метра. Многие деревни не могли сойтись с остальными частями страны даже с помощью лодок: мешал ветер, превративший вновь образовавшиеся «морья» в бурлящий хаос мутной воды, в котором носились вырванные ураганом или снесенные потоками деревья. Были смыты тысячи гектаров посевов риса. Так, в районе, где собирали обычно сотни тысяч тонн зерна, когда пришло время урожая, не связали ни снопа.

Нередко циклоны, разрушения и следующий за ними голод сопровождаются на острове не менее страшным стихийным бедствием — нашествием крыс. Мне рассказывали, что вслед за «Ирисом» дороги в окрестностях Туамасина были буквально черны от миллионов крысиных трупов, умерщвленных с помощью ядов. Но прожорливые полчища, несмотря на то что на борьбу с ними была брошена армия, росли с каждым днем, уничтожая уцелевший урожай, хозяйничали в домах. В некоторых сельских районах агрессивно настроенные грызуны сделались подлинными хозяевами: население, бросив скот и нехитрый скарб, бежало либо в города, либо в горы.

Однако даже в «мирное» время, когда циклоны не тревожат город, его жители получают от соседства с океаном больше неприятностей, чем благ. Непрекращающиеся дожди в сочетании с постоянной жарой изнуряюще действуют не только на европейское, но и на местное население. Именно в этом многие историки видят причину того, что древние мореплаватели — предки малагасийцев — покинули побережье и ушли в глубь острова, создав там, а не у родного им океана королевство Имерина.

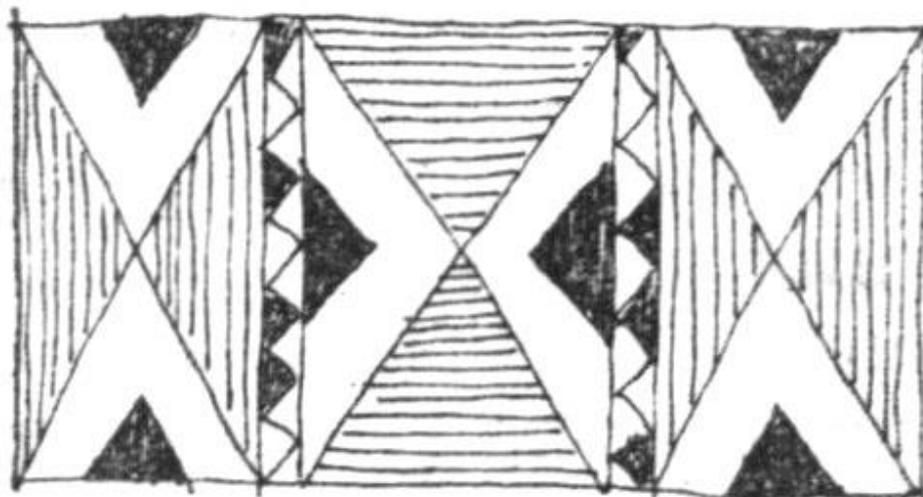
Своей неправдоподобной прямолинейностью береговой линии, в общем-то не свойственной природе островов, восточное побережье обязано интереснейшему взаимодействию геологических процессов — древнейших и сегодняшних. В своем первоначальном виде восточный берег был образован линией разлома, по которой остров, примыкавший тогда к африканской плите, отделился от Индостана. Затем в действие вступили реки и океанские течения. Первые выносят с плато на побережье массу аллювия, а вторые, не давая песчаному материалу уйти в океан, «возвращают» его обратно к острову, распределяют по всему берегу, забивают песком все бухточки и заливы и воздвигают вдоль пляжей Огромные дюны.

Взбираться на эти дюны из сыпучего, раскаленного и ослепительного песка — сушая пытка. Однако стоило мне достичь вершины, как все неудобства подобного восхождения были с лихвой окуплены поразительным видом. Лагуны различной глубины и поэтому совершенно различного цвета — от почти желтых, едва заполненных водой лужиц до бирюзово-синих и казавшихся поэтому такими же глубокими, как океан, — чередовались здесь с красными наносами латеритов, белыми выцветами солей и лужайками зелени. Дувшие с океана пассаты, «выдвигая» дюны в глубь острова, заносили песком этот удивительный мозаичный пейзаж, формы и границы которого менялись буквально на глазах. Лишь узкие скалистые перешейки — пангаланы, кое-где спускавшиеся к океану со стороны маячивших на горизонте плато, придавали видимость устойчивости этому неповторимому в своей динамике ландшафту.

Издревле малагасийцы соединяли эти лагуны, создавая вдоль восточного побережья острова единый водный путь, с тем чтобы связать все населенные пункты бецимисарака и дать возможность местным жителям плавать «спокойной водой», а не штормящим Индий-

ским океаном. Соблазн проплыть этим путем был велик, и поэтому, закончив свои дела в Туамасина, я занялся организацией путешествия по каналу.

Среда — день тяжелый

Первый, второй, пятый лодочники, к которым Рафиринги обращался с предложением прокатить нас по каналу, ответили отказом.

— В чем дело? — удивился я. — Быть может, мы предлагаем слишком низкую плату?

— Как плату не увеличивай, делу не поможешь, — покачал головой Рафиринги. — Сегодня «аларобия» — среда, плохой день. Люди же, связанные с морем, очень суеверны и поэтому не согласятся приниматься за новое для них дело — перевозить вазаху*.

На следующий день тот же рыбак, который вчера энергично отказывался вступать с нами в какие бы то ни было отношения, теперь, заведя нас на берегу, предложил свои услуги. Рафиринги быстро договорился с ним, и я уж было направился к машине за фотоаппаратурой, когда рыбак отозвал шофера назад. Он что-то энергично выкрикивал, Рафиринги спорил, а рыбак в ответ бил себя кулаком в грудь.

— Рыбак говорит, что твоя рубашка — красная, что такую рубашку следует одевать по пятницам, да и то, если идешь на похороны, — подойдя к машине, произнес Рафиринги. Он отказывается везти тебя в такой рубашке.

— А какую же рубашку надо одевать по четвергам?

Рафиринги что-то протяжно крикнул рыбаку, тот ответил на родном наречии.

— Сегодня лучше всего ходить в голубом, — перевел он. — Но будет жарко. Рыбак предлагает ехать вообще без рубахи.

Обуреваемый желанием поскорее пуститься в плавание, я легкомысленно согласился на это предложение. Уже на ходу засунув «опасную» рубашку в сумку, я поспешил к лодке.

Выглядела она необычно, поскольку по обе стороны от ее кормы на длинных стволах было прикреплено нечто вроде бочек. Это балансиры, помогающие лодкам сохранять устойчивость при сильных ветрах, причем не только в лагунах, но и в открытом океане. Лодок таких нет нигде в Африке, но зато они повсеместно распространены в азиатском островном мире.

Сухопарый владелец пироги, ловко манипулируя шестом, отшвартовал свое суденышко от тростниковой пристани, провел между отмелями и ввел в канал. Бесчисленные лагуны, отделенные друг от друга песчаными косами и оазисами мангровых лесов, ветви-

* Вазаха (малаг.) — белый человек, европеец.

лись и соединялись, переходя вдали от берега в топкие болота. Приливы и отливы, а также устремляющиеся с суши к океану дождевые потоки чуть ли не каждый день меняют конфигурацию мелких лагун, намыывают новые косы. Местами поэтому нам приходится перетаскивать через них пирогу.

Однако, чем дальше мы плывем, тем чаще у зловредных кос попадают люди, лопатами расчищающие заносы. Лодочник объясняет, что недавно местные власти поделили каналы на участки, закрепив их за жителями ближайшей деревни. Им вменено в обязанность постоянно следить за состоянием протоков, с тем чтобы наносы не затрудняли плавание по ним. Большинство из работавших были одеты в синие салаки.

— Неужели у этих людей есть наряды всех цветов, предназначенные на каждый день недели? — поинтересовался я.

— Вряд ли, — переспросив что-то у лодочника, ответил Рафиринги. — Однако синий цвет у местных жителей не вызывает никаких плохих ассоциаций, в то время как красный связан с похоронами, которые обычно проводят по пятницам.

— А как же распространяются цвета по другим дням недели?

— По воскресеньям, считающимся счастливым днем, лучше избегать носить белую одежду и вообще иметь дело с предметами белого цвета. В воскресенье можно начинать серьезные дела, но его не следует омрачать похоронами, а также тяжелым трудом после обеда. Напротив, понедельник у нас, как и у европейцев, считается днем, когда не следует браться за дело, все плохое в этот день связано с черным цветом.

— С зеленым, — поправил его лодочник. — У бецимисарака самое страшное — прикоснуться в понедельник к еде зеленого цвета.

В толета, или во вторник, когда работать можно только в дневное время, избегают крапчатого цвета. Среда, как вы уже убедились, считается трудным днем, предназначенным для церемонии переворачивания трупов. В этот день неприятности ассоциируются с коричневым цветом, а народная пословица, как бы подбадривая людей, обещает: «Коричневый день не возвращается». Четверг — день свадеб, поэтому, как и сегодня, нельзя одеваться ни в красное, ни в черное. Зума, напротив, день похорон, когда нужно носить красную одежду, но нельзя есть продукты красного цвета, дабы не проглотить «цвет смерти» и самому не отправиться к предкам. В субботу — день скорби и очищения, избегают голубого. Однако в разных районах Мадагаскара ограничения, связанные с цветами, меняются.

— Но традиции эти накладывают слишком много ограничений на время, когда можно заниматься работой, — заметил я.

— Наша пословица говорит: «Когда задует циклон, на работу выходит даже умбиси». Так что повседневная жизнь ломает все эти запреты. Во всяком случае на побережье запретными для работы остаются один-два дня в неделю. В сущности, это те же выходные, только замаскированные традициями. Не будь я прав, разве могли бы малагасийцы справиться с такой огромной работой — перепилить пангаланы, — убежденно сказал Рафиринги, указывая рукой вперед.

За разговором я и не заметил, как мы приблизились к узкому скалистому перешейку, перпендикулярно подходившему к берегу. Раньше бецимисарака плавали по лагунам, перетаскивая пироги через пангаланы волоком. Однако уже при Радаме I были предприняты попытки прорыть канал через перешейки. С тех пор эти работы систематически расширялись, что и привело к созданию единого водного пути, идущего в пяти — десяти километрах параллельно побережью. Так, порою по приказанию властей, но сплошь и рядом по инициативе с мест традиционными орудиями, без применения каких бы то ни было механизмов, была создана эта единственная в своем роде водная артерия — каналы Пангалан, голубой дорожкой протянувшиеся от Туамасина до Фарафанганы на целых 640 километров. Мальгаши не без гордости называют систему Пангаланов самым длинным в мире водным путем, созданным руками человека!

Вскоре лодка приблизилась к деревушке Топиана, и, так как время подошло к обеду, мальгаши отправились на берег за едой.

Главным блюдом, принесенным из Топианы, оказалось попои — тестообразная масса из таро. В рационе бедимисарака клубни таро, нередко превышающие весом килограмм, играют почти такую же роль, как рис у жителей плато. Для приготовления попои женщины отваривают свежие клубни, затем толкут их в ступе, заквашивают фруктовым соком и дают постоять день-два. Получается нечто вроде теста, которое затем несут на берег реки, где тщательно промывают. Лодочник не смог объяснить мне, зачем это делается. Скорее всего многовековой опыт подсказал женщинам, что таким способом из млечников таро вымываются органические кислоты, раздражающе действующие на слизистую рта.

Промытые попои раскатывают на камнях, дают им «подойти» на солнце, а затем заворачивают в банановые листья. Приготовленное таким образом, блюдо можно есть либо тотчас же, сдобрив его соком ананасов, либо через два-три дня, когда попои начнут бродить, приобретут кисловатый вкус. Скажу только, что это первое мое знакомство с малагасийским попои пристрастило меня к этому блюду, которое легко усваивается в жару и никогда не приедается.

Таро, более известное под названием колокозия, быстро дичает, оставаясь расти там, где когда-то находилось жилище. Поэтому на побережье, где крестьянин редко задерживается на одном месте больше двух-трех лет, это растение повсеместно встречается и среди дикой природы.

Только «дикой» ли? Еще в начале прошлого века все путешественники, посещавшие восточное побережье острова, называли его царством лесов. Теперь лес здесь кончается у границ плато, а все прибрежные равнины покрывает савока — формация, развивающаяся повсюду, где первозданную древесную растительность уничтожает огонь, расчищающий человеку землю под поля. На смену ценнейшим лесам из палисандров, тамарисков, камедных и каучуконосов приходит скучная высокотравная саванна, однообразие которой лишь кое-где нарушается веерами равенал или зелеными рощами бамбуков. Традиционная система тави, уже превратившая Бемихисатр в Имерину, продолжает опустошать остров, а появление на Мадагаскаре капиталистических плантаций лишь усугубило положение дел.

И сейчас уцелевшим влажным лесам на Мадагаскаре угрожает гибель, потому что в поисках новых земель крестьяне уходят от побережья все выше в горы. По пятам за огнем идут ветровая эрозия и ухудшение гидрографического режима рек самого плато, которое образно называют «водонапорной башней» всего острова. Разливы рек делаются все более бурными, смывая незащищенный лесом плодородный почвенный покров, и они дают толчок росту оврагов.

В общем деградация почв и растительности приобретает такой характер, что сведущие в этом деле малагасийцы говорят о «национальной катастрофе». Если еще в 30-х годах французы признавали, что в результате использования тави и злоупотребления экстенсивными культурами непригодной для обработки стала треть поверхности острова, то сейчас бедленды уже занимают его добрую половину.

Только в 1968—1972 годах пожарами было выжжено около одной седьмой территории всей страны. Понимая всю серьезность создавшегося положения, власти стараются регламентировать дальнейшее распространение тави. Однако в 1973 году разрешений на право выжигать растительность было выдано на площадь в 350 тысяч гектаров, а сгорело 2 миллиона гектаров — лесов, саванн, степей. Мы плывем по Пангалану уже целый день, а справа от нас, где на горизонте горной стеной высится уступ плато, то здесь, то там пылают сполохи пожаров.

В одном месте огонь охватил савоку так близко от воды, что в подымавшемся от земли желтом дыму без труда можно было различить полицейскую машину и несколько че-

ловек, энергично размахивавших руками. Я попросил остановить пирогу и направился к месту происшествия.

Рафининги, быстро войдя в курс дела, объяснили мне:

— Местный префект объезжает округ, выясняя, есть ли у крестьян разрешение на право выжигать растительность. Крестьянин же говорит, что никто не может запретить ему просить огонь о помощи, потому что разана обрабатывали эту землю именно так, и поэтому он должен делать то же самое.

— Почему здесь пылает огонь, если еще задолго до наступления сезона дождей я собирал всех крестьян и объяснял им: впредь, чтобы призвать на помощь огонь, надо получить бумагу с разрешением, — строго говорит префект.

— Не выжжешь поля — не соберешь риса, — поговоркой ответил крестьянин. — Не соберешь риса — не накормишь детей. Бумажкой сыт не будешь.

— Если нет бумаги, значит, ты поджег поле без разрешения и будешь платить большой штраф.

— Но ведь я уже с самого начала сказал, что не поджигал поля и поэтому не должен ничего платить, — довольно дерзким тоном ответил ему крестьянин.

— Тогда откуда же здесь огонь? — упорствует префект.

В разговор вмешивается стоявший все это время в стороне старик, наверное, отец главного спорщика.

— Тампуку, ты же сам из крестьян. Так неужели только потому, что в дневное время ты одеваешь эту красивую форму, ты забыл, почему по ночам нередко загораются наши поля?

— Почему же? — смягчился полицейский.

— Потому что наши разана, прогуливаясь в темноте по своей земле, увидели, что нам пора выходить на поле, и дали нам об этом знать. Когда утром мы проснулись, савока уже горела, и мы поняли, что пришла пора браться за дело.

— Значит ты, ранхаги, утверждаешь, что это будущее поле подожгли разана? — серьезно спрашивает полицейский.

— Конечно, тампуку.

— Ну что ж, так бы сначала и сказали, — облегченно вздыхает он и записывает что-то в большом гроссбухе, лежавшем на капоте автомашины. — Хорошего вам урожая на этом поле.

Я подошел к полицейскому, представился и спросил, сколько пылающих участков он уже посетил.

— Езжу с самого восхода солнца. Так что объехал больше сорока полей.

— И у многих крестьян были необходимые бумаги?

— Нет, ни у кого.

— Тогда многим, наверное, пришлось уплатить штраф.

— Нет, только одному. Я застал нарушителя как раз в тот момент, когда он разбрасывал по земле пылающие головешки.

— А что же остальные? — удивился я.

— У троих участки загорелись от того, что ветер занес искру от соседей. Всем же остальным, как мне удалось выяснить, савоку среди ночи подожгли разана, — произнес он, удовлетворенно хлопнув рукой по гроссбуху.

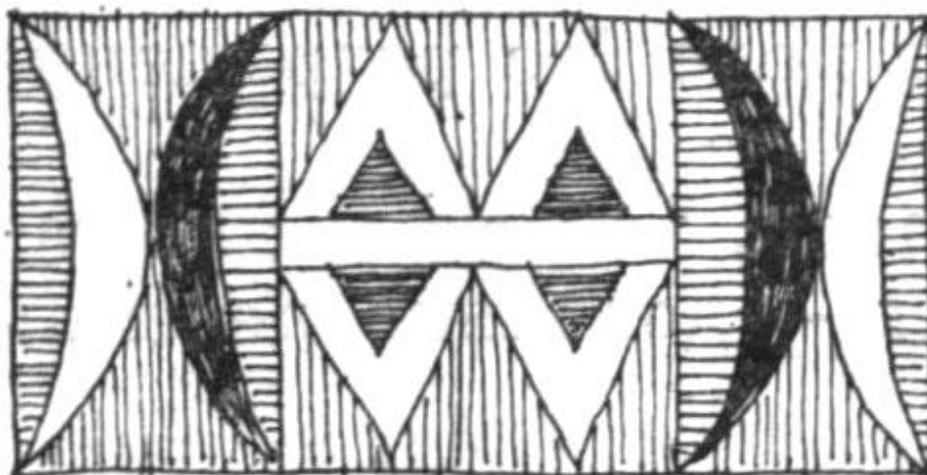
Когда мы вернулись к пироге, лодочник, посмотрев на солнце, добродушно обратился ко мне:

— Вот теперь, если вазахе холодно, он может надеть свою красивую рубашку. Солнце легло — запретам конец.

Однако было уже поздно. С непривычки я обгорел, а голова раскалывалась от боли. Пускаться в таком виде в долгий обратный путь на пироге я не хотел и решил, воспользовавшись предложением префекта, добраться с ним до Ватумандри.

— Скажи спасибо, ранхаги, что все кончилось так, а не хуже, — напутствовал меня на прощание лодочник. — А все почему? Потому что ты начал собираться в путешествие в среду, а сегодня нацепил на себя совсем не ту рубаху...

Фукунулуна — община свободных

Старый учитель Разанампарани, в дом к которому на ночлег привез меня префект, так объяснил происхождение названия Ватумандри.

— Легенда бецимисарака рассказывает, что в былые времена, когда вода в море была сладкой, жил на Мадагаскаре добрый великан Дарафифи. По просьбе жен своих, Разуабе и Разуамасаи, отправился за солью по другую сторону моря, купил ее там, насыпал в огромный мешок, привязал его к бамбуковой палке, а к другому ее концу приделал громадный камень, чтобы соль не перевешивала. Но когда Дарафифи вернулся на остров и с тяжелой ношей начал высаживаться на берегу, то палка сломалась. Соль упала в море, и от этого вода в нем навсегда стала соленой. А камень, вон тот, что черным утесом возвышается у берега, лежит и по сей день. С тех пор эта деревня, ныне, правда, именуемая городом, носит название Ватумандри*.

— Но на этом злоключения Дарафифи не кончились, — продолжал старик. — Вернувшись домой, он узнал, что жены посылали его за солью, чтобы, оставшись одним, поблудить с соседом. Когда великан увидел это, он бросил жен в озера, которые прежде подарил им, чтобы женщины могли выращивать рис. Эти озера — Разуабе и Разуамасаи. Если бы мы повстречались раньше, ты обязательно остановился бы у этих озер на пути из Тана в Туамасина. Они очень красивы, а в хорошую погоду на дне их видны хижины, в которых живут женщины. Только вот беда: ветер с гор всегда дует над озерами, и поэтому самих женщин никак не разглядишь, — лукаво улыбнулся он.

Сказки сыпались из уст Разанампарани, как из рога изобилия. Они были припасены у учителя на все случаи жизни, и поэтому даже тогда, когда речь за ужином у нас зашла о делах сегодняшних и вполне реальных, старик вновь вернулся к сказкам.

— Вы вот все толкуете о фукунулунах, ищите в них будущее нашей деревни, а следовательно, и будущее всего Мадагаскара, спорите о том, поверит ли крестьянин в то, что фукунулуна поможет создать ему хорошую жизнь. А спорите напрасно. И знаете почему? Да потому, что малагасиец подсознательно верит в фукунулу. С детства вместе с материнским молоком и бабушкиной сказкой он усвоил эту веру.

Рассказывают, что давным-давно, когда еще не было людей, на небе жил бог Занахари. Он создал все, кроме Затаву, который появился просто так: вырос из земли. И на чело-

* Ватумандри (малаг.) состоит из двух слов: «вату» — камень; «мандри» — неподвижный.

века-то он не был похож, потому что имел всего лишь один глаз, одно ухо, одну ногу и одну руку. Именно этой рукой Затаву как-то от нечего делать налепил из земли множество фигурок, а Занахари оживил их, подув с неба. Так появились люди: одни — белые, другие — черные.

Было их так много, что вскоре они поели все, что ранее создал Занахари, начали драться и враждовать друг с другом за последние крохи еды. Не понравилось это Занахари и решил он послать людям дождь, смешанный с зернами риса. «Сажайте вместе рис, делайте плотины, обрабатывайте землю, из которой вышел Затаву и из которой он сделал вас. Только на своей земле вы будете фукунулунами», — сказал тогда Занахари. А знаете, что означало у древних малагасийцев слово «фукунулуны»? Нет, не знаете. А означало оно — «свободные»!

Так и поступили люди — принялись сообща сеять рис. И эта их община со временем получила название «фукунулуна» — «община свободных людей». А короли, андрианы, хувы, анадеву появились гораздо позже. Ведь недаром же другая древняя сказка начинается так: «Короли не упали с неба и не выросли из земли, как цветок. Короли произошли, как и все остальные, от простых людей».

Так закончил свой рассказ Разанампарани.

Еще во времена царствования Андрианампуйнимерина земля на острове стала собственностью короля. Подавляющее большинство свободного населения — крестьяне-хувы получали землю лишь в пользование. Таким образом, классическая община, в которой земля принадлежит издавна поселившимся на ней и обрабатывающим ее крестьянам, община, которая существует в большей части Африки и по сей день, в ряде районов Мадагаскара начала делаться достоянием истории уже в прошлом веке. В иных условиях на полученной у короля земле могли бы хозяйничать крестьяне-единоличники, а община повсеместно ушла бы в небытие. Однако мадагаскарская специфика уготовила ей иную судьбу. Классическая община, где главную роль играют семейные связи и расселение по родственному признаку, сделала качественный виток и в своем развитии поднялась на ступень выше. Именно так и появилась фукунулуна — община, в которой крестьяне объединены не по-родственному, а по территориальному признаку.

В значительной степени подобное развитие общины было подсказано... природой. На огромном, редко населенном острове, где и сегодня обрабатывается едва ли три процента территории, не было недостатка в земле. В то же время рабочих рук часто не хватало, поскольку скорее скудные, чем плодородные почвы плато дают хороший урожай лишь в случае тщательной их обработки. Специфика же такой трудоемкой культуры, как рис, требовала дополнительных рук и для укрепления террас, и для строительства ирригационных сооружений. Все эти работы, непосильные для крестьян-единоличников, и заставляли их работать сообща, одновременно побуждая принимать в свою семью трудоспособных чужаков — будь то бывшие рабы, разорившиеся ремесленники или бежавшие от разрушительного циклона жители побережья. По мере того, как чужаков этих делалось все больше, родственные связи в общине теряли свое значение, крестьяне привязывались к фукунулуны территориально.

Обычно, когда речь идет о развитии общины, употребляют термины «постепенно», «по мере того как», «медленно, но все же...». На Мадагаскаре же фукунулуна, отражая и фокусируя стремительное развитие острова в XIX веке, делала беспрецедентные прыжки в своем развитии. Поскольку последнее перераспределение земли в Имерине произошло в конце XVIII века и в дальнейшем уже не производилось, очень скоро наследственные поля-хетры выделились из массива общинных земель и превратились в частные земли, в объект купли-продажи. Повсеместно беднота начала отдавать свою землю в залог, что привело к появлению ростовщика — фигуры сильной и влиятельной.

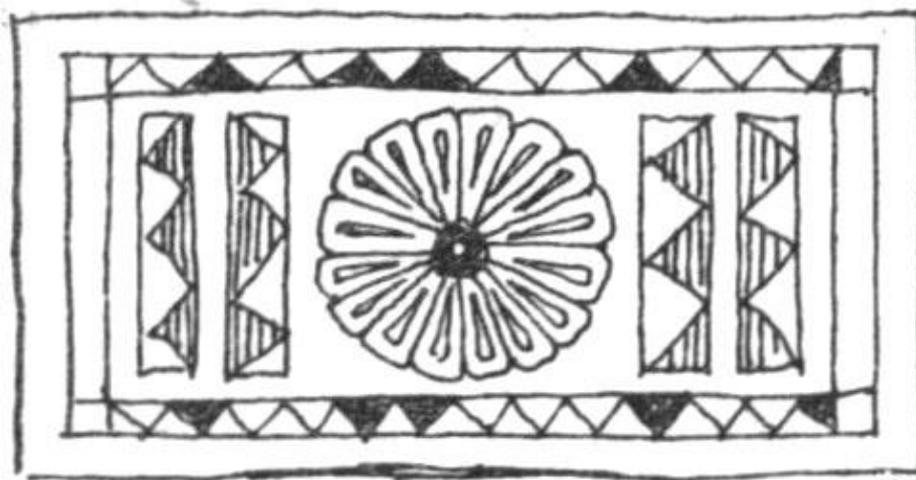
Усиление центральной власти на Руве привело к быстрому превращению общины в орудие эксплуатации крестьянства андрианами. Из Тана по всей стране рассыпались бесчисленные декреты о новых видах барщины. Теперь уже крестьянин не мог уйти из общины в город, не заплатив налога. В 1884 году королевский указ «Фенекем пукунульна» — единственный в своем роде «Устав общины», появившийся в Африке в прошлом веке, — до предела сократил былые права членов фукунулуны, превратив ранее выборных мпиадидов в чиновников, смещаемых правительством. Во многих районах острова власти угодили мпиадиду совершенно необычную роль: заставлять крестьян выращивать на своих хетрах новые для них товарные культуры. Тем самым фукунулуна втягивалась в мировой капиталистический рынок...

— Казалось бы, трудно было тогда крестьянину в фукунулуна? — вслух подумал я. — Бежать бы ему куда-нибудь в горы. Ведь именно концентрация населения в общине помогла французам поставить крестьян под свой контроль.

— Бежать из фукунулуны? — иронически посмотрев на меня, покачал головой Разанампарани. — А могилы, а земля предков, в которую малагасиец скорее ляжет сам, чем покинет? А рис, который не вырастишь без помощи соседей? А интересы свободы Родины нашей, которую нельзя было вернуть, если бы мы все разбрелись по горам и лесным чащобам?

— Французы боялись фукунулуны, боялись за заложенные в ней демократические традиции, за те силы, которые община придавала малагасийцам. Ведь именно организация фукунулуны стала низовым звеном освободительной борьбы. Но и ликвидировать фукунулуны именно по тем причинам, которые вы уже назвали, французы не хотели. Поэтому они начали приспособлять их к своим нуждам. В чем это выразалось? Ввели коллективные отработки — строительство дорог, рубку леса, рытье прудов, на которые крестьян сгоняли целыми фукунулунами. Придумали новые налоги, для выплаты которых вербовали на европейские плантации все мужское население общины. В Имерине всюду назначили новых старост, которые работали как колониальные агенты. Здесь же, у бецимисарака, получилось несколько по-иному. Издревле у нас поняли, что каналы — это необходимость. А поскольку в одиночку их не построишь и от песка не удержишь, бецимисарака тоже держались за фукунулуны. Во многих районах побережья во главе общин были оставлены старые мпиадиды. Колониальные законы превратились для них в своего рода подпорку, с помощью которой можно было грабить соплеменников не только в пользу французов, но и для личного обогащения. Эти люди, сколотившие таким образом немалые состояния, и стали первыми малагасийскими буржуа на побережье.

Остров пиратский Сент-Мари*

Ватумандри — совсем никудышный порт, без причалов и пирсов. Но на его открытом рейде, прямо за камнем силача Дарафифи, я еще с утра заметил три морских баркаса. Между ними и берегом совершали бесконечные челночные операции десятки пирога, то забиравших с баркасов какие-то ящики, то подвозивших к ним мешки с кофе. В надежде сделать пару хороших снимков я на пироге подплыл к одному из баркасов, обменялся приветствиями с капитаном и вскоре уже сидел в его крохотной каюте.

Рандриа — так звали капитана — рассказал интересные вещи. Оказывается, вокруг всего Мадагаскара снуют сотни каботажных суденышек, которые, исполняя роль «морских такси», посещают любой прибрежный город острова. Стоя на открытом рейде, они забирают сельскохозяйственную продукцию, выращенную во всей округе, и сгружают товары, необходимые всему хинтерланду городка. Оттуда с помощью носильщиков их доставляют в самые отдаленные уголки острова. Дешевизна подобного транспорта — главный тормоз строительства дорог и развития автоперевозок на острове.

— Сколько же времени требуется, чтобы с заходами обогнуть весь остров? — поинтересовался я.

— Да месяца полтора, — ответил он. — А до Европы плыть месяц.

Вечером я вновь был гостем капитана, пригласившего меня отведать кальмаров, сваренных в каком-то особом перечном соусе: совсем не остром, но очень ароматном. Помимо кальмаров Рандриа потчевал меня морскими историями о пиратах, переплетавшимися с экскурсами в прошлое бецимисарака, и рассказами о приключениях современных кладоискателей. Я подумал, что хорошо было бы послушать капитана подольше, посетить с ним пару прибрежных городков. А когда же выяснилось, что \$ капитан отправляется на остров Сент-Мари, я рассчитался с Рафиринги и пересел на баркас.

— Это хорошая идея, — расставляя мне на корме палатку для ночлега, сказал Рандриа. — Сент-Мари — отличное место. А если там все еще ошивается Розовый Дик, то будь уверен: свою записную книжку с острова ты увезешь исписанной от корки до корки.

— А кто это, Дик? И почему он «розовый»?

— Американец, ищет клады. Приехал совсем белый и сразу обгорел под нашим солнцем, облез и покрылся веснушками. Островитяне смеялись над его видом и прозвали Розовый.

* Ныне Нуси-Бураха.

«Розовый» кладоискатель — это, конечно, интересно. Однако, не будь его, я все равно с нетерпением ждал бы встречи с Сент-Мари — крохотным островком, роль которого в истории восточного Мадагаскара и западной части Индийского океана отнюдь не пропорциональна его размерам.

...В конце XVII века, в преддверии завершения войн за испанское наследство, морские державы Европы объявляют крестовый поход Вест-Индской республике пиратов. Флибустьеры, корсары и каперы, руками которых европейские короли еще совсем недавно мешали друг другу закрепиться в морях Нового Света, делаются для них лишь помехой. Королевские флотилии то и дело устраивают охоту на корабли под черным флагом. И многие из них, дабы не пойти на дно Карибского моря, в поисках нового Эльдорадо направляются в Индийский океан. Там, на восточном побережье Мадагаскара, поблизости от путей, где шли торговые галеры, груженные перцем, корицей, гвоздикой, слоновой костью, камфорой, шелками, парчой, драгоценными камнями и фарфором, рождается новая пиратская республика. Однако, опасаясь воинственных бецимисарака, которым могло не понравиться нашествие непрощенных гостей, пираты создают свою вольницу на Сент-Мари, отделенном от Мадагаскара узким проливом. Завязывают первые контакты с туземцами, женятся на мальгашках, становятся «министрами» прибрежных феодалов.

Эти контакты с пиратами оказали огромное влияние на историю и культуру прибрежных народов, а на Сент-Мари привели даже к появлению племени занамалата — «потомков мулатов», в жилах которых смешалась кровь их матерей — бецимисарака и отцов — европейских пиратов. Браки на «высшем уровне», очень частые между местными «королевами» и вожаками флибустьерских шаек, привели к тому, что вскоре во главе племенных объединений, живущих к северу от Туамасина, почти повсеместно стали полукровки. Наибольшую известность среди них приобрел Фульпуэнта, сын английского пирата Забияки Тома и царевны Рахена из рода Зафиндрамизуа. Получив по настоянию отца образование в Лондоне, он вернулся на Мадагаскар и, приняв имя Рацимилаху («господин, который берет, не спрашивая»), — поставил перед собой честолюбивую цель объединить все племена острова, тем самым опередив замыслы великого Радамы I.

Всех малагасийцев Рацимилаху не объединил, однако все-таки сумел стать первым королем всех прибрежных племен. Опираясь на поддержку других феодалов-мулатов, он выступил против своего главного соперника — короля Раманану, правившего лесными племенами и стремившегося пробиться к океану в районе Туамасина. Именно в ходе этой борьбы, закончившейся победой прибрежных племен, сторонники Раманану, окруженные войсками Рацимилаху, поклялись сохранить верность друг другу до конца и стали называть себя бецимисарака — «многочисленные и верные». В честь этой великой победы король-мулат присвоил себе новое имя — Рамаруманумпу («тот, кто командует многими»). Так же вскоре начало называться и его королевство, раскинувшееся от Ватумандри на юге до залива Антонжиль (Антунгила) на севере. Переняв у своих соседей с Сент-Мари традиции пиратства, подданные Рамаруманумпу на пирогах с балансерами сами предпринимали грабительские набеги — сначала на Коморы, а затем и на отколовшиеся от вожаков Сент-Мари поселения пиратов вдоль мадагаскарского побережья.

На берегах Антонжила они нередко беспокоили самого Метьюза Джеймса Плантейна — одного из любопытнейших персонажей пиратского мирка Мадагаскара. Награбив огромное состояние на Ямайке и у берегов Западной Африки, этот жестокий авантюрист решил уйти на покой и поселился на Великом острове, в долине реки Антанамбалана. Живших по ее берегам бецимисарака он превратил в своих рабов, которые построили ему роскошный замок-крепость, обрабатывали поля и отражали набеги соседей. Два раза в год Плантейн посылал на остров Бурбон (Реюньон) или в порты Персидского залива корабль, доставлявший ему боеприпасы для армии, которой командовали шотландец Джеймс Адера и датчанин Ханс Бурген, а также шелка, драгоценности и одежды для гарема. В нем со-

держалось около ста мальгашек, которым он дал английские имена: Сью, Пегги, Молли, Кейт и многие другие.

Но не они, а другая женщина погубила стареющего пирата. От своего «генерала» Бургена Плантейн как-то прослышал о красавице Элеоноре, внучке «короля» города Мессалидж, полукровки старого Дика и дочери английского пирата Брауна, убитого в одной из схваток с флибустьерами. Совершив инкогнито путешествие в Мессалидж, муж Сью, Пегги, Молли и Кейт... влюбился в Элеонору.

Он послал Диду написанное высоким стилем послание, в котором просил руки внучки. Царек, было, согласился, но его советники-европейцы, имевшие с Плантейном старые счеты, отговорили Дика. Оскорбленный возлюбленный, поставив под ружье свое тысячное войско, пошел на Дика войной. Обидчик был разбит, прекрасная Элеонора вместе с неизвестно от кого прижитым ребенком похищена. Плантейн распустил гарем: Сью и Молли отдал Адере, а Пегги и Кейт — Бургену. Была сыграна пышная свадьба, на которой гости опустошили тридцать бочек рома.

Однако мстительный Плантейн не чувствовал себя счастливым. Его мучила мысль о том, что соседний король — мулат Келли, который обещал поддержать его в борьбе за Элеонору, но в последний момент выступил на стороне Дика, остался ненаказанным. Посвятив лишь несколько дней любви и пьянству, он бросился громить королевство Келли. Огню и мечу были преданы подвластные ему деревни. Но сам Келли ускользнул от кары и спрятался за сотни километров от Плантейна, на крайнем юге острова, во французской крепости Форт-Дофин.

Тогда молодожен-пират обратился за помощью к друзьям с Сент-Мари, снарядил целую флотилию и отправился крушить Форт-Дофин. На этот раз Келли и его белые советники попали ему в руки. Деда своей возлюбленной он бросает на съедение муравьям, а европейцев отправляет на тот свет старым мальгашским способом — травит тангуином.

Довольный, он возвращается в долину Антанамбаланы, но вскоре понимает, что одержал пиррову победу. Оба его генерала убиты, два судна потоплены пушками Форт-Дофина, а французы готовятся к карательной операции. Самым опасным, однако, оказалось то, что бецимисарака, вовлеченные в кровавые интриги Плантейна, начали выказывать неповиновение. Сидеть же в осаде в своем замке, опасаясь в любой момент быть отравленным малагасийцами, он не хотел. Нагрузив на корабль самое ценное добро, включая Элеонору, Плантейн отбывает на службу к малабарским князькам-корсарам...

Что же еще повидали берега, мимо которых плывет наш баркас? Больше что-то я ничего не могу припомнить и обращаюсь с этим вопросом к Рандриа. После того как мы обошли стороной оживленные воды вокруг Туамасина со стороны океана, заметного не своими зданиями, а устремленными в небо пальцами подъемных кранов и огромным нефтеперерабатывающим заводом, капитан вывел судно за полосу рифов и, отдав команду «отбой», присел рядом со мной.

— Многое, очень многое повидали эти берега, — задумчиво говорит он. — В тысяча восемьсот одиннадцатом году Туамасина захватили англичане, а через восемнадцать лет его буквально стерли с лица земли французы. Король-мулат Таматаве Жан Рене, власть которого признал Радама, потом перешел на сторону французов и, подобно многим другим знатным потомкам пиратов, помогал поработить Мадагаскар. Любвеобильные королевы местных племен, которые порою влюблялись в пиратов за их бархатные камзолы и давали им в качестве приданого целые куски своих владений, сослужили своему народу плохую службу. Ведь именно так «французской территорией» стал Сент-Мари.

— Никогда не слышал об этом, — признался я.

— Бетти, королева занамалата, была всему виной. Она по уши втрескалась в знаменитого французского авантюриста капрала Ля Бигоня. Капрала на первых порах совершенно не прельщала судьба местного царька. Однако, когда Бетти пообещала принять француз-

ское подданство и подарить свой остров Франции в обмен на руку и сердце блестящего капрала, а на Ля Бигоня надавило начальство, он в тысяча семьсот пятьдесят четвертом году пошел под венец. Франция же с тех пор, обосновавшись на Сент-Мари, превратила остров в опорный пункт интриг против Имерины.

...Был прилив, когда мы подходили к острову. Гигантские голубые валы рушились на риф, разбивались о него, и пенный поток несся дальше, готовый, казалось бы, сокрушить беззащитный Сент-Мари. Сначала вдоль его восточного побережья за полосой желтых пляжей тянулись заросли невысоких кустарников. Но вскоре пляжи исчезли, и прямо к воде вышли роци кокосовых пальм. Иногда их кроны так низко склонялись к океану, что волны обдавали их солеными брызгами.

Солнце клонилось к западу. Скользя последними лучами по верхушкам пальм, оно скрылось за островом, несколько минут еще давая о себе знать загадочным лилово-розовым заревом, разлившимся по небу. Но вскоре, как это всегда бывает в тропиках, небо потемнело и черные сумерки обволокли и океан, и землю.

— Когда причалим к берегу? — поинтересовался я.

— Глубокой ночью, — ответил капитан. — Мы обойдем весь остров с востока, сбросим несколько ящиков в Амбудифутутра, а оттуда повернем на юг вдоль западного побережья.

Забравшись к себе в палатку, я вскоре уснул и проснулся лишь тогда, когда баркас бросил якорь в Амбудифутутре — «столице» Сент-Мари.

Было около четырех часов утра. На безоблачном небе, по которому ветер гнал легкие облачка, плыл перевернутый полумесяц и мириады звезд. А по тихому, едва плещущемуся океану плыла луна неперевернутая и мириады огней. Это в свете факелов ловили рыбу островитяне.

— Не правда ли, красиво? — почти шепотом спросил подошедший сзади Рандриа. — В такие тихие ночи океан нередко выплескивает на берег драгоценные камни. Некоторые говорят, что они из пиратских кладов, размытых водой. Но занамалата верят, что это окаменевшие отблески звезд.

Восходящее солнце, осветив тихие бухты Сент-Мари, помогло понять, почему флибустьеры, имевшие в XVII веке возможность выбрать себе в Южных морях чуть ли не любой остров, облюбовали именно этот. Пятидесятитрехкилометровое восточное побережье Сент-Мари, принимая на себя все удары Индийского океана, как бы обеспечивает безопасность и покой западного. Здесь почти всегда безветренно и тихо, небо соревнуется в голубизне с океаном, а природа дарит человеку все то, что создано ею в тропиках.

От спокойных бухт и заливов, где некогда стояли пиратские шхуны, а сейчас мальчишки соревнуются в ловле сачком ярких коралловых рыбешек, расходятся тропинки, ведущие в глубь этого острова, почти нигде не превышающего в ширину пяти километров. Порою тропинки эти превращаются в подлинные «туннели», проложенные в сплошном зеленом сплетении пальм, хлебных деревьев, равенал и папоротников, перевитых лианами и усаженных цветущими орхидеями. Кое-где в это буйство зелени вкраплены белые пятна домов зажиточных фермеров, но чаще всего — желтые бамбуковые хижины на сваях, в которых живут крестьяне.

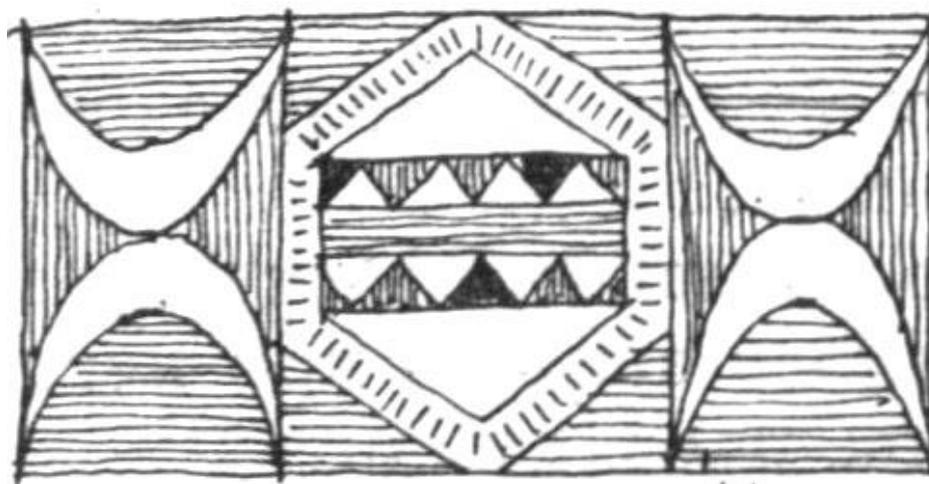
Вместе с Нуси-Бе остров Сент-Мари прочно держит первенство самого густонаселенного уголка малагасийского государства. На 176 квадратных километрах здесь живут девять тысяч человек, из них примерно шесть тысяч — занамалата. А это значит, что в каждом из двух из трех островитян течет кровь морских разбойников.

Течет, но, на мой взгляд, не «играет». Занамалата — люди спокойные, приветливые и дружелюбные, не выказывавшие никаких дурных намерений. Единственный отголосок флибустьерской эпохи в их сегодняшней жизни — это любовь к битвам быков, которые устраивают по воскресеньям и которые отдаленно напоминают буйные игрища и корриды

времен расцвета пиратских республик. Раньше быков доставляли с разных пиратских судов. Теперь животных гонят с разных концов острова, и их битва превращается в соревнование южных и северных деревень Сент-Мари. Бои продолжаются до тех пор, пока один из быков не убежит. Предварительно заключаются пари, люди впадают в азарт и бурно реагируют на бычьи баталии, которые порою продолжаются от восхода до захода солнца. А поскольку кровавого исхода здесь не бывает, то быков на крошечном острове для подобных соревнований пока хватает.

В будни занамалата выращивают гвоздику и иланг-иланг, ваниль, какао и рис, работают на фабрике эфирных масел и в порту, ловят рыбу, а в свободное от всего этого время ищут клады своих предков. Отсюда, как мне показалось, их настороженность к любым новичкам на острове, в которых они, очевидно не без основания, видят в первую очередь искателей сокровищ, а следовательно, и конкурентов...

Кладоискатели и последний король

Конкурентов было немало, потому что у бухточек и заливов мне не раз попадались хипповатого вида личности, которые, перекидываясь фразами на английском, голландском, итальянском и шведском языках, с остервенением рыли песок. Однако по сравнению с Розовым Диком, которому меня все же представил Рандриа, они казались жалкими дилетантами.

За шесть недель, прошедшие с тех пор, как Рандриа в последний раз заходил на Сент-Мари, Дик перестал казаться розовым, поскольку отрастил бороду и шевелюру, скрывшие все его веснушки. За это время он нанял дюжину рабочих-малагасийцев и, разбив их на группы, приступил к поискам кладов сразу в трех местах. Все они были неплохо технически оснащены, а палатка Дика, разбитая на мысе Королевы Бетти, напоминала штаб генерала. Она была завалена картами, старыми книгами, посвященными пиратам, и множеством микрофильмов, на которых были пересняты редкие документы и статьи со штампами Библиотеки конгресса США и Британского музея. Как видно, Дик готовился к экспедиции серьезно и был уверен в том, что затраты свои оправдает.

Знакомство мое с Диком проходило нелегко. Сначала он встретил меня подозрительно и развязал себе язык только тогда, когда убедился, что я не привез с собой лопат и вряд ли вскоре вообще вернусь на «остров сокровищ». Потом, когда в Дике проявилась свойственная американцам общительность, я с интересом выслушал рассказ кладоискателя.

— Крохотный островок Рамака, или Мадам, что стережет вход в бухту Святой Марии, вселяет в меня больше всего надежд. Заправляли там американцы, и мне удалось напасть на следы документов, которые уже почти привели меня к цели. Клянусь Святым Захарием*, ноя не я буду, если не перерою весь Рамака и не добуду его драгоценные внутренности!

— Разве в этих водах промышляли американские пираты, которые могли оставить клад? — удивился я.

— Американцы занимались здесь иным делом. Они скупали награбленное пиратами добро и продавали другим, а также брали на хранение у них золото и драгоценные камни. Возглавляла этот бизнес компания «Филиппс Врос». В тысяча шестьсот девяносто первом году она послала на Мадагаскар своего агента Адама Балдриджа. Разбирая как-то семей-

* Святой Захарий — покровитель флибустьеров и кладоискателей.

ный архив, я узнал, что старик Балдридж был моим предком. Он обосновался на Рамака и вскоре стал настоящим банкиром пиратов. Старик хорошо вел свои гроссбухи.

Дик уверенным жестом извлек из груды бумаг на полу своей палатки нужную фотокопию и протянул ее мне.

— Теперь о втором месте... Оно связано с именем счастливого Генри Эйвери. Клянись Захарием, ты много знаешь про него. Так что как — покороче или подлиннее мне рассказывать?

— Подлиннее, — ответил я, потому что, хотя я и знал историю Эйвери по кличке Долговязый Бен, выслушать ее вновь под небом Сент-Мари, где прошли лучшие годы знаменитого пирата, было очень заманчиво.

— О'кей! Как и любой приличный пират, Эйвери начал заниматься большим делом в Америке. У берегов Перу он поднял бунт на военном корабле «Карл II», овладел им и ушел в африканские воды. Там он разграбил португальский поселок на одном из Канарских островов, в Гвинейском заливе взял в плен три английских корабля, доверху нагруженных слоновой костью, серебром, золотом и драгоценными камнями.

Окрыленный успехом, молодой пират направился на Сент-Мари. Сначала ветераны этой твердыни флибустьеров встретили неизвестного им выскочку в штыки. Однако вскоре его щедрость и отвага многим заткнули рот, и Эйвери сделался главой мадагаскарских пиратов. Он «работал» в Красном море и Персидском заливе, где брал на абордаж богатые арабские и индийские суда.

Именно одна из таких операций помогла Эйвери оставить свое имя в анналах истории. В начале девяностых годов семнадцатого века он захватил корабль Великого Могола, потомка Тамерлана. На этом корабле из Мекки возвращались «сливки» делийского двора, сопровождавшие дочь правителя Индии. Эйвери женился на ней, оставив себе в качестве приданого огромный корабль Могола, а также найденные на нем полмиллиона фунтов.

— Где эти сокровища? — задумался Дик. — Известно, что в тысяча шестьсот девяносто шестом году Эйвери перебрался в Америку, а затем в Англию, где счастье покинуло его. Но всего своего золота с Мадагаскара он не увез: припрятал на случай, если придется бежать назад. Найти его сокровища тяжело, потому что о них слишком много знают со времен Даниэля Дефо, описавшего одиссею Эйвери в своих книгах.

— Наконец, приступим к третьему месту, связанному с именами как Тью, так и Эйвери, но больше всего — с именем знаменитого неудачника Вилли Кидда, — продолжал Дик. — О нем рассказывают много глупостей. Трепятся, что он был сказочно богат, хотя никто, кроме меня, пока еще не знает, откуда это богатство.

— Тогда бьюсь об заклад, что это тоже секрет, о котором можно знать только Захарию, — подзадорил я Дика.

— Нет, кое-что я тебе уж так и быть расскажу. Как раз в те годы, когда Тью наводил ужас на купцов Индийского океана, а Эйвери уже начинал подумывать о том, чтобы удалиться на покой, в Англии был образован синдикат, создатели которого решили погреть руки на обширных доходах флибустьеров Сент-Мари. Среди основателей этого синдиката каперов были верхи английской аристократии — лорд Орфорд, первый лорд Адмиралтейства, лорд Белламонт — губернатор Нью-Йорка, лорд-канцлер Сомэр, государственный секретарь лорд Родней, шеф юстиции лорд Шрезбэри и многие именитые виги.

Понятно, что «сливки» общества не могли быть замешаны в темных делах. Так, в их синдикате появился капитан Кидд. Ему был выделен корабль «Эдвенчариз», команда отборных головорезов, и дарована грамота Уильяма Третьего. Эта бумага давала Кидду право пускать ко дну любое судно под флагом Франции, а также нападать на любой пиратский корабль. За каждого пойманного пирата Кидду было обещано лордами по пятьдесят, а за голову Эйвери и Тью — по пятьсот фунтов.

Но Эйвери откупился, а Тью надавал столько дельных советов, что Кидду стало ясно: головы старых пиратов, покоящиеся на их крепких плечах, приносят ему куда больше дохода, чем то, что обещали за них лорды.

Так Кидд потерял всякий интерес к делу, которое ему доверили создатели синдиката. Выведав «крепкие секреты» о богатствах, спрятанных в земле, он начал избегать сражений с пиратами в океане. Пристав к мадагаскарскому берегу, он подговорил одного из местных вождей напасть на форт, созданный Адамом Балдриджем, находившимся в это время в Америке, сам же он, дабы дать возможность пожить команде, направился на Лаккадивские острова.

Разграбив их, Кидд возвратился на Рамаку. Похитив клад, о котором ему сказал Тью, Кидд затем организовал «карательную» экспедицию против исполнявшего его волю вождя, избавившись тем самым от свидетелей. Когда на Рамаку возвратился Адам, все выглядело так, будто бы клад был похищен малагасийцами.

Между тем хозяевам Кидда все больше не нравилось его поведение. Чтобы «реабилитировать» себя в глазах лордов, Кидд в первый и последний раз за свою каперскую карьеру все же напал на судно «Кедахский торговец». Но добычи на нем оказалось всего на тридцать тысяч фунтов.

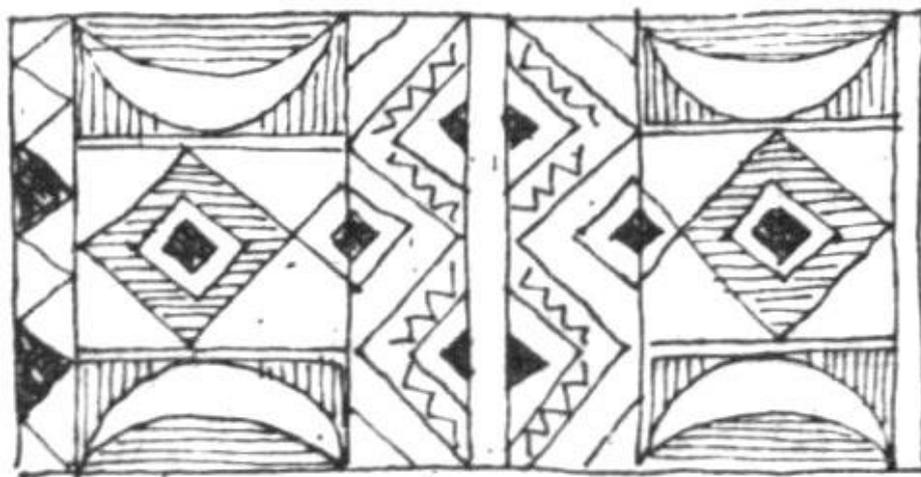
Оставив пришедший в негодность «Эдвенчариз» и пересев на «Кедахского торговца», Кидд начинает метаться по Индийскому океану в поисках новых жертв. Но тут агенты Ост-Индской компании отказываются снабжать его припасами, а в Лондон посылают донесение, в котором сообщают о якобы огромной добыче, присвоенной Киддом. Партия тори использует дело Кидда для того, чтобы дискредитировать виггов, и лорды из синдиката лишают капитана своей поддержки. В то же время Ост-Индская компания, которой пираты наносили огромный материальный урон и мешали отношениям с Индией, требует устроить над Киддом показательный суд, который послужил бы в назидание всем остальным. Кидда приносят в жертву и приговаривают к высшей каре — виселице.

— Откуда же тогда легенда об огромных богатствах этого неудачливого капера? — спросил я.

— Это совсем не легенда, — отрицательно покачал головой Дик. — Я, конечно, рассказал не все, что знаю, но даже из сказанного ясно, что Кидд немало получил от Эйвери, а еще больше взял на Рамака. Тью потом проклинал Кидда, обвиняя его в том, что тот лишил его всего. Он называл даже сумму, присвоенную Долговязым Беном, — восемьсот тысяч фунтов золотом. Конечно, убегая с Мадагаскара и зная, как его встретят лорды, Кидд не стал брать с собой мешки с золотом. Он закопал их, и герои Эдгара По, которые выведены на страницах «Золотого жука», откопали не все сокровища Кидда. До того, что Кидд присвоил себе огромные средства и зарыл их у мадагаскарского берега, докопались и тори. Да, я же забыл сказать, откуда все это мне известно. Другой мой предок был среди тех, кто послал Кидда на виселицу. А все остальное, парень, для Захария. Да и вообще поклянись мне, что раньше, как через пять лет ты не разболтаешь всего, что я тебе наговорил! Поклянись святым Захарием!

Клятву я дал, пожелал Дику успехов и, с его разрешения, задержался в палатке покопаться в его коллекции пиратской литературы.

Маруанцентра — город камчатцев

Книг было много: записки капитанов, плававших в те годы вокруг Мадагаскара, руководства для кладоискателей и археологов, воспоминания остепенившихся пиратов и сборники легенд. Но что это? Неожиданное русское имя на тисненном золотом кожаном переплете: «Жизнь и удивительные приключения русского ссыльного Герасима Измайлова, бежавшего с Камчатки и рассказавшего о своей одиссее капитану Джеймсу Куку на острове Уналашка, а также не менее удивительная история других русских, добравшихся до Мадагаскара». Книга была издана в Эдинбурге в 1802 году и повествовала о событиях доподлинных и действительно удивительных.

События эти не забыты у нас. Подробно и увлекательно в книге «Облик далекой страны» рассказал о них известный советский историк-африканист А. Б. Давидсон, который совместно с В. А. Макрушиным обобщил огромный исторический материал о первых русских, побывавших на Мадагаскаре.

Их удивительные приключения начались в 1771 году, когда с далекой Камчатки, из Большерецкого острога, бежал ссыльный колодник М. А. Бенёвский. Бежал дерзко, угнав казенный галиот «Святой Петр», увезя в неведомые дотоле ни одному российскому подданному Южные моря около ста человек — русских, камчадалов, коряков и алеутов.

Уже проходя острова Курильской гряды, некоторые из них, не веря, что найдут счастье на чужбине, начали обдумывать планы возвращения на родину. Однако «измена» была раскрыта, главные «заговорщики» высажены на одном из необитаемых островов. Среди них был Герасим Измайлов — тот самый, который через семь лет поведал великому Дж. Куку о бунте Бенёвского.

Через Макао и Кантон необычные скитальцы отправились в обход Африки во Францию. 12 апреля 1772 года М. Бенёвский записал в своем дневнике, который вел по-французски: «Бросили якорь на острове Мадагаскар, я сошел у форта Дофин. Губернатор Иль-де-Франса (ныне остров Маврикий. — С. К.) своими рассказами об особенностях этого огромного и прекрасного острова вызвал у меня желание ознакомиться и покорить его».

Можно лишь пофантазировать о том, что мог тогдашний французский губернатор Маврикия рассказать камчатскому беглецу, чтобы тот принял столь фантастическое решение: «покорить Мадагаскар». Однако, как бы то ни было, но, попав в Париж, предприимчивый Венёвский, многое приврав и приукрасив в своей одиссее, ухитрился склонить на свою сторону министра иностранных дел Франции, влиятельного герцога д'Этийона. В

конце 1773 года он во главе полка вольнонаемников отплыл на завоевание Великого острова. Вместе с ним к мадагаскарским берегам вновь отправились 11 камчатцев: два матроса — Потолов и Андриянов (с женой), сын священника Ичинского прихода Ваня Уфтюжанинов, ставший преданным учеником М. Венёвского, и семь «людей» купца Холодилова.

Дождавшись Дика, ходившего проверять, не натолкнулись ли его рабочие на бочонки с золотыми дукатами, я поинтересовался, нет ли у него еще каких-нибудь материалов о Бенёвском.

— Этот тип мало меня интересует, потому что больших денег у него быть не могло. Вот мемуары твоего соотечественника, — проговорил Дик, вытаскивая из груды книг в дальнем углу хижины два пухлых тома. — Но учти: Бенёвский очень много врал и приукрашивал во имя собственной славы. Его рассказы, как правило, не сходятся со свидетельствами всех других его современников.

Я углубился в изучение записок Венёвского. Были они потрепаны, некоторые страницы затерты до того, что трудно читались. По всему было видно, что книгу эту не забыли до сих пор.

— Да, посмотри еще вот этот микрофильм, — нарушил мое чтение Дик. — И обрати внимание на автора переснятой на него машинописной рукописи. Роберт Сюркуф — праправнук знаменитого корсара семнадцатого века, героя нашумевшего в свое время кинофильма «Сюркуф — гроза морей». Этот кинофильм надоумил меня познакомиться с потомками Сюркуфа, живущими сейчас на острове Маэ. Они действительно дали мне ряд дельных советов и разрешили переснять эту копию писаний Робера.

Судя по предисловию к рукописи, Робер Сюркуф, получив от своего прапрадеда и его потомков немалое наследство и недвижимость на Сейшелах, в свободное от предпринимательства время занимался изучением истории островов Индийского океана. Причем использовал он для этого доселе ни для кого не доступные частные архивы, сохранившиеся у потомков пиратов на Реюньоне, Маврикии и Сейшелах. Не знаю уж, почему Робер Сюркуф не издал свою «Историю забытых островов», а его наследники ограничились лишь перепечаткой его рукописи на машинке. Даже беглое мое знакомство с нею дало возможность понять, что материалы, собранные праправнуком «грозы морей», представляют огромный интерес.

Одна из глав рукописи Р. Сюркуфа называлась «Пираты Сент-Мари и залива Антонжиль». История Венёвского пересказывалась в ней вскользь и лишь в той связи, что «доверенное лицо графа, молодой и хорошо образованный И. Уфтюжанинов, сватался за дочь правителя Сент-Мари», но получил отказ, «поскольку местные князья-занамалата, находившиеся под влиянием французов, не хотели укрепления влияния Венёвского». И в другом месте: «Люди из Луисбурга, столицы Венёвского, были нередкими гостями на острове Сент-Мари», и столица эта «находилась на побережье залива Антонжиль, всего лишь в трех сутках перехода под надутыми парусами от Сент-Мари...»

Вечером в каюте Рандриа я принялся за изучение старой лоции, которой пользовался капитан. Многочисленные мелкие порты, раскинувшиеся по берегу Антонжиля, не сулили ничего интересного. Но вот: Маруанцентра! «В конце XVIII века, — утверждала лоция, — на берегу этой гавани стоял форт Луисбург, созданный русским авантюристом М. Венёвским, находившимся на службе у французской короны».

Хорошо, подумал я. Но разве не интересно быть первым за целых два столетия русским, вступившим на эту землю после Венёвского и его спутников? Надо уговорить Рандриа ссадить меня в Луисбурге.

Однако уговаривать не пришлось. Заход в Маруанцентру входил в планы капитана: он вез в город груз риса и собирался загрузиться там мешками с кофе. «Дня через два мы будем там, — пообещал он. — Дыра дырой, хотя и овеена романтическим прошлым...»

...Дни эти промелькнули быстро, и вот наше суденышко уже приближается к заветной цели. Тогда, в начале 1774 года, те одиннадцать русских и Венёвский высадились именно здесь, на ныне заросшем пальмами побережье в заливе Антонжиль, уже хорошо различимом с борта парусника.

По мере приближения к «большой земле» резко меняется цвет воды Антонжиля: из лазурно-голубого он делается мутно-зеленым, потом — желтым, оранжевым, бурым. Это в океанскую голубизну врываются воды широченной реки Антанамбаланы — короткой, но имеющей уйму горных притоков и выносящей в океан огромное количество взвешенного материала. Спускаясь на прибрежную равнину, Антанамбалана намывает широкую, глубоко вдавшуюся в океан топкую долину. В самом ее центре, в тени огромных мангровых деревьев, и расположилась Маруанцентра, возникшая на месте Луисбурга. Создав здесь торговую факторию, люди Венёвского на первых порах принялись скупать у местных племен скот и продукты земледелия. Затем, когда были построены ремонтные доки, в новый порт начали наведываться суда с Иль-де-Франса, Реюньона, из бурских колоний. Отсюда Венёвский рассылал сохранившиеся в архивах Мальгашской академии письма, на которых его рукой обозначено: «Луисбург, остров Мадагаскарский».

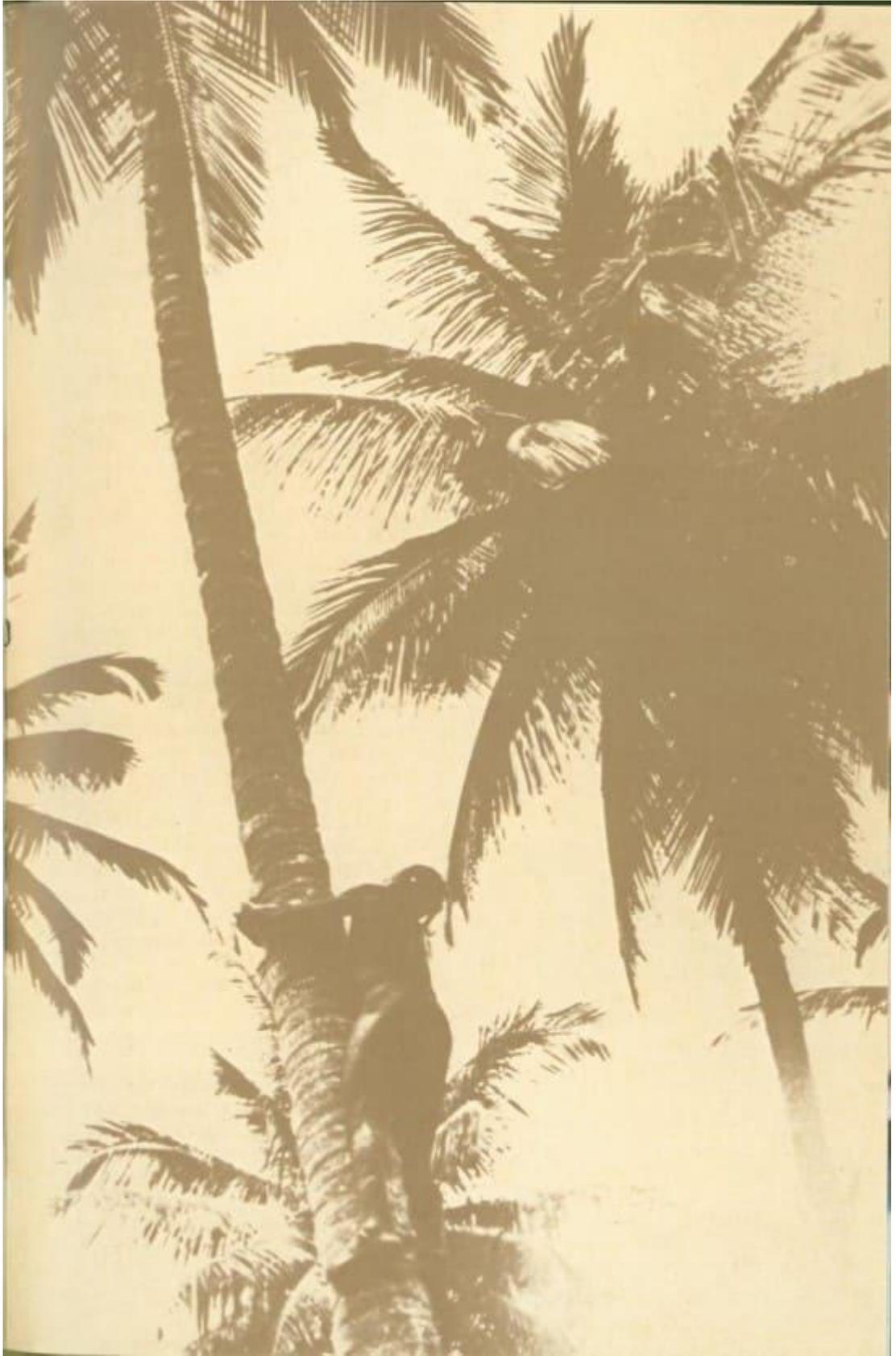
А в километрах тридцати вверх по Антанамбалане, где некогда царствовал Плантейн, подальше от малярийных болот Луисбурга, спутники Венёвского нашли дивной красоты долину, окруженную горами. Камчатцы назвали ее «долиной Здоровья», создали там небольшую крепость — форт Августа и лагерь для отдыха. На пересечении лагерных тропинок тогда стояли указатели, на которых на русском и французском языках было написано: «К коменданту», «В город Луисбург», «К реке. Без оружия не ходить». Там в красную мадагаскарскую землю навсегда легли жена Андриянова и один из камчадалов, сраженный стрелой. На современных картах селение, выросшее в «долине Здоровья», называется Амбинанителу.

На первых порах отношения волонтеров с мальгашским населением не ладились. Наученные горьким опытом долгих лет общения с пиратами Сент-Мари, бецимисарака видели в белых пришельцах лишь врагов. Однако, самодурствуя среди своих европейских подчиненных, Венёвский счел необходимым требовать от них уважения к туземцам, пресекал любые попытки вымогательства или применения против них силы. Все это вскоре привело к тому, что вокруг Луисбурга воцарился мир.

Но Венёвский хотел большего и, используя свои способности дипломата, достиг этого. Очень скоро он познал дух малагасийцев, их внутренний мир и понял, что никогда не станет для них «своим» человеком, если не обретет на острове положения, уходящего своими корнями в культ разана. Это открытие из отрасли этнопсихологии мальгашей подтолкнуло Венёвского к мысли выдумать версию о том, что он — потомок последнего правителя королевства Антаваратра. Используя то обстоятельство, что дочь короля Антаваратра действительно была похищена пиратами и увезена на Иль-де-Франс, сторонники Венёвского начали распускать слух о том, что он — внук бывшего правителя, единственный оставшийся в живых продолжатель почитаемого по берегам Антонжиля королевского рода Рамини.

Слухи упали на благодатную почву. Вскоре ряд племен, которых Венёвский к тому же снабжал огнестрельным оружием и поддерживал в борьбе против набегов воинственных сакалава, признали его своим верховным вождем — ампансакабе. Так, не прибегая к силе оружия, Венёвский начал «покорение» Мадагаскара с помощью разана.

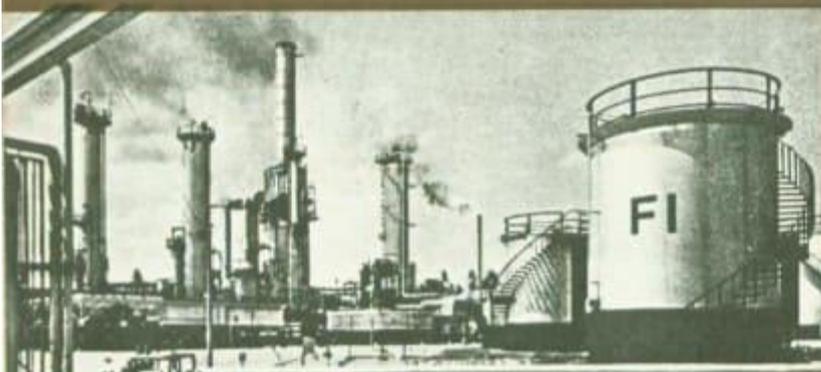
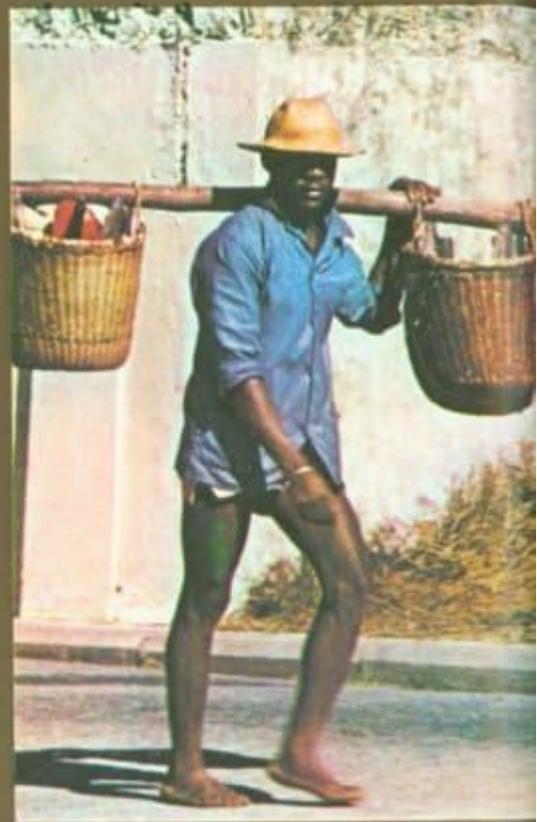
Подобный поворот событий, однако, навлек беду на новоявленного ампансакабе совершенно с противоположной стороны. Его возвышение ни в коей степени не соответствовало целям титулованных плантаторов и богатых негоциантов с Реюньона и Иль-де-Франса, которые сами хотели «осваивать» Мадагаскар. Вспыльчивый Венёвский, надеясь на поддержку д'Этийона, не очень-то считался с соседями.

Деревня лесных
безанозану

Девушка
занамалата

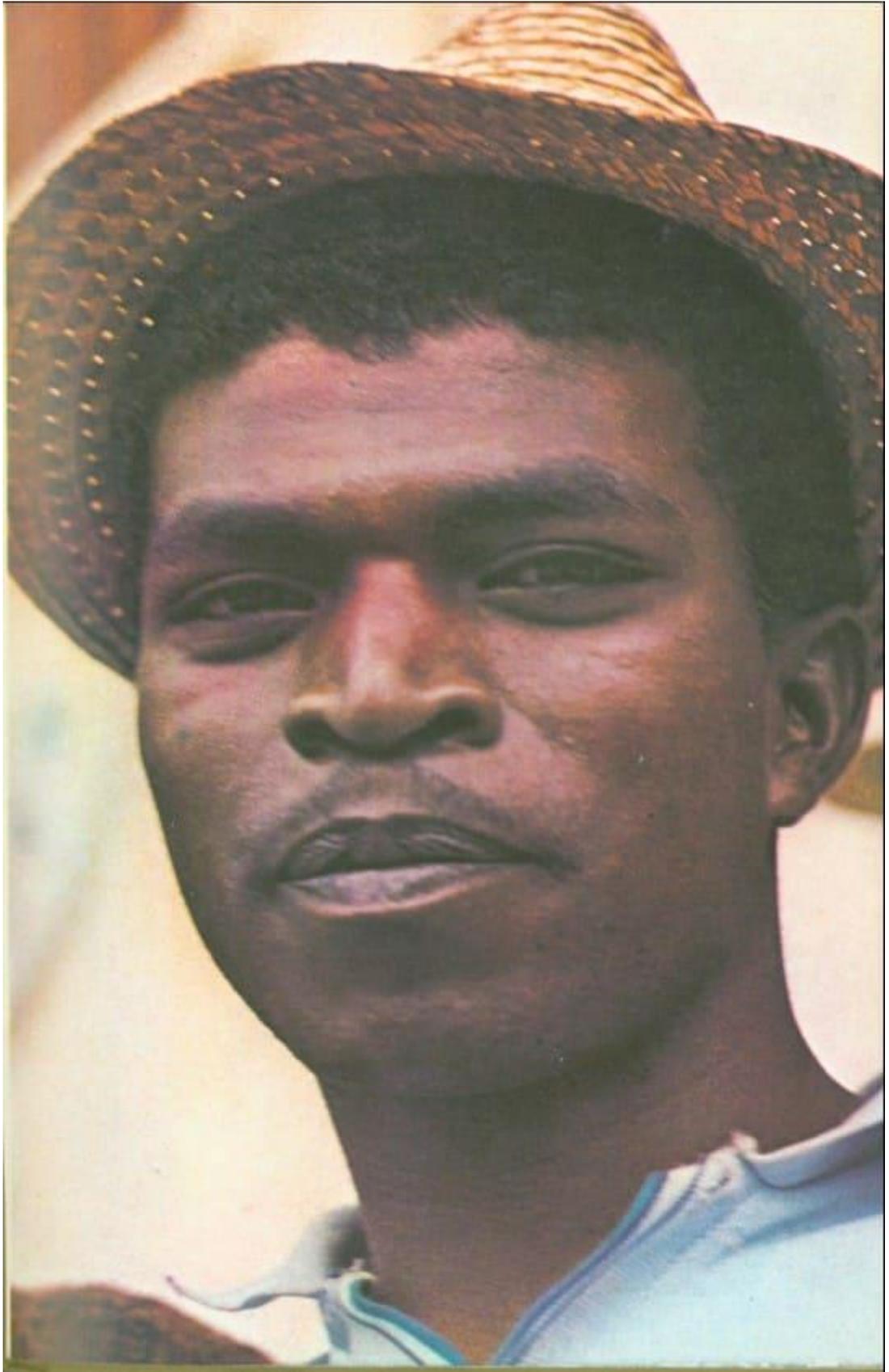
Так переносят тя-
жести в Ватумандри

Нефтеперерабаты-
вающий завод в
Туамасина

Докер из Анцере-
нана

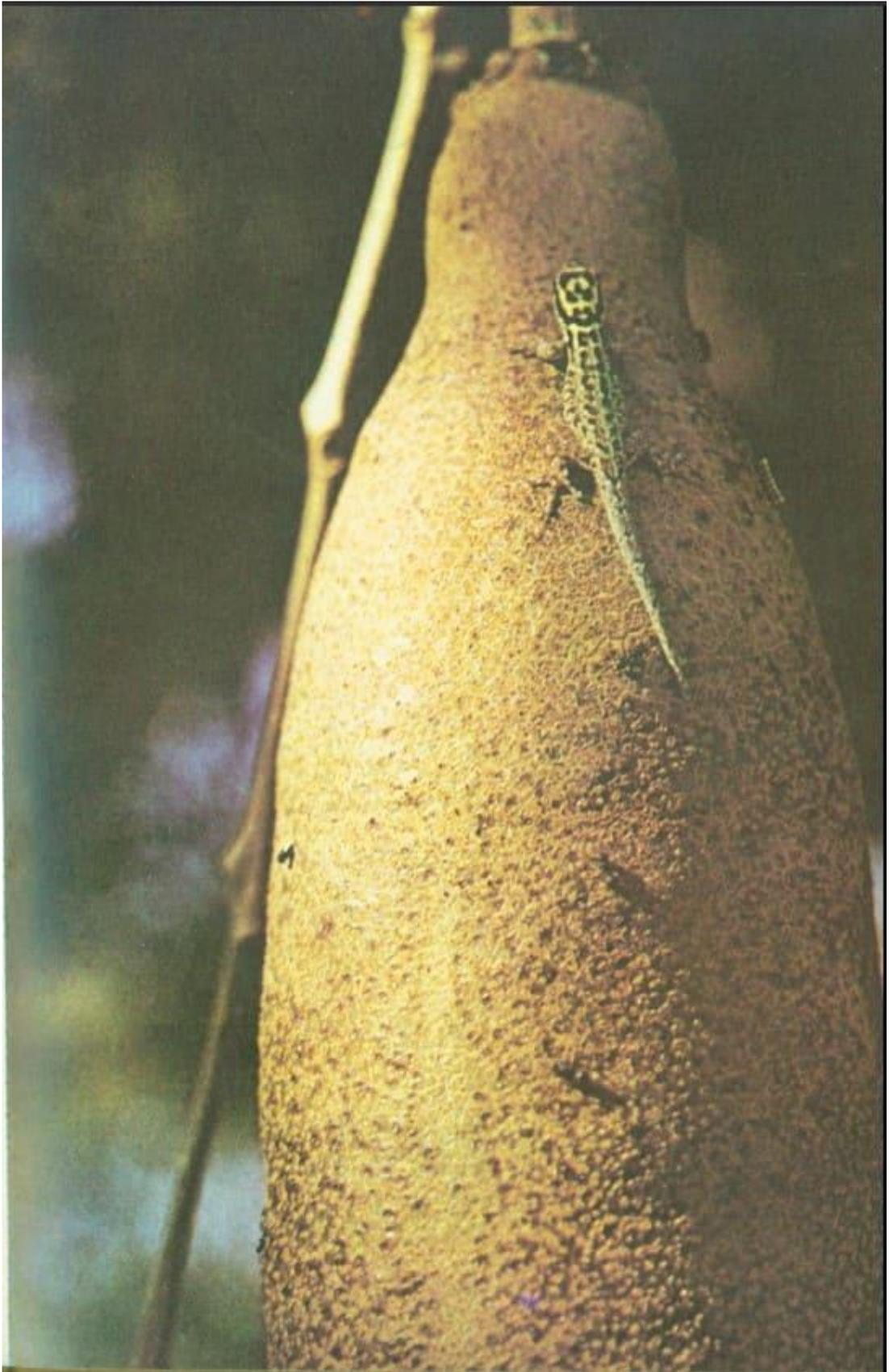
Огненное дерево —
символ флоры Мада-
гаскара

«Подводные сады»
острова Нуси-
Бураха

Кружева казуарин
Предки этой яще-
рицы приплыли на
Мадагаскар из Аф-
рики

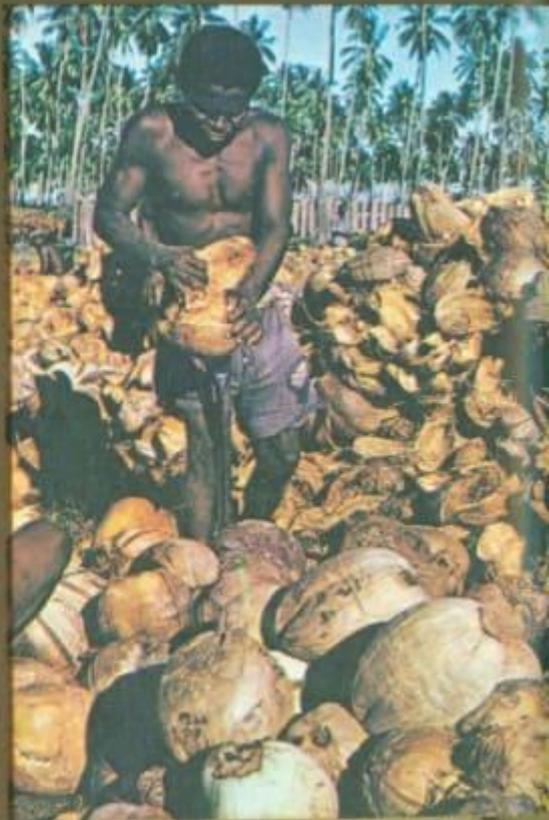
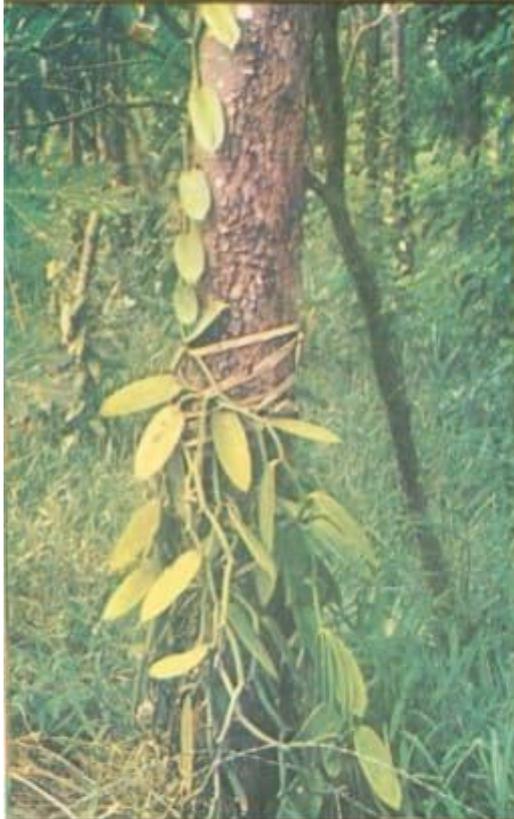
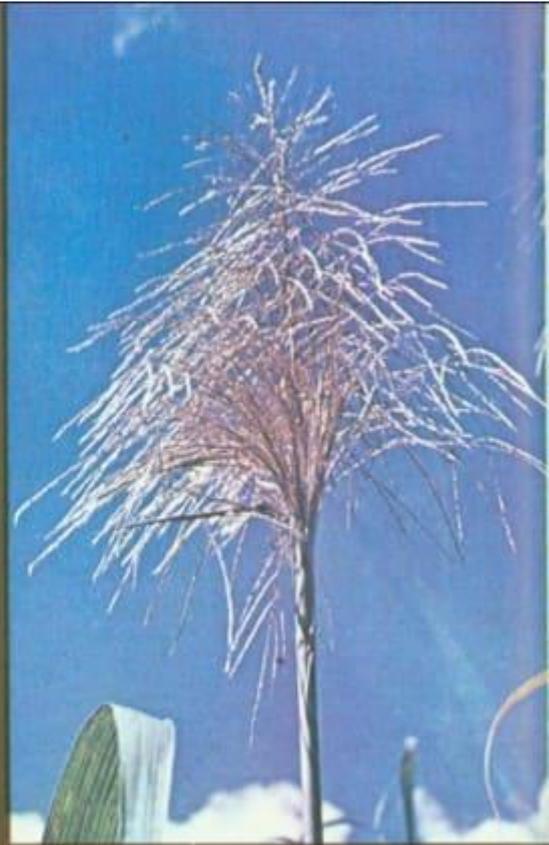

Сахарный тростник завоевывает все большие площади на острове

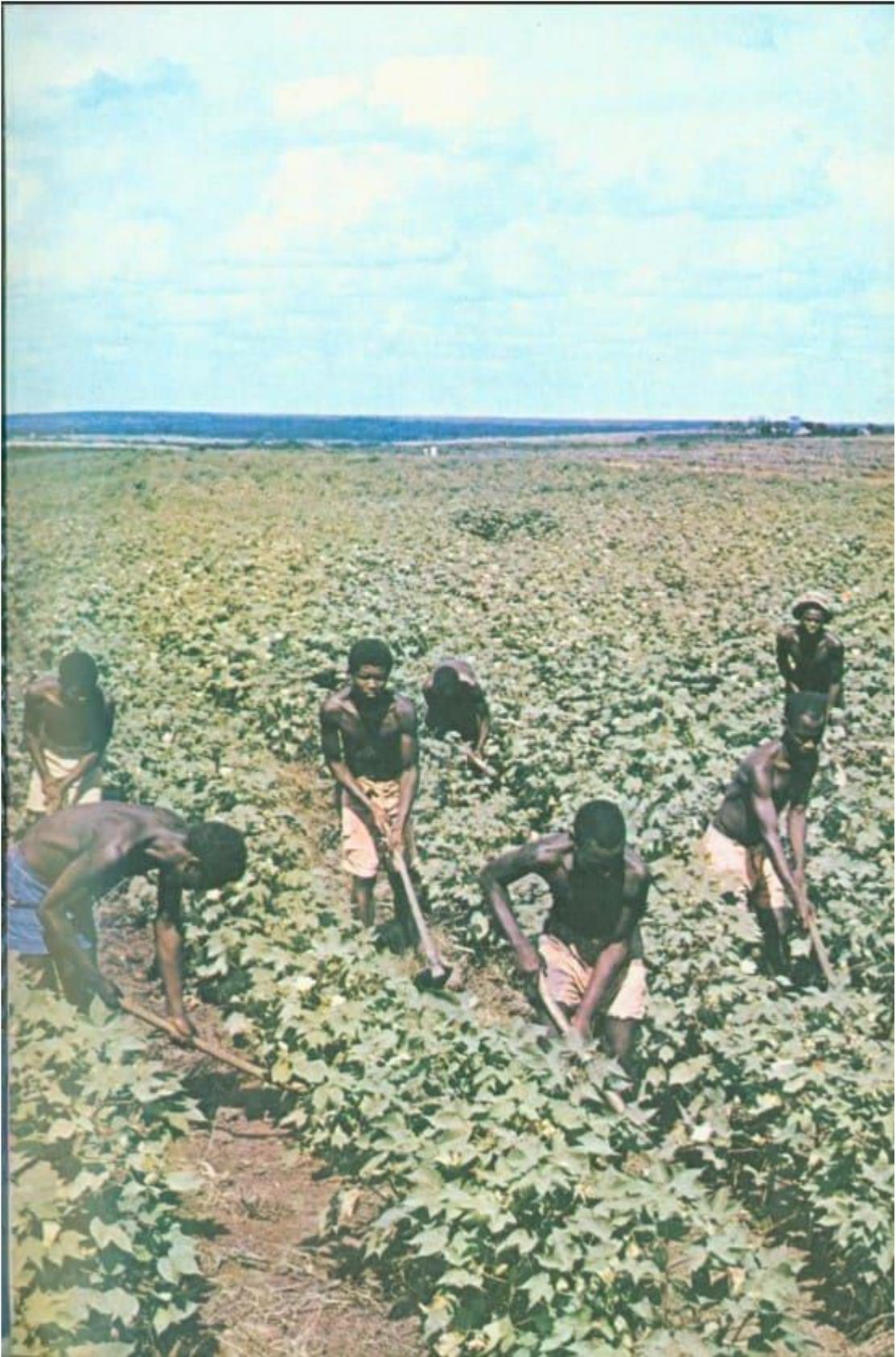
Ваниль сушат прямо на улице...

...Её получают из стручковой тенелюбивой лианы из семейства орхидей

Огромные кокосовые орехи колют вручную, чтобы извлечь из них ядро

Хлопок — новая перспективная культура Мадагаскарского Запада

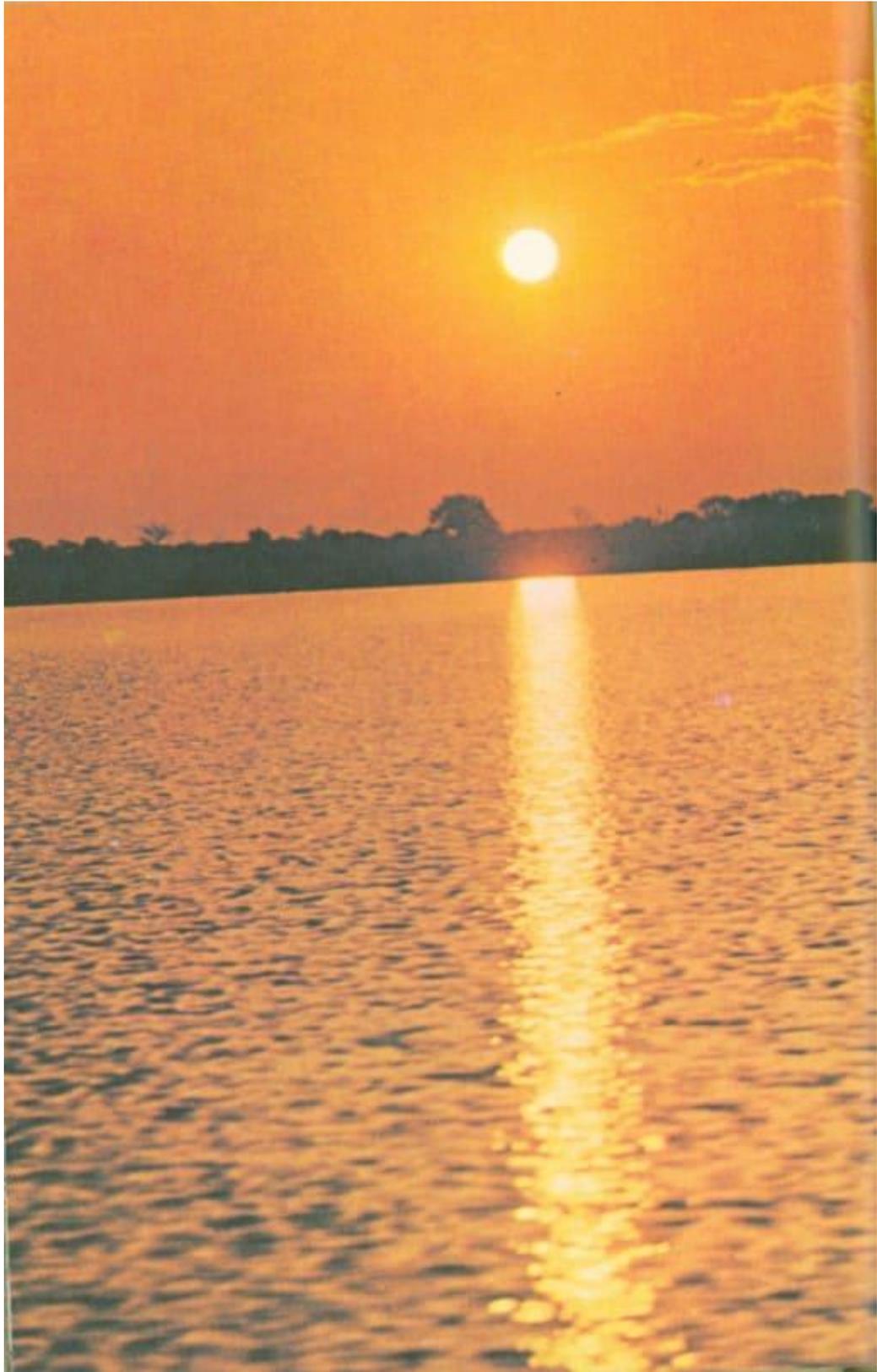

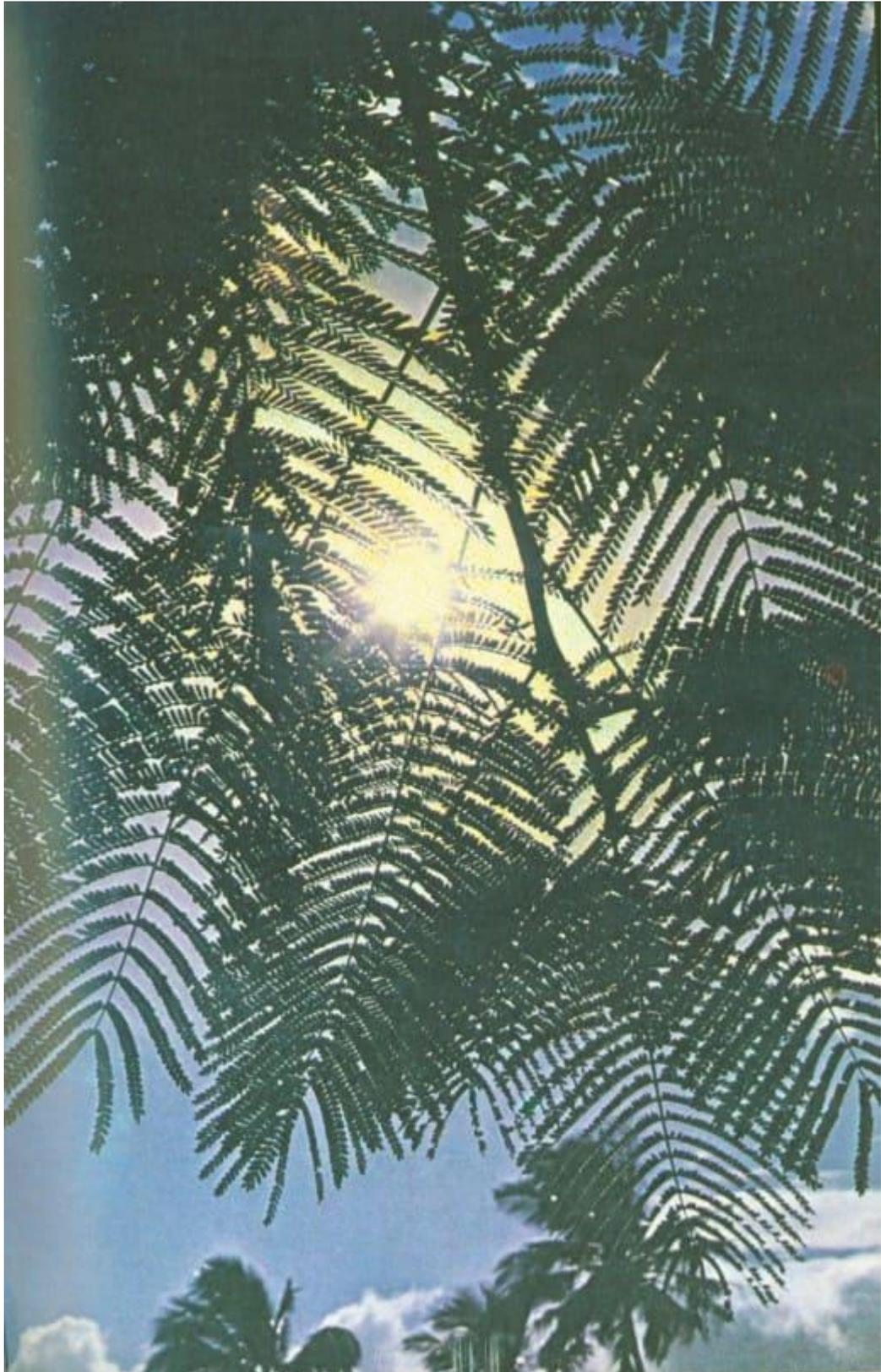
Привычное на Мадагаскаре соседствует с неожиданным: кокосовая пальма, характерная для побережий тропических широт, и нигде больше не встречающиеся лемуры. Наряду с хамелеонами их можно назвать наиболее характерным представителем фауны этого древнего осколка Лемурии...

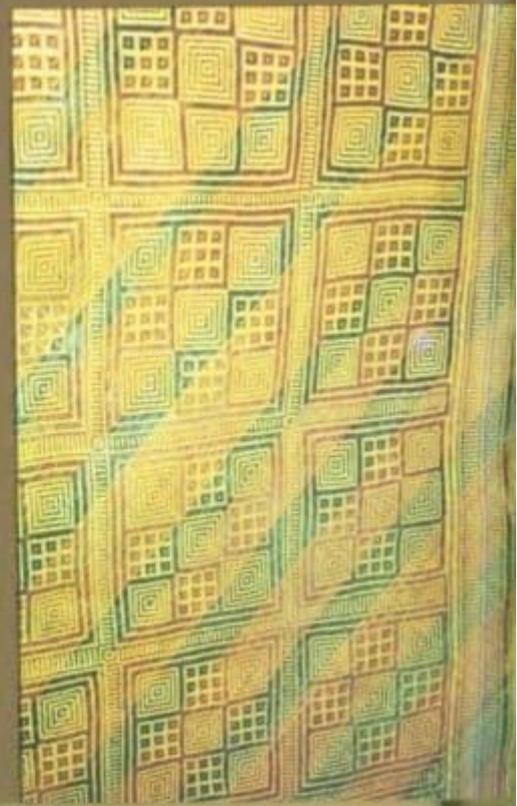
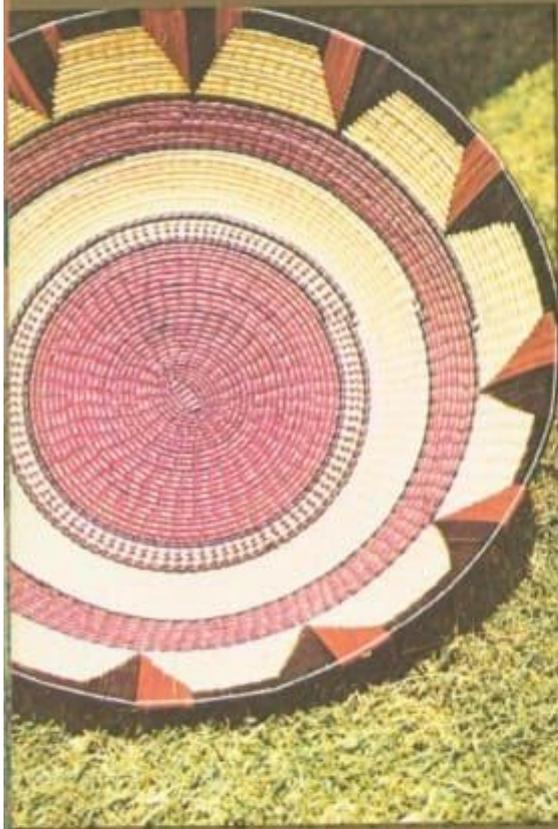
Как бы удивительны и неповторимы по форме, величине и окраске ни были цветы Мадагаскара, ни один из них не может сравниться с исконными жителями его влажных лесов — орхидеями

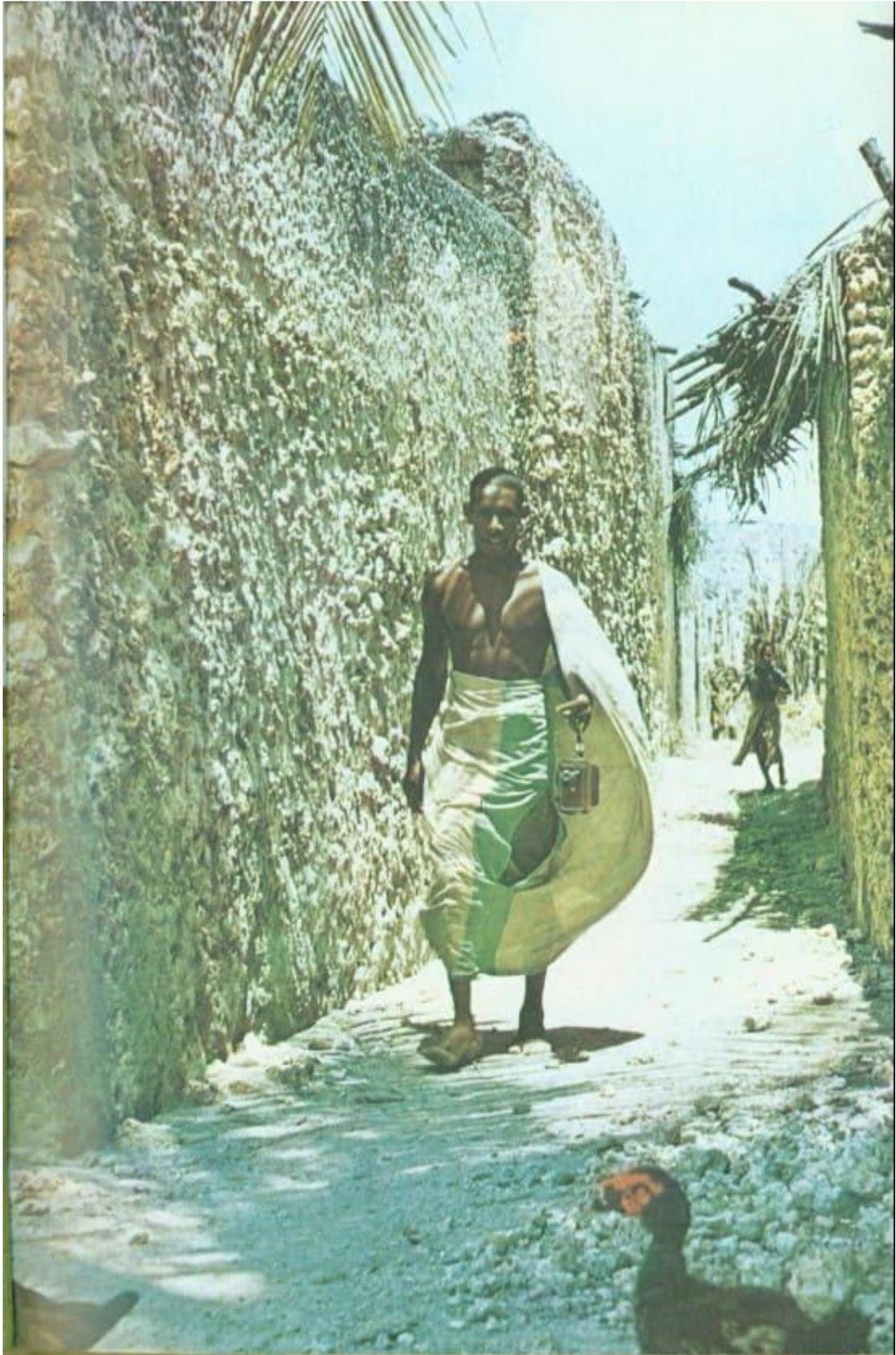

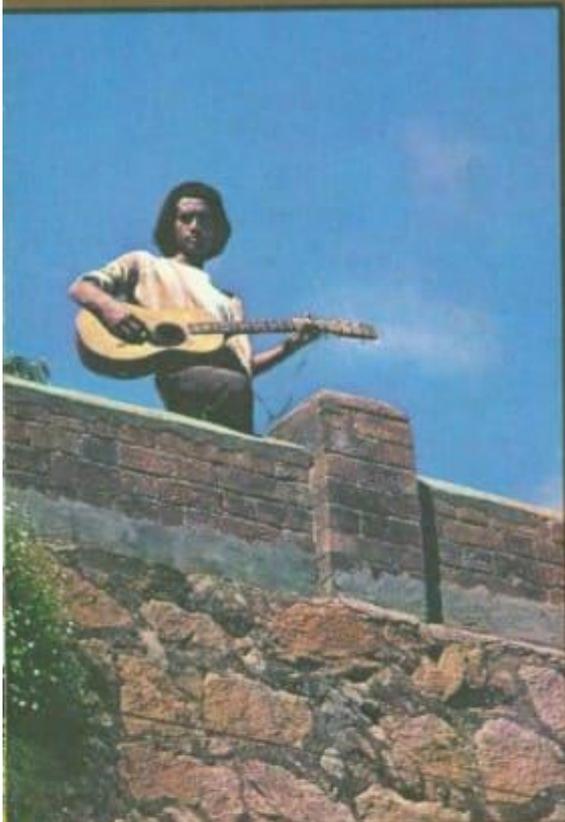
Быть может, в Анцеранане — лучшей гавани мира — бывают и самые красивые на Земле закаты?

Колорит Мусульманского Востока на Мадагаскарском Западе бросается в глаза даже непосвященному. Это и узкие улочки, и слепые глинобитные дома, украшенные резными дверями, и изыск орнамента. Свидетельство влияния ислама на местные многовековые культурные традиции...

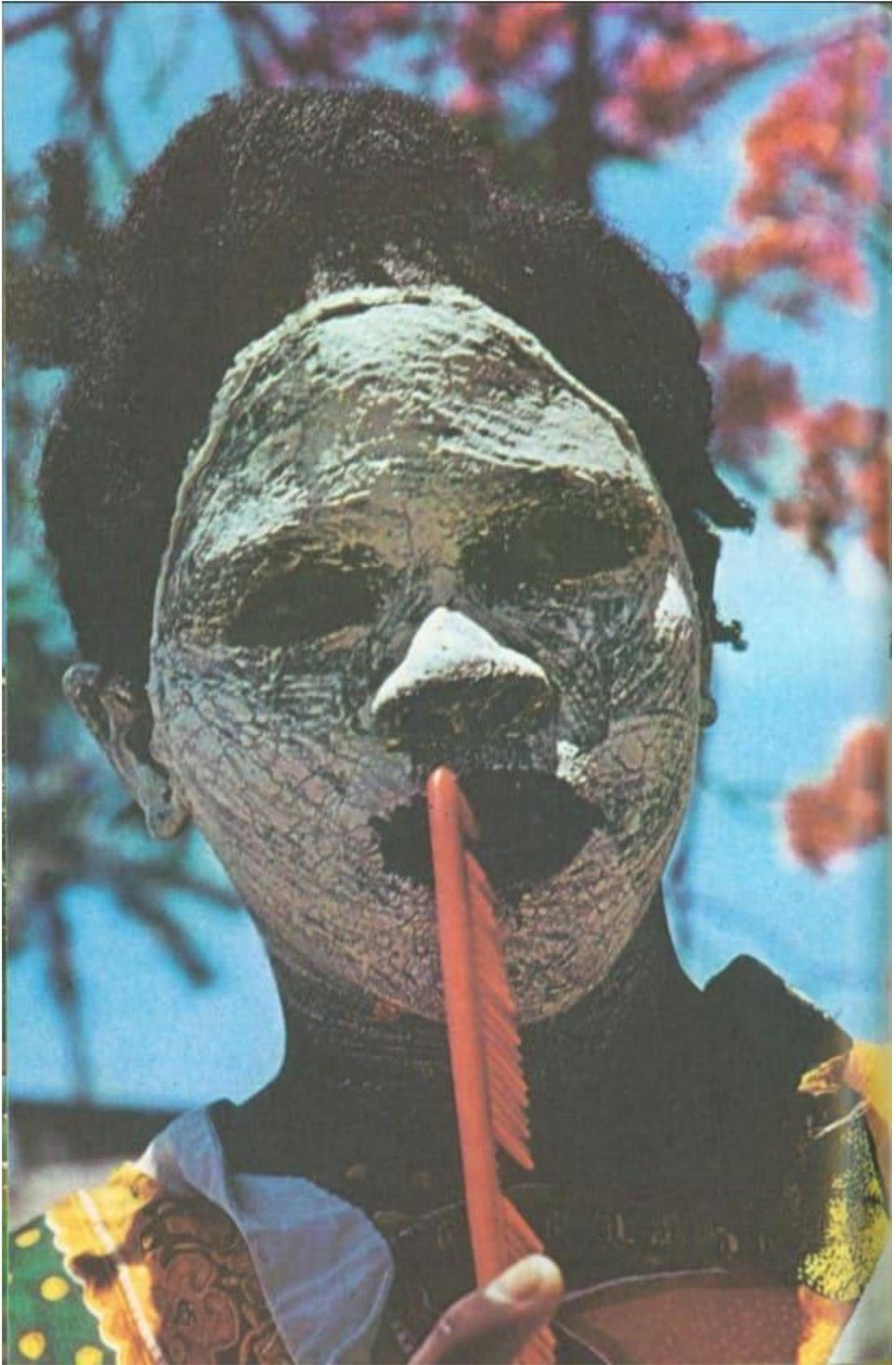

На хаин-тени, где соревнуются остро-
словы и выстулают
лучшие музыканты,
собирается разнаря-
женная молодежь
Махадзанги

Традиция покрывать в дневное время лицо косметической «маской» из белой глины, предохраняющей кожу от солнца, пришла на западное побережье из Африки. Она ведет свое начало от рабов племени макуа, вывезенных из Мозамбика, — это предки современных малагасийцев мосамбика

Те же, действуя правдами и неправдами, добились от правительства отзыва с Мадагаскара своего предприимчивого конкурента.

Но конкурент не сдался. Вскоре мы уже видим его в Лондоне, а затем и за океаном, где не без поддержки Б. Франклина он создает компанию для заселения Мадагаскара. В июне 1785 года на борту американского парохода «Интрепид» он вновь появляется в бухте Антонжиль. Восторженные жители Луисбурга, признав своего ампансакабе, палят из пушек в сторону моря. Испуганный капитан «Интрепида», наслышанный о пиратах и коварстве туземцев, но никак не ожидавший приветственных залпов, приказывает сниматься с якоря и спасается бегством. Венёвский, которого тем временем на руках вносят в Луисбург, понимает, что остался почти один.

Кто же был этот удивительный человек — Мориц Август Бенёвский, личность столь же незаурядная, сколь и авантюристическая? Поляк по происхождению, он родился в 1741 году на словацких землях, оккупированных Венгрией. Знатное происхождение позволило ему поступить в аристократическую Венскую военную академию, закончив которую он сделался офицером австрийской армии. Попав в Польшу, он становится полковником Барской конфедерации, сражавшейся против царской России. Именно это и привело его на Камчатку.

Попав туда, он начал вести подробные дневники, ставшие впоследствии основой для знаменитых «Путешествий и воспоминаний» графа Бенёвского. Впервые изданные в Лондоне еще в 1790 году, они ставились современниками в один ряд с «Записками» Казановы и «Мемуарами» Калиостро, были своего рода «бестселлером» начала XIX века. Но в русском переводе они так и не появились, поскольку долгое время «камчатский бунт» держали в секрете от россиян.

С тех пор о Бенёвском написаны сотни романов, статей, поэм и монографий, он стал героем опер и мелодрам. На Западе в его деятельности искали лишь авантюристическое начало, в буржуазной Польше видели национального героя. В 1937—1938 годах в места, связанные с Венёвским на Мадагаскаре, отправился известный польский писатель и путешественник Аркадий Фидлер, рассказавший о мадагаскарской «одиссее» Венёвского после того, как американский корабль, испугавшись приветственных залпов двух пушек Луисбурга, бежал из бухты Антонжиль.

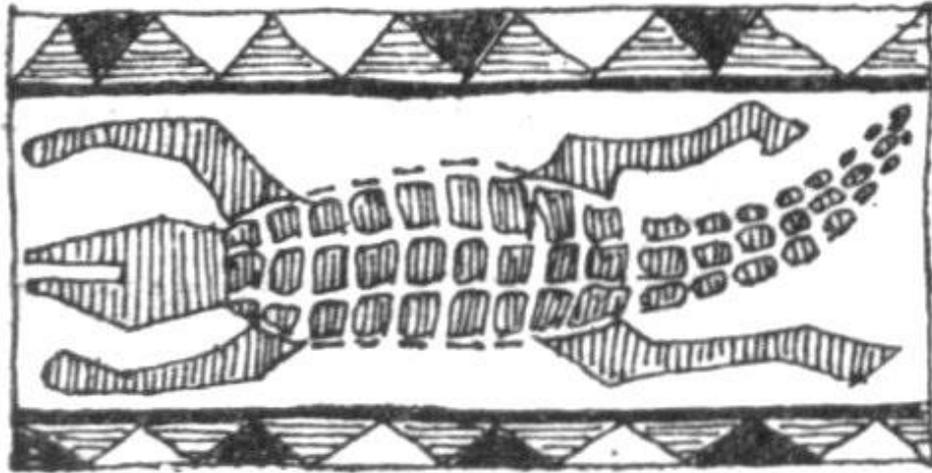
Никаких следов своего соотечественника А. Фидлер на берегу Антонжиля не нашел. Ничего нового о Бенёвском не могли рассказать в основанном им городе и мне. Для образованных мальгашей он был действующим лицом их национальной истории, одним из тех, кого упоминает школьный учебник. Простые же бецимисарака вообще никогда не слышали о своем ампансакабе.

— Как могло случиться это на острове, где так чтут предков? — подумал я и тут же дал ответ своему вопросу: — Позабывшись о том, чтобы найти себе исторические корни в прошлом, и сделавшись благодаря этому признанным потомком Рамини, Венёвский, сраженный шальной пулей, не имел времени, чтобы задуматься о будущем. У него не было малагасийской семьи, он не оставил после себя на острове детей и поэтому выпал из той цепи поколений, которая поддерживает на Мадагаскаре память о куда менее знаменитых умерших. Ревниво относились к былой популярности Венёвского среди мальгашей и французы, отнюдь не стремившиеся увековечить его имя на острове.

В этих условиях любые мои попытки напасть на след Венёвского в Луисбурге — Маруанцентре были бы подобны новой аванюре у мадагаскарских берегов. «Но почему бы не попытаться пройти по следам самого А. Фидлера, написавшего после своей поездки в эти края поэтичную книжку «Горячее селение Амбинанителу», — подумал я. — Попробо-

вать найти ее героев, боровшихся за освобождение острова, проследить их судьбы на протяжении почти четырех десятков лет...»

АМОД, внук Амоды

Я перелистал книжку А. Фидлера, предусмотрительно брошенную в чемодан. Конечно, интереснее всего было бы встретиться с учителем Рамасо, «человеком новой эпохи», как назвал его автор «Горячего селения», передовым малагасийским интеллигентом, помогавшим патриотам. Но тут же бросилась в глаза фидлеровская сноска в собственной книге: «По понятным причинам, я изменил некоторые фамилии». Уж кого-кого, а марксиста Рамасо он «законспирировал» в первую очередь.

Кто же еще? Староста Района; который был готов выдать Рамасо колониальным властям в те грозные для Амбинанителу дни, когда в деревню, скрывавшую повстанцев, нагрянули каратели? Этот, наверное, все же успел выслужиться, пошел вверх по административной лестнице. Мрачный интриган Безаза, мпиадид деревенской общины, мудрый и добрый Джинаривело, силач Тамасу... Нет, все они были в годах уже во времена Аркадия Фидлера, а условий для долгожительства колониализм не создавал.

Разве что вот Амод? Преуспевающий индийский торговец, имевший лавки и в Маруанцентре, и в Амбинанителу. Уж этому, наверное, у А. Фидлера не было причин менять имя.

Я пересекаю сонную набережную, словно крышей перекрытую развесистыми великанами-манго, захожу в первую попавшуюся лавку. Сонный сикх с ухоженной бородой, аккуратно уложенной в сеточку, с любопытством переспрашивает.

— Амод? Как же, есть у нас в городе такой торговец. Куда ему деться... Выйдете отсюда, повернете на главную улицу, пройдете минут пять, там и увидите магазин с надписью: «Амод и Амод». Только стоит ли в этакую жару идти через весь город, когда у меня можно купить те же товары?

Наверное, сикх продал бы мне и свои воспоминания, но меня они не интересовали. Ради того, чтобы найти Амоды, я был готов пройти «весь город» побольше Маруанцентра.

А вот и магазин. В нос ударяет запах ванили, корицы, гвоздики, перца и еще чего-то незнакомого. У стены, заставленной консервными банками и кипами ярких тканей, сидит худой, лет тридцати индеец в огромных очках. «Если это и не Амод, то внук того, кто нужен мне», — прикидываю я.

— Могу ли я видеть господина Амоды?

— Як вашим услугам, месье, — вскакивает он.

— Простите, но мне нужен ваш дед или в крайнем случае отец.

— Дед Амод? Он давно умер. «А отца сейчас попрошу», — с готовностью говорит он, скрываясь за ароматными мешками.

Проходят томительные для меня минуты. Наконец из-за мешков выходит грузный человек в синей чалме, берет с полки какие-то бумаги и, здороваясь, протягивает их мне.

Одного взгляда достаточно, чтобы понять, за кого принял меня деловой хозяин.

— Нет, нет, месье Амод, я не оптовый покупатель и цены на гвоздику в упаковке и без таковой интересуют меня, но совершенно в другой связи. Дело в том, что, будучи еще мальчишкой, я прочитал книгу, одним из героев которой были вы. И вот, спустя много лет, приехал познакомиться.

Месье Амод смотрит на меня как на ненормального. Конечно, он богат и занимает положение в местном обществе, он знает себе цену, но поверить в то, что о нем пишут книги где-то в другой стране, он все же не решается.

— Что вы хотите сказать, месье? — явно заподозрив меня в издевательстве, строго спрашивает Амод. При этом его огромный живот, который явно должен внушать страх хрупким и стройным малагасийцам, выпячивается вперед.

Я протягиваю ему книгу. Он вертит ее с разных сторон, с некоторым удивлением всматривается в русские буквы. Но затем, увидев на картинках привычные сюжеты — лемуриков, тенреков и улыбающихся мальгашей, несколько смягчается.

— Быть может, месье Амод помнит, что в юные годы он помогал в Амбинанителу двум польским натуралистам: набивал чучела, препарировал змей, расправлял бабочек. В этой книге поляки называют вас очень способным учеником. Вы даже тогда предлагали им сообща создать компанию по монополюльной эксплуатации флоры и фауны долины Амбинанителу и сбывать чучела в Нью-Йорк. А вот и автор этой книги с лемуриком на руках...

При виде характерного профиля А. Фидлера с огромным носом Амод расплывается в улыбке.

— Как же, припоминаю. Так неужто вы сын того поляка?! — восклицает он, заключая меня в свои мягкие объятия.

Я уклоняюсь от прямого ответа, хотя и радуюсь не меньше, чем он. С детства честолюбивый и алчный, он в свои четырнадцать лет помогал Фидлеру не из мальчишеского любопытства, а в надежде разбогатеть и прославиться. И это последнее его желание я в определенной степени удовлетворил.

Вот и сейчас, быстро покончив с эмоциями, он переходит к делу.

— Как же, как же... Компании не получилось, но навыки, приобретенные у Фидлера, я сумел превратить в капитал. Делал чучела сам, а ныне спрос на них так возрос, что научил этому трех мальгашей. Теперь все эти чучела и бабочки дают неплохие деньги. «Я сейчас вам кое-что покажу», — говорит торговец, скрывается за мешками и очень быстро возвращается.

Я-то думал, он уходил, чтобы показать мне какие-нибудь диковинные экспонаты: ксантопану — самую большую бабочку Земли или самую маленькую в мире, полтора-сантиметровую, лягушку-чесночницу, недавно открытую в прибрежных лесах. Однако в руках у купца была бухгалтерская книга, по которой он скучно начал рассказывать мне о доходах, приносимых от торговли пернатыми и насекомыми.

Долго слушал я его, пока, не уловив подходящий момент, смог спросить о судьбах интересовавших меня малагасийцев.

— Да, старики, конечно, все умерли. А учитель? Он был в Амбинанителу всю войну. Но потом, вы знаете, повсюду на острове начались беспорядки против французов, он оказался замешан в них и... Впрочем, я не вмешиваюсь в такие дела мальгашей. Мое занятие — только торговля. Если же вас интересуют судьбы жителей этой деревни, то через пару дней я поеду туда. В Амбинанителу будет большая свадьба. Поэтому надо кое-что завезти в магазин. С удовольствием подброшу туда и вас.

Я поблагодарил, с наслаждением выпил чашку чая, на индийский манер заваренного прямо с молоком, и, наливая вторую, принялся вникать в дела Амоды. Продолжать его расспрашивать об Амбинанителу было явно бессмысленно.

Амод же, разоткровенничавшись, оказался совсем не таким самоуверенным, чувствующим свою власть купчишкой, каким вырисовывался с фидлеровских страниц его отец.

— Тогда нам было легче: колониальные законы защищали французских предпринимателей, а заодно и нас против любой инициативы мальгашей. Отец, да еще один китаец были тогда монополистами в Амбинанителу. Какие цены на соль, спички или ткани хотели, такие и назначали. Сколько им было выгодно, столько и платили за кофе, выращенный крестьянами.

В первые годы после независимости тоже было неплохо, — продолжал Амод. — Придумали они, правда, новое слово «мальгашизация», поговаривали о том, что местным жителям будут давать особые привилегии в торговле. Один из сыновей мпиадида сам было решил скупать кофе. Скупил, мы ему не мешали. А когда настала пора его вывозить, пришел ко мне машину арендовать. А я ему в ответ: «Нет машин. Все либо в отъезде, либо испорчены».

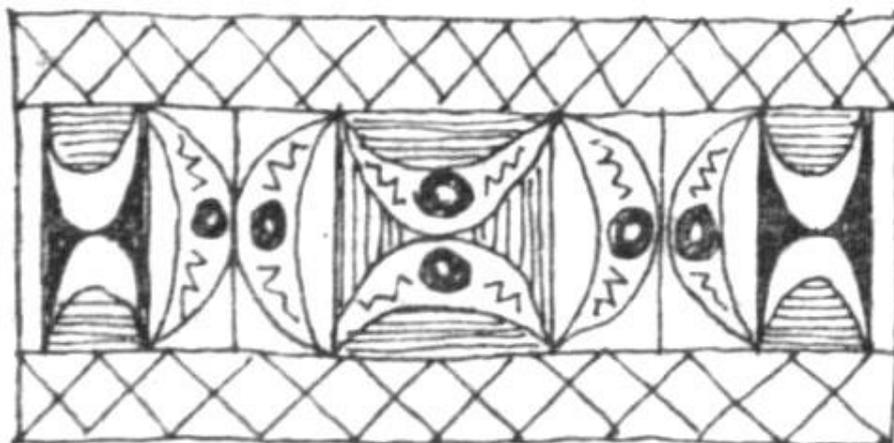
А кофе, если его не сушить, долго лежать под открытым небом не может. Тут не то, что каждый день, каждый час деньги уносит. Сунулся туда, сунулся сюда этот мальгаш — машин не нашел. Попытался вывозить кофе на лодках, так большая часть мешков почему-то утонула. Тогда опять он пришел ко мне: «Спасай, ранхаги Амод, покупай у меня кофе». Ну а мне почему не купить? Я еще поторговался, чтоб ему наперед в дела такие неповадно соваться было, и купил весь кофе, дав за мешок еще меньше того, что он крестьянам платил. Вызвал свои машины и в тот же день отправил кофе на завод. На этом мальгашизация тогда и кончилась.

— Ну а что же теперь? — спросил я.

Амод налил мне и себе очередную чашку чая, подкрутил пышную бороду и, сложив руки под грандиозным животом, продолжал:

— А теперь мальгашизация глубже копает, в обход нас так идет, что мы уже на нее влиять не можем. Сначала власти запретили нам кофе у крестьян скупать, создали сами закупочные пункты. Так что бабочками и жуками я не зря интересуюсь. Быть может, вскоре только ими мне и придется торговать...

Судьба учителя Рамасо

В Амбинанителу уже готовились к свадьбе. На деревенской площади, тщательно подметенной перед праздником и ослепительно сверкавшей белым коралловым песком, собирались люди. Мужчины были в нарядных салаках, женщины — в ярких симбу — обворачиваемой вокруг тела ткани, оставляющей открытыми плечи и верхнюю часть груди. Посреди площади, на листьях равеналы, стояла анджумбана — гигантская морская раковина, по которой время от времени бил юноша в широкополой шляпе. Раковина издавала гулкий звук и, очевидно, исполняла роль барабана, созывая односельчан на торжество.

Я несколько раз обошел площадь, проник в глубь деревни, стоящей в рассеянном солнечном свете, просачивающемся сквозь листья пальм. Остановил спешивших на зов анджумбаны девушек и сфотографировал их. Добрался до подножия горы Венёвского, сплошь усаженной гвоздичными деревьями. На обратном пути привлек внимание трех мальчишек, которые поначалу увязались за мной, но вскоре заметили мангустан со спелыми плодами и остались под ним.

Я уже было направился в лавку Амоды, когда из боковой улицы кто-то окликнул меня.

— Месье Амод сказал мне о нашем приезде, и я с удовольствием готов помочь чем смогу, — произнес стройный, лет двадцати пяти парень с приятным, доброжелательным лицом. Потом как-то замялся и выговорил по-русски: «Зд-рав-ст-вуй-те».

— Здравствуйте, — вздрогнул я от неожиданности, услышав родное слово в этих местах, где, по моим представлениям, русская речь последний раз звучала две сотни лет тому назад.

— О, месье журналист, кажется, удивлен, — нарушил юноша рой моих мыслей. — Я учился в Советском Союзе, потом в ГДР. Там друзьям было трудно произносить мое длинное имя, и поэтому они называли меня Андри.

— Я очень рад нашему знакомству, — успокоенный прозаическим объяснением Андри, обрадовался я. — Вы ведь, наверное, знаете, что этот кусочек Мадагаскара в определенной степени связан и с русской историей. И признаться, я рад, что вы не потомок камчадала со «Святого Петра». Рад потому, что тогда о нашей встрече пришлось бы молчать: кто поверил бы?

— Нет, нет, я чистокровный бецимисарака, — улыбнулся он. — Родился на севере, вблизи Анталахи, где батрачил отец. Поскольку я был самый старший из шести сыновей, в семье решили во что бы то ни стало дать мне возможность окончить школу. Потом — учеба у вас. Сейчас работаю агрономом.

— Так что в Амбинанителу вы тоже проездом? — разочарованно спросил я.

— Не совсем. Мой отец, Ромиалу, родился здесь и после того, как состарился, вновь вернулся в родные места. Здесь же живут два моих брата, на свадьбу к младшему я и приехал в Амбинанителу.

— Мне бы очень хотелось познакомиться с вашим отцом, Андри. Но посоветуйте, когда это лучше сделать, чтобы не пропустить что-нибудь интересное на свадьбе.

— Свадьба начнется только после захода солнца. А до этого времени односельчане будут без дела ходить по улицам, демонстрировать друг другу свои праздничные наряды да растанцевываться. Так что к отцу лучше всего идти сейчас.

Старик Ромиалу принял нас очень радушно, а услышав, что я приехал из страны, где его сын начал приобщаться к премудростям науки, окончательно раскрыл свое гостеприимное сердце.

— Учитель Рамасо? — напрягая память, переспросил он, выслушав рассказ о причинах моего приезда. — Рамасо, который, как вы утверждаете, учительствовал здесь в тысяча девятьсот тридцать седьмом — тысяча девятьсот тридцать восьмом годах?.. Был такой учитель, ты прав. Но Рамасо его никто здесь не звал. Для нас, участников восстания, он был «товарищ Элуа», хотя многие из нас догадывались, что и это не его настоящее имя. Он был связан с французскими коммунистами и через них многое сделал для того, чтобы урезонить ванильных плантаторов, прекратить преследовать забастовщиков. Через несколько лет он помог мне под вымышленным именем вернуться в Анталаху, где я вел среди батраков разъяснительную работу. Потом началась война, меня призвали в армию, и я вновь встретился с ним в тысяча девятьсот сорок шестом году. Он был одним из руководителей отделения незадолго до того созданной партии ДДМВ.

— Так называли Демократическое движение мальгашского возрождения, — поясняет Андри. — Эта партия выступала за провозглашение независимости Мадагаскара и пользовалась такой популярностью, что на прошедших в ноябре того же года выборах за нее проголосовали семьдесят процентов малагасийцев.

— Даже семьдесят один процент — поправляет его отец. — Такие люди, как учитель, подготовили тогда нашу первую большую победу. Но колонизаторы испугались ее. Повсюду французы начали вооружаться. Неподалеку отсюда, в Мацуандакана, они арестовали всех сочувствующих ДДМВ, а когда их односельчане собрались на кабари, чтобы обсудить происшедшее, открыли по ним огонь из пулеметов. В Амбинанителу прислали десять солдат, и они пригрозили, что убьют любого, кто появится на улице с копьём или луком.

В это тяжелое время учитель несколько раз приезжал в Амбинанителу, предостерегал крестьян от любого необдуманного поступка, который мог бы спровоцировать солдат устроить побоище. По вечерам он и еще пять-шесть человек из рабочих собирались на горе Амбихимицингу разрабатывать план совместных действий на случай, если колонисты все же затеют резню. Учитель рассказывал, что по всему острову колонисты вели себя одинаково: вооружались, арестовывали патриотов, стреляли в мирных малагасийцев.

— Кое-где французы получали отпор, кое-кто из патриотов стал братья за оружие, — продолжал старик. — В ночь с двадцать девятого на тридцатое марта тысяча девятьсот сорок седьмого в Мураманге, на землях бецимисарака, было совершено нападение на военный лагерь французов. Потом многие говорили, что французы тогда устроили что-то вроде спектакля, чтобы обвинить во всем ДДМВ и расправиться с нашей партией.

Так они и сделали. ДДМВ было объявлено вне закона, большинство его сторонников арестованы.

— А что же учитель? — с нетерпением спросил я.

— Ах да, учитель, — сдавленным голосом произнес старик. — Его арестовали в Анталахе на третий день после событий в Мураманге. Арестовали без всяких причин и обви-

нений, только за то, что он был руководителем ДДМВ. Других убивали сразу, а его, поскольку он многих знал, бросили в тюрьму в надежде, что под пытками он выдаст своих друзей. Но он бежал из тюрьмы и, проделав тот же путь, что и мы в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, добрался до Амбинанителу. Наши люди хорошо спрятали его в лесу и помогли оправиться от побоев тюремщиков.

Однако вскоре к нам в деревню вновь пришли солдаты, и он, чтобы не подвергать нас опасности, решил уйти в глубь леса. Случай ли помог карателям напасть на его след, или среди жителей Амбинанителу оказался предатель, но через несколько дней его схватили. Затем посадили в самолет и вместе с пятью другими патриотами сбросили над Маруан-центрой. Так и погиб товарищ Элуа, или учитель Рамасо, как вы его назвали.

— Такой вид казни был очень распространен в те годы, — добавляет Андри. — Французы отлично знали, как силен среди малагасийцев культ предков, и поэтому понимали, что если останки борцов будут преданы земле, то рано или поздно малагасийцы перевезут их в родные места, а могилы героев превратятся в место всенародного поклонения. По официальным данным, с самолетов тогда было сброшено около двух тысяч человек, в результате казней и пыток погибло еще восемьдесят семь тысяч. Но у нас, малагасийцев, есть свой счет. Пытаясь потопить в крови восстание, которое охватило примерно одну пятую часть Мадагаскара с населением около одного миллиона человек, колонизаторы уничтожили более двухсот пятидесяти тысяч малагасийцев. И сейчас на землях бицемисарака между городами Манскара и Мамандзари, где восстание длилось вплоть до тысяча девятьсот пятидесятого года, есть деревни, где нет ни одного местного мужчины старше двадцати пяти лет. Все, кто родился раньше, были убиты.

— Времена меняются, — улыбнулся я. — Когда здесь был Фидлер, учитель Рамасо прятал «Коммунистический манифест» за обманчивой обложкой «Гаргарена из Тараскона». Сегодня, как я вижу, трехтомник работ Ленина украшает вашу семейную библиотеку.

— А вы знаете, какой главный подарок я приберег на сегодня для невесты своего брата? — лукаво прищурившись, спросил Андри. — Я подарю ей красивую косынку из Москвы, на которой изображены советский спутник и красные звезды...

У бецимисарака — свадьба

По мере того, как солнце садилось за горизонт, анджумбане делается все надрывнее, а звонкие песни все громче.

— Извините, но мне пора заняться свадебными делами, — прервал нашу беседу Ромиалу. — Приходите к нам в дом: будете дорогим гостем. А пока, сын мой, — сказал он, обращаясь к Ансари, — сходи на площадь и посмотри, все ли там в порядке. Да не забудь зайти к Ревухимене. Я был у него утром. Но он прежде времени нализался вецабецы* и обещал сделать лунгузавулу лишь к вечеру.

Лунгузавула, как объяснил мне по дороге Андри, — это украшенная орнаментом трость, которая у малагасийцев служит символом брака. Раньше женщина, которая хотела расторгнуть брачные узы, уходя из дома, уносила лунгузавулу с собой и отправлялась искать колдуна, который взял бы на себя смелость сломать трость и тем самым освободить ее от семейных обязанностей перед лицом предков. Теперь развод происходит по-иному. Однако по той придирчивости, с которой Андри осматривал трость и требовал от Ревухимены произвести доделки, я понял, что этому символу все еще придается значение.

Завернув трость в листья равеналы — ее никто не должен видеть до определенного момента, — мы отправились на площадь. Народу на ней было много, но появление Андри было сразу же замечено и вызвало водворение порядка в толпе празднично одетых людей, прежде бесцельно хлопавших в ладоши, приплясывавших или попросту судачивших между собой. Несколько парней в пестрых дамбах, очевидно исполнявших роль церемониймейстеров, при виде Андри подбежали к анджумбуне и, произведя на свет несколько отрывистых звуков, тотчас же заставили замолчать толпу. «Ави и зукии! Ави и зукии!»** — возвестили они.

Андри положил лунгузавулу на вытянутые руки и через всю площадь понес ее туда, где разместились старейшины. Дым костра, разведенного у их ног, помешал мне разглядеть дальнейшую судьбу «трости брака». Однако не прошло и нескольких минут, как он вновь появился из-за дыма и присоединился ко мне.

— Я и не знал, что вы пользуетесь в деревне такой популярностью, — сказал я.

— Лично я здесь ни при чем, — отрицательно покачал он головой. — У нас есть поговорка: «Старший брат — второй отец». В малагасийской семье старший брат пользуется

* Вецабеца (малаг.) — рисовая водка.

** Ави и зукии! (малаг.) — «Старший брат явился!»

ся всеми правами в ущерб младшим. И если бы я хотел действовать по традиции, я бы даже мог запретить эту свадьбу, поскольку по законам предков младший не должен обзаводиться семьей до тех пор, пока не женился старший брат. Так что если в приветливых криках молодежи в мой адрес вам и послышалось что-то личное, то это благодарность за то, что я не разбил счастье влюбленных.

— Андри, а в какой степени вообще молодежь вольна в своем выборе? — поинтересовался я.

— Это вопрос, на который однозначно не ответишь. Раньше родители могли обручить своих детей по договоренности еще до того, как те появились на свет, руководствуясь исключительно соображениями материальной выгоды и межродовой «дипломатии». Желание сына или дочери при этом в расчет не принималось. Сейчас такая практика — редкость. Но года полтора тому назад в одной из деревень цемихети, куда я попал по своим служебным делам, случай свел меня с одним молодым парнем. Узнав, что я человек грамотный, он попросил меня написать заявление в суд. Суть дела состояла в том, что его родители пообещали женить сына на первой же дочери, которая родится у их соседей. У соседей же, как назло, с тех пор родилось восемь сыновей. Даже если их девятым ребенком и станет дочь, то в жены она будет годиться лет через пятнадцать, когда нашему жениху перевалит за сорок.

Двое парней из церемониймейстеров подошли к Андри, задали вопросы, выслушали его наставления и удалились. Народу все прибывало, но теперь уже никто не толпился на площади, а сразу же занимал свое место согласно возрасту. Многие приходили с подарками: кто с курицей, кто со связкой бананов или кулем риса. Подарки отдавали церемониймейстерам, которые относили их под пальмы, где девушки тут же пускали снесь в дело. Иногда дарящие вносили коррективы в действия парней, прося их перенести подарок из левой группы в правую или наоборот.

— Чем объясняется подобное поведение гостей? — спросил я.

— Все дело в том, что жених и невеста принадлежат к разным родам. Вы, наверное, заметили, что при моем появлении на площади все люди разделились на две группы. Справа встали гости жениха, представляющие род цияндру, слева — гости невесты из рода заникавуку. Сейчас между ними идет своего рода соревнование: чей род принесет больше подарков. Причем особенно стараются родственники жениха, поскольку их подарки — это своеобразный коллективный выкуп за невесту.

— Насколько мне помнится, в фидлеровские времена заникавуку и цияндру были своего рода Монтекки и Капулетти округа Амбинанителу? — вспомнил я.

— Да, это верно. Но резня тысяча девятьсот сорок седьмого года, устроенная колонизаторами, всеобщее горе, постигшее малагасийцев, заставили забыть прежние распри. Цияндру и заникавуку давно живут в мире, что пошло на пользу Амбинанителу, особенно нашей молодежи.

— Почему именно молодежи? — удивился я.

— Потому что традиции запрещают мужчине жениться на девушке своего рода, а заставляют его искать невесту среди соседей, — объяснил Андри. — Единственными соседями для цияндру были заникавуку, а для заникавуку — цияндру. Когда-то, сотни лет назад, такая вражда, быть может, и шла на пользу. Юноши покидали родные селения, отправлялись искать невест за тридевять земель, открывали остров для себя и потомков, создавали новые деревни, а заодно становились героями легенд о странствующих женихах, которыми так богат фольклор Мадагаскара. Но в наше время вражда соседей приводила лишь к тому, что Амбинанителу пустело, поскольку почти все юноши устремлялись за невестами в город. А наши невесты засиживались в девках и не рожали детей.

Для нас теперь это дело прошлое, — продолжал Андри. — Но для очень многих деревень в глубинке запрет на браки внутри рода — целая проблема. Сейчас роды разрослись

до таких размеров, что брачных связей между близкими родственниками практически нечего бояться. С другой стороны, брак внутри рода значительно облегчает для жениха бремя вуди-ундри — выкупа невесты. Когда же юноша отправляется в чужой род, ему уже никто не делает поблажек, — с досадой заключил он и, извинившись, пошел встречать каких-то важных гостей.

Назад он вернулся с малагасийцем средних лет в огромной шляпе и желтой ламбе.

— Вот, познакомьтесь — Бетрара, — представил мужчину Андри. — Еще одна жертва системы вуди-ундри.

Дело это у Бетрары, очевидно, было наболевшим, потому что без лишних вопросов он изложил мне суть своей трагедии. Родом он оказался из горного района Махериваратра, где, судя по его рассказу, обычаи экзогамии сохранились у лесных бецимисарака в своей классической форме. Обычай этот заключался в элементарном межродовом обмене женщинами, которые, будучи носительницами плодородия, рассматриваются бецимисарака как основная ценность рода. Когда кто-то из парней, соседей Бетрары, решил жениться, род невесты потребовал, чтобы его «основная ценность» была возмещена соответствующим эквивалентом. Иными словами, в обмен на будущую жену жених должен был послать в деревню невесты свою сестру, которой традиция предписывала там выйти замуж за любого мужчину из рода невесты ее брата. Именно в эту сестру, носившую имя Расуалававула («красавица длинноволосая»), и был влюблен Бетрара. Чтобы избежать брака с человеком, которого она ни разу не видела, девушка убежала с Бетрарой в лес. Однако вскоре их выследил родной брат Расуалававулы, для которого бегство сестры стало препятствием на пути к личному счастью. Обмен женщинами состоялся, в деревнях сыграли по свадьбе.

Как часто бывает в подобных случаях, брак Расуалававулы оказался несчастным. Женившийся на ней был младшим сыном в семье и поэтому также оказался своего рода жертвой традиции. Он не признал в Расуалававуле красавицы, а взял ее в жены лишь по настоянию старейшин. Супруги не любили друг друга, и, если бы у Бетрары была родственница, которая согласилась бы найти себе мужа среди мужчин этого рода, Расуалававулу можно было бы обменять. Однако таковой не оказалось, и старейшины рода мужа поставили перед Бетрарой условие: хорошо, они согласны разломать лунгузавулу и освободить его возлюбленную от брака, если он, Бетрара, выплатит роду вуди-ундри. Этот вуди-ундри поступит в собственность всего рода, с тем чтобы любой мужчина мог использовать его для поднесения подарка родителям девушки из другого рода. Так обычай вуди-ундри, который не в столь конфликтной ситуации носит у малагасийцев не вульгарный характер выкупа, а завуалирован формой «брачного подарка» родителям невесты, в истории Бетрары обнажился до своей подлинной, хотя и несколько «осовремененной» сути: в обмен на женщину, уходящую в другую деревню, ее роду предлагаются средства, за которые можно приобрести другую носительницу плодородия.

Требуемый выкуп оказался велик, и тридцатидевятилетний Бетрара вот уже восемь лет работает на плантациях для того, чтобы скопить деньги для освобождения «красавицы длинноволосой».

Когда мы подошли к той части площади, где размещались почетные гости, на месте были уже все, кроме виновников торжества. Слева на подстилках из равеналы, которую считают покровительницей заникавуку, разместились родители невесты, справа на листьях банана — близкие жениха. Между ними на ковре из живых цветов стояли стулья для жениха и невесты, у их ног — небольшая скамеечка, на которой лежала лунгузавула.

Сама церемония бракосочетания оказалась гораздо проще, чем можно было ожидать, наблюдая за длившимися целый день приготовлениями к свадьбе. Когда на бархатно-черное небо выкатилась яркая луна, неожиданно загудел анджумбана, справа, с «мужской стороны», ему ответили спрятавшиеся в лесу барабаны-ампонги, слева — разноголосые

валихи. Под их аккомпанемент из кокосовой рощи одновременно появились невеста в сопровождении своих подруг и жених, гнавший перед собой зебу.

— Ну вот и наш главный вуди-ундри, — со смехом объяснил Андри. — Сейчас мне придется покинуть вас, чтобы как старшему брату вместе с отцом вручить семье невесты овечий курдюк. Этот подарок носит чисто символический характер и преподносится на всех малагасийских свадьбах. После того как родители девушки принимают его, брак вступает в силу.

Между тем невеста заняла свой стул, а жених, отведя зебу на сторону рода занимавуку, отошел на свою половину. Смолкли барабаны и валихи, притихли люди, как бы желая необычностью внезапной тишины, наступившей после целого дня суеты и криков, подчеркнуть значимость наступающего момента. Отец жениха в сопровождении Андри преподнес матери невесты курдюк. Она приняла его сидя, выслушала несколько фраз, сказанных Ромналу, и только тогда встала. Судя по реакции собравшихся, начавших дружно кивать головами и хлопать в ладоши, это означало согласие на брак. Только теперь жених вышел из своего укрытия в тени и занял место рядом с невестой.

Затем Ромналу и мать невесты, поочередно кладя руки на плечи молодоженам, что-то довольно долго говорили им, а гости все это время монотонно пели одну и ту же фразу: «Митераха фито лаааахи, фито ваааави».

— Это родители дают свои последние напутствия, — улучив момент, объяснил Андри. — А гости желают молодоженам иметь семь мальчиков и семь девочек.

Родительских напутствий хватило на добрых полчаса. Затем они, церемонно поклонившись друг другу, взяли со скамеечки лунгузавулу и вместе передали ее жениху. Тот прижал ее к сердцу и передал невесте. Формальный ритуал свадьбы был окончен.

Одновременно окончился и порядок. Теперь все гости, а их набралось человек шестьсот, подпрыгивая, что-то напевая и расталкивая друг друга, устремились к молодоженам с поздравлениями. Все они желали новоиспеченным супругам иметь четырнадцать детей. Только выполнив этот свой долг, гости принимались за угощение.

Молодоженам еще жали руки, а посреди площади уже устанавливали разновеликие ампонги. Дюжины три юношей, цепочкой усевшихся вдоль кромки пальм, принялись настраивать свои валихи, готовясь к танцам. Повсюду разводили костры, и их яркие языки вскоре скрыли от меня то, что происходило на площади.

До сих пор я не докучал молодоженам. Но когда большинство гостей уже пустились в пляс, я попросил Андри представить меня молодоженам и с его помощью пожелал им произвести на свет четырнадцать сыновей и дочерей.

Безака, брат Андри, оказавшийся разговорчивым парнем с озорным, еще мальчишеским взглядом, засмеялся.

— О, вазаха уже знает наши обычаи. Конечно, бедняк, имеющий много детей, будет богат в старости. Но нам с Андриамади, чтобы создать образцовую малагасийскую семью, можно ограничиться и двенадцатью детьми. «Двое у нас уже есть», — довольный произнес он, потрепав по волосам курчавых ребят, кувыржавшихся у его ног. — Я надеюсь, что от меня у жены тоже будут рождаться близнецы, и мы скоро выполним ваши пожелания.

Из деликатности я не стал задавать лишних вопросов, хотя про себя и отметил ту откровенность, с которой Безака говорил с чужим человеком на тему, которую можно было бы вообще-то и не поднимать. Однако Андри, очевидно, угадавший мои мысли, сам вернулся к этой щекотливой теме.

— Дело в том, что у малагасийцев существуют три формы брака. Сегодняшняя свадьба скрепила брак, называемый «бомбатдразана». Хотя это и наиболее традиционная форма создания семьи, необходимость выкупа и сложная процедура развода останавливают молодежь оформлять свой союз подобным путем.

В городах многие предпочитают «вади мисораотра» — запись в мэрии на европейский манер. Однако, поскольку эта форма брака была введена колонизаторами, в деревне к ней относятся с недоверием. Поэтому в районах, где развито отходничество, а следовательно, недостатка в девушках нет, все больше распространяются пробные браки. Если будущие супруги видят, что получается настоящая семья, брак освящается, причем появление у них детей делает более-уступчивыми родителей невесты в отношении размера выкупа. Если же юноша и девушка не подходят друг другу, то они мирно возвращаются к своим родителям. И никто у нас не осуждает женщину, которая имеет детей от пробного брака. Причем, по мнению малагасийцев, мать ничуть не менее привлекательная невеста, чем девушка.

В лесах Масуала

Как-то вечером я застал Андри сидящим на полу за изучением огромной карты, которая уже давно интриговала меня испещрявшими ее длинными названиями деревень и пунктирами соединявших их тропинок. Андри что-то измерял курвиметром, время от времени бросая на меня оценивающие взгляды.

— Вот что, — наконец заговорил он. — Мне уже давно надо провести обследование долины реки Сакафихитра — выяснить распространение переносящих заболевания скота насекомых, взять пробы почв в поймах, выяснить состояние посевов в этом районе. Я, правда, не собирался отправляться в это путешествие сейчас, но если вам улыбается подобная прогулка, то я готов изменить свои планы и пригласить вас в попутчики.

Я посмотрел на карту. Долина реки Сакафихитра служила естественной границей между массивной глыбой «красного кирпича» и единственным выступом его восточного побережья — полуостровом Масуала. Именно там сохранился самый большой на Мадагаскаре массив вечнозеленых лесов.

— Мы проедем на «лэндровере» вот по этой тропе, которая повторяет все изгибы реки, — показал по карте Андри. — Расстояние небольшое, какая-нибудь сотня километров, но будут места, где более, чем четыре-пять километров в час, мы делать не сможем.

— Где закончим?

— В Анталахе. Дня через четыре будем там.

— Когда выезжаем?

— Завтра, в пять утра.

Предприимчивый Амод не преминул продать мне хороший запас залежавшихся у него тушенки, сухого молока и компотов, а друзья Андри щедро набили машину бананами и мангустанами. Было еще совсем темно, когда мы тронулись в путь.

Воздух был не по-южному свеж. Черные, пропитанные влагой ночного дождя гигантские стволы то появлялись в дымке утреннего тумана, то растворялись. Разбухшая фиолетово-красная земля, почти лишенная подлеска, хлюпала под колесами машины, а сверху, с ветвей, без устали падали крупные капли, наполняя лес многоголосым гулким звуком.

За крохотной деревушкой Антанамбао, где впервые на Мадагаскаре я наблюдал, что появление машины может вызвать настоящий фурор среди населения, всякое подобие шоссе кончилось. Началась узенькая тропинка, способная служить лишь ориентиром. «Лэндровер» то и дело спотыкался о корни, буксовал по скользким мхам и лишайникам,

которые местами сплошным ковром покрывали не только землю, но и по широко расставленным крыловидным корням-контрфорсам взбирались на стволы деревьев.

— Из этих корней-подпорок лесные земледельцы делают лопаты, — бросает Андри.

Вождение машины в таком лесу требует огромного внимания, поэтому, несмотря на черепашую скорость, Андри весь поглощен дорогой и вспоминает про меня лишь тогда, когда мы проезжаем что-то действительно интересное.

Поражает контраст масштабов в этом лесу: либо гиганты, способные достичь солнца, либо стелющиеся по земле низкие растения и цепляющиеся за стволы паразиты, приспособившиеся к жизни в вечном мраке. Местами — настоящее буйство лиан.

Достигнув солнца, вынеся листья из лесного мрака и украсив своими роскошными цветами верхушки поддерживающих их деревьев, лианы вертикально спускаются вниз, чтобы оттуда, перевив древесные корни и используя землю, вновь забраться наверх. Не удивительно поэтому, что мадагаскарские лианы удерживают первенство «самых длинных» растений нашей планеты. Некоторые из древесных видов, имея ствол всего сантиметров 30 толщины, достигают 300—350 метров длины.

Много раз мы объезжали поверженные деревья, задушенные лианами, не выдержавшие их гигантского веса. Но чаще всего дорогу нам преграждали сами лианы, образовавшие над тропой путаницу хитроумных заграждений. Тогда приходилось останавливаться и пускать в ход топоры.

Лианы — основа экономики лесных бецимисарака. Не имея сил «пустить в дело» деревья-великаны, они прекрасно научились использовать в своем хозяйстве лиану. Некоторые виды этих лазающих растений настолько гибки и упруги, что служат готовыми канатами. Из них же плетут корзины и циновки. Не будь лианы, у жителей этих районов не было бы сносных жилищ, поскольку все, что создано из дерева, очень быстро съедают муравьи и другие насекомые. Лианы же, как правило, горьки на вкус, и поэтому построенные из них хижины не считаются этими прожорливыми тварями лакомством. И наконец, лиана поставляет детям лесных жителей игрушки, а взрослым — готовые музыкальные инструменты. Дело в том, что высохшие стручки некоторых лиан используются как погремушки. Самый большой стручок в мире, достигающий 1,8 метра в длину и 1,5 метра в ширину, созревает на лиане энтада, которая встречается в лесах Масуала. Два-три таких расщепленных пополам стручка лучше всякой черепицы укрывают жилища от дождя.

Время от времени запах дыма выдавал присутствие недалекого жилища, пару раз я замечал штабеля разделанных лиан, сложенных у тропы. Но людей не было видно.

— Малагасийцы не охотники, а земледельцы, поэтому лес для нас не друг, а враг, — лаконично объяснил Андри. — Конечно, для пигмеев в Африке лес — бог, и они ему поклоняются, поскольку он их кормит. А здесь лес лишь отнимает у нас поля.

Люди, не бывавшие в тропиках, часто представляют здешний лес пестрым, густонаселенным зверьем. Однако при всем своем разнообразии влажный тропический лес кажется однообразным.

Главное, что поражает в мадагаскарском лесу, — отсутствие иных красок, кроме всех оттенков зеленого. В рассеянном солнечном свете даже сам воздух, влажный и осязаемый, приобретает изумрудную окраску. Эта безнадежная монотонность зелени подавляет человека.

Цветы здесь не бросаются в глаза. Их надо искать, причем не на земле, покрытой гниющей массой листьев и сучьев, и не на вознесенных к небу кронах деревьев, где они недостижимы для взгляда, а на... стволах. Не всегда очень яркие, а порою просто невзрачные цветы эти то сидят на толстенных стволах поодиночке, то образуют на них причудливые гирлянды. Это каулифлория. Биологический смысл ее заключается в следующем... По стволам вверх и вниз снуют муравьи. Над цветочными гирляндами взлетают огромные бабочки, лениво не то парят, не то плывут в зеленом воздухе и вновь усаживаются на цве-

ты. Ни муравьям, ни тем более бабочкам не подняться на 50—60-метровую высоту до древесной кроны. Поэтому, чтобы быть оплодотворенными, многие деревья «спускают» свои цветы вниз, где до них без труда добираются насекомые.

Мы едем по лесу вот уже добрую половину дня, но, кроме муравьев и бабочек, никаких признаков животных не замечаем. Бабочек, напротив, так много и порою они так велики, что без преувеличения их присутствие придает лесам Мадагаскара своеобразный характер.

Вот, рассекая воздух крупными взмахами крыльев, спикировала на нашу машину, словно птица, золотисто-красная орнитоопера. Медленно паря в воздухе, поочередно облетает каждый ствол оризабуса. Ее крылья словно сделаны из тончайших пластин зеркал, отразивших яркую зелень леса. Как бы купаясь в воздухе, вьется над тропинкой стайка пестрых ураний. За поворотом на уже начавшей разлагаться крысиной тушке уместилась целая коллекция нимфалид и сатир.

Неожиданно меня подзывает Андри.

— Осторожно, тут очень интересная бабочка, — предупреждает он.

На цыпочках подхожу к нему и вглядываюсь в зеленый полумрак. Сначала я вообще ничего не вижу, потом среди серого мха, сплошь укутавшего поваленный ствол, различаю лилово-розовую орхидею. Орхидея необычная — с очень глубоким венчиком. Ветра нет, все неподвижно, а орхидея подозрительно раскачивается.

— Где же бабочка? — почему-то шепотом спрашиваю я.

— Над цветком.

— Совсем маленькая?

— Нет, очень большая.

— Не вижу.

— Ия тоже.

— Значит, она улетела?

— Нет, видите цветок дрожит. Значит, бабочка здесь.

Мы смотрим десять, двадцать, тридцать секунд. Орхидея вдруг замирает и прямо перед ней возникает большая коричневая бабочка с почти таким же, как и орхидея, розовато-лиловым брюшком. Собирая все это время нектар из цветка, бабочка как бы висела перед ним в воздухе, поддерживая себя столь часто двигавшимися крыльями, что их нельзя было различить.

Бабочка садится, и Андри ловко накрывает ее шляпой.

— Бражник, *Macrosila morgani*, — осмотрев жертву, довольно говорит он, протягивая мне бабочку. — Вы знаете ее историю?

— Нет, — признаюсь я. — И даже не подозреваю, что у нее есть история.

— Взгляните на эту прекрасную орхидею. Еще в середине восемнадцатого века пираты вплетали ее в венки, когда играли свадьбы на Сент-Мари. С тех пор ботаники ломали себе головы над тем, как опыляется ее необычайный цветок, у которого глубина венчика приближается к тридцати сантиметрам. И только незадолго до второй мировой войны в лесах Антонжиля был открыт этот длиннохоботный бражник. Смотрите...

Андри поворачивает бабочку вверх брюшком и травинкой разворачивает напоминающий часовую пружинку хоботок, спрятанный между огромными глазами бражника.

— Тридцать пять сантиметров, — говорит он. — Таких длинных хоботков нет ни у одной бабочки в мире. Мадагаскарский рекорд!

Мы замолчали, пораженные этим чудом природы, и только тут я почувствовал удивительную, физически ощутимую тишину, царившую вокруг. Эта тишина угнетала, внушала тревогу. Лес стоял громадный и немой. И только бабочки, переросшие птиц, бесшумно парили в его волшебном зеленом сумраке.

В своем неверном движении, яркие и призрачные одновременно, они создавали ощущение дисгармонии на фоне зеленого однообразия тропического леса. «Наверное, — подумал я, — именно эта устрашающая призрачность неведомых существ внушила мальгашами, что бабочки — предвестницы зла».

— Кстати, эти леса делают наш остров обладателем еще целого ряда рекордов, — нарушает тишину Андри. — Здесь встречается более пятисот видов орхидей, растущих только на Мадагаскаре. Советский Союз, например, в сорок раз больше Мадагаскара; на его огромной территории насчитывается свыше двадцати тысяч видов растений, а у нас — около двенадцати тысяч. Всего лишь в два раза меньше. Причем более десяти тысяч из них — мадагаскарские эндемики, не встречающиеся больше нигде в мире. Наш лес состоит не только из одних лиан, хотя в первый момент может так показаться.

Сейчас мы стоим под сводом, образованным палисандрами. Но видов палисандров много, и большинство из них обладают ценными, порою уникальными свойствами. Вот это, к примеру, дерево с гладкой корой бецимисарака называют манари — у него лиловая древесина удивительной красоты. Слева от него — циандалана, дающее розовую древесину, пронизанную тонкими прожилками цвета бордо. Этот великан за циандалана так укутан лишайниками, что мне трудно определить породу. Но если валяющиеся внизу листья принадлежат ему, то это эбен — знаменитое черное дерево. Молодой крепыш с фистонами мхов, что рядом с ним, называется манаризуби; из его древесины получается превосходная фанера, по цвету напоминающая карельскую березу, но с черно-красными прожилками. По ту сторону тропинки вы можете увидеть два дерева-великана: варунги и лунгура, древесина которых так тяжела, что тонет в воде.

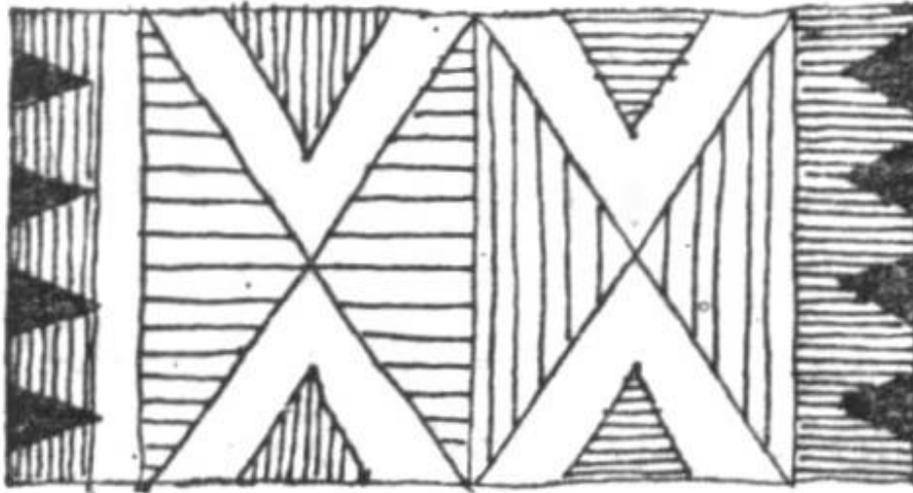
— Есть ли здесь каучуконосы?

— Да, конечно. Но именно здесь я их не вижу.

Мы уже садились в машину, когда Андри вновь вернулся к моему вопросу.

— Вообще история каучуконосов служит нам прекрасным предостережением тому, как бережно надо относиться к растительности острова. Еще в конце прошлого века французы обнаружили, что одна из разновидностей молочаев, эуфорбия ингиси, содержит в корнях высококачественный каучук. Французы начали эксплуатировать заросли эуфорбии таким варварским методом, что через пять — семь лет этот вид практически исчез. Вот вам пример хищнического отношения колонизаторов к природе. Теперь же, когда наше правительство объявило все леса собственностью государства, появились возможности действовать по-хозяйски.

«Встреча» с деревом-людоедом

Первую остановку Андри сделал в Анковоне, небольшой лесной деревушке, стоящей именно в том месте, где тропинка впервые приблизилась к речке Сакафихитре. Она оказалась узкой, но шумной и многоводной горной речушкой с редкой для Мадагаскара не красной, а обычной, прозрачной водой.

Пока Андри осматривал деревенский скот, я вернулся к машине и принялся разглядывать пойманных за день бабочек; коллекция оказалась внушительной. Многие бабочки, особенно толстобрюхие бражники и черно-коричневая патула, добытая у реки, нуждались в срочной просушке.

Кругом было влажно, но капот раскалившегося за день «лэндровера» еще не остыл, и я принялся сушить на нем бабочек. Действия мои вызвали громкие крики обступивших машину мальчишек, но я подумал, что их попросту удивило столь несерьезное для вазахи занятие. Шум вокруг, однако, неестественно усиливался, и когда я, разложив все свои богатства, поднял голову, то обнаружил, что машина зажата людским кольцом, состоящим уже не из детей, а из мужчин. Женщины стояли поодаль, у хижин; некоторые перепуганно выглядывали из-за дверей.

Оценив обстановку, я понял, что допустил оплошность. Вызывающе раскладывать посреди деревни три десятка убитых бабочек, к которым бецимисарака относятся с большим подозрением, было, конечно же, глупо. Что делать теперь?

Я начинаю прятать бабочек. Убираю бражника — толпа хранит гробовое молчание. Кладу в коробку вызывающе поблескивающую на солнце уранию — никакого эффекта. Протягиваю руку к траурной патуле — люди в ужасе отскакивают назад, несколько мужчин начинают что-то гневно кричать в мой адрес.

— Они требуют, чтобы мы немедленно уезжали из деревни, — говорит подоспевший Андри. — Одна из пойманных бабочек считается здесь очень плохим фади. Бабочка эта каким-то образом связана с деревом-людоедом и теперь, когда ей причинили зло, может разбудить его и наслать смерть на людей.

— Собирать бабочек с капота?

— И побыстрее. Да смотрите, чтобы ни одна из них не упала на землю. Я немного успокоил людей тем, что бабочек убил вазаха, что они лежат на машине и, следовательно, деревня тут ни при чем. Но если черная или коричневая бабочка коснется их земли, могут быть неприятности.

Хорошо еще, что нет ветра. Я заталкиваю свои драгоценности в коробку и, стараясь не «осквернить» своими ногами тропинку, перелезаю с капота прямо в кабину. Машина трогается.

— Вы сделали в деревне все, что хотели? — обращаюсь я к насупившемуся Андри.

— Практически да.

— Ну тогда, кроме бабочек, я не нанес никому вреда, — пытаюсь пошутить я. — Расскажите мне лучше о дереве-людоеде.

— ...Еще будучи студентом, я мечтал распутать его загадку, — задумывается он. — Даже писал дипломную работу...

— Работу о дереве-людоеде, Андри? — удивляюсь я.

— Ну не о дереве, конечно, — улыбается он. — Биолог пересиливает во мне бецимисарака, и я, как сами понимаете, не верю в его существование. Но в то же время как бецимисарака я знаю слишком много об этом дереве, а как биолог понимаю, что дыма без огня не бывает.

— Вы имеете в виду насекомоядные растения? — догадался я.

— Ну начнем хотя бы с них. Кувшинки-мухоловки были первыми насекомоядными, о которых узнали в Европе в семнадцатом веке. Здесь же, на родине этих растений-хищников, их «повадки» разжигали фантазию людей на протяжении тысячелетий.

Так-то оно так. Но ведь самая крупная росянка или мухоловка не могут удержать своим капканом или прикончить током даже стрекозу или жука.

— А вы слышали когда-нибудь о когтистом дереве Мадагаскара? — спросил Андри. — Нет, не слышали, потому что это очень редкое растение, известное ботаникам как *Narragarhyfum grandidiere*. Его гибкие ветви спускаются к самой земле, и, когда поднимается ветер, кажется, что это десятки змей пытаются обвить свою жертву. Перед началом сухого сезона гарпагафитум сбрасывает цветы, вместо которых на концах его веток появляются семенные коробочки. Это страшное приспособление представляет собой яйцевидную капсулу, как бы сплетенную из рыболовных крючков. Болтаясь на извивающихся по ветру змееподобных ветвях, эти крючки вонзаются во все живое, имеющее неосторожность приблизиться к гарпагафитуму.

Когда семена уже созрели, капсула без труда отделяется от растения. В таком случае животное, к которому она прицепилась, выносит немало мучений, прежде чем семена рассеются по земле, и капсула отпадет. Но пока семена не созрели, и капсула прочно держится на ветвях, она уподобляется крючку. Пока подцепленное ею животное старается освободиться от одной капсулы, ветер склоняет над ним еще несколько ветвей, и тогда жертва оказывается схваченной сразу сотнями, если не тысячами, крючков. Известны случаи, когда в объятиях гарпагафитума погибали не только грызуны, но и молодые кабаны.

А теперь допустите, что в подобную ситуацию попал суеверный малагасиец. Не трудно представить себе те мысли, которые проносятся в его голове, и предположить то, что он будет рассказывать, когда освободится...

Многие верили в существование растений-людоедов. Еще в тысяча восемьсот восемьдесят первом году в «Антананариву энньюал» появилась статья немца Карла Лихе, который придумал фантастическую историю о своих приключениях, всполошившую, однако, многих ученых. Понаслышавшись, что на Мадагаскаре якобы живут почти неизвестные племена низкорослых охотников — мкодо, Лихе заявил, что якобы проник на их земли и там увидел дерево, которому они поклоняются.

Как утверждал Лихе, мкодо, средний рост которых не превышает полутора метров, провели его в глубь леса, где посреди поляны стояло нечто вроде гигантского, трехметрового, ананаса. Мкодо называли его тепе. От темно-коричневого ствола, утыканного твердыми, словно железными, шипами, к земле спускались восемь листьев, снабженных колючками-крючками. Листья тепе висели вяло и безжизненно, хотя в них и угадывалась

огромная сила. С вершины тепе на землю капал вязкий сок, напомнивший Лихе загустевшую кровь.

— Таким образом, в рассказе действительно угадывается нечто вроде гибрида непентеса и гарпагафитума, — заметил я.

— Да, но дальше чувство реальности оставляет Лихе, и он в погоне за сенсацией начинает врать. По его словам, мкодо, исполнив ритуальный танец, копьями подтолкнули к тепе женщину. Поднявшись по его стволу, несчастная принялась пить сок. Меж тем дерево ожило, его листья налились силой и выбросили нечто вроде щупальцев, обвивших голову женщины.

Мкодо кричали все громче и прыгали все выше. Когда их экстаз достиг предела, тепе медленно поднял свои листья и сомкнул их в виде гигантского цветка, в котором скрылась жертва. Не прошло и нескольких минут, как по стволу тепе потекла красная жидкость — смесь крови женщины и сока дерева-людоеда. Мкодо пришли в неистовство и, расталкивая друг друга, бросились к дереву отведать этот ужасный коктейль. Затем они опьянели и устроили, по словам Лихе, «безобразную оргию». Только через десять дней листья тепе раскрылись, и из них на землю упал белый череп...

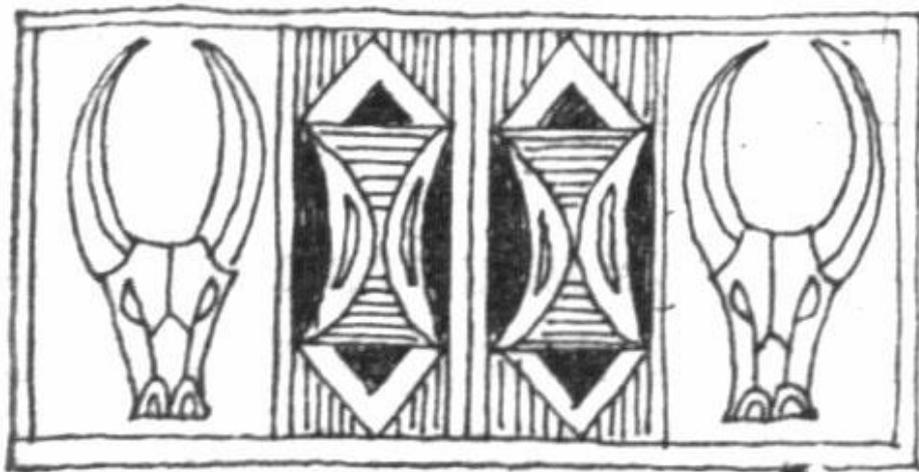
— Но в тысяча девятьсот двадцать четвертом году рассказом Лихе заинтересовался видный английский ботаник лорд Сэлмон Чейз-Осборн. Более двух лет он путешествовал по острову. Тепе он, конечно же, не нашел, но в своем отчете признал: «У всех племен, по землям которых я путешествовал, — у мерина, сакалава и бецилеу — есть легенды и предания о плотоядном дереве. И вряд ли все они так упорно верили бы в его существование, если бы для этого не было веских причин».

В тысяча девятьсот тридцать пятом году поисками этих причин занялся англичанин Л. Херст. Проведя в лесах Масуала четыре месяца, он привез в Антананариву множество фотографий гигантских непентесов, пожиривших грызунов, а также снимки каких-то деревьев, под стволами которых были видны скелеты животных. Однако многие обвиняли его в фальсификациях. Вскоре Херст отправился на юго-восток острова в суккулентные заросли гарпагафитумов. Там он и погиб при таинственных обстоятельствах.

Наконец, в тысяча девятьсот семьдесят первом году загадкой дерева-людоеда заинтересовались южноафриканские ученые, пославшие на Мадагаскар экспедицию, состоящую из лучших знатоков фауны Африки. Они выяснили, что в лесах Масуала и на землях бецилеу, где рассказы о растении-хищнике особенно живучи, непентесы почти повсеместно растут поблизости с ранее неописанными древовидными крапивами. Листья и ветви этих жгучих деревьев, снабженные силиконовыми волосками, вызывают очень болезненные ожоги, а у детей и смерть. Другие обнаруженные в этих районах растения при цветении вызывают аллергические заболевания, зачастую также кончающиеся смертельным исходом. Местные жители отлично знают все эти свойства растений и настолько боятся их, что никогда не произносят их названия. Именно поэтому, очевидно, некоторые из описанных южноафриканскими учеными видов до сих пор не были известны науке.

Итак, кувшинки, пожирающие лягушек, когтистое дерево, гигантские крапивы и цветы, аромат которых губителен для человека. К эдакому букету можно было бы присоединить и лист тепе, будь он немного поменьше...

Фади, лемуры и ... прогресс

В Андрофари — селении из восемнадцати хижин, в которых обитают семьдесят семь человек, мы живем уже четвертый день. Первая половина этого срока ушла на дела Андри. Потом, когда мы сели в машину и собрались ехать, выяснилось, что из нее вытекло все масло. Жители деревни нас успокоили. Раз в неделю, по пятницам, мимо Андрофари обязательно проходит грузовик. Его-то мы и ждем в надежде разжиться маслом.

Меня эта задержка, давшая возможность заглянуть в будни лесной деревеньки, даже обрадовала. Когда же, привлеченный звуками транзистора, в хижину, где поселили Андри и меня, начал наведываться старый Ратриму, жизнь в Андрофари стала просто интересной. Ратриму оказался подлинным кладезем мудрости. Он знает все, но не может понять лишь одного: почему мой транзистор говорит и поет по-малагасийски, в то время как его хозяин явно предпочитает говорить на других языках.

Первым в Андрофари просыпается наглый яркий петух. Утром он первым делом забирается на наше окно и орет во всю глотку. Андри сразу же уходит, а я включаю транзистор в надежде узнать, что происходит за пределами Андрофари. На звуки радио тотчас же появляется Ратриму, изгоняет петуха и сам садится у окна.

— А ты знаешь, вазаха, зачем петух кричит по утрам? — спрашивает он.

— Чтобы будить меня.

— Совсем даже нет, вазаха. Петух умный, и раньше он жил не на земле, а на небе вместе с цесаркой. Однажды они пили туаку. Когда выпивка кончилась, цесарка попросила петуха принести еще. «Нет, ты моложе, тебе и идти», — ответил петух. Спорили они, спорили и попросили рассудить их Солнце. «Спуститесь на Землю, — сказало им Солнце. — Тот, кто первым увидит, как я взойду из-за океана, тот, значит, умнее и старше». Цесарка, чтобы выйти победительницей из спора, пошла поближе к морю. А петух проспал ночь, а перед восходом залез на дерево, увидел Солнце и закукарекал. С тех пор он и кукарекает каждый день, напоминая всем, что он умнее цесарки. А цесарка так расстроилась, что спряталась в траве. Так она стала дикой, хотя раньше даже пила туаку в компании с петухом. А ты, вазаха, пьешь по утрам туаку? — неожиданно спрашивает Ратриму.

— Нет, ранхаги, по утрам я пью сок.

— Это хорошо, вазаха, — глубокомысленно говорит старик и, резко спрыгнув с окна, удаляется.

Я закрываю глаза, потягиваюсь на свежей, еще пахнувшей листвою циновке и вдруг вижу, что на окне вместо Ратриму уже сидит большой лемур и своими немигающими глазами, занимающими две трети его кроткой морды, смотрит то ли на меня, то ли на транзистор.

Произожди эта встреча без свидетелей, я бы не испугался безобидного лемура. Но отношение малагасийцев к лемурам очень своеобразно: их и чтят, и боятся, и потому я не знаю, как они расценят появление лемура у меня на окне. Если этот лемур — вестник несчастья, то меня обязательно обвинят в том, что я привадил его с помощью транзистора, и, чего доброго, опять выгонят из деревни.

Поэтому я убираюсь с глаз лемура от греха подальше. Сажусь на гнилое бревно, валяющееся у хижины, и с независимым видом смотрю в сторону приближающегося Ратриму. Старик тащит мне большую бутылку с соком.

— Кажу. «Сок кажу с утра придает силы на весь день», — говорит он и протягивает мне бутылку. Но в этот момент замечает лемура и, расплывшись в улыбке, направляется к нему: — Здравствуй, сифака*, — кланяется старик лемуру. — Здравствуй, хороший наш сифака, спасибо, что посетил нашу деревню с самого утра. Отведай сока.

Старик наливает сок на ладонь, обмазывает им горлышко бутылки и наклоняет ее к лемуру. Тот умиленно смотрит на старика, осторожно лижет горлышко и, убедившись, что ему предлагают стоящее питье, принимается сосать.

— Спасибо тебе, — продолжает Ратриму. — Сифака очень хорошее фади, и то, что он пришел в твой дом, вазаха, говорит, что и ты хороший человек. На, попей кажу.

Я допиваю оставленный мне лемуrom сок и пользуюсь случаем, чтобы выяснить уже давно интересующий меня вопрос.

— Ранхаги, а почему сифака — хорошее фади, а бабочки — плохое?

— А ты знаешь, почему курица все время роет землю лапами и долбит ее клювом? — иронически улыбнувшись, спрашивает он. — Про умного петуха я тебе уже рассказал. Теперь послушай про глупую курицу.

Старик усаживается на окно рядом с сифакой и принимается за очередную сказку:

— Давным-давно жила курица Ракухуави, которой понадобилась иголка. Высоко в небе она заметила папанго — коршуна. «Одолжи мне иголку», — крикнула Ракухуави. Папанго тотчас выполнил просьбу. Когда же вечером коршун пришел забрать иголку, выяснилось, что она потерялась. Папанго разозлился и потребовал возмещения убытка. Но курица, которая привыкла только брать, ничего не хотела отдавать. И тогда папанго вместо иголки схватил цыпленка Ракухуави и прокричал: «Да будут прокляты все мои потомки, которые перестанут мстить курице и не будут преследовать ее детей и внуков!» Говорят, что именно с тех пор коршуны и повадились красть цыплят. А глупые куры до сих пор все разгребают землю лапами и тычут в нее клювом: стараются найти иголку. Так-то, вазаха.

— Ну а причем же тут фади? — разочарованно произнес я.

— А притом, что ты тоже ищешь иголку, — улыбнулся Ратриму. — Разве можно всегда найти причину, фади?

— Но почему лемур стал фади, ты ведь, наверное, знаешь?

— Ну а чего тут знать? — удивился старик. — Слово «лемур» означает «дух усопшего». В них переселяются духи умерших или тех, кто покинул людей и ушел жить в лес. Посмотри на сифаку повнимательнее, и ты сам все поймешь. Он очень похож на человека и никогда не делает вреда. Поэтому сифака — очень хорошее фади. А если он хорошее фади, обижать его грех.

* Сифака — малагасийское название лемуров из рода хохлаток, индри или пропитеков, ведущих дневной образ жизни.

Меж тем сифака и впрямь вел себя вполне по-человечески. Смело спрыгнув в комнату, он сначала уничтожил с полдюжины бананов, а затем опорожнил недопитую банку пива. После этого лемуру заметно опьянел, потерял всякий интерес к окружающему и, прильнув к стенке, задремал.

— Сифака пьян, — заметил я.

— Все мы пьем, — философски ответил Ратриму. — Раньше плохие люди ставили под деревья, где живут лемуры, плошки с кокосовым вином. Те напивались и без труда давали поймать себя. Плохие люди продавали их в город вазахам, подобно тому, как раньше продавали людей в рабство.

Старик подошел к лемуру и, ласково погладив его по шелковистой оранжевой спине, взял на руки.

— Когда кто-нибудь напивается на празднике, друзья должны отвести подгулявшего домой, — говорит он. — Давай и мы отнесем сифаку в лес.

Не вызвав ни у кого ни малейшего любопытства, мы проходим через деревню и по еле заметной тропке-туннелю идем к заброшенному полю. Посреди него, став на задние лапы и занятно растопырив передние, стоит целое семейство белых сифаков: пятеро взрослых и трое малышей.

— Они наслаждаются утренним солнцем? — догадался я.

— Они молятся солнцу, вазаха, — вздохнул моей неосведомленности Ратриму.

При виде нас лемуры, очевидно поверившие тому, что в этих местах им незачем опасаться человека, и не подумали прерывать свою утреннюю молитву.

Как все-таки рождаются фадии? Эта мысль не давала мне покоя, и я вновь начал приставать к Ратриму с вопросами.

— Ранхаги, а о чем молились лемуры на старом поле?

— Они молились о нас, вазаха!

— Откуда же тебе это известно?

— Рассуди сам, вазаха. Недавно у меня болела жена, кричала и стонала от боли. Мы несколько раз просили, чтобы к ней из Анталахи прислали доктора, но он не приезжал. И тут как-то вечером у моей хижины появился валуви — очень редкий лемуру, который ведет ночной образ жизни и которого я видел за всю жизнь только в третий раз. Валуви держал в лапе неведомый нам корешок. Сначала он сосал этот корешок сам, затем зашел в хижину, взял лежавший рядом с женой кусок манго, а ей положил корень. Мы решили, что это духи предков прислали жене редкое лекарство, заварили корень и дали пить больной. Через неделю она поправилась.

— А доктор так и не приехал?

— Валуви позвал и доктора. Тот приехал на следующее утро после визита лемура и тоже оставил какие-то лекарства.

— Неужели же среди множества лемуру нет плохих фадии? — усомнился я.

— Вазаха, вазаха, ты все ищешь свою иголку, — покачал головой Ратриму. — У каждой деревни свои фадии. В соседней Антакофако, например, валуви боятся. А почему? Потому что валуви даже на памяти стариков туда никогда не показывался. А тут — дело было лет тридцать тому назад — пришел среди ночи и остался на дереве личжи на целый день. А вскоре — тоже впервые за жизнь стариков — в деревню нагрянули французские солдаты, убили трех юношей, сожгли хижины и...

Коричневый зверек с длинным хвостом, выскочив прямо из-под наших ног, легко побежал по отвесной ветке. Я отскочил в сторону, но тут же в сердцах рассердился собственной пугливости. То была фосса, эндемичная выверра, которая, хотя и слывет «крупнейшим» хищным зверем острова, не представляет опасности для человека.

Ратриму же, напротив, с тропинки никуда не отскакивал, но от встречи с фоссой, видимо, расстроился.

— Вот тебе, ранхаги, плохое фади, — заговорил он. — Главный враг лемуров — по ночам нападает на них прямо на деревьях. Душит кур, загрызает поросят и всегда убивает больше, чем может съесть сама. Надо возвращаться домой. Нельзя пересекать тропинку, по которой пробежало такое плохое фади.

Старик повел меня кружной дорогой вдоль заброшенных полей, поросших густой высокой травой. В траве этой обитали пренеприятные создания, которых сначала я принял за гусениц, но потом по повадкам признал в них сухопутных пиявок. Ловко падая с высокой травы на незащищенные части тела, они моментально впивались в кожу и довольно быстро отваливались. Боли они не причиняли, но из ранок потом долго сочилась кровь. В одном месте на нас нападало такое множество пиявок, что пришлось остановиться и обирать их друг с друга.

— Пиявки тоже считаются плохим фади? — спросил я.

— Пиявки — это не фади. Они не имеют никакого отношения к людям. В них переселяется дух тех животных, которых Занахари наказал за кровожадность. Быть может, самых зловредных фосс бог тоже обратил в пиявок. Давай отдохнем, вазаха. А заодно я объясню тебе, как фосса стала плохим фади.

И старик начал рассказывать новую сказку.

— Было это так давно, что даже мои прапрадеды не помнили того времени. Жила тогда в наших лесах женщина по имени Рамаруанака, и было у нее двое детей: дочь Итунамбула и сын Икутукели. Пошла как-то мать раков ловить. Ждали ее дети, ждали, соскучились. И решил тогда сын пойти к берегу реки. Пожал сестре руку на прощание и ушел. Углубился в лес, сбился с дороги и закричал: «О, мама! О, мама!»

Услышала его большая толстая фосса и прорычала: «Ау-у-у-у! Ау-у-у-у!» Решил Икутукели, что это мать ему отвечает, и пошел на голос из леса. «О, мама!» — кричал мальчик. «Ау-у-у-у!» — рычала фосса, заманивая его в чащу.

Когда мальчишка совсем выбился из сил, красноглазая фосса схватила его и отнесла в пещеру. Там она закопала Икутукели в песок, оставив снаружи лишь голову. Фосса решила откормить мальчика пожирнее, а затем съесть.

Шли дни за днями, мальчик толстел, ему делалось все теснее в яме, камни и песок впивались в его мягкое тело, и от боли кричал. Рамаруанака слышала эти крики, просила соседей помочь освободить сына. Но люди не хотели идти на гору, которая считалась священной, и не хотели связываться с красноглазой фоссой, которую боялись.

Но однажды услышал крики Икутукели бог Занахари. Он превратил кровожадную фоссу в пиявку, равнодушных людей — в лемуров-бабакутов, а мальчика освободил. Икутукели вернулся в свою деревню, но с тех пор безимисарака никогда не разрешают брату пожимать руку своей сестре.

— Это почему же? — удивился я.

— О, вазаха. Разве не тебе я только что рассказал историю Икутукели? И разве не началась вся эта история с того, что, уходя из дома, брат пожал руку своей сестре...

Все, оказывается, в сказке было наделено глубоким смыслом. Дошедшая до нас из глубины веков эта древняя история объясняла людям сегодняшнего дня многое в их поведении и в отношении к окружающему миру...

— Значит, если бы Икутукели не попрощался с сестрой, все было бы по-иному?

— Конечно, — уверенно ответил Ратриму. — Ведь все в этом мире хасина.

— Хасина? — переспросил я. — Что такое хасина?

Ратриму посмотрел на меня не то удивленно, не то негодуя и промолчал, а вечером даже не откликнулся на призывный зов моего транзистора. По всему было видно, что он сказал что-то лишнее и теперь избегал моих новых докучливых вопросов.

Андри же, когда я спросил его о причинах реакции Ратриму на мой интерес к слову «хасина», поморщился.

— Ох уж эти мне фади! Для вас, конечно, это безобидное чудачество, эдакая экзотическая черта малагасийского бытия. А для нашей республики фади, равно как и ограничения, связанные с винтаной, делаются одним из тормозов на пути прогресса. Получается какой-то заколдованный круг: люди руководствуются предписаниями винтаны, винтана рождает фади, а фади нельзя нарушить, потому что все вокруг хасина.

— Хасина... — задумался Андри. — Я думаю, что Ратриму замолчал потому, что и сам-то толком не знает, что это такое — нечто таинственное, непонятное, доставшееся нам в наследство от разана и поэтому внушающее страх. Как бы вам это объяснить? Ну, если хотите, мистическая материя, начало всех начал у малагасийцев. Но все здесь верят в существование некоей силы, которая связывает неразрывной судьбой в единый мир людей, животных и растения, с одной стороны, и планеты — с другой.

— Иными словами, хасина — это привезенная еще древними мореплавателями вера в существование маны, — перебил я своего собеседника. — Маны, под которой жители Полинезии и Меланезии и сегодня понимают некую вездесущую силу, которой наделено все живое и которая предопределяет их поступки и судьбы.

— Да, пожалуй, — кивнул головой Андри.

— А фади в таком случае — это малагасийский вариант полинезийского табу — запрета, нарушение которого карается сверхъестественными силами, от которых и исходят фади. А силами этими мальгаши чаще всего считают предков — разана.

— В предках, вернее, в их повсеместно присутствующих душах — вся загвоздка, — сокрушенно вздохнул Андри. — Чтобы не показаться голословным, приведу вам самый свежий пример. Как раз сегодня я обсуждал со старейшинами важный практический вопрос. Сейчас в Андрофари и глубинных лесных селениях сахарный тростник сажают вдоль второй и третьей террасы Сакафихитры на сухих, почти бесплодных землях. Я же предложил начать осваивать пойму, где на жирных почвах можно снимать урожай раза в два-три богаче.

— Ну и что же? — заинтересовался я.

— Весь наш разговор трудно пересказать, но со стороны можно было подумать, что мы беседовали на разных языках. Что говорил я, вам, наверное, ясно. Старики же твердили мне примерно следующее: «Те земли, на которых ты предлагаешь сажать сахарный тростник, предки никогда не обрабатывали. Наверное, они считали их землями, предназначенными для разана, и поэтому объявили их фади. Мы не знаем, Андри, чему ты научился за границей, но мы видим, что ты разучился чтить наши обычаи и мыслить по-нашему. Душа и жизнь — вещи, не зависящие друг от друга. Когда наши предки были живы, они ходили в заросли, которые ты теперь предлагаешь нам расчистить, и собирали там дикие плоды, орехи и коренья. Теперь предки умерли, но душа их жива и, чтобы существовать, должна питаться. Их души едят хасину растений, которые ты хочешь уничтожить. Поэтому мы против твоих предложений. Что же такого, что сейчас мы собираем тростника в два-три раза меньше, чем могли бы? Зато, когда мы умрем, наши души без труда найдут себе пищу».

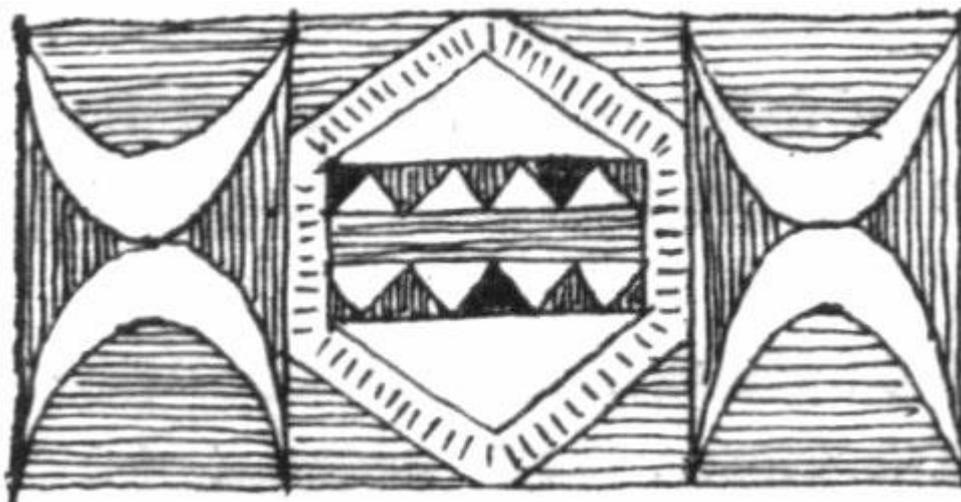
— Похоже, Андри, фади пока что оказались сильнее ваших передовых идей?

— Ну это мы еще посмотрим, — ответил он. — Конечно, бороться с суевериями трудно, особенно если нет возможности сразу же доказать, что отказ от соблюдения фади не только ничем не грозит, но и приносит видимые выгоды. Если я начну убеждать людей, что винтана и фади — сущая ерунда, то такое выступление лишь напрочь подорвет мой авторитет. Именно это было одной из причин неэффективности борьбы, с фади в колониальные времена. Миссионеры их охаивали, администрация запрещала. Но ни те, ни другие не объясняли крестьянам, почему надо отказаться от суеверий, и не предлагали им никакой разумной альтернативы.

— Чтобы перекинуть мостик взаимопонимания между верующими в прошлое и смотрящими в будущее, необходимо хорошо знать традиции, — вслух подумал я. — Ведь фади не универсальны. Часто плохое фади одного рода рассматривается соседями как хорошее, а ограничения, которых придерживаются одни, идут во вред другим. Быть может, поэтому на первых порах борьбу с фади стоит вести с помощью тех же фади.

— Об этом я и думаю все время. И уж коли мы застряли в Андрофари, надо использовать эти дни с пользой. Завтра у нас в хижине соберутся активисты и молодежь, не разделяющие ортодоксальных взглядов стариков. Мы обсудим мои планы, а потом проведем кабари всей деревни. На нем решим: довольствоваться крестьянам плохими урожаями и продолжать нищенствовать или попробовать жить получше?

Сифаки голосуют «за»

Первым выступал секретарь местной партийной ячейки — мужчина лет тридцати, прошедший, как мне рассказал Андри, при циранановском режиме три года в тюрьме за «большевизм».

— Друзья мои, — сказал он. — Сегодня сюда пришли все, кто живут в Андрофари. Все больше это старики, женщины и дети. Не мне вам рассказывать, где наши мужчины. Они — в Анталахе, зарабатывают деньги, собирая ваниль и гвоздику. Раньше они работали там на французов. Теперь основная часть пряностей Мадагаскара выращивается на полях малагасийцев, таких же, как и мы с вами. Так почему же наши мужчины уходят в Анталаху работать на других, а не выращивают ваниль сами? Почему? — обратился он к собравшимся.

— Выращивать ваниль — фади, — ответил кто-то из молодых.

— Правильно, фади, — продолжал секретарь. — А как оно возникло? Пусть кто-нибудь из уважаемых односельчан, препятствующих нам сажать ваниль, расскажет нам об этом.

Встал почтенный дородный старец, вокруг которого группировалось все пожилое население деревни.

— Когда многих из здесь сидящих еще не было на свете, мы тоже сажали ваниль. Вернее, сажать ее заставили нас французы. Мороки с ней было много. Ваши деды и прадеды даже забросили свои поля. Они вырастили хороший урожай. Но французы отобрали его у нас, заплатив жалкие ариари. А те, кто забросил поля из-за ее вонючих стручков, остались с пустыми амбарами. Почти каждую хижину навестил голод. Никогда в нашей деревне не было такого, пока в ней не появилась ваниль. Она была всему причиной. И мы объявили ее фади.

— Почему же тогда мужчинам из Андрофари можно возиться с ванилью в Анталахе?

— Потому что там не наши земли, — ответил дородный старец. — Там ваниль — не фади.

— Но ведь были времена, когда за ваниль платили гроши и в Анталахе. Лишь в последние годы там начали продавать ваниль государству и получать доход. Чем же мы хуже их?

— Мы не хуже, а лучше, потому что храним свои фади, а следовательно, и заветы рабана, — с достоинством ответил старец. — Мы не отменяем наши фади, потому что они сильнее.

— А может быть, глупее? — неожиданно вступил в дискуссию Андри. Вопрос был нарочито дерзким и, судя по тому, как загудела аудитория, задел многих за живое.

— Не может быть глупых фади, — с достоинством ответил старец. — Для появления каждого фади есть своя веская причина. Нет необъяснимых фади. Но бывают, к сожалению, глупые юнцы, которые совершают необъяснимые поступки.

Молодежь и женщины что-то недовольно закричали, в то время как почтенные старцы довольно заулыбались. Не теряя самообладания, Андри встал и подчеркнуто вежливо поклонился своему оппоненту.

— Я был бы очень признателен, ранхаги, если бы вы рассказали молодым об этих причинах. Но прежде, чем начинать наш разговор, давайте сначала познакомимся. Меня зовут Андри. А как ваше имя, ранхаги?

Старец неожиданно покраснел и, смешно надув щеки, сжал губы. Молодежь захихикала, ортодоксы зашептались.

— Как же вас величать, ранхаги? — нарочито громко спросил Андри. А эхо, подхватив его, возвратило из темного леса: «Как величать? Как величать, ранхаги?»

Старец обернулся к своей группировке, явно надеясь найти поддержку.

— Ранхаги зовут Ботокеки, — сказал кто-то из стариков. — Ранхаги Ботокеки не может произносить свое имя. Для него это — фади.

— Ах, фади, — удивленно произнес Андри. — Тогда, может быть, ранхаги Ботокеки объяснит нам происхождение этого запрета.

Старец покраснел еще больше, и его кряжистая, посаженная на неестественно толстые ноги фигура как-то осела, сникла.

— Это фади, — без былой уверенности произнес он. — В нашей семье мужчины никогда не произносят своего имени.

— Но ведь, как ты говоришь, у каждого фади есть своя веская причина, — вмешался секретарь. — Почему же ты, ранхаги Ботокеки, прожив целых семь десятков лет, ни разу не произнес своего имени? Ведь это так неудобно: знакомясь с человеком, ждать, чтобы подошел кто-нибудь третий и сказал за тебя: «Ботокеки». Объясни нам, что случится, если ты произнесешь это слово сам.

Ботокеки собрался, было, что-то ответить, но потом гордо выпрямился, сплюнул и направился на свое прежнее место. Старцы притихли. Молодежь и женщины ликовали.

— Значит, есть все-таки глупые фади, смысл которых не могут объяснить нам даже люди, которых мы должны уважать, — произнес Андри, когда все успокоились. — Что же касается моих поступков, которые Ботокеки назвал необъяснимыми, то я хоть и молод, но могу их объяснить. Те, кто выступает против фади, хотят, чтобы деревня жила лучше, чтобы мужчины не уезжали в Анталаху, чтобы у женщин были мужья, чтобы вы все вместе сажали ваниль и получали от нее доходы. Еще большие доходы можно получить, если поднять плодородные земли, перенести на них посадки сахарного тростника. Нам всем пора подумать не только о разана и о лемурах, но и о своих интересах, об интересах нашей родины и ее будущем, в котором будут жить наши дети.

Андри замолчал, как бы дав собравшимся продумать сказанное им. Его слова попали в цель, ретрограды явно готовились к обороне, а молодежь — к наступлению.

— Ты, товарищ Андри, сказал о детях, — робко начала девушка из заднего ряда. — Я учительница. По прямой дороге до нашей школы километров шесть. В последнее время я стала замечать, что многие ученики опаздывают, приходят со сбитыми ногами. Поинтересовалась причиной, говорят, что некоторые родители объявили дорогу фади, чтобы не беспокоить лемура. А дорога в обход — почти в три раза длиннее, по камням, корягам. Об этом тоже надо было бы поговорить.

— Спасибо, товарищ Разафитриму, — вступил в дискуссию секретарь. — Я тоже хотел поговорить об этом. Ранхаги Ботокеки, ранхаги Бехевитра, ранхаги Беаншара и все,

кто сидят рядом с нами. Посмотрите на ваши ноги. Они раздуты не от старости. Причина болезни в том, что юноша в вашем роду не может носить обувь, пока жив его отец. Мы не виним вас в вашей беде, потому что в те времена, когда вы сами были юны, никто не знал причин болезни ног ваших отцов и не мог предсказать, что и вы заболете ею, если будете придерживаться этого фади. Теперь причины этой болезни известны. Она называется слоновость, и о ней лучше меня расскажет вам ранхаги Андри.

Я не буду пересказывать здесь содержание популярной лекции Андри, в которой он остроумно доказал, что слоновость вызывают не «плохие духи», а воспаление лимфатических сосудов и что избавление от нее зависит отнюдь не от верности фади. Запомнился мне лишь конец этой лекции на опушке тропического леса: «Сегодня вы, отцы своих детей, становитесь их плохими духами, причиной их болезней. Я скажу более: пользуясь своим авторитетом и тем, что в других кланах Андрофари нет таких влиятельных мужчин, род Ботокеки навязывает свои фади всей деревне. Сегодня Ботокеки заставляют нас забыть о существовании неотъемлемой части костюма малагасийцев — плетеных сандалий — и тех юношей, в семьях которых нет подобных запретов. Я объясняю юношам Андрофари: причина ваших будущих болезней — глупые фади, которых придерживаются Ботокеки. Я предупреждаю род Ботокеки: если вы не хотите, чтобы ваши собственные дети связывали свое счастье с вашей смертью, откажитесь от этого фади. И я прошу Ботокеки ответить: намерен ли он отказаться от глупого фади? Намерен ли он не мешать юношам ходить в школу в сандалиях и по короткой тропе? И пусть Ботокеки объяснит нам, почему покой лемурув для него дороже здоровья собственных сыновей...

Ботокеки говорил долго. И по тону его, и по виду было видно, что он признал свое поражение и, не имея, что ответить, ищет путь для не слишком постыдной капитуляции. Андри из «глупого юнца» превратился в «ранхаги», его доводы он признал «учеными», но смелости согласиться на отмену фади на себя не взял.

Очевидно, подобный финал и был предусмотрен организаторами кабари, разработавшими свой сценарий с учетом нравов и психологии его главных участников. Молодежи нужна была определенная «либерализация» традиции, которая должна была исходить из авторитетных уст. А «авторитетным устам» в лице Ботокеки был необходим «спасательный круг», который в нынешней ситуации ему могла бы бросить лишь молодежь и опираясь на который он смог бы с честью для себя выйти из сложившейся ситуации.

Вновь с подчеркнутым уважением Андри обратился к Ботокеки.

— Ранхаги только что сказал, что он стоит на страже фади в интересах предков. Он считает также, что многие их духи переселились в лемурув. Так не рассудят ли нас сами добрые лемуры? Если наш спор не обидел разана, то они, наверное, откликнутся на наш зов. И тогда вместе с ними мы отменим те фади, которые мешают нам жить лучше.

Наверное, не мне одному было ясно, что Андри никогда не сделал бы подобного предложения, если бы не был уверен в «поддержке» лемурув. Однако устраивающая стариков мистическая форма отказа от фади была соблюдена, и любому ортодоксу, заподозрившему подвох со стороны молодежи, можно было всегда ответить: «Хорошо, пусть даже друзья Андри заранее приманили лемурув. Но, если бы те были против их затей, они могли бы убежать в лес и не участвовать в кабари».

Старики посоветовались и передали Андри свое благосклонное согласие. Женщины затянули монотонную песню, а несколько юношей бросились в лес. Вскоре они вернулись оттуда в сопровождении моего мудрого знакомого Ратриму. На плече у каждого из них сидело по белому сифаке.

— Я надеюсь, что почтенный ранхаги Ботокеки согласится с тем, что, откликнувшись на приглашение, лемуры дали понять, что не в обиде на нас? — спросил секретарь.

Ранхаги Ботокеки слегка кивнул головой. Другие старики последовали его примеру.

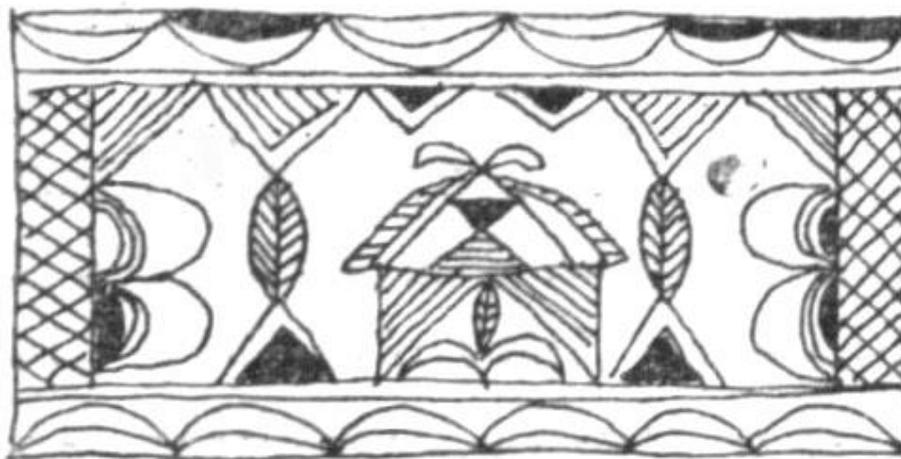
Затем жители Андрофари проголосовали за отмену фад на выращивание ванили, ношение сандалий юношам, использование тропинки, над которой отдыхают бабакуты, и обработку земель, которых не возделывали разана. Старики от голосования воздержались, а молодежь, женщины и мудрый Ратриму проголосовали «за».

Когда поздно вечером довольный Андри возвратился в хижину, и я поздравил его с завершением успешной кампании борьбы против суеверий, он смущенно улыбнулся.

— Надеюсь, что то-ва-рищ простит меня за то, что я без его спроса взял у него шесть банок пива. Но без него Ратриму отказался поймать лемуров и заставить их смиренно сидеть до тех пор, пока дело дойдет до голосования. Ну а о завершении кампании говорить еще рано. Чтобы покончить со всеми фад, придется провести еще не одно кабари. И боюсь, не все они будут такими же успешными, как сегодняшнее.

Когда следующим утром, раздобыв, наконец, масло для «лэндровера», мы уезжали в Анталаху, попадавшие нам мальчишки шли в школу по еще вчера «запретной» дороге в сандалиях, сплетенных из волокна пальмы-рафии.

Анталаха—ванильная столица мира

Было бы преувеличением сказать, что воздух этого приморского городка пропитан ароматом ванили. Но то, что ароматное слово «ваниль» буквально висит в воздухе Анталахи, совершенно точно, поскольку каждый третий из 20 тысяч ее обитателей так или иначе связан с ванилью. Мадагаскар занимает первое место в мире по производству натуральной ванили, обеспечивая примерно 60 процентов мировых потребностей в этом сырье. Более трех четвертей мадагаскарской ванили выращивается в префектуре Анталаха, более 90 процентов ароматных плодов ванили, внешне напоминающих стручки, обрабатывается на предприятиях города Анталаха и вывозится через его порт. Так что Анталаха — ванильная столица мира, город «ванильных королей» и крестьян — производителей ванили, город торговцев, рабочих и докеров, вовлеченных в ее обработку и сбыт.

На полях в окрестностях Анталахи культивируется *Vanilla planifolia* — лиана из семейства орхидных. Она — уроженка Мексики, где ее удивительные ароматические свойства были открыты и по достоинству оценены еще ацтеками.

На первых порах реюньонские дельцы, внедрившие ваниль на Мадагаскаре, делали ставку на создание в Анталахе крупных плантаций. Малагасийцев на такие плантации вербовали как на военную службу, в приказном порядке, сгоняя на них мужское население целых деревень. Вскоре, однако, подобные методы обернулись против французов. Крестьяне возненавидели ваниль, объявили работу на плантациях фади, начали поджигать и портить посадки ненужной им, проклятой лианы.

Тогда власти изменили свою политику. Бецимисарака были обложены налогами, частично освобождались от них лишь те, кто соглашался выращивать ваниль на своих семейных участках. Поэтому крестьяне вокруг Анталахи «приняли» эту культуру. Если в 1967 году посадки ванили занимали на острове шесть с половиной тысяч гектаров, то через десять лет они увеличились до 29 тысяч гектаров.

Сколько же ванили снимают с этих земель? Урожай ее от года к году может увеличиваться или уменьшаться почти в два раза, но в среднем остров дает полторы тысячи тонн ванили. Для мировых масштабов эта цифра может показаться не такой уж большой. Однако дело в том, что ваниль продают и потребляют не тоннами, а граммами. А 1 500 000 000 граммов — это уже выглядит внушительно!

Всему миру в год необходимо около двух тысяч тонн ванили, большая часть которой используется в США для приготовления мороженого, концентратов кремов и пудингов.

Когда же в 1968 и 1973 годах только на одном Мадагаскаре собрали по две тысячи тонн ванили, к которым около полутора тысяч тонн добавили Реюньон, Коморы, некоторые из тихоокеанских островов и латиноамериканцы, то разразился мировой ванильный кризис перепроизводства. Он обернулся резким падением цен и разорением тысяч хозяйств бецимисарака, которые еще вчера связывали свое будущее с ароматной орхидеей. В цирнанановские времена во избежание расходов на хранение на острове уничтожалось за один раз 500—600 тонн зеленой ванили — треть годового мирового потребления этого продукта! Проблема сбыта стоит остро, и, чтобы еще больше не осложнять ее, увеличение производства ванили на Мадагаскаре не предвидится.

На уютной веранде единственного в Анталахе отеля «Орхидея» — своего рода и клуб, и биржа, и аукцион, где в дождливые вечера (а их в год в Анталахе бывает не менее трехсот) собираются плантаторы и маклеры, владельцы ванильных заводиков и оптовики — в общем все, кто зарабатывают на ванили. В зависимости от привычек и состояния печени они пьют ром или чай с молоком. Но независимо от выпитого все они с поистине южным темпераментом обсуждают ванильные темы.

На этой веранде познакомился я и с Жан-Пьером Тоннье — уже немолодым, но необычайно подвижным французом, возглавляющим опытную станцию по изучению ванили. Сама станция находится в Туамасина, но здесь, в префектуре Анталаха, его сотрудниками ставится ряд опытов, познакомиться с которыми он и приехал. «Если хотите узнать все премудрости ванильных дел, присоединяйтесь ко мне, — предлагает месье Тоннье. — Завтра на машине мы можем выехать на север, в Самбаву, а оттуда — в глубь острова, в Андапу. Там самой природой созданы лучшие в мире условия для выращивания ванили».

Приглашение принимается, к нам присоединяется Андри, и мы снова отправляемся в путь. Дорога почти все время идет вдоль побережья: справа плещутся спокойные голубые воды океана, слева мелькают живописные роци кокосовых пальм и плантации гвоздики.

— Гвоздика — это тоже наш рекорд, — не без гордости говорит Андри. — По ее производству Мадагаскар занимает второе место в мире, обеспечивая примерно треть мировых потребностей как в самой пряности, так и в гвоздичном масле.

Я с напускным недовольством замечаю, что насмотрелся на гвоздику на Пембе и Занзибаре, которые дают целых две трети ее производства, и что отправился в эту поездку исключительно ради ванили, на что Тоннье снисходительно улыбается.

— Но ведь гвоздика — это в какой-то степени тоже ваниль, — говорит он. — Все почему-то думают, что главные потребители гвоздичного масла — это стоматологи, кондитеры и парфюмеры. Однако львиную долю этого масла поглощают химические заводы. Они извлекают из него эугеноль — сырье для получения искусственной ванили — ванилина.

В тропических странах гвоздика — это не травянистое растение с красивым цветком, а невзрачно цветущее дерево *Eugenia aromatica* высотой 10—15 метров. Хорошо известная нам специя, напоминающая гвоздики, гвоздика представляет собой не что иное, как высушенную четырехзубчатую чашечку мелких пурпурных цветов этого дерева. Лучшие сорта пряности получают из нераскрывшихся бутонов. Стоит им распуститься — и аромат теряется. Бутоны на дереве появляются не одновременно, а в течение полугода, и поэтому в течение всего этого периода, с июля по январь, крестьяне почти ежедневно залезают на одно и то же дерево, снимая с него порою всего по несколько нераспустившихся бутонов.

Работой этой занимаются женщины и мальчишки. Представители сильного пола специализируются на сушке гвоздики. В селении Ампахана, где мы остановились, сушившимися на солнце гвоздичными гвоздиками была сплошь засыпана целая улица. Ее владельцы сидели в тени и резались в кости.

Андри заговорил с крестьянами, затем перевел нам.

— Рассказывают, что правительство создало неподалеку питомник, где выращивают саженцы гвоздики. Их бесплатно дают крестьянам, которые хотят разводить эту культуру. Одно дерево в среднем дает два килограмма сухой гвоздики.

— А сколько деревьев приходится на одно хозяйство?

— Участки у крестьян небольшие, под гвоздику они редко отводят больше гектара. А это значит, что семья имеет около ста деревьев, дающих в год до двухсот килограмм гвоздики.

— На Занзибаре получают примерно в полтора раза больше, — заметил я.

— Деревья в этом районе старые, их возраст приближается к восьмидесяти годам, тогда как живут они не более ста лет, — объяснил Андри. — Кроме того, деревья истощены чрезмерным использованием листьев и веток, из которых получают масло. Поэтому власти и поощряют крестьян сажать молодые саженцы. В ближайшие пять — семь лет здесь будут обновлены почти все плантации.

Главные потребители гвоздики — не гурманы, любящие пряную гастрономию, а... курильщики. В Индонезии, Малайе, на Филиппинах предпочитают курить кретек — сигареты, табаки которых ароматизируются гвоздикой. Попытки индонезийцев выращивать собственную гвоздику, пригодную для кретека, не увенчались успехом. Парадокс, но *Eugenia aromaticus* — уроженка Молуккских островов — у себя на родине оказалась не столь ароматной, как на Пембе и Мадагаскаре. Поэтому, экспортируя гвоздику-специю, Индонезия ввозит гвоздику для табаков с восточноафриканских островов.

Между тем дорога уходит от океана, поворачивает на запад и начинает стремительно набирать высоту; на отрезке в 95 километров, отделяющем Самбава от Андапы, мы должны подняться с нулевой отметки до 1200 метров над уровнем моря.

Через каких-нибудь пятнадцать — двадцать минут машина, взобравшись на первый уступ Плато, въезжает в туннель, пробитый сквозь лесные заросли. Однако оказывается, что в этой глуши довольно часто попадаются деревни. Через каждые пять — семь километров Андри только успеваешь называть их: Амбухимиландза, Антасахахалина, Анбодивоара...

— Тут очень плодородные почвы, сформировавшиеся из вулканических пород плато Марудзези, куда мы сейчас взбираемся, — говорит Тоннье. — Именно здесь начинаются главные ванильные районы. Пока мы еще не отъехали далеко от океана, ваниль, которая не терпит прямых солнечных лучей, но очень любит высокую влажность, растет как эпифит на других растениях, так называемых таторах, дающих ей опору и тень.

Мы останавливаемся у придорожной хижины. По стволам окружающих ее деревьев, цепляясь за их кору усиками присосками, вверх ползло изящное растение с глянцевитыми листочками.

— Ну вот, знакомьтесь — *Vanilla fragrans* — одно из главных богатств Мадагаскара, — говорит Тоннье. Тутором ей здесь служит деревце драцены. Корни у него уходят глубоко в землю, в то время как у ванили распространяются по поверхности. Поэтому эпифит не мешает своему хозяину.

Кое-где видны старые плоды ванили длиной в пятнадцать — двадцать сантиметров. Но никакого запаха они еще не дают. Аромат появится лишь после того, как «стручки» подвергнут обработке.

— В биологии ванили все на редкость сложно, — уже в машине говорит Тоннье. — Эти стручки остались неотторванными с прошлого года, поскольку поражены грибковым заболеванием — фузариозом, снижающим ее качества. Убить его возбудитель — дело нехитрое. Однако вместе с ним погибает другой грибок, жизненно важный для растения. Сейчас главная задача — найти средство, которое бы поражало вредный грибок, но не действовало на полезный.

— А в чем польза этого грибка? — интересуется Андри.

— Дело в том, что у ванили не хватает ферментов для расщепления сахаров и полисахаридов. Помогает ванили именно этот полезный грибок, который живет в клетках ее корней и семени. Если нарушить этот естественный симбиоз и посадить в почву как бы стерильные семена, то они вряд ли даже прорастут, поскольку у орхидеи обычно не хватает сил, чтобы прорвать крепкую оболочку собственного семени. Если же в семени присутствует грибок, то он и оболочку разрушит, и питательными веществами молодое растение обеспечит. Соблюдение баланса полезных и вредных грибков — это первая проблема, с которой сталкивается любой крестьянин, который берется за выращивание ванили. «Со второй проблемой мы познакомимся сейчас более наглядно», — говорит Тоннье.

Мы вновь выходим из машины и направляемся к участку, где среди зарослей виднеются полуобнаженные фигуры людей. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это 10—12-летние дети, занятые деликатным трудом — опылением ванили.

Тоннье обрывает изящный, зеленовато-желтый цветок ванили и протягивает его мне.

— Из-за причудливого строения насекомые оплодотворяют не больше пяти процентов этих прекрасных орхидей, — говорит он. — Поэтому увеличение урожайности ванили упирается в то, чтобы искусственно оплодотворить как можно больше цветов, дать каждому из них возможность превратиться в «стручок». С этой тонкой работой справляются лишь детские руки.

На первый взгляд время, проведенное среди орхидей, может показаться приятным. Но ваниль отцветает быстро, и поэтому в страдную пору на детей ложится огромная нагрузка: в день они опыляют более тысячи цветов каждый. Наемный труд здесь не применяется, мальчишки и девчонки работают на родительских участках, причем зачастую их размеры находятся в прямой зависимости от количества детей в семье. Там, где есть три пары маленьких рук, под ванилью занят один гектар, если число детей в семье приближается к шести, площадь под орхидею увеличивают до двух гектаров.

— Обратите внимание на то, — говорит Тоннье, — что растения-туторы начинают исчезать. Это значит, что мы перевалили отметку в четыреста метров над уровнем моря. Здесь ванили уже не нужны деревья, которые ниже создавали ей своими кронами искусственный климат. Андапа — одно из немногих мест в мире, где ваниль растет без туторов.

Сбор урожая длится в этих местах с июня по август. В это время крестьяне каждые три дня обходят все свое поле, срывая созревшие, приобретшие лиловый оттенок «стручки».

И тут начинается третий, пожалуй, самый ответственный этап ванильной эпопеи. Чтобы ваниль запахла, плод надо подвергнуть обработке. Обработка эта муторная и преследует две почти что взаимоисключающие цели. С одной стороны, надо высушить стручок, с тем чтобы в условиях влажных тропиков предотвратить его гниение. С другой — надо сохранить в «стручке» влагу, с тем чтобы не затронуть диастазы, вырабатывающие ванилин. На этом этапе, растягивающемся на целый месяц, крестьянин может рассчитывать лишь на свою интуицию и опыт. Любое вмешательство техники в таинство сушки ванили пока что лишь портит ее аромат, а следовательно, снижает доходы земледельцев.

Утром следующего дня мы посетили в Андапе хозяйство, где приступили к сушке только что сорванных «стручков». Сначала их на три минуты погрузили в воду, нагретую до 70 градусов, затем завернули в одеяло и унесли в дом. Там их будут держать до завтра, а затем вынесут на солнце ровно на час. Послезавтра стручки будут лежать на солнце один час десять минут, еще через день — один час двадцать минут, и так, прибавляя ежедневно по десять минут, их будут сушить в течение месяца.

Пока хозяин рассказывал об этом, его жена вынесла циновку, на которой были разложены «стручки», собранные четыре дня тому назад и, следовательно, нуждавшиеся в пребывании на солнце полтора часа. А затем появилась циновка со «стручками», которым надлежало лежать на солнце два часа.

Ванильная лиана начинает плодоносить на третий год и живет не больше десяти лет, давая в среднем 400 килограммов зеленых стручков с гектара. За время сушки урожай теряет две трети своего веса, но приобретает запах...

Зная формулу арифметической прогрессии и учитывая, что ваниль собирают два раза в неделю в течение почти трех месяцев, можно без труда вычислить, сколько еще циновок будет вынесено из хижины и какое время каждая из них должна пролежать на солнце. Но какая формула может помочь оценить искусство и труд крестьянина-бецимисарака, который заставляет прорасти ненаделенное подобным свойством самой природой семя ванили, опыляет недоступный даже для насекомых цветок орхидеи и заставляет превратиться ничем не пахнущий сочный зеленый плод в высохшую черную палочку, испускающую самый изысканный аромат в мире?..

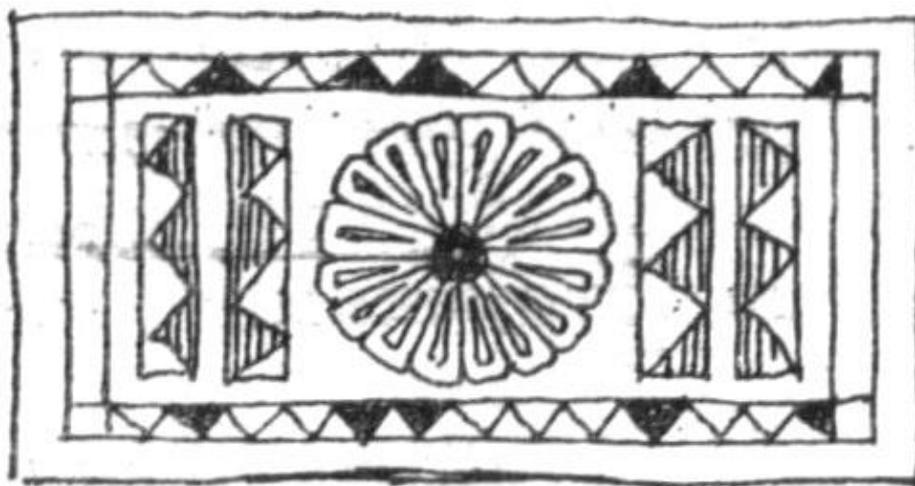
— Сколько дней в неделю вы работаете на своем ванильном участке? — спросил я у хозяина.

— Все семь, от восхода до захода, — ответил он. — Ваниль не разрешает иметь праздники.

Я не стал вновь спрашивать о разана, запрещающих кое-где работать четыре дня в неделю, и о фади, считающих ваниль «вредной» культурой. То, что я увидел в Андапе, было лучшим опровержением слышанных мною в Тана, Туамасина и на веранде «Орхидеи» разговоров французов о том, что мальгашскому крестьянину свойственна внутренняя инертность, что его якобы особым образом устроенная психика не способна преодолевать каноны старого и браться за новое. Возможно, что в колониальные времена, когда это «новое» исходило от французов и сулило местному земледельцу одни лишь неприятности, малагасийцы считали благом держаться за старое, подсознательно оправдывая эту свою приверженность прошлому боязнью вызвать недовольство предков. Однако в нынешних условиях, когда новое начинает приносить видимые положительные результаты, крестьянин отбрасывает предрассудки, забывает о разана и принимается за тяжелый труд, связывает свою судьбу даже с такой рискованной культурой, как каприза-ваниль.

В ванили, обеспечивающей более или менее устойчивый доход, заставляющей переоборудовать натуральное хозяйство на новой, товарной основе, малагасийский земледелец увидел своего рода альтернативу традициям и былой безысходно нищей деревне. Увидел и поверил в ваниль, а вернее, в то новое, что вслед за нею властно вторгается в деревню.

Марумиты идут на север

Где-то, примерно на параллели Андапы, все дороги, ведущие из центральной части острова на север, обрываются. Путь им преграждает величественный горный массив Царатанана, как бы отсекающий от Мадагаскара его самую северную провинцию Диего-Суарес (Анцирана). Многие деревни этого горного района, населенного народом цимихети, сообщаются с ближайшими административными и торговыми центрами лишь проходимыми в сухой период тропами, по которым до них добираются носильщики — марумиты.

Марумиты — явление совершенно особое, присущее Мадагаскару, но неизвестное в других странах современной Африки. На Великом острове, который без преувеличения можно назвать «страной бездорожья», марумитов считают традиционным «видом транспорта». Их караваны сновали по лесным тропам Имерины со времен великого Андрианампуйнимерина, а к моменту завоевания Мадагаскара французами марумиты составляли наиболее многочисленную категорию лиц наемного труда на острове. К. Келлер, посетивший Мадагаскар в конце прошлого века, писал: «Проезжие дороги до сих пор не устраивались, чтобы не дать иностранцам проникнуть в страну. Экипажи и верховые животные до сих пор нигде там не известны. Поэтому при перевозке товаров приходится рассчитывать только на человеческие силы». Существовали также носильщики, которые специализировались на транспортировке андрианов и европейцев на носилках — филанзанах. В 1894 году только между Туамасина и Тана ежедневно в каждом направлении двигалось до 150 марумитов, переносивших французские грузы.

С тех пор филанзаны сделали достоянием истории, а число грузовых марумитов, напротив, резко возросло. За исключением нескольких осевых автострад и трех железнодорожных линий, внутренние районы сообщаются друг с другом плохими тропками, по которым взад и вперед и сегодня снуют минимум 50 тысяч марумитов. Трудно поверить, но на них в значительной степени все еще держится экономика Великого острова.

Тонье возвращается в Анталаху. Я же, если уж попал в эти места, должен продолжить свои наблюдения в заповеднике Царатанана, кстати туда из соседнего городка собираются марумиты с грузом оборудования. Представляется случай пойти с ними.

Вечером перед выходом произошло мое знакомство с марумитами. Известие о том, что вместе с их караваном отправляется вазаха, вызвало среди них замешательство, а первые необдуманные поступки вазахи вообще чуть было не поставили мое участие в этом путешествии под сомнение.

Подвел меня петух, вернее, целых пять петухов, которых зарезал владелец местного ресторанчика, где мы собирались отметить нашу встречу. Я попросил приготовить на вечер курицу с рисом, но владелец отправил на тот свет именно петухов.

Марумиты приняли мое приглашение с восторгом, чинно сели за стол и принялись уплетать угощение, а их бригадир Ренимамамуна даже сказал что-то вроде тоста в мой адрес. Однако, заедая этот тост, Ренимамамуна и еще кто-то из носильщиков подцепили на вилку из риса птичью голову с гребешком.

Из-за этого гребешка все и началось: курицы были опознаны как петухи. В поднявшейся суматохе Андри объяснил мне, что накануне выхода носильщиков ради них или в их присутствии ни в коем случае нельзя убивать любое существо мужского пола, поскольку это может привести к гибели марумитов. Многие из них смотрели на меня явно недоброжелательно, что-то кричали и, как мне показалось, считали, что я примазываюсь к каравану только для того, чтобы отправить всех на тот свет.

Я спросил у Андри, как выйти из создавшегося положения, тот посоветовался с Ренимамамуной и объявил, что убийство пяти петухов можно сгладить гибелью десяти куриц. Однако таковых у владельца заведения не оказалось, поиски их в деревне означали проволочку во времени, чреватую обострением конфликта.

— Может быть, можно угостить наших друзей пивом? — спросил я, вспомнив о пристрастии малагасийцев к этому напитку.

Совершенно неожиданно это предложение было единодушно принято и восстановило мир между нами с такой же легкостью, с какой пришла ссора.

Всего в нашем караване к вершинам Царатананы отправилось 25 носильщиков, из которых 24 несли груз, а один прохаживался вдоль цепочки марумитов, подбадривая их и отпуская всяческие шутки, оставшиеся для меня тайной. Такой ничего не несущий, входит в «штат» любого каравана, получает равную с носильщиками зарплату и именуется «веселым парнем». Все тюки марумиты несли на головах, оставляя руки свободными, причем, как мне показалось, не столько для того, чтобы с их помощью балансировать на бревнах, перекинутых над кручами, сколько для того, чтобы жестикулировать ими во время споров друг с другом и перепалок с «веселым парнем». Шли марумиты по ухабистой тропе довольно быстро, и можно было лишь удивляться той ловкости, которая позволяла им не только не терять равновесия, но и, казалось бы, забыв о грузе, все свое внимание отдавать юмористическим упражнениям. Примерно каждые полтора часа караван останавливался. Пять — семь минут все молчали, и только тогда можно было понять, как устают эти люди, отдыхающие в полузабытьи. Затем «веселый парень» отпускал каламбур, и вновь начинали карабкаться вверх.

Тропинка наша, протоптанная по склону горы, была настолько узка, что не позволила разойтись двум встречным. Она вилась над глубокой пропастью, освещенной уже восшедшим солнцем. Вид открывался прекрасный — внизу раскинулся тропический лес, напоминавший с высоты цветную мозаику.

Справа по склону над тропой господствовали папоротники-эпифиты. Их разлапистые вай, прикрепленные к стволам деревьев, напоминали то фантастические раковины, то птичьи гнезда, то изящные резные листья травянистых растений. Прямо над пропастью на открытых и освещенных местах, где было побольше тепла и света, папоротники принимали древовидные формы. Роскошные кроны этих баснословно древних растений, венчающие их прямые пяти-семиметровые стволы, казалось, были сотканы из тончайших кружев.

И повсюду — на папоротниках и деревьях, поваленных стволах и гнилых пнях, на скалах — пестрели орхидеи. Порою их было так неправдоподобно много, что лес напоминал выставку орхидей. Это было редкое зрелище, так как обычно орхидеи растут одиночно и не бросаются в глаза среди великолепия тропической зелени. Их мясистые воздушные корни свешивались с деревьев так густо, что порою образовывали нечто вроде есте-

ственных штор. Из 20 тысяч известных науке видов орхидей около тысячи растет на Мадагаскаре. И я бы не удивился, узнав, что все они представлены именно в этом лесу.

В полдень Ренимамамуна скомандовал делать привал. Все марумиты, скинув груз, улеглись прямо на тропинке, а «веселый парень» принялся готовить пищу.

— Долго ли будем отдыхать? — поинтересовался я.

— Рис сварится три раза, — ответил Ренимамамуна.

«Рис сварится» — это традиционная малагасийская мера времени, равная примерно двадцати минутам. Ее еще повсеместно используют в тех уголках острова, куда не дошли часы.

Рис, правда, на сей раз никто не варил. «Веселый парень», просверлив отверстия в основании черешков равенал, набрал два ведра воды, одновременно обобрав с деревьев круглые черные семена, покрытые ярко-синей бархатистой кровелькой. Марумиты перемешали эти семена с бананами и приготовили нечто вроде салата, который съели, запили равеналовой водой и улеглись спать. Но ровно через шестьдесят минут с момента остановки была отдана команда продолжать путь.

— Давайте пойдем впереди носильщиков, — предложил Андри. — Плетясь в хвосте каравана, мы теряем возможность наблюдать многих птиц и насекомых, которых вспугивают впереди идущие.

Если сравнивать этот горный тропический лес с гилеей Масоала, то первым делом в глаза бросалось отсутствие крупных бабочек. Их роль оживлять лес взяли здесь на себя пернатые. На поваленных деревьях, выделяясь на фоне темной зелени, скакали яркоокрашенные кирумбо. Стайка кардиналов-фоди, получивших свое название за ярко-красное оперенье и забавный хохолок-шапочку «а ля Решилье», усердно ковыряла оранжевыми клювами рухлядь старого пня. Голубая кукушка-канкафутра затеяла драку из-за гнезда с какими-то маленькими серыми птахами, которые смело пикировали на захватчицу с воздуха, бросая к нашим ногам ее яркие перья. На ветке повыше обосновалась парочка черных попугаев — караку. Забавно поводя головами, они внимательно наблюдали за борьбой, каждый раз радостными возгласами «комментируя» победу серых птичек. Когда же изрядно ободранная канкафутра все же влезла в гнездо, один из попугаев сорвался с ветки и своим сильным клювом несколько раз долбанул кукушку, которая тут же позорно ретировалась.

Внезапно гортанный крик, резкий и зловещий, заглушил птичий щебет. «Такатра, — схватив меня за плечо, прошептал Андри. — Боюсь, что марумиты сочтут этот крик дурным знаком». Оглядевшись, я заметил на кроне начавшего усыхать тамариска не то играющих, не то дерущихся птиц. По их огромному гнезду я понял, что это мотоголавы, птицы из подотряда цаплевых, знаменитые тем, что строят удивительно благоустроенные жилища. Их гнезда достигают в поперечнике двух метров, состоят из трех «отдельных комнат» и выдерживают тяжесть взрослого человека.

Подтягивавшиеся к нам марумиты, однако, не выказывали никаких признаков беспокойства. Напротив, «веселый парень», замахав руками, словно крыльями, очень искусно имитировал птичий крик. Привыкшие к уважению, мотоголавы, улетели в гордом молчании, а носильщики начали свистеть и улюлюкать им вдогонку.

— Странно, — задумчиво сказал Андри. — Случись эта встреча на побережье, все наши планы были бы непременно спутаны...

Только на ночном привале, когда все мы собрались у костра, Андри выяснил причины того, почему никто из марумитов не реагировал на зловещий крик такатры. Оказывается, что все наши носильщики принадлежали к племенам, обитающим на засушливом юге страны. Почти все марумиты — южане... Такатры не живут в тех пустынных районах, и поэтому выходцы оттуда не знают фады в отношении животных и растений, распространенных среди бецимисарака.

— А что вы испытали, когда после пустынных равнин юга попали в эти темные горные леса? — спросил я у Ренимамамуне.

— Мы боялись леса, — без обиняков ответил он. — Боимся его и сейчас. Но что же делать, если порою только здесь мы можем найти себе работу.

Ренимамамуне не знает точно, в каком году он родился, но думает, что это было лет тридцать тому назад. Зато ему известно, что появился он на свет в полночь второго дня девятого месяца винтаны. Знает он это доподлинно потому, что именно злополучное стечение обстоятельств — полночь второго дня алакамиси — предопределило его мытарства.

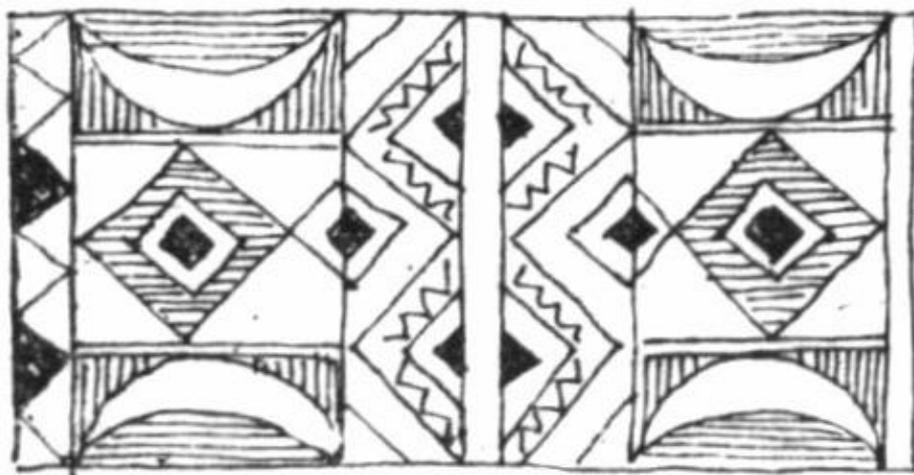
Родиться в полночь, по представлениям махафали, плохо вообще, потому что именно в это время на грани уходящего и приходящего дня появляются на свет люди, которым впоследствии суждено стать ведунами. Еще хуже родиться в первые два дня месяца алакамиси, когда чрево матери покидает тот, кто, достигнув совершеннолетия, превращается в «ниспровергателя основ», в человека, способного замахнуться на дух разана. В былые времена, лет сто назад, уже одного этого было достаточно для того, чтобы новорожденно-го похоронили заживо или подложили в муравейник. Когда Ренимамамуне издал свой первый крик, от подобных варварских обычаев уже отказались. Но к местному колдуну — мписикиди будущего «ведуна» и «ниспровергателя основ» понесли. Поворожив на костях и корешках, тот вынес свой приговор: «заклятого» надо положить у входа в загон для скота. Если поутру, выходя из пастбища, зебу не затопчут малыша, это будет означать, что разана освободили младенца от заклатья.

Зебу были милостивы. Ренимамамуне остался жив. Однако, родись он в богатой семье, которая могла бы щедро одарить мписикиди за то, чтобы он снял заклятие и с матери, мальчик воспитывался бы у родителей. Но родители были бедны, и прорицатель объявил, что дитя не может пить молоко той женщины, которая осмелилась произвести на свет ребенка в полночь второго дня алакамиси. Если мать хочет спасти ребенка, она должна вынести младенца на дорогу, положить у обочины, начать плакать и причитать. И если кто-нибудь усыновит мальчика, то матери отрадой будет хоть то, что ребенок ее остался жив.

Так и сделала несчастная женщина. Ренимамамуне подобрали ее соседи, такие же бедняки. Но через три года в деревне вспыхнула чума, и в приютившей его семье от болезни умерли все взрослые. Мальчика приютили другие, но и тех постигло несчастье. Мписикиди увидел во всем этом «знамение» разана и изгнал мальчугана сначала из родной деревни, а затем и с земель рода. Ренимамамуне не было еще и семи лет, когда вместе с отходниками он попал в Туамасина. Нищенствовал, немного воровал, собирал и продавал устриц, крабов. В двенадцать лет он с караваном марумитов впервые пошел по горным тропам. В девятнадцать лет его уже назначили бригадиром.

— Люблю ли я свою работу? — задумчиво повторил мой вопрос Ренимамамуне. — Это работа спасла мне жизнь и сделала человеком, помогла найти друзей. Я благодарен ей...

Собакоголовые люди гор Царатанана

Сатанинский, душераздирающий крик, заставивший меня не только проснуться, но и вскочить так резко и неловко, что сложенная марумитами хижина развалилась, стих так же внезапно, как и начался. Было еще темно, запутавшись в свалившихся на меня листьях равеналы, я наступил на барахтающегося под ними на полу Андри.

Как выяснилось, кричали лемуры. Казалось, их крики неслись из всех уголков леса. Они начались с жалобного завывания, поднялись выше, превратились в визг, сменились гомерическим хохотом, неожиданно стихли и внезапно возобновились неким подобием злобного лая. Этот фантастический хор в предутреннем лесу производил неизгладимое впечатление и легко позволял понять, почему мальгаши так боятся и почитают индри. Утренний концерт длился минут сорок и стих, лишь когда лучи восходящего солнца коснулись вершин деревьев, на которых ночуют лемуры. Я тешил себя надеждой увидеть крикунов. Здесь это было сложным делом, но сегодня мы вступим на территорию природного резервата Царатанана. Там нам обязательно помогут встретиться с индри.

Природные резерваты Мадагаскара — это нечто вроде заповедников, созданных для сохранения флоры и фауны «живых ископаемых» Гондваны. Сейчас на острове зарегистрировано уже 12 таких резерватов, однако самый большой и интересный из них расположен именно здесь, в предгорьях Царатананы.

Было уже за полдень, когда на развилке двух тропок Андри показал мне едва приметный столб с табличкой, обозначающей границу заповедника. В отличие от знакомых мне национальных парков Восточной Африки с их прекрасными дорогами и гостиницами, опытными гидами и отлично поставленной рекламой мадагаскарские резерваты совершенно не приспособлены к приему туристов и служат лишь одной, правда, главной цели — консервации природы. Еще в 1970 году в Антананариву была проведена конференция, признавшая настоятельную необходимость спасения реликтов и эндемиков Мадагаскара от полного вымирания.

Действительно, хотя в любой книге о «красном острове» непременно говорится о том, что лемуры — это особый вклад Мадагаскара в мировую фауну, перечисляются их названия и рассказывается, что животные эти считаются у малагасийцев «священными», собственно, об образе жизни и повадках лемуриков почти ничего не говорится. Даже серьезные зоологические работы пестрели такими фразами: «Хотя эти животные открыты свыше 100

лет назад, об их жизни известно мало»; «О размножении индри ничего не известно»; «Случаи пребывания в зоопарке не отмечены».

Причин, объясняющих подобное «белое пятно» в современной зоологии, конечно же, больше, чем достаточно. В те времена, когда лемуры еще были достаточно многочисленны на острове, любая попытка проникнуть в скрывающие их леса или тем более поймать это почитаемое малагасийцами животное наталкивалась на обструкции с их стороны. Некоторые из первых европейцев поплатились жизнью за свой интерес к лемурам, другие были высланы с острова правительством Имерины. Даже после завоевания острова французами К. Келлер писал в своем дневнике: «Все попытки организовать охоту на полуобезьян должны были ограничиться мечтами. Мой проводник, видимо, не хотел себя компрометировать и щадил души предков. Поэтому он приводил меня все время в такие места, где не было ни одного лемура».

Со временем, когда предрассудки и суеверия несколько отступили, французам удалось приоткрыть завесу таинственности над некоторыми из мелких лемуридов или лемуруобразных полуобезьян. Однако с крупными индризидами дело обстояло значительно сложнее. Во-первых, для всех малагасийских племен и народов они оставались очень сильными фади. Во-вторых, был принят специальный закон, согласно которому все исследования и наблюдения над этими животными, предпочитающими бодрствовать если не ночью, то в сумерках, могут производиться лишь на свободе. В-третьих, вырубка лесов, строительство дорог, появление обширных плантаций и многое другое заставили индри отступить в горные, порою попросту недоступные леса, где в новых для себя условиях они плохо прижились и, очевидно, стали вымирать.

И похоже на то, что Царатанана хотя и объявлен главным лемуриным заповедником, но не является исключением из этого нового для острова «правила». Мы все дальше углубляемся в резерват, а лемуринов не видно. Лишь у подножия Андуханисамбирано, одной из самых высоких мадагаскарских вершин (2501 м), на макушке деревьев показалась стайка зеленовато-серых гапа-лемуринов. Завидев нас, они недовольно захрюкали и скрылись в листве, дав «веселому парню» повод для каскада новых шуток.

Ближе к вечеру мы вошли, однако, в зону, где лемурам делать было явно нечего. Миновав причудливые леса, где каждое дерево было укутано сплошной шубой голубых лишайников, и не без труда преодолев пояс мхов, которые, словно глубокий ковер, покрывали равнинные участки склонов Царатананы, мы оказались среди зарослей древовидных вересков. Семи-восьмиметровые деревья с причудливо перекрученными, искривленными ветвями, обросшими бородами лишайниками, выглядели жутко и уныло. Высота давала себя знать легким холодком и промозглым туманом, который гнал ветер.

Тем приятнее и неожиданнее было увидеть в этом уютном месте зовущий теплом костер, а за ним угадать силуэт деревянной хижины, в которой нам предстояло провести ночь. Хижинка была построена для сотрудников и редких гостей резервата, а огонь разведен месье Ренье — креолом средних лет, работавшим в заповеднике и, насколько я уяснил, совмещавшим в одном лице все должности, которые могут быть предусмотрены штатным расписанием подобного учреждения.

Ответив на удивленное восклицание Ренье: «О, первый советский человек на крыше Мадагаскара!», согревшись у костра, выпив и закусив, мы, конечно же, заговорили о заповеднике, лемурах и загадочных индри.

— Слышали ли вы когда-нибудь о собакоголовых людях Мадагаскара, в существование которых ученые европейского средневековья настолько верили, что даже дали им латинское название — синоцефалус? — неожиданно спросил Ренье.

— Признаться, очень мало.

— А я слышу о собакоголовых людях два десятка лет, что провел в лесах Царатананы. Загадка индрии накрепко переплелась с мифом о собакочеловеке, и именно в этом причина того, что об этом лемуре до сих пор не известно ничего путного.

— Вы интригуете меня, месье Ренье.

— Нисколько, я буду излагать только факты, — ответил он. — А вы слушайте и старайтесь не смотреть по сторонам, потому что бородатые лишайники, освещенные бликами костра, обязательно покажутся вам головами синоцефалусов.

Он раскурил трубку, явно стараясь продлить время и подогреть мой интерес к своему рассказу, несколько раз затянулся и наконец начал.

— Так вот! Первым пустил слух о человеке с собачьей головой Марко Поло. Знаменитый венецианец населил этими существами соседние Андаманские острова, а оттуда, с его легкой руки, они «распространились» во многие страны бассейна Индийского океана. Итальянский энциклопедист Андровандус, живший в восемнадцатом столетии, «знал» о человекособаке уже так много, что дал им подробное описание. Его синоцефалус имел человеческое туловище без хвоста, но обладал собачьей головой и клыками, а также умел лаять. Излюбленным занятием этого странного существа было купание, после чего он катался в глине. Подсохнув на солнце, эта глина покрывала синоцефалуса толстой коркой, которая защищала его от копий туземцев. Ловкий и сильный, он вытаскивал эти копы из своей глиняной брони и, никогда не промахиваясь, метал обратно во врагов.

Со временем образ синоцефалуса обрастал все новыми небылицами, став в один ряд с легендами о циклопах и человекообразных монстрах без головы. Арабские путешественники не скупались на подобные рассказы, а первые белые мореплаватели, наслушавшись их, добавляли все новые и новые небылицы. Лишь в середине восемнадцатого века, когда европейские ученые начали быстро проникать в тропики и исследовать Андаманы, многое узнали о других островах Индийского океана и нигде не обнаружили ни малейшего подтверждения легенде о человекособаке, была понята ее беспочвенность. Исключение составлял лишь Мадагаскар.

— Вы имеете в виду то, что европейцы долгое время не могли проникнуть в глубь острова? — спросил я.

— Это было лишь полдела. Потому что когда они появились на Мадагаскаре и углубились в его леса, то начали получать не опровержения, а все новые и новые дополнения к легенде о синоцефалусе. Я назову лишь некоторые.

Ренье вновь нагнулся к костру раскурить трубку, когда откуда-то из темного загадочного далека горное эхо донесло до нас уже знакомый многоголосый крик, завершившийся злобным сатанинским лаем.

— Очень вовремя, — довольный произнес Ренье. — А вы можете представить себе, какое впечатление производил этот лай на европейцев, впервые попавших в тропические дебри и наслышанных о синоцефалусе. Они еще никогда не видели крупных лемуров, но уже знали, что в горных лесах острова якобы живут странные существа, полуобезьяны, которых малагасийцы считают своими предками. Они узнали также, что некоторые племена приручают этих полуобезьян и используют их как собак для охоты. Наконец, были сделаны сенсационные находки: обнаружены кости гигантских, почти в рост человека, лемуров, причем некоторые из них, как и синоцефалус, были бесхвосты. Позже выяснилось, что это были кости давным-давно вымерших лемуров. Но в ту пору их легче было приписать все тому же легендарному существу...

И тут произошла интереснейшая вещь. Рожденная в Европе, легенда, попав на мадагаскарскую почву, обросла местным колоритом и была использована малагасийцами против самих же европейцев. Сначала слухи о существовании синоцефалуса стали распускать пираты, которые, зная об измышлениях Марко Поло и Андровандуса, долго и ловко запускивали английских, французских и португальских купцов, тем самым препятствуя их про-

никновению на Мадагаскар. От пиратов легенда эта перешла к занамалата, а от них — к бецимисарака, которые использовали эту легенду для того, чтобы укрыть своего почитаемого индри от глаз чужестранцев, а заодно и запугать их, предостеречь от земельных захватов в глубинных районах.

— Как же выглядит мальгашский вариант легенды о собакоголовом человеке? — любопытствовал я.

— Во многом он повторяет европейский. Бецимисарака даже заимствовали у пиратов, вернее, у Андровандуса миф о том, что синоцефалус мечет в своих врагов их же собственные копыя. При этом, однако, бецимисарака не учли, что сами люди в лесных районах копий не имеют, а пользуются стрелами. От пиратов в фольклор мальгашей проникла и версия о том, что синоцефалус с собачьей преданностью охраняет клады и сокровища, некогда спрятанные в лесу, и перегрызает глотку любому, кто приближается к ним.

Наконец, появились у человекособаки и черты, которыми их в соответствии с местными традициями, наделили и сами бецимисарака. Так, малагасийцы уверяли, что в этих человекоподобных жителей леса превращаются убитые воины, отличавшиеся особой храбростью. Существовали очень сильные фади, запрещавшие чужеземцам не только видеть «лесных людей», но и ступать на землю, где они обитают. Что же касается охоты на этих существ или даже их ловли, то они объявляются величайшим оскорблением разана и, пожалуй, влекут за собой более серьезные последствия, чем убийство человека. В общем суеверная фантазия малагасийцев, усыновив европейскую легенду о синоцефалусе, делала все возможное для того, чтобы вазаха ее не развенчали.

Однако дотошные вазаха проявляли к легендам повышенный интерес и вскоре пришли к заключению, что точно такие же небылицы и фади, которые окружают синоцефалуса, рассказываются бецимисарака и об индри — единственном «бесхвостом» лемуру Мадагаскара, умеющем лаять и ходить на задних лапах. Интересно также, что район, где бытует легенда о человекособаке, почти точно совпадает с ареолом распространения индри — треугольником между заливом Антонжиль на севере, горами Царатанана на западе и рекой Масура на юге.

Установление этой истины тем не менее ненамного продвинуло вперед решение загадок, окружающих самого индри. С тех пор как в 1782 году француз Соннера первым описал это животное, удалось лишь достоверно выяснить, что он дал ему неправильное название. Проводник-занемалата, сопровождавший путешественника, указывая на неизвестное ему ранее животное, сидевшее высоко на дереве, действительно сказал: «Индрис», что по-малагасийски означает «посмотри на это». С легкой руки Соннера, этот несуразный термин, не имеющий никакого отношения к видовому названию животного у мальгашей, но в представлении европейцев имеющий непосредственную связь с «лесным человеком», привился в науке и внес большие затруднения в знакомство вазаха с этим лемуrom. Действительно, слово «индрис», произносимое европейцами, скорее заставляло малагасийцев самих озираться по сторонам, чем показывать что бы то ни было. Лишь значительно позднее было выяснено, что бецимисарака называют загадочного лемура бабакото, где слово «баба» означает «отец», «кото» — «ребенок».

Узнав, наконец, что надо искать, зоологи добыли несколько бабакото и, произведя в секрете от малагасийцев свои операции, нашли «лесному человеку» достойное место в систематике животных. Выяснилось, в частности, что в отличие от людей они все же обладают трехсантиметровым хвостом.

Однако все попытки проникнуть в «тайны быта» индри наталкиваются на неудачи. В конце второй мировой войны первые бабакото были доставлены в парижский зоопарк, где вскоре погибли: авторитетные специалисты не смогли составить им диету, заменяющую лакомства мадагаскарских лесов. Двадцать лет спустя киноэкспедицию за бабакото организовал английский зоолог и оператор Дэвид Аттенборо. Впервые отсняв несколько мет-

ров киноплёнки о жизни индри в естественных условиях, он в своем дневнике записал: «Так никто и не определил, чем же питается «лесной человек» Мадагаскара...»

— Есть ли у вас какие-нибудь наблюдения на этот счет? — прервал его рассказ Андри.

— Стыдно было бы просидеть здесь всю жизнь и сказать «нет». Хотя сказать с уверенностью «да» тоже нельзя, потому что индри никогда не едят на земле. Они совершают свою трапезу на кронах самых высоких деревьев. А разглядеть оттуда, что они там жуют, не всегда удается. Я склоняюсь к мнению о том, что индри поедают плоды редких лиан, цветущих на вершинах циандалана и лунгутры. Семена этих лиан прорастают лишь после того, как побывают в желудке у ночного родственника индри — руноносного авагиса. Поэтому «лесные люди» никогда не селятся там, где нет авагисов, в то время как руноносцы свободно без них обходятся.

— Есть ли шанс увидеть индри-бабакото? — спросил я.

— Все зависит от того, что вы ожидаете от этого шанса, — подумав, ответил Ренье. — Если вас удовлетворит созерцание черно-белых точек, прыгающих в сумерках по вершинам деревьев, я отвечу «да». Если же вы хотите наблюдать за жизнью индри и делать фотографии лемурув, то для этого нужны недели и счастливое стечение обстоятельств. Однако в любом случае я бы не рекомендовал вам ходить больше с марумитами, потому что все три группы отправляются на высокогорье. Андри хочет идти с ними, а это значит, что вы застрянете здесь надолго. Я же спущусь завтра на север до Зарамбави, где меня ожидает «лэндровер», а оттуда мы сможем проехать в Вухемар — городок на побережье, связанный самолетами с провинциальными центрами.

Жалко, конечно, было расставаться с «добрым соблазнителем» Андри, но здравый смысл подсказывал, что мне действительно нечего делать в горах. Распрощавшись с ним и марумитами, я отправился спать.

Однако то ли из-за холода, то ли из-за роя мыслей и впечатлений крепкий сон не шел, а тяжелая полудрема рождала в голове малосимпатичные образы человекособак и циклопов. Промучавшись на жестком лежаке до полуночи, я потерял всякую надежду заснуть и вышел на воздух.

Луна была почти полной. В ее холодном серебряном свете бороды лишайников на скрюченных вересках поседели, и все деревья, окружавшие хижину, вдруг напомнили мне фантастические фигуры стариков, принявшихся танцевать и вдруг застывших в самых невероятных позах. То там, то здесь из-под седых косм старцев выбивался желтоватый свет. Темная туча внезапно заслонила луну, и в спустившейся темноте огоньков сделалось намного больше. Когда набегавший с гор ветерок начинал трепать лишайники, огоньки весело подмигивали, и мне даже показалось, что это косматые старики заигрывают со мной, завлекая в свою компанию.

Я пошел по направлению к зарослям, и, чем глубже в них входил, тем больше мигающих глаз становилось вокруг меня. Вновь открылась луна, и тогда стали видны источники этого мистического света — сморщенные фосфоресцирующие грибы, поселившиеся среди ветвящихся стволов вересков.

Протопанная невесть кем тропинка вывела меня к краю пропасти. Где-то на дне ее, прыгая по камням под сводами черного, едва угадываемого леса, шумела река. А прямо над пропастью в окружении бежавших мимо луны облачков громоздилась священная Марумукутра — самая высокая вершина Мадагаскара, поднявшаяся на 2876 метров над уровнем моря.

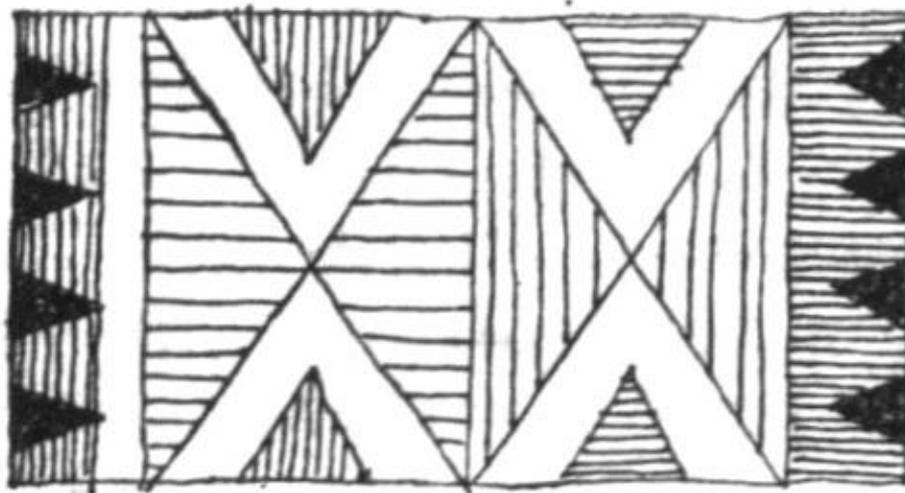
Зачарованный этой величественной картиной, я долго просидел над краем пропасти. Постанывали на ветру верески, пели цикады и какой-то резкий сухой треск, заглушая все прочие звуки, время от времени доносился из лесу.

— Слышали? — спросил меня Ренье, когда я наконец-то вернулся в хижину. — Скептики говорят, что это трещит ночная птица. Но мальгаши уверяют, что так кричит самый крупный из лемурув, до сих пор не известный науке. За трескучий голос они так и называют его — третрetre. Днем он прячется в пещерах, а с наступлением ночи бродит по лесу на задних ногах, словно человек.

— Вы верите, что третрetre существует? — спросил я.

— Я не верю тем, кто не верит в существование третрetre, — буркнул Ренье. — Мы еще слишком плохо знаем Мадагаскар.

Диего-Суарес — лучшая бухта Земли

Время, в которое мы живем, — удивительное время. Оно вкладывает в руки первобытных охотников, верящих лишь в духов, транзисторные приемники и заставляет людей, которые в своем традиционном обществе еще не дошли до употребления колеса, смотреть на самолет как на нечто обыденное.

Так во всяком случае преломляется век технической революции на Мадагаскаре. На острове нет дорог, но его карта, словно густыми веснушками, покрыта точками аэродромов. Поэтому автомашина, пробившаяся в какое-нибудь глухое селение, вызывает у его жителей подлинную сенсацию, тогда как парящий над ними самолет привлекает разве что внимание мальчишек. Небольшие самолетики выполняют здесь роль аэротакси, садятся всюду, где есть посадочная полоса, и везут вас в любую точку острова, в которой можно приземлиться. Попав в жаркий Вухемар и не найдя там ничего интересного, я отправился на аэродром.

— Месье хочет попасть в Диего-Суарес? — широкой улыбкой приветствовала меня очаровательная малагасийка в окне будки, именованной «Аэропорт Вухемар». — Самолет полетит, когда наберется четыре пассажира. Вы уже второй в списке.

Ждать пришлось не более трех часов. Четвертым пассажиром, правда, оказался давно не стриженный баран, которого в качестве выкупа за невесту вез молодой парень. Мы взлетели, и вот внизу распростерся то зеленый, то синий океан, потянулись золотые пляжи, мелкие островки и в конце полета темные лагуны и заливы. Перед посадкой, пораженный, я прильнул к иллюминатору. Внизу в лучах заходящего солнца лежала знаменитая бухта Диего-Суарес, которую называют «лучшей закрытой гаванью мира», способной вместить военные флоты всех стран земли. И наверное, в этом нет преувеличения: мало где еще природа создала подобные условия для глубоководного порта, защищенного от превратностей открытого океана.

Первое, что я почувствовал, выпрыгнув вслед за бараном на аэродром Диего-Суареса, была фантастическая духота. Уже по дороге из аэропорта, обливаясь потом в грязном такси, я понял, что принадлежащее Диего-Суаресу звание «самого жаркого» города Мадагаскара — дело серьезное. Мои надежды освежиться в отеле не оправдались. В лучшей и с виду вполне respectable гостинице города «Отель де ля Пост» кондиционер не работал, а из крана с частотой до 60 капель в минуту сочилась красноватая жижа. «Вода? —

удивленно переспросил вызванный мною слуга. — Месье, наверное, первый раз в Диего-Суаресе? В это время здесь воды не бывает...»

Я вышел на улицу. Прямые, прочерченные по линейке улицы, застроенные новыми, но казенными и однообразными зданиями. Нигде ни деревьев, ни тени. После веселой суетоки Тана и Туамасина город казался скучным и безжизненным. Лишь кое-где под выцветшими зонтиками уличных кафе в ленивой полудреме сидели какие-то краснокожие, в которых при ближайшем рассмотрении угадывались белые люди. Я подумал, что они, наверное, с нетерпением ждут заката солнца, вечерней прохлады, бриза с океана. Однако из купленного на книжном развале путеводителя я узнал, что, хотя солнце над Диего-Суаресом и заходит, никаких иных изменений с наступлением темноты не отмечается. С откровенностью, довольно странной для издания, призванного скорее заинтересовать городом, чем вызвать желание поскорее уехать из него, его автор сообщал также, что «французы называли Диего-Суарес самым худшим местом на Мадагаскаре, а другие считали его даже одним из самых плохих городов мира...».

Природа много потрудилась для того, чтобы сделать север Мадагаскара непохожим на другие части страны. Эта «непохожесть» заметна даже на карте, где выглядящий нерасчлененным монолитом «красный кирпич» неожиданно заканчивается «наверху» узкой и расчлененной областью, по своей конфигурации напоминающей французским географам «рваный колпак». «Кисточкой» этому «колпаку» служит изобилующий мысами и заливами мыс Амбр. На юге же от остальной части Мадагаскара «колпак» отделяет труднодоступный массив Амбр.

Дождевые воды, скатываясь с базальтовой брони массива, не успевают напоить скудные почвы, и поэтому засуха — постоянное явление в «лучшей гавани мира». Анцеранана — «город, испытывающий жажду» — таково традиционное малагасийское название Диего-Суареса.

Исходив вдоль и поперек душный Анцеранана, объездив на арендованной у вездесущей на острове компании «Мадавто» полуразбитой машине пригороды и не обнаружив ничего интересного, я пошел за помощью к коллегам. Не без труда нашел редакцию местной газеты «Эклерёр де Диего». Не утаивая разочарования, рассказал о своих первых впечатлениях. Попросил помочь узнать Анцеранану, а если можно, и провинцию получше. На состоявшемся тут же «редакционном совете» ко мне прикомандировали месье Циакхипа. Так я вновь обрел компаньона.

— Не вы первый жалуетесь, что Анцеранана — скучный город, в котором чувствуешь себя оторванным от остальной страны, — уже сидя в машине, говорит Циакхипа. — Но эта нынешняя обособленность Анцерананы преднамеренная, вызванная колониальной политикой Парижа, стремившегося изолировать «лучшую гавань мира» от всего Мадагаскара и тем самым усилить свое влияние на севере острова. Ведь именно в этой лучшей гавани была расположена самая большая заморская военно-морская база Франции. В Диего-Суаресе постоянно находились около четырех тысяч французских военных моряков, всегда готовых прийти на помощь неокOLONIAЛИСТСКОМУ режиму Цирананы.

Нынешнему правительству Мадагаскара пришлось выдержать с Францией подлинную дипломатическую войну, прежде чем база была эвакуирована. Одновременно были национализированы предприятия по обслуживанию судов Анцерананы — самые крупные предприятия государственного сектора республики.

— Могу ли я посетить порт и машиностроительный арсенал?

— Почему же нет? — удивляется Циакхипа. — После того как из города убрались французы, в порту нет секретов. Особенно для друзей.

Мы покидаем деловую часть города, проезжаем мимо бесчисленных пакгаузов и складов и подъезжаем к управлению порта.

— Товарищ Жамалаза, — окликает Циахимпа немолодого рабочего в спецовке. — Я привез к тебе в гости советского журналиста. Он хочет побольше узнать о порте, о его проблемах.

Эжен Жамалаза — один из членов руководящего комитета порта.

— Наш комитет создан совсем недавно — после того как в январе тысяча девятьсот семьдесят седьмого года правительством был принят «Устав социалистических предприятий» Мадагаскара. Он распространяется на все предприятия национализированного сектора. Устав призван способствовать переходу от прежних производственных отношений капиталистического и феодального характера к социалистическим. Именно этому и способствует деятельность нашего комитета. В его состав входят представители государства, дирекции и трудящихся. Таким образом, рабочие начинают участвовать в руководстве своим предприятием.

Если же рассказывать о самом порте, то он переживает трудный период, — продолжает Жамалаза. — Раньше вся эта махина, как и весь город, работали на французскую базу. Здесь мы ремонтировали военные корабли, строили мелкие суда, содержали маяки и бакены, разгружали военные грузы. В городе сотни, тысячи малагасийцев — слуги, повара, сторожа, садовники, дворники, посыльные — зарабатывали себе на жизнь, обслуживая военных. Сейчас французы ушли. И наша главная задача состоит в том, чтобы уход этот, которого мы так долго добивались, не обернулся для малагасийцев массовой безработицей. Что для этого надо сделать? Превратить Анцеранану в главный порт Мадагаскара. Мимо нас — между мысом Доброй Надежды, Персидским заливом и Австралией — ежегодно курсируют около восьми тысяч судов. Любую серьезную неисправность на них в западной части Индийского океана можно устранить только в Анцеранане. Так что у лучшей гавани мира есть все для того, чтобы превратиться в главные морские ворота Мадагаскара...

С ростом тоннажа танкеров, перевозящих нефть вокруг Африки, делается все меньше портов, способных их обслуживать. А глубоководный Анцеранана практически может принимать в день по восемь — десять супертанкеров.

Большие надежды возлагаем мы также на расширение торговли с Советским Союзом и другими социалистическими странами, что позволит резко увеличить грузооборот порта. В тысяча девятьсот семьдесят седьмом году товарооборот между СССР и Мадагаскаром увеличился по сравнению с предыдущим годом почти в пять раз. В Анцеранане корабли под советским флагом загружают в трюмы товары традиционного мадагаскарского экспорта — кофе, гвоздику, перец, ваниль. Через наш порт идет и часть оборудования и машин, поставляемых на остров из СССР. Так что вряд ли нашим ребятам придется сидеть сложа руки!

Жамалаза предлагает познакомиться с портом. Хозяйство огромное: гигантский сухой док — самый большой у африканского побережья, ремонтные мастерские, километры причалов, сотни порталных кранов. Крупнейший объект экономики Мадагаскара, ставший достоянием народа...

У портовых ворот мы прощаемся с Жамалаза и вновь едем колесить по городу.

Анцеранана долгое время была единственным городом Мадагаскара, где спрос на рабочую силу превышал предложение. Поэтому-то сюда и устремлялись отходники со всех концов острова, особенно с голодного пустынного Юга.

Мысль эту навеяла мне толпа, по окончании рабочего дня заполнившая улицы. Если в Тана, например, толпа людей — почти поголовно в белых ламбах, соломенных шляпах или под зонтиками — поражает своим однообразием, то в Анцеранане бросается в глаза разнообразие одежды, этнических типов. Видно, правда, что в городе преобладает население, приобщенное к мусульманской культуре. То и дело попадаются женщины, прикрывающие лица легкой накидкой, мужчины в красных фесках или длинных белых галабях.

Это представители малагасийских народов антаиморо и антанкарана — аборигенов мадагаскарского «колпака», еще в древности торговавших с арабским миром.

— А не поехать ли нам в Жофревиль? — прерывает мое созерцание толпы Циахимпа.

— Жофревиль? — переспрашиваю я.— Поехали. Но что это и где?

— Это городок километрах в сорока отсюда, на склонах массива Амбр. Там жили зажиточные французы.

Роскошная дорога ведет в этот городок. Оставив чуть слева живописные горы, которые именуются «французскими», она плавно поворачивает на запад и сразу же начинает взбираться вверх, петляя по узкому ущелью, зажатому между двумя базальтовыми языками. По их краям среди нагромождений черных камней лепятся островерхие хижины антанкарана — «людей, живущих среди скал». Затем хижины пропадают, но появляются изящные виллы среди садов, отделенных друг от друга посадками хвойных пород.

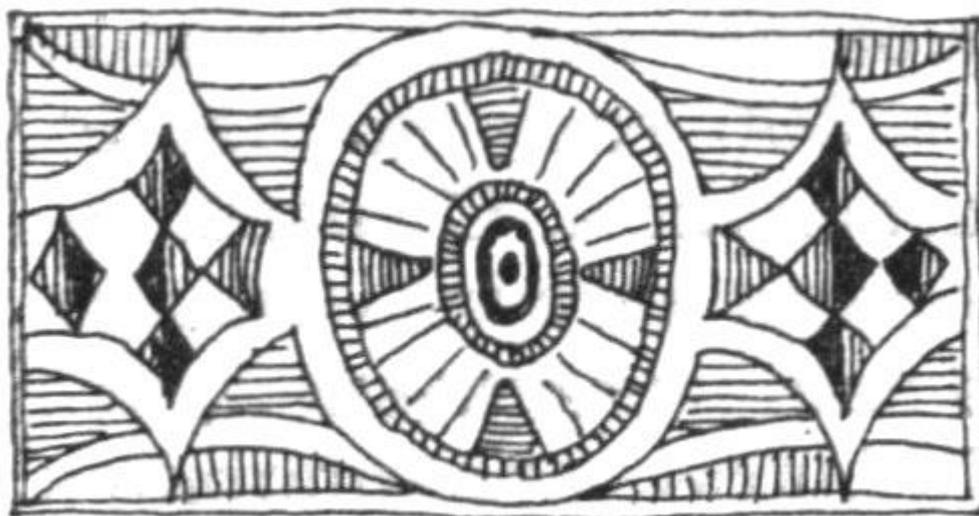
— Жофревиль, — говорит Циахимпа, — назван в честь французского адмирала Жофре, который во времена покорения Мадагаскара был военным комендантом Диего-Суареса.

Уютный городок на высоте тысяча метров над уровнем моря, обвеваемый прохладным ветром с гор. Райское место, где, оказывается, жили французы и откуда, смотря вниз, ругали Анцеранану «адам».

Делая это, они грешили вдвойне: во-первых, потому, что, не будь «ада» Анцерананы, им нечего было бы делать в «рае» Жофревиля; во-вторых, потому, что, глядя отсюда на потрясающую по своей красоте картину бухты, раскинувшейся внизу, думаешь, что рай — именно там.

Сверху «лучшая бухта Земли» напоминает гигантский голубой лист клевера, на котором, словно капли дождя, блестели базальтовые островки и скалы. В лучах заходящего солнца склоны обычно черных гор, амфитеатром спускающиеся к заливу, внезапно засеребрились, а округлые холмы, покрытые лесами, приобрели золотистый оттенок.

Кто же открыл Мадагаскар?

Недоступный для большинства жителей самого острова, «мадагаскарский колпак» в прошлом был самой доступной его частью для всех тех, кто, пользуясь течениями и ветрами, плыл к Мадагаскару с севера или востока.

В первую очередь это были арабы, которые называли Индийский океан морем Зендж («море черных»), совокупность островов у африканского побережья — Джезаир-эль-Кумр, а Мадагаскар — Большой Кумр. Слово «кумр», транскрибируемое также то, как «комр», то, как «гамар», обычно почему-то связывается исключительно с луной. Действительно, «комр» или «гамар» по-арабски — «луна». Однако возникает вопрос: что общего древние оманцы и йеменцы находили между островами моря Зендж и ночным светилом? Почему Мадагаскар виделся им «большой луной», а Коморы даже сегодня многие именуют «лунными островами»? В популярной литературе обычно содержится объяснение, что безлесые красные плато Мадагаскара, пораженные эрозией, равно как и вулканические пейзажи Комор, вызывали у арабов ассоциации с безжизненными лунными ландшафтами. Однако в те времена, когда арабы открывали для себя Мадагаскар, его склоны еще были покрыты лесами, а отсутствие телескопов у древних вряд ли помогало им найти аналогию между лунными цирками и земными кратерами.

Какой же смысл вкладывали тогда арабы в названия, данные им этим островам? Учтывая, что речь идет о Мадагаскаре, логичнее всего вспомнить, что словом «комр» арабы называли индонезийцев, и предположить, что Джезаир-эль-Кумр, или более поздний — Джезире комор, не что иное, как «остров индонезийцев». В этом названии отражено скорее всего удивление арабов, увидевших у берегов Черной Африки людей монголоидной расы и узнавших, что выходцы из далекого индонезийского мира уже давно освоили «море черных».

Каковы были взаимоотношения между этими первооткрывателями Индийского океана, сказать трудно. Однако в фантастическом калейдоскопе событий истории Южных морей до наших дней дошел и такой любопытный факт. На стыке старой и новой эры, когда Йемен временно утратил свое торговое могущество, «в Аден на кораблях прибыли жители Мадагаскара». Они оттеснили рыбаков-арабов в горы и стали править местностью, но впоследствии вымерли...

Как это ни парадоксально, но гораздо более сильное арабское влияние в те времена проникало на Мадагаскар ни с севера — из Аравии, а с востока — с Суматры, где суще-

ствовали могущественные арабские торговые колонии. Пользуясь теми же ветрами, которые прибили к мадагаскарским берегам первых людей монголоидной расы, арабы еще примерно в 300 году до нашей эры вели торговлю между Суматрой и Мадагаскаром. С возвышением ислама и появлением в Индонезии первых мусульманских султанатов эта торговля делается настолько систематической, что возникает необходимость в создании на Мадагаскаре опорных пунктов с постоянным мусульманским населением. Арабский географ XII века Ал-Идриси пишет, что жители Суматры часто посещали Джезаир-эль-Кумр и понимали язык его племен. Как легенды, еще живущие в памяти мальгашей, так и древние арабо-мальгашские рукописи говорят о том, что мусульманскую религию на остров принесли выходцы из Рамини, как средневековые географы называли северную часть Суматры. Именно раминиями, смешавшись с местным населением, положили начало ныне 255-тысячному народу антаиморо, что в переводе с малагасийского означает «люди побережья». Они живут вокруг бухты Диего-Суарес, а также почти на противоположном конце острова — на крайнем юго-востоке, между городами Манакара и Вухипену, то есть именно там, где торговали суматранцы.

Со временем, однако, у мусульман возникает конкурент, расположенный в непосредственной близости от Мадагаскара. Я имею в виду восточноафриканские города суахили — Килву, Момбасу, Малинди, которые, приняв ислам и усвоив морские навыки арабов, начали быстро вовлекать в сферу своих торговых операций лежащие к югу от них земли. Остановленные Мозамбикским течением, они прекратили свое продвижение вдоль побережья и обосновались на Коморах и «колпаке». В X веке суахили даже создали у северо-западного побережья эль-Кумра султанат со столицей на островке Мандза в бухте Махадзамба. В XII веке суахилийские купцы уже пользовались на севере острова таким влиянием, что их язык в обиходе вытеснил арабский, а в торговых сделках даже заменил древне-малайский.

Знаменитый суахилийский лоцман Ахмад ибн-Маджид, показавший Васко да Гаме морской путь в Индию, в своей лоции упоминает Мадагаскар как место захода всех судов, плывущих «зеленой водой», то есть в открытом океане, из Басры, Сирафа, или Хормуза, через Сокотру к юго-восточному побережью Африки. Об эль-Комре часто вспоминают такие крупнейшие арабские географы, как Якут, Ал-Идриси, Абу-ль-Фида, Ибн-Саид ал-Магриби. Европа узнала о Мадагаскаре, а вернее, о той его небольшой части, которая была исламизирована и известна восточному миру от арабов. И не удивительно поэтому, что Марко Поло, проплывая в 1294 году на арабском судне из Китая в Венецию мимо африканских берегов и первым из европейцев прослышав о Мадагаскаре, сообщил, что жители его — мусульмане. «От Сокотры в тысяче миль на юг — остров Мадагаскар... — писал он. — Этот остров, знайте, самый славный и самый большой на свете»*.

Так кто же все-таки открыл Мадагаскар? Вопрос этот пришел мне на ум именно в Анцеранане, поскольку буржуазные историко-географы, с расистской беззастенчивостью отбрасывающие заслуги суматранцев, малайцев, арабов и суахили, приписывают честь первооткрытия Великого острова... португальцам, имена которых и звучат в названии города. Первый из них, Диогу Диаш, появился у берегов Мадагаскара в 1500 году, когда находившийся под его командой корабль был отнесен ветром на восток, где случайно и «наткнулся» на огромный остров. Диогу, брат знаменитого Бартолемеу Диаша, первым из европейцев обогнувший Африку, проплыл вдоль всего восточного побережья острова. 10 августа 1500 года, в день святого Лаврентия, корабль вошел в гигантскую бухту, размеры которой, как записал в своем дневнике капитан, «не идут ни в какое сравнение с ранее виданными». Мореплаватель провозгласил огромный остров португальским владением и дал ему имя Святой Лаврентий.

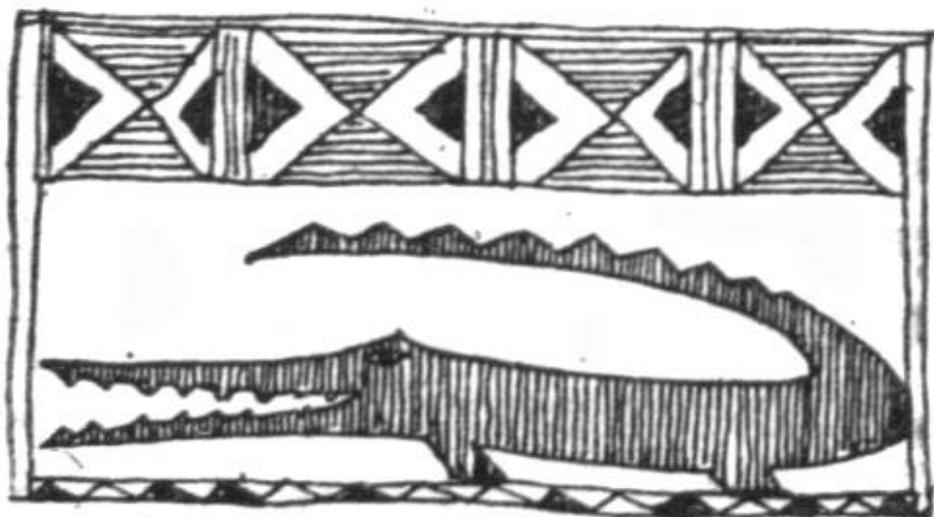
* Марко Поло. Путешествие. Л., — 1940, с. 232.

А еще через шесть лет, в 1506 году, на берегу бухты впервые в истории Мадагаскара произошло вооруженное столкновение между малагасийцами и европейцами. «Цивилизаторской миссией» руководил капитан Фернанду Суарес (вернее, Суариш). Возглавляемый им отряд португальских солдат сжег несколько деревень антаиморо и взял в плен 20 мужчин и женщин, которым было суждено войти в историю в качестве первых мальгашей, проданных в рабство в Европе.

Наконец в 1543 году на берегу все той же бухты высадился третий португальский «герой», носивший имя первого и фамилию второго своего предшественника. Одни говорят, что капитан Диогу Суарес учел это и назвал закартированную им бухту именно в их честь. Другие обвиняют его в нескромности и стремлении увековечить на карте свою собственную, ничем не отличившуюся персону.

Как-бы то ни было, но название это прикилось, в то время как Святому Лаврентию не повезло. Скорее всего потому, что португальцы не смогли закрепиться на острове, данное им название не задержалось на географических картах других стран.

Антанкарана дружат с крокодилами

Когда из Анцерананы по единственному шоссе, связывающему город с побережьем Мозамбикского пролива, «возвращаешься» на остров, то обязательно останавливаешься у озера Анивурану. Оно расположено у юго-восточного подножия массива Амбр и считается священным у народа антанкарана. В Анивурану обитают крокодилы, в которых переселились души когда-то согрешивших предков местных обитателей побережья. Они столь часто воздают им религиозные почести, что превратили своих пращуров в действующих лиц прибыльного туристского аттракциона.

Чтобы найти объяснение спектаклю, который по заказу гостей разыгрывается на берегу священного Анивурану, надо вновь обратиться к легенде. А она рассказывает, что давным-давно никакого озера в этих местах не было, а была цветущая долина, посреди которой стояла деревня богатеев, слывших своей скупостью и плохим отношением к путникам. Шел как-то мимо этой деревни колдун-антаиморо. Было жарко, старику хотелось пить, и он постучался в первый с краю дом, попросив воды. Но ему даже двери не открыли. Постучался старик во второй дом — его обругали, в третьем — прогнали, а в четвертом — спустили собак. Лишь за околицей набрел старик на травяную хижину, в которой жила бедная батрачка. Она напоила его и пригласила отдохнуть. Но тот не стал задерживаться.

— Немедленно уходи отсюда, добрая женщина. Забери всех своих детей, возьми имущество да прихвати от меня подарок, — сказал колдун, протягивая ей мешок с вещами. — Я отомщу жадным жителям этой богатой деревни. Они пожалели для меня глоток воды, а я найшу на них столько воды, что отныне им придется в ней жить.

Сказав это, старик вышел на середину долины и поднял руки. Горы содрогнулись, и вода озер, которые прятались между скалами, упала вниз. Деревня исчезла под водой, а ее жители превратились в крокодилов. Лишь добрая женщина и ее дети остались людьми.

С тех давних времен, как только у антанкарана случается беда, они совершают паломничество к озеру, приносят крокодилам жертву и просят их помочь в своих горестях: женщины молят избавить от бесплодия, старики — облегчить страдания от немощи. И те, кто приходят издалека, свято верят в предков-крокодилов, разговаривая с ними в сторонке почтительно и полупшепотом.

Однако жителей Ампандрана и Ампарихи современность заставила взглянуть на крокодилов по-иному. Близость цивилизованной Анцерананы с тысячами праздных францу-

зов отучила обитателей этих деревень считать крокодилов существами священными и навела на мысль, что визитеры-вазаха любят красочные представления и платят за них неплохие деньги.

Когда в субботу после полудня я доехал до Анивурану, толпы разноязыких туристов, суетливо шелкая затворами аппаратов, уже фотографировали местных жителей, облаченных в яркие одеяния. Хотя наряды эти и имели весьма отдаленную связь с национальным костюмом мусульман антанкарана, туристы были уверены, что все вокруг них происходящее доподлинно и полно мистического, а не коммерческого смысла.

На видном месте под раскидистым деревом сидел тучный вождь на табурете, у ног которого были расстелены с полдюжины кож предков-крокодилов. Он важно помахивал мухобойкой и время от времени отдавал приказания парням в красных салагах, следивших за тем, чтобы ни один вазаха не проник на таинство без мзды в «жертвенник крокодилам». Один из парней, которому свой взнос я положил непосредственно в его карман, рассказал, что он и его сверстники находятся на работе у вождя, что участие в церемонии всех общинников «оплачивают» туристские компании, которые привозят посетителей из Анцерананы, в то время как содержимое «жертвенника» достается вождю. Из этих денег он выдает вознаграждение парням, а также «покупает» в собственном стаде жертвенное животное. Если туристов собирается мало, в озеро бросают козла, если много — корову.

— Вам повезло. Сегодня съехалось много вазаха, — хитро подмигнул мне парень и побежал собирать плату с туристов приближавшегося автобуса.

...Когда солнце уже клонилось к закату, свинцовые воды озера вдруг сделались золотисто-розовыми, на берег вышли женщины в белых одеяниях. Театрально раскланявшись, они уселись на песок у кромки воды и затянули протяжную песню. Но припев у этой песни был отрывистый, надрывной. Его подхватывало эхо в обступивших озеро черных холмах, за которые садилось солнце, и звук песни улетал в сторону еще залитых светом равнин. Когда эхо почти иссякало на равнинах, припев неожиданно подхватывали голоса мужчин, укрывшихся где-то среди зелени, и песня вновь возвращалась в горы и парила над священным озером. Это было довольно эффектное звуковое действие, отработанное, наверное, еще в те времена, когда прибрежные антанкарана относились к своим предкам-крокодилам вполне серьезно.

Когда песня затихла, мужчины выгнали на берег коровенку, наверное, самую захудалую в стаде вождя. Покинув свой табурет, вождь не спеша подошел к берегу озера, смочил руки водой, пропел заклинание, а затем, взяв у стоявшего наготове парня тесак, умело зарезал корову. Парень собрал в ведро хлынувшую из горла животного кровь, и вождь, еще раз окунув руки в воду, выплеснул эту кровь в озеро.

Женщины встали и, кланяясь озеру, вновь затянули песню. В этот раз пение женщин было речитативным и звучало как призыв. Потом женщины захлопали в ладоши, и в тот же момент зеркальная гладь озера сморщилась, над его поверхностью всплыли несколько зеленоватых горбов рептилий.

— Кайманы, кайманы, кайманы! — торжественно возвестил вождь и, воткнув тесак в землю, возвратился на свой табурет.

Хотя на Мадагаскаре нет кайманов, слово это привилось на острове с легкой руки пиратов. Те, памятуя неприятности, причинявшиеся им рептилиями южноамериканских болот, стали называть «кайманами» и мадагаскарских крокодилов. А ничего не подозревавшие антанкарана переняли это слово, тем самым признав за своих предков обитателей Южной Америки...

...Между тем крокодилийх спин на поверхности озера делалось все больше. Положив руки друг другу на плечи и медленно раскачиваясь из стороны в сторону, женщины вошли в воду и запели просительно-скорбно. Это была песня-мольба о возвращении им дара рожать детей. Иногда женщины одновременно обрывали молитву и, вибрируя языком, из-

давали пронзительный крик. Тогда мужчины, медленно двигавшиеся по берегу, бросали в озеро куски мяса. Раньше верили: крокодил, принявший из рук мужчины жертву, тем самым освобождал его жену от заклатья, вызвавшего бесплодие.

Откормленный четырехметровый крокодил, приученный получать кусок мяса из рук вождя, вылез на берег и на омерзительно тонких ногах заковылял к табуретке. Все вазаха, судорожно подправляя выдержки и диафрагмы своих камер, поспешили к ним. А женщины, выйдя из воды, уселись допивать свое пиво.

Представление было окончено. Крокодилы, не найдя больше ничего интересного у берега, скрылись под водой, а туристы заспешили к автобусам. Я же, подогнав машину к самому берегу священного Анивурану, начал готовиться к ночлегу.

Кто-то из малагасийских писателей, кажется Л. Рафака, подметил, что на Мадагаскаре ночь в деревне проходит гораздо шумнее, чем в городе. Она начиналась воплями лягушек в озере и на рисовых полях, орущих, словно торговки на базаре. Вместе с ними пронзительно верещат сверчки, ухают и чмокают ночные птицы, гудят ночные бабочки и мошкара. Но громче всех — крики парней и вопли девушек. Молодежь собирается по ночам на краю деревни, где в бешеном ритме стучит барабан, где непрерывно танцуют пары, где, раздирая рот до ушей и звонко шлепая себя ладонями по голым бедрам и животу, слишском громко поют влюбленные кавалеры, завлекая подруг в банановые заросли.

Очевидно, тишины ждал не только я. Ближе к трем, когда наконец утихомирились самые активные донжуаны, по берегу озера замелькали какие-то красные блестки. Я включил фары и ужаснулся: машина, можно сказать, была оцеплена крокодилами, вылезшими провести остаток ночи на берегу. Однако мысль о том, что, пока я нахожусь в автомобиле, предки антанкарана не могут сделать ничего дурного, успокоила меня. Вскоре красные огоньки крокодилийих глаз потускнели, дав тем самым понять, что между нами установилось взаимное доверие.

Несмотря на ранний час, моего пробуждения уже ждали. Парень, выдавший мне вчера прозаические секреты церемонии жертвоприношения, пришел просить подвести его старшего брата, ехавшего в Махадзангу*. Вместе с братом, которого звали Кутувау, туда же направлялись две препотешные ушастые полуобезьяны руконожки айе-айе, которых парни поймали где-то на востоке и теперь надеялись продать в городе.

На первых порах я опасался, что руконожки будут безобразничать в машине. Однако, пока светило солнце, они проявили себя как существа на редкость необщительные.

Стоило мне отъехать от Анивурану, оставив на севере массив Амбр, как кончились вечнозеленые леса, и на смену им пришли деревья, сбрасывающие листву в сухой период. Кое-где склоны холмов уже покрывала саванна, появились баобабы. Это были первые признаки запада Мадагаскара, где влияние влажных ветров Индийского океана, останавливаемых плато, уступает место жаркому дыханию Африки.

Изменился и характер населения. Антанкарана живут здесь преимущественно скотоводством. Скот у них в отличие от других районов Мадагаскара не является объектом почитания. Зебу — источник дохода, их выращивают в первую очередь для того, чтобы по выгоднее продать на бойни Анцерананы.

У антанкарана своя философия жизни. Они — малагасийцы, которые изменили традиции и приняли мусульманство преимущественно потому, что эта новая религия разрешает многоженство. У земледельцев женщины работают в поле и приносят своему мужу определенный доход. У антанкарана дело обстоит по-иному. Количество жен служит мерилем богатства, причем, чем меньше работает жена, тем с большим уважением относятся к ее мужу. Поэтому мужчины здесь стараются иметь как можно больше скота и, продавая его, на вырученные деньги содержать праздных жен. Сейчас агитаторы, приезжающие

* До 1979 года этот город был известен под названием Мадзунга.

сюда из городов, призывают мужчин не только тратить деньги на серебряные украшения и красивые ткани, но и возвращать часть сбережений в хозяйство. Мужья порою понимают смысл этих призывов. Но их жены, объединяясь вместе, устраивают настоящие семейные бунты, если узнают, что деньги тратятся не на них.

Фади у мусульман антанкарана осталось мало, и все они связаны со взаимоотношениями внутри одной семьи. Так, например, за семейным столом никто, кроме отца, не имеет права есть птичьи лапы. А сестра не может постирать белье своему брату, потому что женщина, оказавшая мужчине подобную услугу, должна стать его женой.

Возможно такое ограничение уходит своими корнями в легенду о возникновении антанкарана. Когда все жадные богатеи превратились в крокодилов, а на берегу озера Анивурану остались жить лишь сыновья и дочери бедной доброй женщины, такое фади предохраняло от кровосмесительных браков. Ведь жива до сих пор эта легенда. Самые зажиточные роды антанкарана кичатся своим происхождением от предка-крокодила. Те же, кто победнее, дружат с крокодилами и никогда их не убивают. Всему есть свое объяснение. Здесь выгодно не спускать с крокодилов шкуру, а заставлять их есть мясо из рук потомков.

Руконожки и рыбы, которые тонут в воде

Вскоре за Амбилубе, там, где кончилась сносная дорога и началась разбитая колея, к нам в машину попросился еще один пассажир. Он назвался Ралингой и направлялся в Амбандза — городок, где я надеялся провести ночь.

Увидав торчащие из-под вещей хвосты айе-айе, Ралинга недовольно прищелкнул языком.

— Наберешься ты неприятностей с ними, парень, — сказал он. — Недавно морякам за границу их вывозить запретили, а с малагасийцев, которые пытаются ими торговать, берут штраф. С этими айе-айе ты больше потеряешь, чем получишь.

Новость эта повергла Кутувау в уныние. Когда-то он уже продавал руконожек за неплохие деньги, которые теперь были ему нужны для того, чтобы кончить в Махадзанге курсы шоферов.

— Что я могу тебе посоветовать? — задумался Ралинга. — Власти недавно расклеили здесь по всем селениям объявления. В них крестьянам объяснили, что лемууров надо спасти. Поэтому для них отвели остров Нуси-Кумба. За каждого айе-айе, доставленного туда, платят деньги. Меньше, конечно, чем ты бы получил когда-то в Махадзанге. Но зато без риска.

Я взглянул на карту. Нуси-Кумба — остров лемууров — находился в каких-нибудь 15 километрах от мадагаскарского берега. А вдоль всего побережья направо и налево от Амбандза тянулись мангровые заросли Мадагаскара, самый большой в мире массив лесов, встающих прямо из соленой воды океана.

— Поехали, Кутувау, — предложил я. — Если Ралинга поможет нам нанять лодку, я готов оплатить ее, чтобы посетить Остров лемууров, а заодно и сделать хорошие снимки мангров.

К вечеру мы уже были в Амбандза. Белое здание префектуры, школа, полицейский пост и две-три индийские лавки — таков полный набор достопримечательностей многочисленных населенных пунктов Мадагаскара, которые на карте значатся городами, а на деле оказываются большими деревнями. Амбандза, пожалуй, выделялась среди них тем, что была деревней зажиточной, разбогатевшей на торговле с соседними островами.

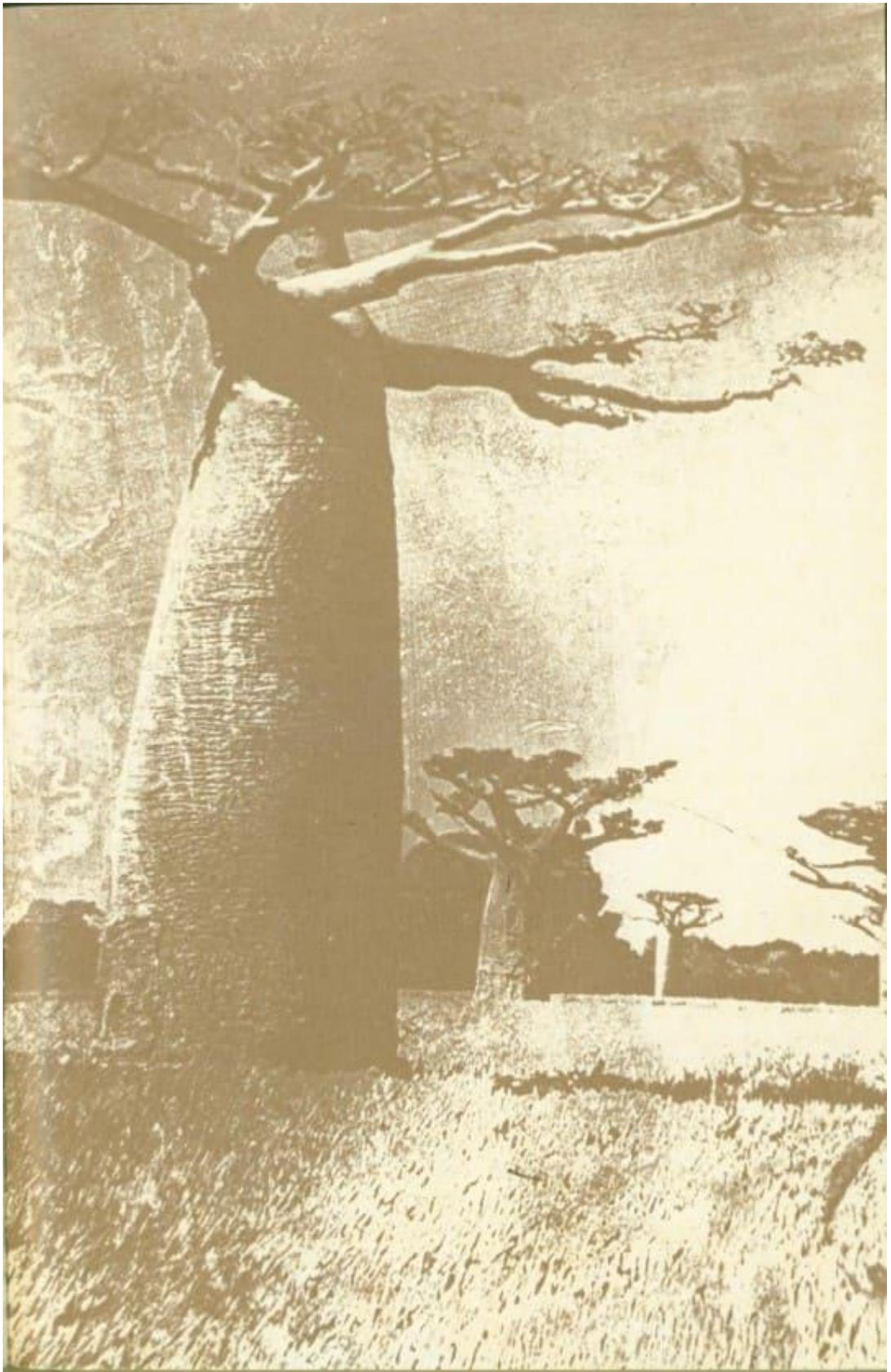
Быть может, я бы и нашел в Амбандза что-нибудь интересное, но все мое внимание в тот вечер поглотили руконожки. Ралинга разместил меня, Кутувау и айе-айе на веранде

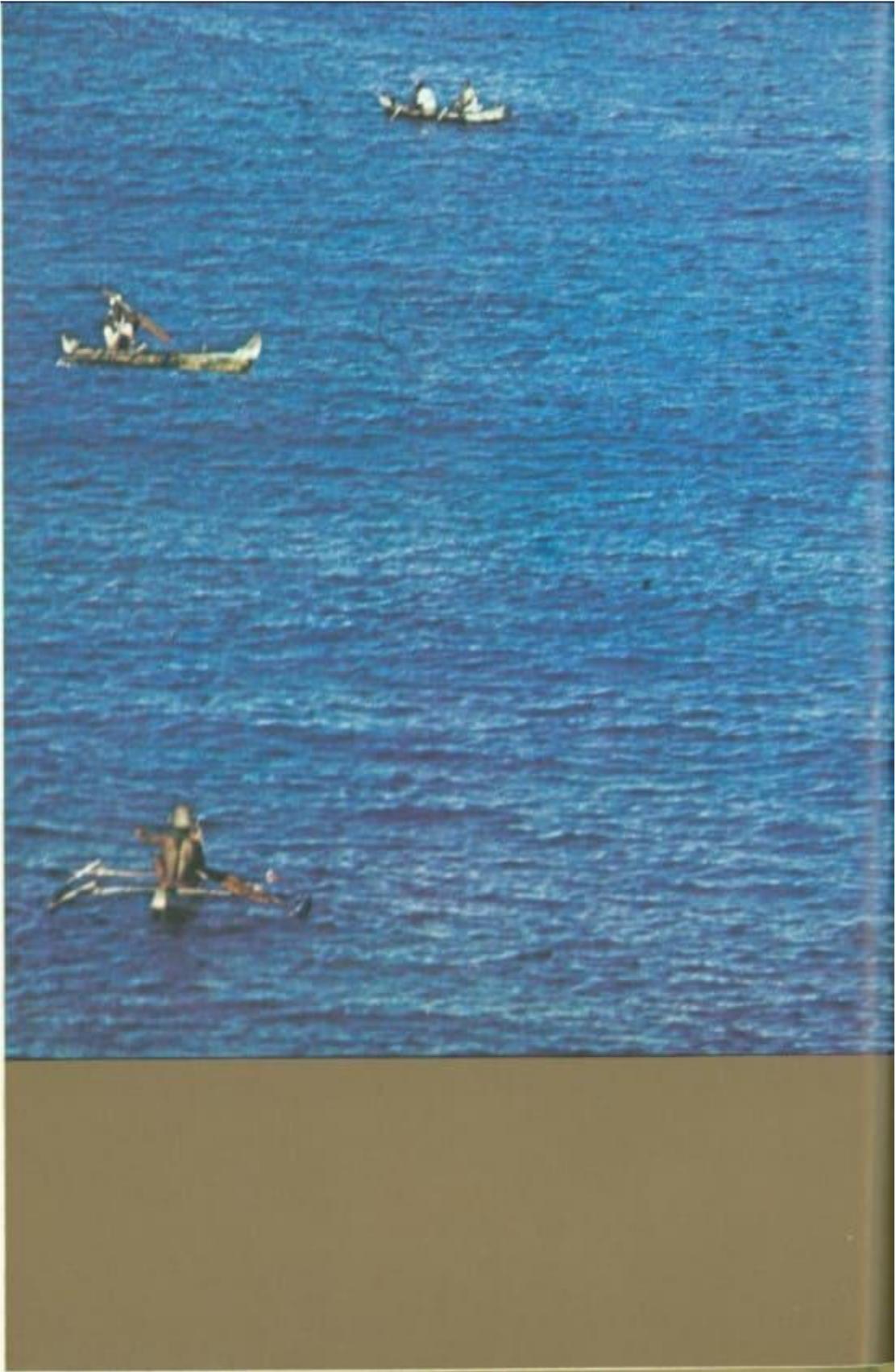
своего скромного домика, и животные, ободренные наступившей темнотой, тут же выказали всю многогранность своего характера.

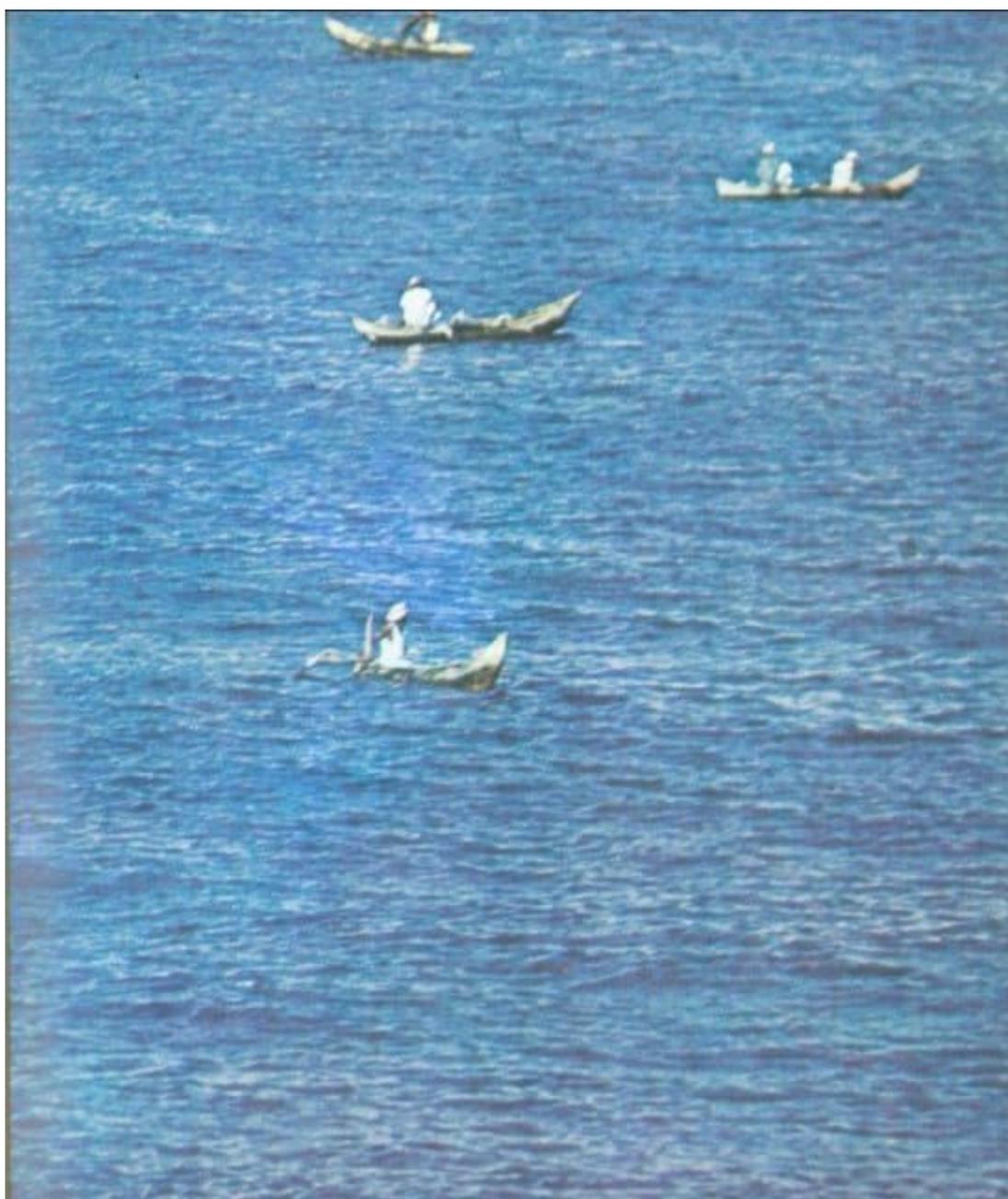
Было впечатление, что айе-айе провели на веранде в Амбандзе всю свою жизнь. Ничего и никого не боясь, наши руконожки, обычно слывущие скрытными животными, принялись тщательно исследовать все углы, щели и отверстия своего нового жилища, ловко перепрыгивали со шкафа на шкаф, лазали по шторам и все время громко хрюкали. Ни на обезьяну, ни даже на полуобезьяну айе-айе похожи не были, а скорее всего походили на ушастую белку с большими, всегда удивленно раскрытыми глазами.

Но самым удивительным у этого обитателя дождевых лесов были лапы. Передние конечности айе-айе короче задних, но зато снабжены очень длинными пальцами. На вид они когтистые и негнущиеся, а на деле — необычайно подвижные и гибкие. Самый тонкий и длинный палец — подлинный кормилец руконожки.

Когда Ралинга принес зверькам ужин — по паре плодов папайи и манго, — айе-айе прекратили хрюкать, обхватили угощение задними лапами, а острыми зубами прогрызли в плодах небольшое отверстие. Затем в это отверстие был просунут средний палец, с помощью которого айе-айе ловко извлекали из плодов вкусную мякоть и отправляли ее в рот.

Везо — дети моря

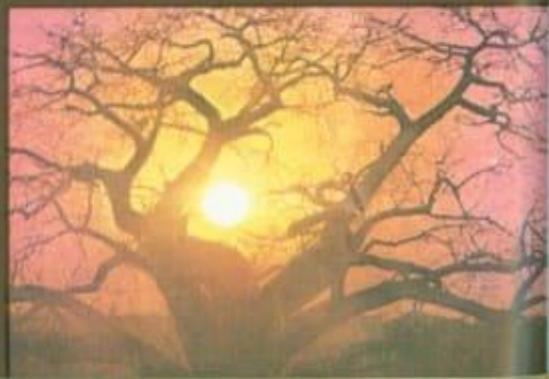
Заготовка осьминогов впрок

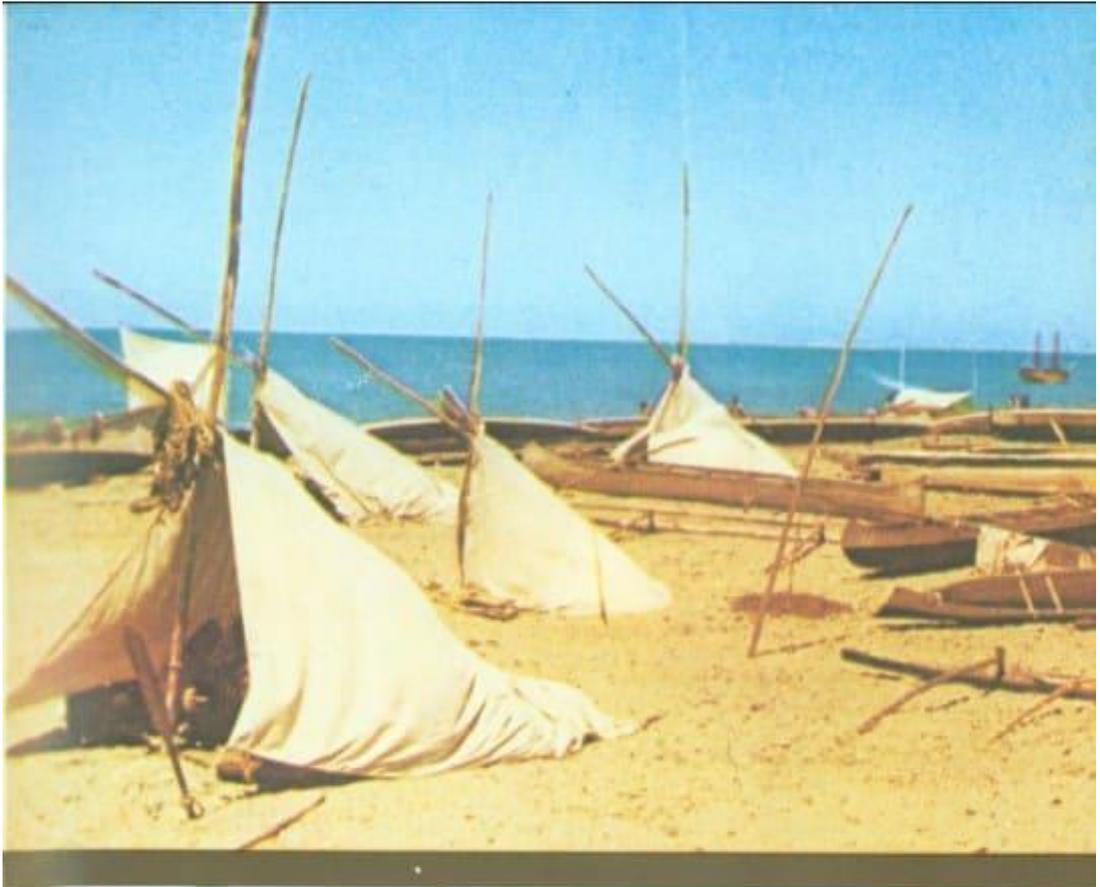
Такая тридакна и впрямь может «поймать» ребенка

Гигантские баобэбы — предвестники Мадагаскарского Юга

Свои хижины «дети моря» строят из старых лодок и парусов

На таких внешне неуклюжих сооружениях, снабженных балансиром, везо уходят далеко в открытый океан

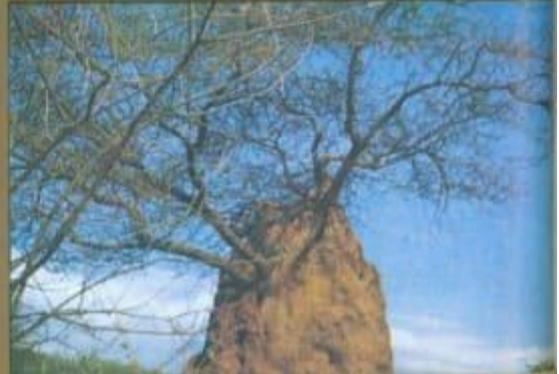
Длиннорогим зебу
еще поклоняются
на Мадагаскаре

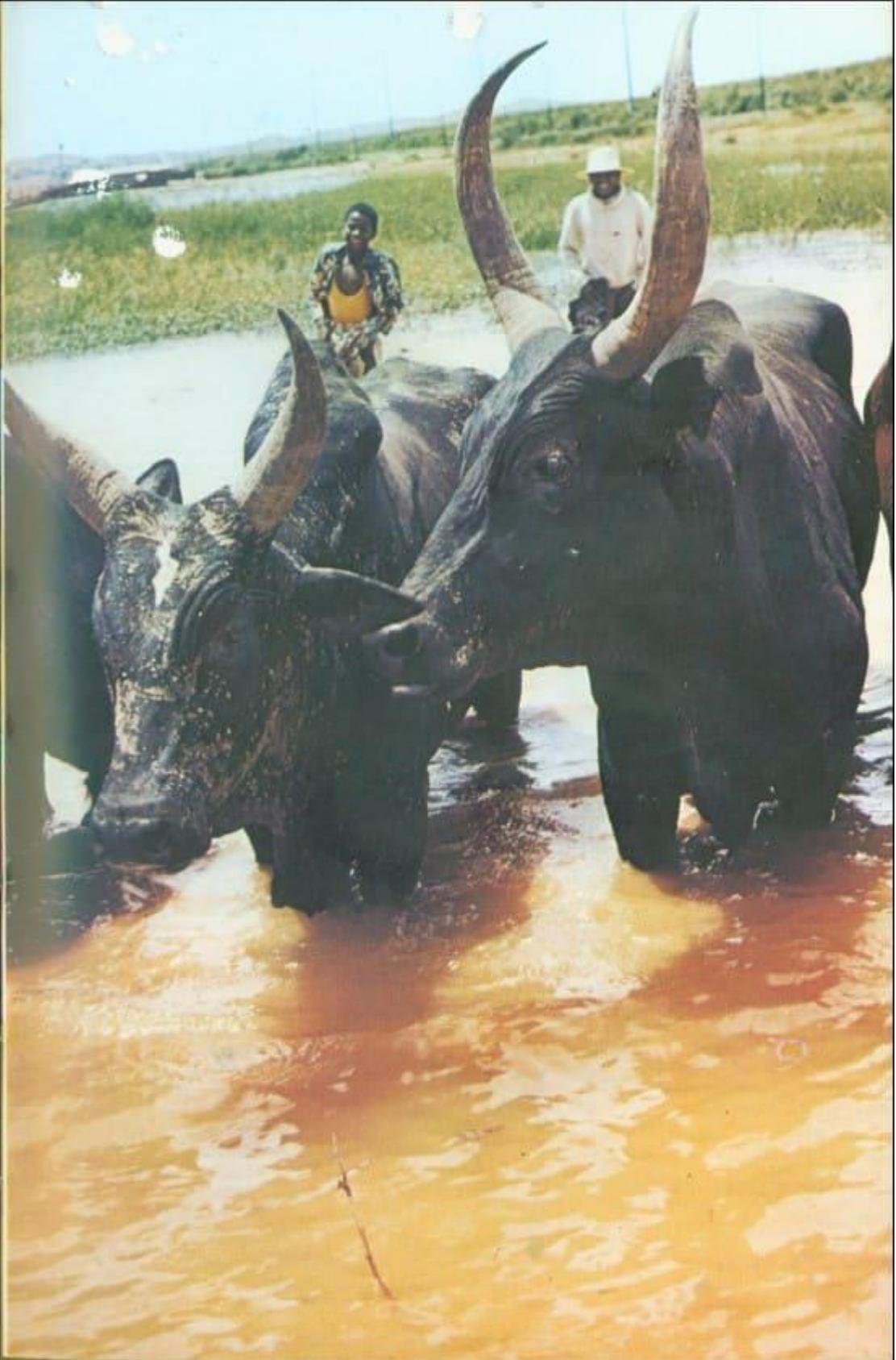

Скотоводы бара
предпочитают пасти
своих зебу поближе
к океану

Мексиканская агава,
дающая волокно
сизаль, отлично
«вписалась» в мир
колючих и режущих
растений
Мадагаскарского
Юга

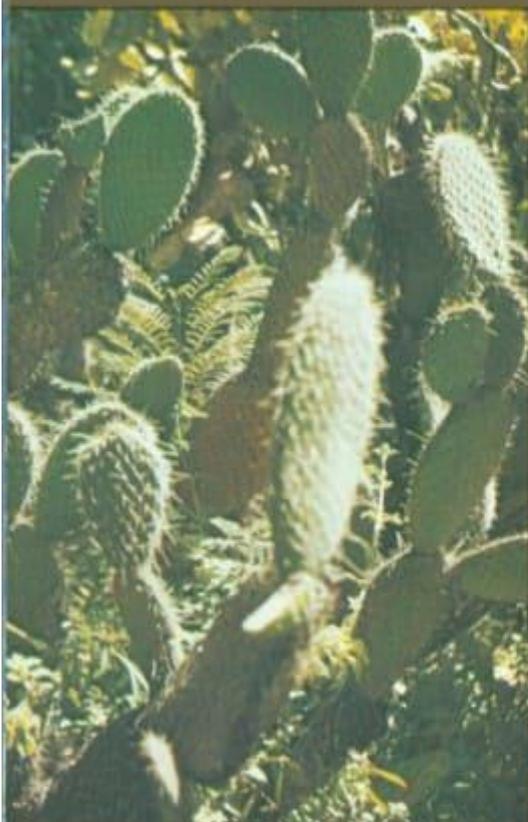
Это не ствол
дерева, а гигантский
термитник

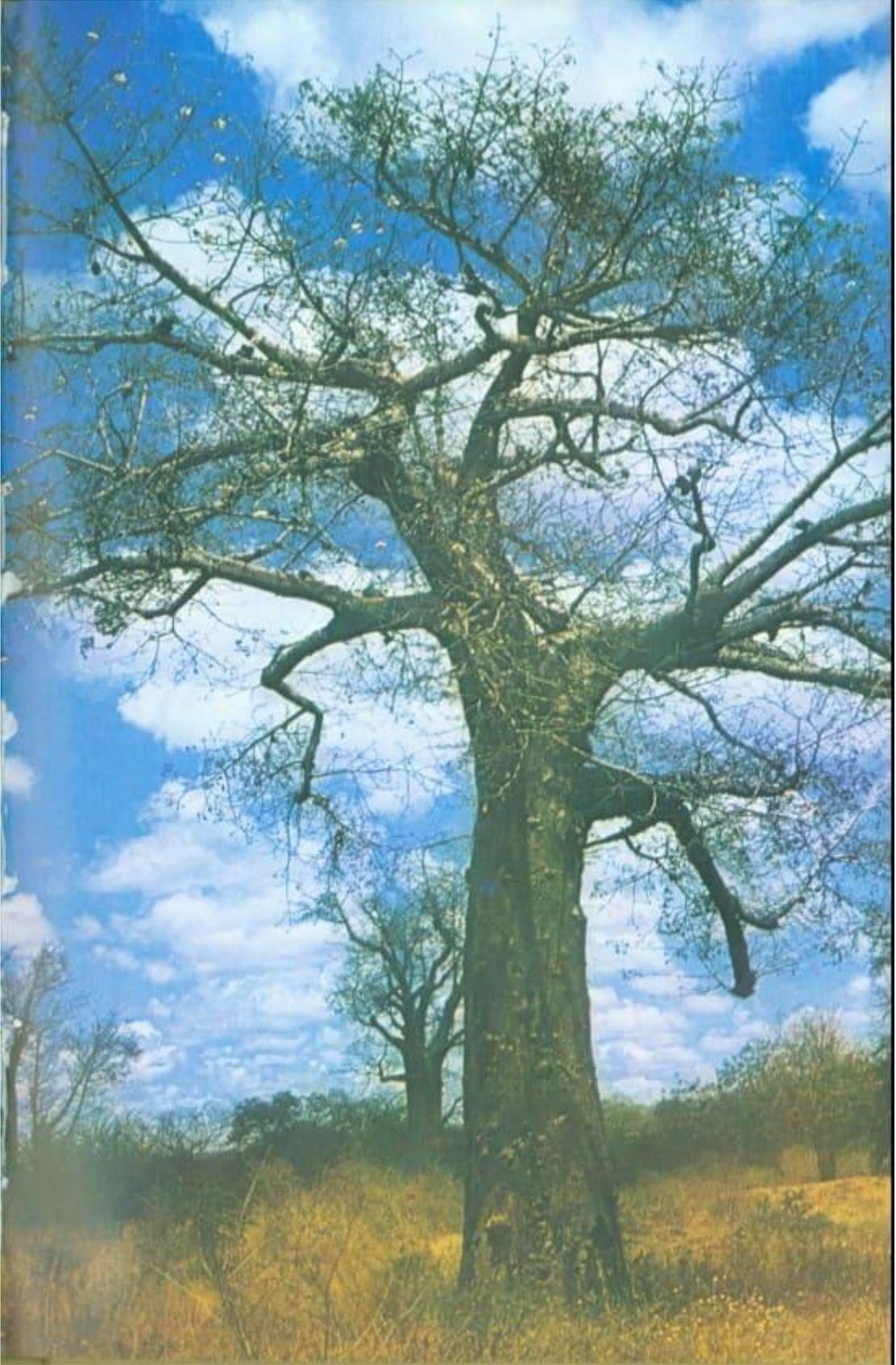
...кажущиеся несур-
разными хамелеоны
отлично вписывают-
ся в фантастиче-
ский облик какту-
совых «лесов»

Многострадальная
райкета вновь на-
чинает занимать
важное место
среди суккулонтов
Мадагаскара

Баобаб живет тыся-
чи лет, но его
цветы — лишь не-
сколько часов: в
период цветения
они раскрываются
ночью и опадают с
восходом солнца...

Белая краска на
лбу махафали —
знак траура

Антандруи отдают
предпочтение голу-
бым тонам

Подобно большин-
ству номадов Во-
сточной Африки и
в будние дни...

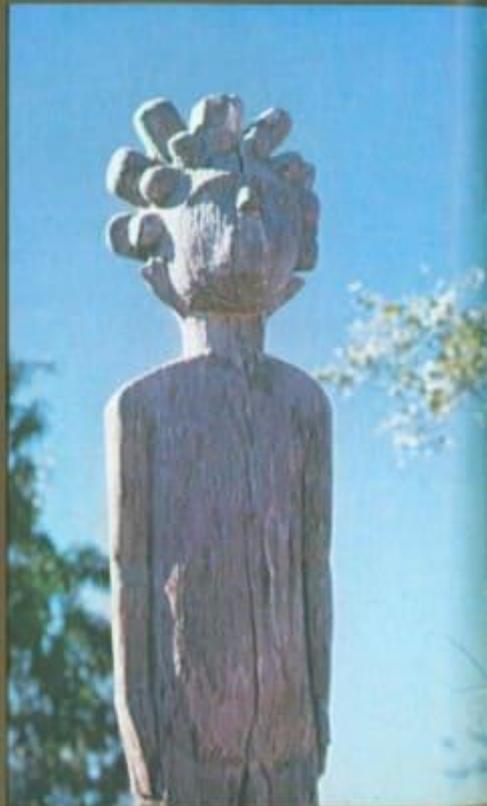
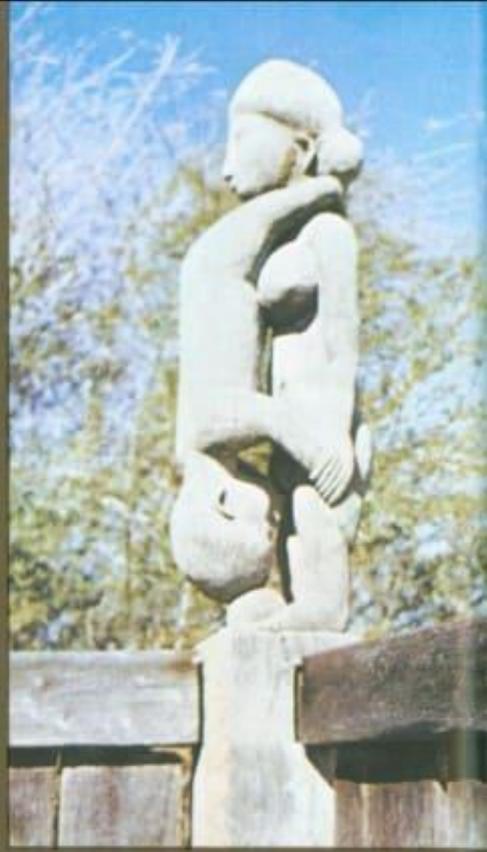
...и в праздники
бара не расстают-
ся с копьями

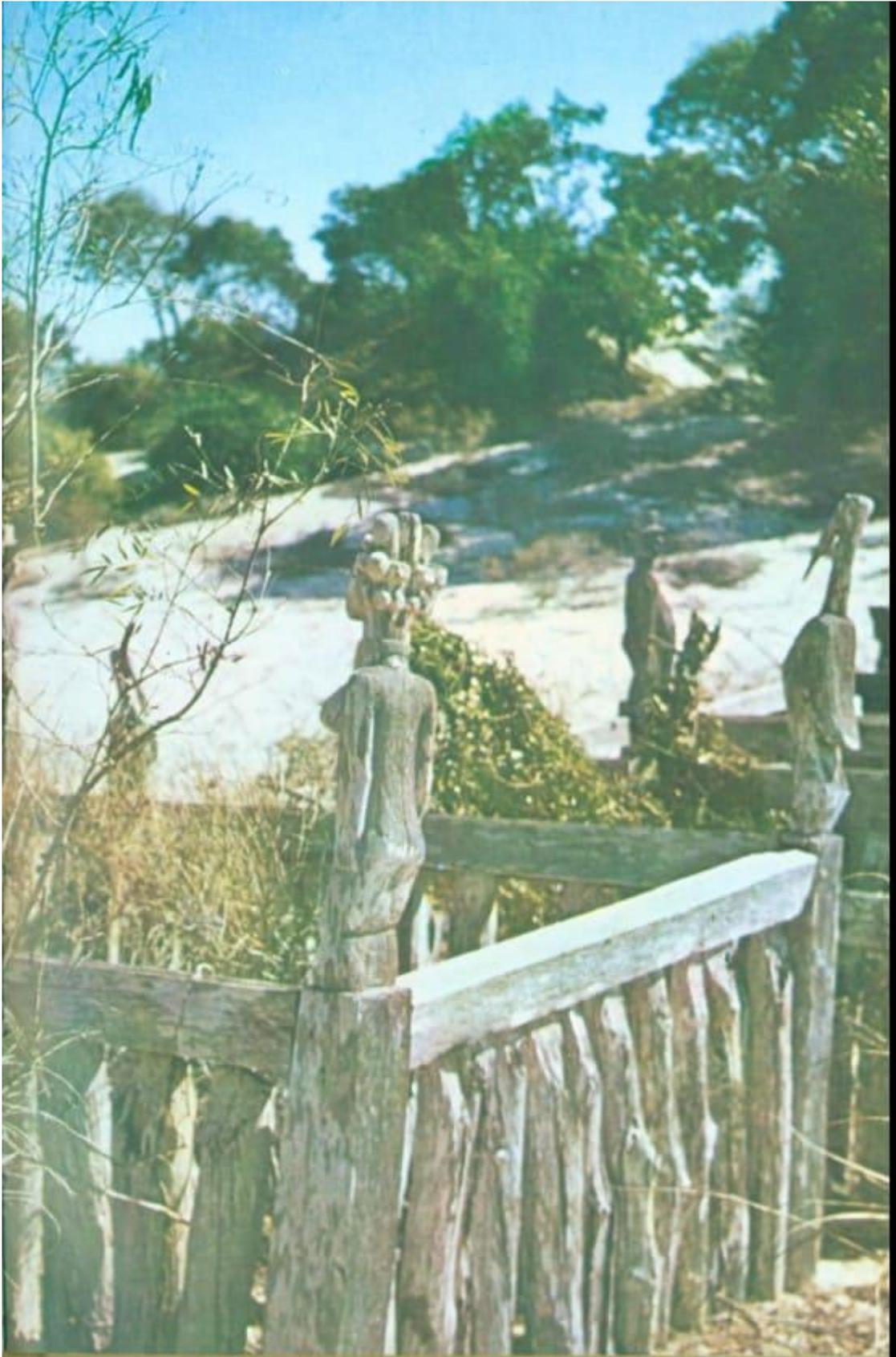
Надгробное изображение королевы сакавы в Анкирондро...

...и один из вызывающих так много споров памятников на кладбище везо

Мистические алуалу в «запретных лесах» махафали...

...нередко венчают вполне реалистические скульптурные изображения

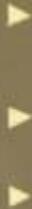

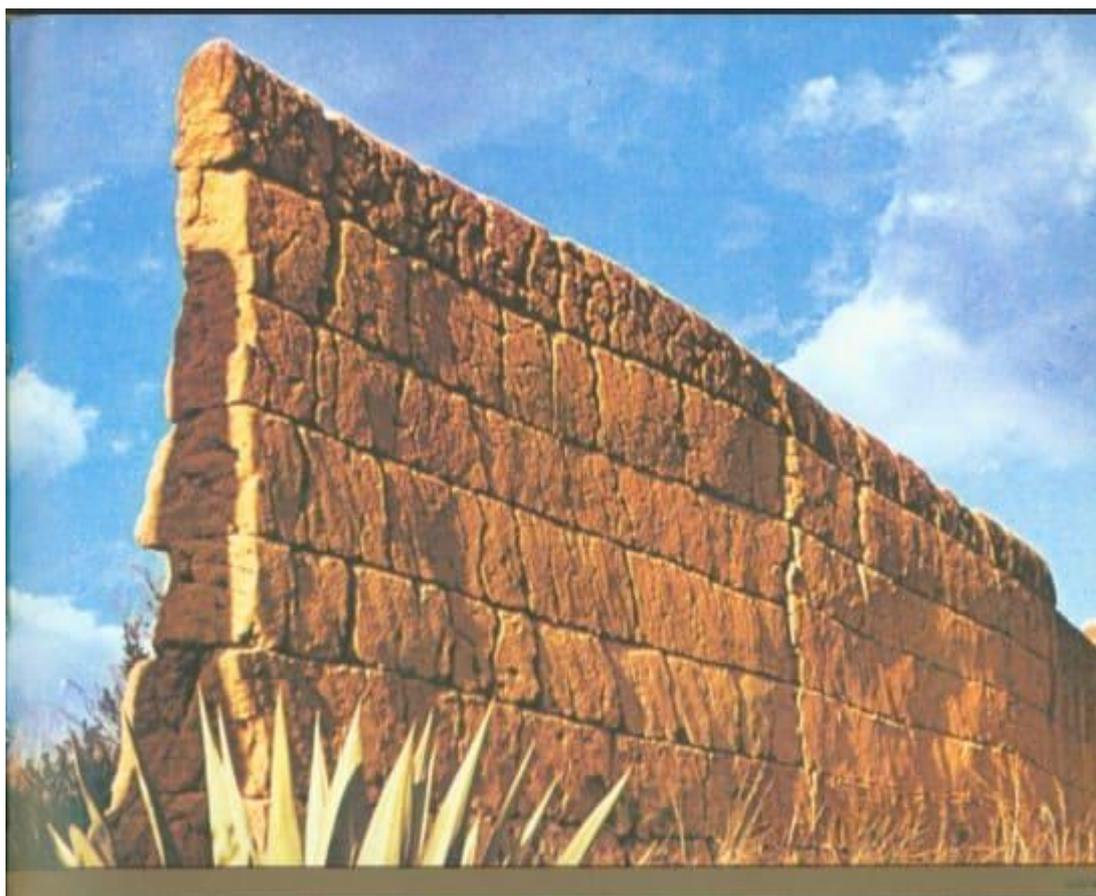
Древнее кладбище
королей везо близ
Моронуавы

«Тамбоха» — древ-
няя гробница ме-
рина...

...и современный
богатый склеп
в окрестностях
Антананариву

Омбиаси — зна-
харь, колдун и
ясновидец

Соседи Ралинги, никогда раньше не выдавшие руконожек, облепив окна веранды, с не меньшим, чем я, интересом наблюдали за этими жителями восточной части острова. Переговариваясь между собой, они чмокали языками, удивленно качали головами и издавали протяжное: «Айе-айе-айе».

Кстати, в подобной ситуации и появилось это несколько необычное название полуобезьян руконожек. Когда в 1780 году Пьер Соннер первым из европейцев поймал этих животных и привез на западное побережье, местные жители, ранее никогда не встречавшие столь забавных созданий, также кричали от удивления: «Айе-айе». Соннер, страдавший от малярии головной болью, не стал утруждать себя и окрестил зверьков айе-айе.

Ранним утром мы повезли наших руконожек на заповедный остров. Был отлив, и поэтому небольшая доу, подставив парус ветру, донесла нас до Нуси-Кумба меньше чем за два часа. Пристав к деревеньке Ампангоринана, мы миновали аккуратные поля островитян, выращивающих иланг-иланг, кофе и капок — растение, из плодов которого получают волокно, и углубились в лес.

Краснобрюхие маки — дневные лемуры, обычные вдоль всего западного побережья, были главными обитателями этого леса. Управляя пушистыми хвостами как балансирами, эти изящные животные легко перепрыгивали с дерева на дерево, испуская громкое мурлыканье. Пару раз взрослые маки, схватив зубами крохотных детенышей, оказывавшихся слишком близко от нас, утаскивали их на вершины деревьев. Сойдя с тропинки, я почти столкнулся со спрятавшимся в кустах самцом. Желая напугать меня, он что было мочи расширил свои и без того огромные глаза и, резко присев, просунул хвост между передними лапами. Но мне этот лемур показался больше смешным, чем страшным.

В управлении лесной станции наше прибытие вызвало некоторое замешательство.

— Да, действительно, на Нуси-Кумба существует заповедник, где охраняют лемуру, — объяснил один из сотрудников. — Однако айе-айе не лемуры, да и потом ареал их обитания — леса вокруг залива Антонжиль. Там, на острове Нуси-Мангабе, еще в 1967 году создан резерват, благодаря которому удалось сберечь айе-айе от полного вымирания. Здесь же, на Нуси-Кумба, имеют дело с лемурами, которые обитают на западе Мадагаскара.

Сконфуженный Ралинга, оказавшийся своим человеком на острове, употребил все свое влияние на то, чтобы айе-айе все же купили. Вставил свое слово и я, сказав, что на Нуси-Мангабе руконожек я не повезу, а в Махадзанге их ждет незавидная участь. В общем Кутувау получил какие-то деньги, и мы, не без сожаления оставив айе-айе обживать Нуси-Кумба, отправились назад. Я бы задержался на острове, но Ралинга торопил, ссылаясь на ветры, приливы и отливы, которые могли помешать нашему знакомству с манграми.

В прошлом древесина мангров, которая не гниет в воде и дает превосходный строительный материал, была одной из главных приманок, привлекавшей на Мадагаскар жителей безлесной Аравии. Десятки, сотни доу вот уже минимум два тысячелетия устремляются с берегов Красного моря и Персидского залива к Великому острову, где связанное с арабами местное население заготавливает мангровую жердь. Долго ли еще продлится этот промысел, обеспечивающий средства к существованию тысячам прибрежных малагасийцев? Ответить на этот вопрос трудно, потому что спрос на жердь значительно превышает возможности природы. Судовладельцев и купцов, скупающих древесину, называют «мангровыми пиратами». Уже одного этого достаточно, чтобы понять, какими методами они действуют и как трудно с ними бороться во имя охраны природы. Поэтому пока что приходится надеяться скорее не на человеческие возможности сохранить мангры, а на естественные возможности этого растения выжить.

Мангровые деревья и кустарники — удивительное творение природы. Однако, когда мы приблизились к их зарослям, я скорее испытывал к ним брезгливое отвращение, чем восхищение. Мангры селятся исключительно в вязком илистом грунте, два раза в сутки заливаемом приливом и обнажаемом отливом. Когда отлив начинается, липкая и вонючая грязь, взвешенная в воде, оседает на их стволах и ветках, придавая мангровым зарослям на редкость неэстетический вид. Перпендикулярно торчащие из ила острые корни, равно как и хитросплетения воздушных корней-подпорок, с помощью которых мангры компенсируют нехватку питательных веществ в соленых грядках приливно-отливной зоны, необычайно затрудняют передвижение по этому лесу.

Однако, если приглядеться и задуматься, то мангры начинают вызывать симпатию. Во-первых, многие мангровые растения — прекрасные родители. В отличие от остальных деревьев, семена которых прорастают в земле, у мангров семена развиваются на материнском растении и, только превратившись в небольшое деревце, отделяются от него, падают в ил, укореняются и начинают самостоятельную жизнь. Во-вторых, мангры играют роль возведенного самой природой зеленого забора между сушей и вечно стремящимся ее разрушить океаном. Они укрепляют и расширяют берег, скрепляя своими корнями грунт. Переплетения гибких корней и стволов мангров оказывают сопротивление действию прибоя и превращают в твердую почву ил, наносимый реками. Стоит нарушить естественное воспроизводство мангров, как хозяином побережья делается абразия.

Устрицы, которые местами сплошь покрывают корни и нижние ветки деревьев, шустрые крабы и препотешные создания перифталмусы, или рыбы-прыгуны, — вот главные обитатели мангровых лесов. Именно эти прыгуны и поглотили все мое внимание.

Вообще-то прыгуны не эндемики Мадагаскара, они широко распространены по побережью всех экваториальных стран Индийского и Тихого океанов. Однако, поскольку фауна там повсюду богаче, прыгуны теряются среди обилия живности. Здесь же, в манграх Мадагаскара, где у них нет пернатых врагов, эти способные задохнуться в воде рыбы расплодились до такой степени, что подавили, во всяком случае внешне, всех и вся.

Сначала мне просто доставляло удовольствие обмениваться взглядами с перифталмусами, сидевшими на ветках мангров. Забавно приподнимая свои бульдожьки «морды», прыгуны пристально вглядывались выпученными красными глазами прямо в мое лицо, а пропустив лодку, поворачивали шею и долго провожали нас любопытным взором. Иногда, правда, наблюдение за нами поручалось лишь одному глазу, в то время как другой, уставившись в противоположную сторону, принимался выслеживать добычу. И способность рассматривать обеими глазами, и умение вертеть головой, столь не свойственные рыбам, не говоря уже о пристрастии к отдыху на ветке, опершись на нее цепкими плавниками и опустив вниз длинный хвост, заставляли воспринимать прыгуна скорее, как птицу.

Забираясь на ветку или копаясь в иле, они казались довольно неповоротливыми. Широко выбрасывая вперед сначала один, потом другой боковой плавник, перифталмусы затем лениво подтягивали за ними свое зеленовато-коричневое пятнистое туловище длиной до четверти метра. Потревоженные нами, они предпочитали перепрыгнуть с ветки на ветку, но не падали в воду. Попав же туда, прыгуны, пропустив лодку, тотчас же высывали наружу свои мордочки, а затем вновь выбирались на илистые островки.

В общем эта удивительная рыба явно предпочитала океану сушу. Хотя перифталмус, конечно же, умеет отлично плавать, но, просидев долгое время в воде, он задыхается. Дыхательные органы прыгунов представляют собой своеобразное сочетание жабр и легких: к тому же некоторые части тела прыгуна, особенно хвост, устроены так, что помогают ему дышать через кожу.

Задавшись целью изучить этот хвост получше, я уже несколько раз пытался схватить прыгуна.

Заметив, что множество прыгунов отдыхает на дне небольшой лужицы, я начал ловить их в воде. Рыбы были спокойны до того момента, пока я не прикасался к их скользкому телу. Затем они, почти не двигаясь с места, закапывались в ил. Я судорожно рыл, обдавая себя водой и грязью, но все безуспешно.

«Большая земля» народа цимихети

Северо-западную часть Мадагаскара, зажатую между «колпаком» на севере, горным массивом Царатанана на востоке, рекой Масаварано на юге и усыпанным гирляндой островов побережьем Индийского океана на востоке, нередко называют Танти-Бе — («большая земля»). Жемчужиной этого богатого района с влажным климатом, позволяющим выращивать все тропические культуры, слывет равнина Самбирану, знаменитая плодородными вулканическими почвами. Именно эти почвы на протяжении веков и привлекали на «Большую землю» переселенцев.

С юга, вдоль побережья, сюда шли малагасийцы-сакалава, ныне заселяющие почти все западное побережье острова. Из-за моря, пользуясь естественным мостом Комор и прибрежных островов, с африканского побережья переселялись суахили и арабы. В отличие от своих соплеменников, посещавших «колпак» лишь в качестве купцов или работоторговцев, на равнине Самбирану суахили и арабы оседали недолго. От их смешения с малагасийцами пошли нынешние анталаотра — умелые земледельцы и коммерсанты. Они строили здесь прибрежные деревни — сады, привозили из Мозамбика сильных и трудолюбивых рабов африканского племени маку а и их руками создавали на «Большой земле» плантации перца, кокосовой пальмы и других культур. Потомки этих рабов, менее активно смешивавшихся с местным населением, сохранили чистоту своей крови, но переняли малагасийский язык, лишь сохранив кое-какие слова и выражения банту. Так, в Самбирану, а затем и вдоль всего западного побережья появились черные малагасийцы-макуа, или, как их чаще называют, масомбики — по имени их родины. Сейчас их на Мадагаскаре не так уж и мало — около 80 тысяч человек.

Наконец, уже в наше время на благодатные земли «Большой земли» с востока, из горных и вечно бедствующих деревенок начали переселяться цимихети — ближайшие родственники мерина, одни из аборигенов плато. Переселение это приняло такие масштабы, что в официальных документах появился термин «миграции цимихети». Если в довоенные годы в некоторых субпрефектурах северо-запада они составляли восемь — десять процентов от общего числа населения, то теперь появились деревни, где цимихети преобладают.

Именно эти новоселы больше всего и привлекали меня на «Большой земле» Мадагаскара. Интерес этот был вызван тем, что ни об одном малагасийском народе не бытует столько разноречивых мнений, как о цимихети.

Особенно запомнился мне один разговор в столичном Центре экономических исследований. Его тогдашний директор М. П. Рудлов, сын одесского судовладельца, сделавший

себе карьеру в африканских владениях Франции, рассказывая мне о Мадагаскаре, утверждал, что главным тормозом прогресса на Великом острове служат природа и традиции. В качестве доказательства правоты своей мысли он и привел мне положение, сложившееся у цимихети.

— Взгляните на карту этнотерритории цимихети, расположенной к востоку от «Большой земли» и к югу от гор Царатанана, — говорил он. — Именно у ее границ обрываются все дороги, которыми можно пользоваться дольше, чем три-четыре месяца в году. Деревни крохотные, оторванные горами и ущельями от мира. Изолированность мешает реализовать крестьянам те немногие излишки, которые они производят. Любая попытка преодолеть эту изолированность приводит к тому, что крестьянин разоряется, поскольку дорожные издержки всегда превосходят выручку на рынке. Это отсутствие возможности давать товарную продукцию на корню уничтожает любую инициативу. В итоге деревня цимихети еще более стремится замкнуться в самой себе и не желает ничего давать на продажу. Когда приезжаешь в такую деревню, то порою кажется, что ее обитатели хотели бы избежать «неудобств», связанных с появлением денег, излишков урожая или обогащением. Царство натурального хозяйства. Полное отсутствие денежных отношений...

Но были и другие мнения. В книге «Взгляд на Мадагаскар», изданной в Тана в 1973 году, цимихети называли «энергичным и жизнедеятельным народом», активно переселяющимся на запад и слывущих там искусными земледельцами. Удивительно быстро росла и их численность. Если в начале века цимихети якобы было лишь 40 тысяч, то сейчас — более 550 тысяч. «Вряд ли народ, замкнувшийся в горах и влачащий там полуголодное существование отшельников, мог бы переживать такой демографический бум, — подумал я. — Очевидно, появился толчок, который помог цимихети выйти из своей изоляции и воспрянуть духом».

Однако мое первое знакомство с цимихети во время перехода с марумитами скорее подтверждало справедливость слов М. Рудлова. На подробной карте район, по которому мы шли, был испещрен названиями деревень, выглядел населенным и освоенным. Но на деле каждая из деревень состояла из 12—15 хижин, и было ясно, что больше их быть и не может, поскольку вокруг хижин, среди скал и навалов камней не было ни одного свободного клочка земли, способного прокормить людей. Каждой деревеньке принадлежала маленькая долина или котловина — гладкая, пыльная, окруженная со всех сторон изъеденными эрозией красными склонами почти безлесых гор. Чтобы попасть в другую деревеньку, надо было выбраться из своей долины, преодолеть овраги и склоны и спуститься в соседнюю. А сколько оврагов и долин надо преодолеть, чтобы доставить до рынка мешки с рисом, выращенным ценою невероятного труда среди этих гор?

Шагая за марумитами, я думал, что, наверное, обитатели этого сельского микрокосма представляют свои деревеньки островками, а Мадагаскар — огромным архипелагом, состоящим из таких вот изолированных, труднодоступных долин, окруженных морем красной бесплодной земли. Да и сама экономика складывалась здесь из распыленных в пространстве многочисленных, но крохотных хозяйств-островков. Местные «островитяне» не общаются с «иными мирами», им практически неоткуда получать информацию, чужой опыт. У них нет соблазнов, которые в более открытом обществе приводят к тому, что главе семьи приходится работать больше и лучше, чтобы удовлетворить требование жены о новом нейлоновом платье или внять мольбам сына, мечтающего о транзисторе.

Я вспомнил данные анкетного обследования крестьянских хозяйств цимихети, проведенного сотрудниками М. Рудлова. Анкета эта помогла уяснить, что в целом по Мадагаскару собственное производство покрывает до 80 процентов потребностей крестьян в продовольствии, а еще 15 процентов необходимого они получают за счет натурального обмена, отдавая «свою курицу» за «чужого петуха». Оставшиеся пять процентов приобретались за деньги, которые мужчины зарабатывали, покидая во время засушливого «мерт-

вого сезона» деревню и отправляясь в город. Основная часть денежных доходов общинников, которая в среднем по Мадагаскару составляла мизерную сумму — 24 доллара в год, уходила на уплату налогов и долгов. Подобный бюджет был типичен для большинства крестьянских районов Мадагаскара и, по меткому выражению М. Рудлова, свидетельствовал о том, что в циранановские времена «в традиционной малагасийской деревне сохраняется экономическое и социальное равновесие в нищете».

Даже внешний вид крестьян-цимихети произвел тогда на меня гнетущее впечатление. Это были люди истощенные, низкорослые, зачастую едва одетые в жалкие домотканые тряпицы. И почти у всех встречающихся на горных тропинках мужчин были неестественно длинные, нечесанные волосы.

Я был склонен объяснять эти прически социально-экономическими условиями жизни обитателей долин Царатанана, но один из марумитов открыл мне глаза на их исторические корни. Оказывается, некогда обитателей этих долин покорили сакалава. Жители долин всячески выказывали им свое неповиновение и однажды, когда у их завоевателей умер кто-то из королей, дабы показать свою независимость, нарушили старый обычай сакалавы: брить головы в знак траура. С тех пор и пошло название цимихети, что означает, «те, кто не стрижет своих волос».

Теперь, покинув Амбандза и пробираясь вместе с Кутувау на юг, я вновь узнал цимихети по длинным волосам. Но здесь, на «Большой земле», они их иногда явно резали и вычесывали, щеголяя великолепными шевелюрами и замысловатыми прическами.

На первых порах могло бы показаться, что и здесь цимихети не смогли отделаться от присущего малагасийскому крестьянину стремления выращивать все, что нужно лишь самому. Однако, приглядевшись, нетрудно было прийти к заключению, что на полях, окружавших их хижину, было много не «нужного» лично крестьянину, а предназначенного на рынок: кофейные и гвоздичные деревья, какао, иланг-иланг, хлопок, табак. В глаза бросалась и еще одна закономерность, дающая представление о том, какие культуры в крестьянских хозяйствах цимихети уже играют ведущую роль, а какие являются лишь «подспорьем» для жизни. У грядок с бобами, маниокой, таро копошились женщины. Доходными товарными культурами, придающими «социальный вес» тем, кто их выращивает, были заняты мужчины.

Малагасийский крестьянин, не избалованный интересом и вниманием к своему повседневному труду, обычно с симпатией и открытым сердцем относится к тому, кто этот интерес проявляет. Поэтому, когда где-то в Самбирану я остановил машину у обочины поля, попросил разрешения у крестьянина сделать несколько фотографий, а затем поинтересовался, зачем это ему понадобилось засеять основание огромного термитника, тот заулыбался и, отложив ангади, рассказал все, что мне хотелось узнать.

— Земля вокруг термитников очень хороша для перца, — объяснил он. — Наверное, насекомые вместе со своей пищей затаскивают под землю что-то вроде удобрений, отчего перец родится большим и очень прямым.

— А почему бы, ранхаги, тебе не разрушить побольше термитников, не перетаскать их на поле и не засеять всю землю одним перцем? — кинул я пробный шар крестьянину.

— А если перец не уродится, прикажешь голодать? — иронически взглянув на меня, ответил он. — Когда же культур у меня несколько, судьба земледельца меньше зависит от господ бога. Нет перца — через месяц появится гвоздика, не захотелось ей цвести — быть табаку, а за ним и кофе поспеет.

— Работы на весь год?

— Лучше работать сытым, чем бездельничать голодным. Что толку с того, что, когда я был молодым и жил в горах, восемь месяцев в году никто ничего не делал. Ничего не делал — ничего не имел. А здесь знаем, ради чего землю обрабатываем.

— Вы с семьей уже давно здесь поселились, ранхаги?

— Да, скоро как двадцать лет. Начинали трудно, — покачивая головой, ответил мой собеседник. — Переселилось нас сюда с гор сразу семей сорок. У всех были лишь вот такие лопаты, кое-кто из женщин имел серп — анци. Поинтересовались мы, сколько стоит один плуг, и испугались: двадцать семь тысяч франков. Чтобы такие деньги заработать, четырем бедняцким семьям целый год работать надо и во всем себе отказывать. Многие соплеменники взялись за свои ангади и анди. Я же и еще десять семей решили пойти к Ражауфали, местному богатею, и взять у него деньги на два плуга в долг.

— А что же у вас было дать ему в залог?

— Ничего не было, поэтому он нам ничего и не дал. Но предложил в течение полутора лет работать на его поле. Две трети урожая отдавать ему, треть — чтобы не умереть с голода брать себе. А когда пройдет полтора года, даст он нам два плуга.

— Кто же был этот богатей?

— Местный, из анталаотра. Начал, правда, как мы, на пустом месте. Но деньги имел, сделался ростовщиком, давал местным крестьянам под залог земли. Вовремя долг не отдал — крестьянское поле его собственным делается.

— Ну, а плуги-то он вам дал?

— Плохенькие, но все же дал. Взяли мы их, собрались вместе и порешили: главное наше богатство теперь — это не плуги, а тот опыт, который мы получили, работая у богатея. Те наши соплеменники, что взялись за свои ангади, что сделали? Истребили кассаву с заброшенных полей, обводнили их, засеяли рисом и начали, как и в горах, в воде счастье искать. Только не нашли они его — так бедняками и остались.

— Тогда что же порешили вы? — заинтересовался я.

— Порешили, что в чужой дом со своими порядками соваться нечего. Если анталаотра здесь основной доход имеют от культур, что продают на рынок, то и нам за рис держаться ни к чему.

— А плодородные земли для товарных культур?

— В том-то вся и загвоздка: плуг есть, а обрабатывать нечего. Думали-думали мы тогда и обратились к другому богатею. Обычно издольщики в Самбирану берут в аренду два-три гектара земли под культуру на рынок, гектар-другой под поливной рис и с полгектара под огород. Ну а мы, поскольку на плуг надеялись, попросили земли почти в три раза больше. Взяли у него также семена, буйволов и принялись за дело. Первые три года света никакого не видели. Из каждых трех мешков урожая два отдавали за землю и долги, а третий продавали тому же землевладельцу по цене, которую он нам установил.

Опять как-то собрались все наши одиннадцать семей на разговоры. Решили вновь сложить свои деньги и купить собственных буйволов. Семена договорились тоже только свои употреблять. Подсчитали и увидели, что хозяину мы уже не два, а один мешок даром отдавать должны. А тут кто-то из наших возьми, да и скажи: «А почему мы третий мешок обязательно хозяину, да еще и по его низкой цене продавать должны? По нашему договору мы, если ему ничего не должны, третий мешок на базар везти можем».

— Как же реагировал на все это хозяин?

— Сначала, когда мы третий мешок ему продавать отказались, буйволов у нас отобрал: не знал еще, что мы своих покупаем. Прослышал про буйволов — грозился с земли согнать, дома, что мы на ней построили, разрушить.

— Да мы-то что стоим здесь, в дом не идем. Заходите, посмотрите, как живем, чего руками своими добились.

Мы прошли к рощице кофейных деревьев, за которыми прятались три хижины моего собеседника. Кроме двух еще совсем маленьких детей, в них никого не было: все ушли на дальнее поле. В каждой хижине — по два спальных помещения, разделенных циновками. На полу — такие же циновки, заменяющие кровати, вдоль стены — огромные плетеные корзины с ярким орнаментом, заменяющие комоды. Все это — от прошлого. А от настоя-

щего — часы-ходики, несколько дешевых пластмассовых игрушек, брошенных в дверях, и напротив пара ярких нейлоновых платьев, развешанных как главное украшение на стене. Транзистор можно было не показывать: он говорил сам за себя. «Конечно, — подумал я, — европейцу, впервые попавшему в такой дом, он может показаться бедным. Но французский социолог Ш. Дез, лет пятнадцать тому назад изучавший жизнь крестьян Мадагаскара, писал, что в их «жалких жилищах даже пустая бутылка является роскошью»».

Хозяин мой неторопливо вынул большой сосуд, обшитый кожей, расставил стаканы, разлил в них какую-то зелено-коричневую жидкость.

— Пей, это равимбуафуци, — предложил он. — Настой целебных трав. Очень хорошо освежает после дороги.

Горьковато-терпкий настой равимбуафуци оказался действительно питьем приятным. Подождав, пока я осушу третий стакан, крестьянин закурил и вернулся к своему рассказу.

— Так вот, обозлился землевладелец, и больше всего потому, что нашему примеру и другие крестьяне в округе последовали. Перестали ему третий мешок продавать, начали сбережения свои объединять и сами, ни у кого-то втридорога, а у государства семена, мотыги и буйволов покупать. Выяснили мы также, что хозяин тот обманывал нас всех. Раньше мы ему мешок кофе принесем, он его на весы бросит — тридцать килограммов. Народ здесь неграмотный, верил. А на закупочный пункт понесли, а в том же мешке сорок пять килограммов оказалось...

— И как же вы помирились с этим хозяином?

— Да не помирились мы, — сплюнув со злостью, ответил он. — В суд он на нас подал. И кто знает, чем бы дело завершилось, если бы не кончились Циранановские порядки.

— А ведь Циранана был ваш соплеменник, из цимихети? — напомнил я.

— Что толку. Соплеменником он был не для цимихети, а для всех тех, у кого деньги были, — будь то даже французы. Это ведь при Циранане жить цимихети в горах стало так невмоготу, что они землю предков бросать начали. Куда ни глянешь в горах — всюду бедняк. Даже там, где была свободная земля, обрабатывать нам ее не разрешили. Вот и говорю я: не сбросили бы тогда старое правительство, прогнали бы нас с земли. А теперь оставили. Предложили создать кооператив. А я в ответ: «Мы уже давно кооперативом живем. Начали с общих плугов, затем в складчину буйволов и семена покупали, землю помогали обрабатывать друг другу. Теперь урожай продаем сообща. Хороший в этом году урожай уродился...

— Можно мне посмотреть твое хозяйство, ранхаги? — прошу я.

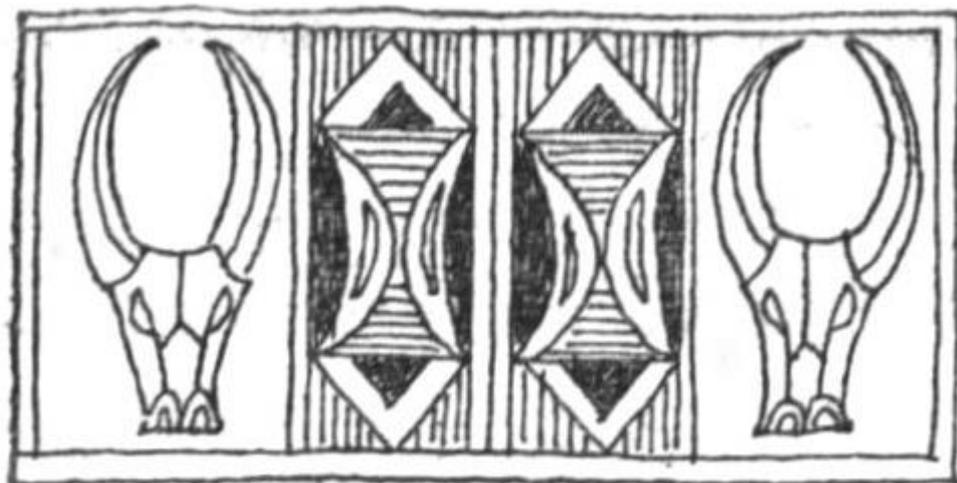
— А почему же нельзя, — отвечает он и ведет меня со двора. — Рис мы сеем поближе к реке, где есть вода, но почвы бедные. Там же грядки с корнеплодами и кукурузой. Когда початки созреют и наступит пора их убирать, из забытых в земле клубней батата вновь ползут отростки. Так что поле пустовать не будет. А это не только нам урожай прибавляет, но и не дает дождям почву разрушать.

Здесь же, вокруг хижин, — «мужские земли», где я работаю вместе с четырьмя сыновьями. Пни не корчем — вокруг них хорошо себя чувствует иланг-иланг. Перед концом сезона дождей высеем хлопчатник, в течение сухого сезона он вызревает, и перед новыми дождями мы успеваем засадить те же участки ананасами. Пять лет тому назад отвели гектар под кофе — на будущий год, думаю, будем собирать первый урожай. Приезжай, вазаха, угощу..

— Спасибо, ранхаги, если буду в этих местах, обязательно загляну в твой гостеприимный дом, — ответил я.

Вновь замелькали за окном машины городки и деревни Мадагаскарского Северо-Запада, перемежавшиеся зеленью ухоженных полей и плантаций. И всюду вдоль дороги до самой Махадзанги встречались нам «те, кто не стригут своих волос», обретшие, наконец, свою «Большую землю».

Хаин-тени — поэтические дуэли

Махадзанга, или Мадзунга, — «город цветов», если переводить с арабского*. Таким и запомнился мне этот город, мостовые которого были покрыты огненно-красными лепестками уже отцветавших сикамор, а стены домов обвиты ковром фиолетовых и розовых, оранжевых и снежно-белых бугенвиллей, никогда здесь не отцветающих.

Махадзанга — это город цветов и ароматов. Ароматов осязаемых, доносящихся из суахилийских кофеен и из индийских лавок, где всегда дымится фимиамы; из арабских магазинов, где покупателя обдают восточными благовониями; из малагасийских домов, где жарят рыбу и варят устриц; из огромного порта, где свалены тюки с геранью и гвоздикой, корицей и пачулями, и, конечно же, с моря, которое приносит в город то жаркое дыхание соседней Африки, то свежесть Индийского океана. И ароматов неосязаемых, чисто умозрительных, которые носятся в воздухе этого города, — пожалуй, единственного города земли, где встречаются одновременно Африка, Азия и Европа, полинезийский дух и мусульманские догмы. Еще совсем недавно в этом мальгашском городе с 50-тысячным населением было меньше всего мальгашей, но зато 20 тысяч коморцев, по десять тысяч арабов и индийцев и несколько сот европейцев. В этих цифрах ответ на то, почему своими жилыми районами город этот напоминает средневековую арабскую касбу, почему его модернистский центр так похож на кварталы курортов французского Средиземноморья и почему самыми высокими зданиями в Махадзанге сделались индуистские храмы.

Махадзанга — это город цветов, ароматов и поэтов.

Мы добрались до Махадзанги к вечеру, но едва успели смыть с себя дорожную пыль, как Куту вау заторопил меня.

— По вечерам перед выходным, да еще в такую полную луну, как сегодня, молодежь здесь поет стихи и соревнуется в игре на валихах. Разве можно упустить такой случай?

Мы пошли. На площадке, зажатой среди белых, на арабский манер слепых глинобитных домишек, уже собрался народ. Трое парней бренчали на гитарах современные мелодии, остальные ждали чего-то, вяло подыгрывая гитаристам на валихах.

Валиха — национальный щипковый инструмент малагасийцев, в своей популярности не знающий конкурентов. Его можно увидеть почти в каждом доме на Мадагаскаре: украшенный выжженным орнаментом толстый ствол бамбука метровой длины, вдоль ко-

* Есть и другой перевод названия этого города: «место, где исцеляют».

того натянуто восемь струн. На деревенских валихах, поющих протяжно и загадочно, но необычайно нежно, струны делают из волокон этого же ствола. У городских инструментов струны все чаще металлические или капроновые, издающие отрывистый пронзительный звук. Но когда они играют вместе, как бы дополняя друг друга, то получается удивительный ансамбль.

Прошел час, полтора. Печально и нежно вели мелодию валихи, послушно вторя голосу певцов, поочередно выходявших из толпы, исполнявших свою песню и возвращавшихся в круг слушателей. Я уже, было, подумывал спросить Кутувау, не лучше ли нам в столь поздний час вспомнить о существовании кроватей, когда собравшиеся оживленно загудели и, расступившись, пропустили в центр площадки рослого парня в джинсах и приталенной пестрой рубашке. «Лиуна! Лиуна!» — восторженно прошептал кто-то за моей спиной.

Пожав на ходу десятки протянутых ему рук, парень забрался на сикомору, росшую посреди площадки, подхватил брошенную ему кем-то гитару и запел.

Почему будоражит мой ум и душу мою
Один только вид твой, о валиха моя?
Почему я тянусь к тебе ночью душной.
Когда светит мне луна бледноликая?
Видно вновь, о валиха, твое звучание,
Едва слышное, с тихой сладостью
Пробудило память мою нечаянно
И моей нечаянно стало радостью, —

задумчиво перебирая струны, пел юноша. Собравшиеся едва хлопали ему в такт в ладоши, а когда он виртуозным перебором струн неожиданно закончил свою музыкальную фразу, подхватили мелодию на валихах и запели:

О валиха, валиха моя, не напрасно ли
Тихо шепчешь со мной ты мольбу мою?
Не боюсь я тебе о любви рассказывать,
Так позволь мне упрятать в тебя душу мою...

Это была на редкость красивая мелодия, какой не услышишь больше нигде в Африке, где живой голос сокрушает неистовство тамтамов. Здесь же мелодию вел человеческий голос, и, как мне показалось, главное в этом ночном пении была музыка слова, воспевавшего музыку валихи. И было еще в этой нежной мелодии что-то изначально древнее, веявшее востоком, ветрами южных морей, далекой индонезийской культурой.

Спрыгнув с дерева, Лиуна кинул кому-то в толпу гитару, взял валиху и, поставив ее на колено вытянутой вперед ноги, повторил свою прежнюю музыкальную фразу.

Видно вновь, о валиха, твое звучание,
Едва слышное, с тихой сладостью
Пробудило память мою нечаянно
И моей нечаянно стало радостью, —

пел он, обращаясь к смуглой красавице в белой ламбе, застенчиво прятавшейся за спинами своих подруг.

И вдруг, как бы отбросив эту свою застенчивость, она шагнула вперед и, скинув ламбу на плечи певца, ответила ему с дерзким вызовом:

Я спою, о валиха, тебе, а ты слушай.
Там, в потемках, вздохать мне о милом тайно
Суждено, чтоб не видел он глаз моих...
Так звезде суждено, в ночи витая,

Быть прекраснейшей из необласканных.

Удивительная гармония ночи, музыки, поэзии и неподдельного артистизма, душевного изящества, столь свойственного малагасийцам, была в этом пении стихов под луной.

Долго еще звучали валихи, пока стройный мужской хор не завершил эту оду любви, обращенную к валихе:

Пой же с нами, валиха, сестра наша!.. Пой!
Мы в смятении: ответь на наши вопросы.
Доверяем мольбу нашу тебе лишь одной,
О валиха, наша гордость, решимость, надежда.

Когда пение кончилось, я подошел к Лиуне, чтобы выразить ему свое восхищение услышанным и увиденным.

Пока собравшиеся пели хором, а потом девушки кружились в медленном танце, грациозно помахивая шелковыми дамбами, Лиуна успел рассказать мне много интересного и о себе, и о своем любимом деле — собирании малагасийского фольклора. В родную Махадзангу приехал на каникулы из Тана, где учится на филологическом факультете университета. Уже не раз печатался на страницах прогрессивных изданий. Очень любит Маяковского, мечтает перевести его стихи на малагасийский язык.

— Сейчас будет самая интересная часть нашей поэтической ночи, — прервал Лиуна свой рассказ. — Начинается хаин-тени.

— Я слышал, что хаин-тени — это традиция мерина, — удивился я.

— В какой-то степени это так. Первые хаин-тени, что означает «словесная наука», проводились в Имерине. Трубадуры из обедневших хова, придя на деревенский рынок, начинали петь стихи, задирая их словами присутствующих. Те должны были ответить. Так возникло своеобразное поэтическое соревнование, в котором бродячему поэту противостояла целая толпа. В зависимости от способностей трубадура он или наступал или оборонялся. Зная настроения масс, такие бродячие певцы придавали своим куплетам злободневное звучание, высмеивали андрианов и работоторговцев, сборщиков налогов и ростовщиков. Попав на западный Мадагаскар, этот жанр устной малагасийской поэзии обогатился культурными традициями других народов и пышно расцвел. Хаин-тени проводятся на самые разнообразные темы, не только политические, но и бытовые, любовные. Говорят, что самые интересные поэтические дуэли можно теперь услышать именно в Махадзанге. А впрочем, судите сами, — заключил Лиуна и, лукаво подмигнув мне, направился в центр круга, где уже начались состязания острословов.

Слегка захмелевший, на мой взгляд, мужчина в огромной широкополой шляпе, изображая из себя влюбленную девушку, пел.

...Хотела б я твоей любимой быть,
Как тень, с тобой не разлучаться,
С тобою жить, твоею слыть,
Твоею называться, —

закончил он свой куплет и, лукаво сощурившись, остановился у группы разодетых молодых, всем своим видом вызывая их на ответ. Но Лиуна, уже оказавшийся рядом с обладателем шляпы, тотчас парировал ему:

Люби меня не так,
Как собственную тень:
Она с тобой проводит день,
А я не прочь
Пробыть и ночь.

И не как перец:
Брюхо он спалит,
А голода не утолит.
Не как подушку:
Ночью мы вдвоем.
А днем?
И не как рис:
Ведь проглотив его,
О нем не помнишь ничего.
И не как мед:
Оп, правда, сладок,
Но кто же до него не падок?

Собравшиеся, покатываясь от хохота, заплодировали юноше, а его оппонент, явно не желая ударить в грязь лицом, произнес несколько новых строф, в которых утверждал, что о съеденном рисе он всегда помнит, что до меда падки отнюдь не все. «Любовь, что перец, жжет, но голод страсти не утоляет», — заключил он импровизированным афоризмом. Но у Лиуны уже был готов ответ:

Что перец твой?
Люби меня, как сладкий сон:
Глядишь — и явью станет он.
Люби, как серебро:
Оно с тобой всегда,
Да и для дальнего пути
Надежней друга не найти.

Человек в шляпе ответил, что «у каждого — любовь своя», и спел длинную оду в честь своей будущей жены, которую он обещал осыпать подарками за то, что она согласится стать ему другом.

«Если друг — не лижи рук», — небрежно пощипывая струны лаконично пропел Лиуна и исполнил на валихе несколько заливчатских переборов, всем своим видом давая понять, что не хочет отвечать на подобные куплеты.

Словесная битва длилась не меньше часа. По мере того, как спор ожесточался, тон речитатива постепенно повышался, все более и более тщательно рифмовавшиеся реплики удлинялись, а их конец, в который вкладывался главный смысл, произносился веско и четко. Все чаще это были пословицы и поговорки, на которые слушатели реагировали наиболее бурно.

Исчерпав, очевидно, все свои доводы и запасы острословия, но не признавая поражения, человек в шляпе решил предложить Лиуне новый вид соревнования: игру в загадки. Исполнив очередное шестистишие, он закончил его словами: «Не кидаешь, не бросаешь, а далеко устремляется». Затем, как бы вызывая своего соперника на новую дуэль, бросил ему свою шляпу и стал, подбоченившись.

— «Мысль», — тут же догадался Лиуна и, приняв вызов, ответил своей загадкой: — «Не кидаешь, не бросаешь, а через овраг перебирается».

— Тоже «мысль», — снисходительно улыбнувшись, сказал соперник Лиуны.

— «Молва, молва», — поправили его из толпы.

По традициям хаин-тени Лиуна, поскольку его загадка осталась неразгаданной, имел право задавать новую.

«Ударить, а боли не чувствует», — произнес он.

— «Вода», — ответил соперник.

— «Тень, тень», — закричали собравшиеся.

— «В воде не мокнет, на берегу не сохнет», — задал Лиуна свою третью загадку.

Человек почесал затылок, поднял с травы шляпу и, тем самым признав себя победителем, смешался с толпой.

— Опять «тень», опять «тень», опять «тень», — пропел Лиуна ответ на загадку и, вытирая пот, катившийся со лба, подошел ко мне.

— Скажите, Лиуна, а те стихи, пословицы и загадки, которые вы используете против противника в этом поэтическом соревновании, принадлежат другим или приходят вам на ум в ходе поединка? — спросил я.

— В большей части, конечно, принадлежат другим. В прошлом, наверное, основная масса наших пословиц и поговорок рождалась именно на хаин-тени, откуда удачные реплики трубадуров разносились по всей стране, превращаясь в народные афоризмы. Что же касается стихов, то блестящие обработки хаин-тени оставил после себя основоположник нашей национальной поэзии Жан-Жозеф Рабеаривелу. Сейчас в жанре хаин-тени удачно пишет Флавиен Ранаиву, очень хорошо чувствуя юмор устной традиции малагасийцев. Это с его стихотворения я и начал сегодняшнюю дуэль. А вот отрывок из его «Советов новобрачным», где каждая строка—пословица или афоризм.

Семья — не птичий двор. Побольше такта:

Петух поет — наседка не кудахтай.

Натянутые струны не тяните,

Гнев попусту на помощь не зовите.

Незрелые плоды доводят до беды.

Раздор в семье — нарыв на лбу,

С ним проклянешь свою судьбу.

Соседям не завидуйте напрасно:

Чужое платье вам не по плечу.

Еще совет подать хочу —

Безмерные желания опасны:

Кто вершею скребет по дну,

Тот тину выудит одну.

Пусть мудрость украшает вас:

Она при жизни покрывало,

Она и саван в смертный час, —

наизусть прочитал Лиуна.

Потом его вновь позвали петь и отпустили только около пяти утра. По темным улицам Махадзанги Лиуна провожал нас до отеля. С горечью говорил, как в результате деятельности христианской церкви и колониальных властей на Мадагаскаре были разрушены, растеряны многие культурные традиции малагасийцев. Так сделался достоянием истории литературный жанр кабари, ранее очень широко распространенный среди мерина и сакалава. «Я так мечтал использовать эти свои каникулы, чтобы поехать по югу, где доживают свои последние дни бродячие артисты — мпилалао, — сокрушенно вздохнул он. — Но дорога туда дальняя, нужны деньги».

— Конечно, Лиуна, я не могу обещать подчинить все свои планы поискам мпилалао, — сказал я. — Но кое в чем наши интересы совпадают, и поэтому я буду рад, если такой попутчик, как вы, займет свободное место в моей машине.

Лиуна не задумываясь принял мое приглашение. Так, еще не покинув Махадзангу, я заполучил прекрасного товарища на всю вторую половину моей мадагаскарской «кругосветки».

На земле сакалава

Великая Бецибука, самая большая река Мадагаскара, впадает в Мозамбикский пролив как раз в том месте, где выросла Махадзанга. Трудно даже сказать; — то ли на берегу пролива, то ли на берегу гигантского речного эстуария Бумбетука стоит этот город. Бецибука — единственная судоходная река Великого острова, небольшие катера могут подниматься вверх по ее течению почти на 150 километров. Наверное, благодаря этой реке, в былые времена служившей главным выходом к морю для жителей плато, с одной стороны, и близости Африканского континента — с другой, и возник в этом жарком малярийном месте порт Махадзанга, западные ворота Мадагаскара, распахнутые в сторону Африки.

Но, породив Махадзангу в давние времена, Бецибука сегодня готовит ей могилу. Миллионы тонн краснозема, сносимого многоводной рекой с плато, отлагаются на дне эстуария с такой быстротой, что специалисты бьют тревогу: через каких-нибудь 15— 20 лет второй по значению порт республики может оказаться под угрозой полного заиливания. Махадзанга теряет значение глубоководной гавани, поскольку крупные суда уже избегают заходить в этот порт.

Поэтому уже разрабатывается план создания нового главного западного порта острова в бухте Наринда, к северу от Бумбетука.

У этого плана, правда, есть противники. Свои возражения они аргументируют тем, что огромных средств, необходимых для строительства нового порта в районе почти необитаемой, лишенной подъездных путей Наринды, будет достаточно для того, чтобы построить на Бецибуке крупный гидроэнергетический комплекс с плотиной, которые обуздают реку, сохранят Махадзангу, дадут дешевую электроэнергию и позволят вовлечь в использование десятки тысяч гектаров плодородных земель поймы своенравной реки.

Однако, пока идут споры, река продолжает сносить плодородные почвы плато в океан. Паром, который переправляет нашу машину на левый берег Бумбетука, кажется, не плывет, а скользит по оранжевой жиже эстуария, имеющей консистенцию сметаны.

— Есть старая песня наших предков об этой реке, подметивших ее нрав, — говорит Лиуна. — Ее пели, чтобы умиловить Бецибуку, угрожавшую выйти из берегов. Всю ее я не помню. Но есть в песне такой куплет:

Как разлилась, разлилась Бецибука!
В полночь она разлилась!
Высохла она — закудахтала курица:

Ах, Бецибука, ай, ой!

Малагасийцы, расположившиеся вокруг меня на пароме, говорили на том же языке, что и жители тех районов, где я уже побывал, но отличались от них обликом. На плато люди были светлокожими, на востоке — потемнее, но и те, и другие невысоки ростом, хрупкие, как малайцы, с отчетливыми монголоидными чертами лица. Здесь же, на западном побережье, население было гораздо выше ростом, кряжистее, с темной кожей. Я смотрю на женщину с большой золотой серьгой в носу и ловлю себя на мысли, что, прозойди наша встреча где-нибудь на побережье Танзании или Мозамбика, я бы никогда не признал в ней малагасийку. А вон тот рослый мужчина с толстыми губами и курчавыми волосами — типичный негроид, тоже внешне ничем не похожий на потомка древних мореплавателей востока.

Ну а чему здесь удивляться, если Африка за узким Мозамбикским проливом? Доля африканского влияния на западе Мадагаскара не так уж мала, во многих сакалава течет кровь бывших рабов макуа или свободных мореплавателей суахили. Однако влияние их было и не столь велико, чтобы только им и объяснять преобладание темнокожих аборигенов. Дело в том, что в последние годы многие малагасийские ученые склоняются к мнению, что в географии антропологических типов Мадагаскара активную роль сыграла... малярия.

Выяснено, что в процессе приспособления древней негроидной расы к специфическим условиям жизни в тропиках в крови ее представителей появились эритроциты особой, серповидной формы. Именно эти эритроциты, носителями которых являются негроидные народы Африки, Южной Индии и некоторых островов Меланезии, обеспечивают им повышенную сопротивляемость против малярии, которой нет у монголоидов. Быть может, именно малярия и гнала с восточного побережья на прохладные плато восприимчивых к этому заболеванию переселенцев, сохранивших в центральной части Мадагаскара свой наиболее светлый монголоидный тип. На восточном побережье острова, где малярия распространена, но отнюдь не повсеместно, закрепился своего рода переходный тип малагасийцев — не таких светлых, как на плато, но и не темнокожих. Наконец, на западном побережье с его многочисленными заболоченными реками и низинами — этими главными рассадниками малярии — выкристаллизовался третий тип мальгашей, очень темных, широконосых и курчавоволосых.

Историю западного побережья можно проследить с достаточной долей достоверности, поскольку она связана с народами антаиморо и антаисака, издревле имевших письменность. Их предания рассказывают, что поселившиеся на крайнем юго-востоке Мадагаскара люди рода антаисака научились плавить железо и делать из него оружие, а затем покорили соседние племена. Обойдя плато с юга, они предприняли поход на западное побережье острова и подчинили себе первобытных собирателей и скотоводов вазимба, объединив под своей властью ранее враждовавших между собой вождей. Обосновавшись на новом месте, антаисака, что означает «те, кто живет собирательством», начали именовать себя сакалавитра, откуда и произошло название крупнейшего народа мадагаскарского запада — сакалава. Есть много толкований этого слова. Одни переводят сакалавитра как «те, кто всегда останется сака», подразумевая «хотя они и ушли вдаль», другие — как просто «сака, отправившиеся вдаль».

Наконец мы причаливаем к берегу, и теперь все мое внимание занято тем, чтобы помочь машине «перепрыгнуть» на землю как раз в тот момент, когда волна опускает паром. Наконец, маневр удался, и вот мы уже катим на юг по исконным землям сакалава.

Подробная карта не предвещает нам впереди ничего хорошего. Сразу же к югу от Бецибуки побережье Мадагаскара почти под прямым углом поворачивает на запад, благодаря чему «красный кирпич» расширяется в два, а то и в три раза. Этот огромный монолит,

отгороженный плато от влажных ветров Индийского океана, очень редко населен и печально известен фантастическим по своим масштабам развитием эрозии. С востока вдоль земель сакалава тянется «осевое» шоссе Мадагаскара, связывающее города центральной части страны. С запада почти к самому побережью жметя дорога, которую составители карты характеризуют: «Без покрытия, плохая». Лишь две цифры — «5—10», местами вкрапленные в линию дороги, вселяют некоторый оптимизм. Этими цифрами малагасийские картографы обозначают месяцы, когда дороги на острове будут все же проезжими. А поскольку кончается июль и начинается август, то мы надеемся, что сможем продвигаться.

Хотя мы нигде не удаляемся от океана больше, чем на 50—60 километров, по мере продвижения на юг ландшафты становятся суше. Если дорога приближается к побережью, то кое-где еще можно встретить рощицы лжекамфорного дерева, кэшью и равеналы. Однако, как только дорога уклонится в глубь острова, попадаешь в царство подлинно африканской саванны. Здесь господствуют хорошо переносящие засушливый сезон пальмы рафии сато и величественные баобабы, разбросанные среди почти безлистных в эту бездождную пору зарослей колючих кустарников, покрывающих однообразные холмистые равнины. Сложенные осадочными породами, на которых формируются скудные, а порою и просто непригодные для земледелия почвы, эти равнины, следуя одна за другой, поднимаются в сторону плато гигантскими ступенями. Большинство из них — голые пространства, изрезанные сетью причудливых оврагов на западе или испещренные карстом — на востоке. Лишь по берегам рек, намывших себе широкие аллювиальные долины, появляются деревни, где обитают земледельцы сакалава.

Но стоит отъехать хоть несколько километров от реки, покинуть черные влажные поймы, и тут же кончаются зеленые поля и начинаются опаленные солнцем заросли кустарников, растущих в красной пыли. Здесь мужчины сакалава пасут скот, а женщины заготавливают листья пальмы рафии.

Рафия — внешне ничем не примечательная, я бы сказал, даже скромная на вид пальма с шероховатым, высотой до 15—20 метров стволом, из которого растут восемь — десять мощных черенков, несущих перистые листья, непрерывно колеблемые ветром. В Западной Африке в роду рафий наибольшую известность получила винная пальма, дающая хмельной напиток — пиассаву. На Мадагаскаре же прославилась растущая только на этом острове рафия-март, из листьев которой получают очень гибкое и крепкое волокно длиной до двух метров. Ныне Мадагаскар — единственная страна в мире, вывозящая волокно рафии и изделия из него за границу. Ежегодный экспорт волокна — около семи тысяч тонн, из них три четверти обеспечивает провинция Махадзанга.

На третий день нашего путешествия женщин, несущих вдоль дороги на палках-коромыслах кипы собранных ими листьев, сделалось так много, что стало очевидным: именно вокруг рафии вращается в этом районе «женский сектор» экономики сакалава. Несколько раз Лиуна пытался заговоривать с женщинами. Однако они предпочитали осыпать его бранью за то, что наша машина обдала их мощными клубами пыли. Наконец, суммировав те крохи информации, которые все же удалось добыть, Лиуна сообщил:

— У подножий холмов Келифели, мимо которых мы сейчас проезжаем, разбросаны селения, где делают знаменитые рабаны — ткани из волокна рафии. Женщины говорят, что лучшие на всем острове рабаны ткут в деревнях Кандреху, Андасибе и Сародрано и что до последней совсем недалеко.

Надежный в Африке способ стать в деревне «своим» человеком — это приехать туда с односельчанином. Поэтому, потеснившись, мы усадили в машину двух женщин, забили багажник их листьями и поехали в Сародрано.

Деревня встретила нас диким лаем собак и мерным стуком деревянных колотушек, которыми женщины обрабатывали волокно рафии. Выгрузив листья наших пассажиров,

сразу же взявшихся за колотушки, мы принялись постигать секреты «промышленности рафии», как принято говорить на острове.

Не дожидаясь, пока листья подсохнут, женщины бросили их в длинные деревянные корыта с водой, предварительно вынув оттуда вчерашнюю порцию рафии. Эти пролежавшие сутки в воде листья раскладывают на бревна с мягкой древесиной и бьют камнями-окатышами. Бьют долго — час, два, три, обливая водой, и опять бьют до тех пор, пока не выбьют и не вымоют всю мякоть листа, пока на бревнах не останутся длинные белые волокна, отдающие шелковистым блеском.

Затем эти волокна сушат на солнце. Когда за день женщины набьют много волокна и развешат его за своими домами, то вокруг Сародрано вырастает нечто вроде ажурной, реагирующей на каждое дуновение ветерка изгороди. Сразу же после сушки волокно сортируют. Длинные, в полтора-два метра, нити складывают в тюки, с тем чтобы со временем свезти на заготовительный пункт. А короткие оставляют себе. Но короткие волокна — это вовсе не отход. Дело в том, что, перед тем как волокно выкрасят — для дешевых изделий в покупные анилиновые краски, для дорогих — в приготовленные самими же, растительные, — короткое волокно рафии режут еще более мелко, а затем вновь связывают в длинную нить. Казалось бы, бессмысленное занятие. Однако это не так. Тем-то и славится рабана в Сародрано и Кандреху, что имеет много узелков. Когда волокно длинное и ровное, краска ложится на него тоже ровно и однообразно. Поэтому, чтобы узоры будущей рабаны играли, надо сделать так, чтобы краска по нити распределилась неравномерно. Волокна собирают в пучки, завязывают на этих пучках узлы и опускают в краску. Там, где пряжа ровная, — краска темная и тоже ровная. Там, где узел, — окраска посветлее, а в глубине узла — совсем светлая. Из такой пряжи потом плетут рабаны, напоминающие по рисунку змеиную кожу. Но есть рабаны, которые ловят и отражают каждую перемену света, переливаясь и играя на солнце. Чтобы соткать такую рабану, узлы надо вязать не на пучках пряжи, а на каждой ниточке...

Тонкое, кропотливое ремесло, известное в Африке лишь народам бассейна Конго, но зато распространенное в Юго-Восточной Азии. Оттуда, однако, рабаны не экспортируют. А декоративные ткани сакалава я видел потом и в Париже, и в Лондоне, и в Каире. Они считаются лучшими в мире и за свою эластичность, и за красочное сочетание удивительно сочных зеленых, красных и оранжевых оттенков фона рабан, по которому ткют геометрические рисунки или контуры самой рафии.

Пальма эта достойна почитания, потому что для жителей западного Мадагаскара она является тем же деревом жизни, что равенала для восточного побережья. Она не только обеспечивает людей работой и дает им одежду. Содержащие масло плоды рафии — «дежурное блюдо» сакалава. Ее листьями кроют крыши, а средние жесткие жилки огромных листьев используют вместо коромысла для ношения тяжестей.

Когда мы уезжали из деревни и местные дворняги, до этого занятые тем, что облаивали сидевшую на дереве кошку, бросились преследовать нас, Лиуна неожиданно спросил:

— А знаете ли вы, что вражда между собаками и кошками идет из-за рабаны?

— Конечно, не знаю, — ответил я.

— Ну так узнайте. Когда-то давным-давно кошки и собаки были дикими, дружили между собой и жили тем, что грабили людей. Но когда грабежи стали делом опасным, собака и кошка решили найти себе занятие поспокойнее. Выбор их пал на плетение рабан, что сулило большие доходы.

Когда наступило время ткать рабану, кошка пустилась на хитрость.

— Моя милая! — сказала она. — Посмотри, какие у меня изящные лапы. Я могу повредить их, если буду ткать грубое волокно рафии. Прибережем их лучше до тех пор, пока начнем ткать шелк. В этом ремесле я большая мастерица.

Простодушная собака соткала рабаны и послала свою товарку продавать их на рынок. Кошке очень не хотелось делать это, но мысль о том, что на вырученные деньги она сможет купить много мяса и съесть его в одиночку, вдохновила ее.

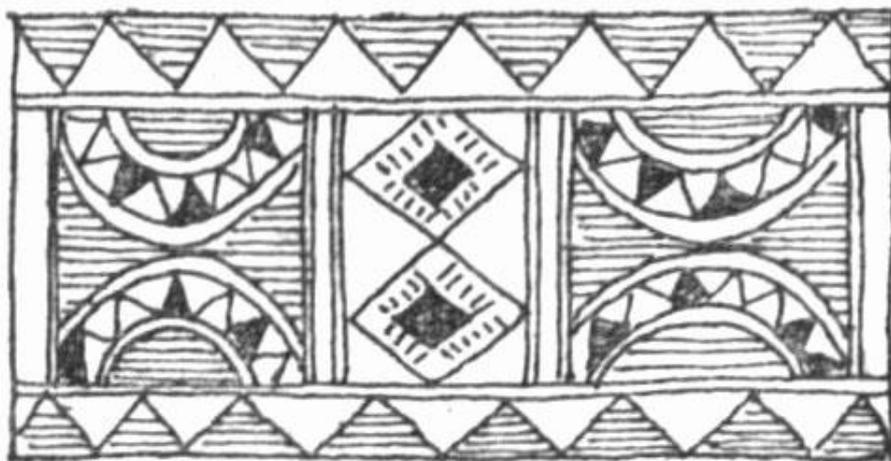
На рынке крестьяне, завидев кошку с рабанами, закидали ее камнями. Неудачливая торговка вернулась домой и уговорила отправиться на базар собаку.

Той повезло. Получив за рабаны двенадцать монет, она купила на них много мяса и вернулась к кошке.

— Скорее, скорее, — закричала кошка, поджидавшая собаку на дереве. — Отсюда сверху я вижу людей, бегущих с рынка. Они отнимут наше мясо. Надо спрятать его.

Доверчивая собака поверила, а хитрая кошка, затащив мясо на дерево, сожрала его там целиком, до последнего кусочка. Изнемогая от усталости и голода, бедная собака издохла под деревом, взывая к потомкам, которые должны мстить за ее смерть. С тех пор и возненавидели собаки кошек, особенно тех, что сидят на дереве...

«Пойман на бычьем заду»

Глядя на карту, я бы никогда не мог подумать, что в Итунди может быть так многолюдно. Небольшая деревенька с одной-единственной улицей, вытянувшейся вдоль восточного склона почти безлесного плато Бемараха, а народу валило по этой улице не меньше, чем на рю де Индепенданс в самый разгар пятничного базара. В толпе явно преобладали мужчины, причем все они шли в одном направлении и куда-то явно торопились.

— Наверное, что-нибудь случилось. «Спросил бы», — сказал я.

— Все спешат на суд, — после недолгих расспросов выяснил Лиуна. — Судить будут парня, укравшего зебу.

— И это столь важное событие, что привлекает такое множество народа?

— Кража зебу считается самым большим преступлением и очень сурово карается. Многие, наверное, идут на этот суд, как на интересное зрелище.

Когда мы добрались до площади под священным раскидистым фикусом вуари, она была заполнена до отказа. Прижавшись к стволу, на табуретках сидели старейшины в белых повязках судей на лбу. На деревянном помосте находилось вещественное доказательство преступления — плохонький черный бычок с огромными рогами. Под ним привязанный веревками стоял неудачливый похититель, парнишка лет двадцати. Вид у него был весьма помятый и, судя по кровавым подтекам на рваной рубашке, возмездие к нему пришло гораздо раньше, чем вожди начали собираться под своим деревом.

Прошло еще часа полтора, прежде чем вожди под фикусом зашевелились. Пospорив, кому начинать, они выделили из своих рядов упитанного старца. Взобравшись на помост рядом с бычком, он произнес очень любопытную речь.

Старец, очевидно, был когда-то молодым, а в те далекие годы похищение зебу было вовсе даже не преступлением, а полуритуальной традицией. Число украденных коров служило критерием мужества, и ни одна уважавшая себя красавица не отдала бы руку тому, кто еще ни разу не угнал чужую скотину.

Обращаясь к годам своей юности, старец ударился в романтические воспоминания, признал, что и сам крадывал коров, а затем принялся явно идеализировать старину. «В мои годы похитить быка — значило проявить ум и отвагу, — размахивая руками, кричал он. — Но мы не вели себя, как воришки. Мы шли к хозяину и смело говорили: «В следующее полнолуние, когда ночь будет светлой и ты сможешь меня увидеть, я украду твоих быков». И если нам удавалось сделать это, то быки эти считались не украденными, а до-

ставшимися нам как боевые трофеи. А как же повел себя ты, жалкий трус, залезший в чужой двор в темную ночь?..»

Старик говорил долго, но по всему было видно, что осуждает он вора не за существо дела, а за несоблюдение традиции. Пожалуй, если бы юноша своевременно произнес малагасийский вариант фразы «иду на вы» и пошел «на дело» при луне, вождь-романтик оказался бы в рядах его защитников.

Зато следующий обвинитель, оказавшийся председателем фукунулуны, говорил с позиций рационализма:

— У нашего народа издревле бытует выражение: «Быть пойманным на бычьем заду» — выражение, применяемое к любому, кто схвачен на месте преступления. Почему именно «на бычьем заду»? Потому что сакалава всегда считали, что нет преступления более тягостного, чем кража скота. Это у нас, у сакалава, говорят: «Хижину, где есть молоко, бедной не назовешь». А нет коровы — нет молока, нет молока — есть одна лишь бедность.

Председатель смотрел широко, говорил не столько о ночном воришке, сколько о традиции, толкнувшей его на преступление и ставшей ныне помехой развитию скотоводства у сакалава. Люди слушали внимательно. И если над вождем-романтиком похихикивали, то председателя-рационалиста поддерживали одобрительным гулом.

— На нашем острове нет хищников, которые бы угрожали зебу, — говорил он. — Но сколько сил и времени мы тратим на то, чтобы строить ампахитры*. — В позапрошлом году наша фукунулуна строила ампахитру в долине реки Манамбулу. В прошлом году ремонтировали загон в овраге. В этом году потеем, роя котловину для ампахитры у склона Бемарахи. Кто заставляет нас делать все это? Похитители скота, уберечься от которых ночью можно только в охраняемых сторожами ампахитрах. В итоге ночью, когда спадает жара и наступает лучшее время для того, чтобы зебу пощипали траву и попили прохладной воды, мы сгоняем их на пыльные площадки, где они остаются без корма и питья. Кто виноват в этом? Все те же ночные герои.

Сюда, на этот суд пришли все больше юноши, — продолжал председатель. — И я боюсь, что среди них немало таких, кто интересуется этим судом совсем не как сторонний наблюдатель. Как бы через несколько дней где-нибудь в соседней деревне кто-нибудь из вас, зрителей, не стал подсудимым. Подумайте над всем, что я сказал. И, вернувшись домой, скажите отцам и матерям, чтобы они воспитывали в своих дочерях и ваших сестрах отвращение к дикой традиции — краже скота. И если у нас состоится еще один суд, приходите на него со своими девушками. Я скажу им, чтобы они не выходили за вас замуж, за юношей, крадущих скот. А теперь — судите вора.

В невообразимом шуме и гаме, поднявшемся вокруг, когда почти каждый присутствующий, стараясь перекричать друг друга, предлагал свой приговор, я не сразу расслышал свистки полицейских, которые, расталкивая толпу, пробирались к помосту. Наконец, взобравшись на него, один из полицейских поднял руку и, дождавшись тишины, произнес:

— Похитителя скота будут судить по законам Республики. Спасибо всем, кто сюда пришел.

У меня не создалось впечатления, что присутствующие жаждали крови и были разочарованы подобным концом. Посудачив и поспорив еще немного, люди начали расходиться.

Мы же с Лиунной подошли к председателю, представились, попросили помочь переночевать в Итунди.

* Ампахитра (малаг.) — загон для зебу.

— Так пойдете ко мне, — без церемоний предложил председатель. — Гостям мы всегда рады. А сегодня — сразу трое. За несколько часов до вас приехал ветеринар из Махадзанги.

В небольшом доме, а вернее, в просторной хижине председателя разговор сразу же зашел о сегодняшнем суде. Меня интересует, какой приговор мог бы получить вор, не вмешайся полиция.

— Как говорят сакалава, укравший зебу от зебу и погибнет, — отвечает председатель. — В былые времена его закопали бы посреди ампахитры в землю, оставив снаружи лишь голову. Иногда похитителей скота заставляли танцевать до тех пор, пока «пойманный на бычьем заду» не валился замертво. Только не думайте, что вы смогли бы увидеть один из этих вариантов. Самосуда мы бы не допустили. Людей собрали по традиции, дали выход этой традиции. Но если вы заметили, все больше для того, чтобы с традицией и бороться.

На стареньком, выдавшем виды «лэндровере», закончив знакомство с положением дел в округе, приезжает ветеринар.

— Месье Тсианефитра, месье Серж, — представляет нас друг другу председатель и, извинившись, уходит отдать распоряжения по дому.

Тсианефитра — немолодой уже малагасиец, начавший свою карьеру при колонизаторах, человек с огромным опытом и отличным знанием местных условий. Понятно, что именно его я прошу рассказать о проблеме зебу.

— Весь крупный рогатый скот, горбатый и длиннорогий, мы называем зебу, — говорит Тсианефитра. — Однако в разных районах острова они сильно отличаются друг от друга. Скорее всего это результат повторных переселений наших предков из различных районов индонезийского мира, где на каждом острове — собственная порода зебу.

— Еще когда я был в Тана, то слышал, что история зебу — это интереснейшая глава мальгашского прошлого.

— Много экзотики и еще больше загадок, — соглашается мой собеседник. — По всей вероятности, индонезийцы привезли зебу на Мадагаскар в качестве священных животных. Этому мы и обязаны нынешним отношением к скоту не как к субъекту экономики, а как к объекту поклонения. Одной из самых важных частей ритуальных торжеств было доение зебу вождями и помазание молоком его участников. Это были так называемые сурумбелуна — «живые жертвоприношения». Скорее всего старейшины и вожди, которым по мере роста численности населения скот был все чаще нужен для подобных ритуалов, стали первыми, кто начал приручать зебу. Обладание стадами Священных животных поднимало их авторитет в глазах простых общинников, давало власть над ними.

А потом на землях сакалава появились арабские и суахилийские купцы, которые, как и подобает добрым мусульманам, не ели свинину и хорошо платили за говядину. У кого же ее можно было достать? Конечно же, у вождей, обладавших целыми стадами и уже покупавших у купцов оружие и ткани.

Так под влиянием торговли на западном побережье происходит развенчание зебу. Запрет «обижать» длиннорогих коров снимается, но, чтобы не впасть в грех и не вызвать гнев предков, им меняют название. Старинное малагасийское слово «дзамук» — «мирный», как некогда именовали священных животных, считавшихся символом мира, делается фади, и вместо него появляется прозаическое, заимствованное у суахили «ин'ямбе», «умби» — «бык» или и того хуже: «ньяма» — «скот», «мясо». Ньяма приручают и делают домашними животными. Появление крупных стад, означавшее превращение собирателей и примитивных земледельцев сакалава в скотоводов, коренным образом меняет всю структуру их общества: материнское право сменяется отцовским. Для охраны стад необходимыми делаются рабы, которые вскоре и сами превращаются в товар. Но старые запреты еще сильны, поэтому коров доят, а буйволов впрягают в тягло, но на мясо для собственных нужд не режут.

В начале XIX века появляется выражение «бык, убитый чужими руками», то есть грех, совершенный не тобою, а другим. Этим выражением сакалава, сами все еще не забивавшие своего скота, провожали каждого продаваемого ими зебу, как бы реабилитируя себя в глазах разана. Зебу увозили на бойни Реюньона и Маврикия, в арабские порты. Торговля скотом имела настолько большое значение для Имерины, что была объектом специальной политики правительства. По распоряжению Ранавалуны I начинается выведение новой породы — «рана», полученной в результате скрещивания зебу со скотом, завезенным из Англии. Королева приказала также отправлять на экспорт только быков зебу, объясняя свой запрет тем, что, если иностранцам будут продаваться коровы, они в конце концов смогут разводить собственный скот.

Торговля эта, однако, могла приносить Имерине доход исключительно благодаря огромному количеству скота, вывозимого через основные порты, поскольку цены на него были низкими. Французский натуралист Гильзенберг писал в 1822 г.: «Упитанный бык стоит невероятно дешево — всего один пиастр».

— Колонизаторов вполне устраивала эта дешевизна, — продолжает Тсианефитра. — Однако малагасийцы вскоре увидели, что за один пиастр ничего путного в условиях роста дороговизны на острове купить уже было нельзя. И тогда история скотоводства Мадагаскара как бы пошла вспять. Зебу сделались большей ценностью, чем предлагавшиеся за него деньги, они превратились в главное мерило богатства. На зебу, хотя и по иной причине, вновь стали смотреть как на полусвященное животное, поскольку в новых условиях только скот, избавлявший от голода, вселял в людей определенную уверенность в будущее.

— А теперь мы сядем за стол и поужинаем, — прерывает нашу беседу председатель. — И быть может, наш стол поможет месье Сержу понять, как идут дела у сакалава.

На столе, накрытом во дворе за домом, господствует большой котел с рисом, приготовленным, наверное, с добавлением шафрана и поэтому принявшим ярко-желтый цвет. Вокруг — горшочки поменьше со сваренными на пару молодыми побегами овощей, мелко порезанным мясом. Тарелок нет, но на каждом углу стола лежат стопки вареных листьев маниоки.

Чтобы не попасть впросак и не нарушить правила местного этикета, я, не зная, с чего начинать, жду, пока хозяева подадут пример. Хозяева же ждут меня, поскольку правила хорошего тона требуют здесь, чтобы первым брал пищу гость.

— А как? — Спрашиваю я, вызывая общий хохот.

— Очень просто, — отвечает жена председателя и, взяв ложку, преподает мне наглядный пример подготовки к еде у сакалава. — Надо выбрать хороший лист маниоки, положить на него риса, затем понемногу всего остального, полить перцем, опять добавить риса, свернуть вот так трубочкой, и съесть.

Вкусно, хотя было бы, наверное, еще вкуснее, если бы перца было поменьше, а соли — побольше. Вернее, соли вообще нет, поскольку сакалава готовят пищу в пресной воде, а на стол соль не ставят, компенсируя ее недостаток обилием специй.

Заметив, что избыток перца несколько травмирует меня, хозяйка ставит на стол еще один большой горшок.

— Запивайте, — говорит она. — Это кислое молоко. В желудке будет не так горячо.

Я следую ее совету и вскоре чувствую, как постепенно гаснет пламя, уже начавшее бушевать во мне.

— Ну что же, теперь понятно, как живут сакалава и зачем они разводят свой скот, — говорю я.

— Понятно, да не все, — отрицательно покачивая головой, говорит председатель. — Сколько коров надо выдоить в вашей стране, чтобы получить такой горшок с простоквашей?

— Думаю, что полкоровы будет достаточно.

— Вот видите. А здесь — четыре-пять, потому что одна корова дает всего лишь полтора-два литра молока в день. На юге на мальгаша в среднем приходится по три-четыре-пять зебу. По европейским понятиям — много. А в наших условиях...

— Вот тут-то мы и возвращаемся к той теме, которую прервали перед ужином, — вступает в беседу Тсианефитра. — Отступить назад, ко временам «священных стад», сакалава уже не могут. Сделать свои скотоводческие хозяйства интенсивными, заставить одну корову давать столько молока, чтобы она кормила всю семью? Хорошо бы, но для этого нет ни умения, ни средств, потому что за те гроши, которые платили крестьянам за скот или за мясо, нельзя было приобрести породистую корову, купить химикаты для борьбы с насекомыми, донимающими зебу, да еще и улучшить пастбища. Выход поэтому был в одном — в увеличении поголовья непродуктивного скота. И знаете, каков главный результат этой системы скотоводства?

— Догадываюсь, потому что по дороге сюда видел, во что превратились земли сакалава. Зебу, которую некогда приносили в жертву вождям, ныне сама превратилась в животное, которому в жертву приносят природу острова.

— Верно, — соглашается Тсианефитра. — Пастбища не могут больше выдержать нашествия огромных стад, которые держат сакалава. Если на востоке в сельскохозяйственных районах леса губит тави, то здесь роль губителя саванны берет на себя система «дуру-танети». Если бы вы попали в эти края через два-три месяца, то увидели бы здесь море огня. Быстро пробивающиеся на пожарище молодые побеги помогают выжить скоту, обесиленному засухой. Однако подобная заготовка кормов на корню ведет к деградации саванны. Под влиянием дуру-танети происходит как бы селекция навыворот. Огонь устраняет из травостоя наиболее питательные растения, в частности бобовые, которые на острове встречаются все реже. Но зато появляются непродуктивные виды, приспособившиеся к пожарам настолько, что раскрывают свои семенные коробочки лишь после того, как над ними пройдет огонь. Так дуру-танети воспроизводит самое себя, побуждая людей устраивать пожары.

— Сейчас, после отмены крайне непопулярного налога на скот, появилась некоторая надежда сдержать распространение дуру-танети, — говорит председатель. — Раньше, спасаясь от этого налога, крестьяне укрывали примерно четверть поголовья скота, все время меняя место его выпаса и, следовательно, выжигая все новые и новые районы.

Громкий хохот и брэнчание валих внезапно заполнили дворик председательского дома. Это неугомонный Лиуна, отсутствовавший весь вечер, сколотил на деревне девичий хор и теперь собирался пополнить свои познания в родном фольклоре.

Идя на спевку со столичным студентом, девушки принарядились. Два клетчатых платка-соронга составляли основу их одежды. Один платок, доходящий до земли, был подвязан под руками и укреплен выше груди, второй прикрывал голову и ниспадал на смуглые плечи. Руки и шея были увешаны украшениями из бус, у многих в ноздрях сверкали серьги, а на щиколотках ног позвякивали бронзовые браслеты.

Подумав про себя, что сакалавские женщины недаром слыли жемчужинами гаремов в средневековых городах суахилии, я пожелал хозяевам спокойной ночи и направился в гамак, который должен был заменить мне кровать.

Уже в полусне донесся до меня голос Лиуны, под аккомпанемент валих импровизировавшего на стихи Рабеаривелу:

Простор утонул в сумерках,
Исчез горизонт.
Зебу глядит в пустыню,
Простертую до края ночи,

И рога у него —
Два лунных серпа...

Везо — дети моря

Сидела как-то на пороге дома беременная женщина, некоторые говорят даже, что она была принцессой сакалава. Сидела и ела рыбу. Подавилась косточкой и умерла, так и не принеся с нетерпением ожидаемого всеми наследника. С тех пор появились у сакалава два строгих фади, запрещающих женщинам, ожидающим ребенка, есть рыбу и сидеть на пороге.

Рассказывают, что очень долго на западе Мадагаскара все придерживались этого фади. Однако неожиданно-негаданно на эти пораженные карстом земли, что лежат между реками Цирабихина и Мангуки, повадились засухи. Погибли все зебу, иссякли все запасы зерна. И тогда скотоводы сакалава начали выходить в океан и ловить рыбу. А их жены, чтобы не умереть с голоду и не погубить еще не появившихся на свет детей, стали есть эту рыбу. Вместе со своими семьями они переселились к самому морю и по вечерам, сидя у входа в хижины, всматривались в бурные воды Мозамбикского пролива, поджидая своих мужей.

Так, несмотря на нарушение двух строгих фади, выжили сакалава, обитающие в междуречье Цирабихины и Мангуки. Но грозные сакалавские колдуны — мпанандру не простили им подобной измены. И тогда рыбаки из благодарности к морю начали называть себя везо — от индонезийского «бадзао» — «дети моря». Местные ученые включают везо в состав народа сакалава. Но сами везо с этим не согласны. Говорят, что их уже около 60 тысяч.

С первыми везо, выделяющимся среди других малагасийцев ожерельями из рыбьих позвонков, мы встретились еще на пароме при переезде через Цирабихину. Расторопный Лиуна сразу же присоединился к двум рыбакам, сидевшим на корзинах, набитых устрицами, и принялся выяснять, где бы ему послушать старые песни. Они говорили долго — и на пароме, и уже после того, как оказались на берегу, рассматривали карту и что-то чертили на песке.

— Рыбаки говорят, что в деревне Антсамака сегодня будет манала вулун-дзаза — праздник первой стрижки волос. Кроме того, они обещают провести нас на кладбище везо и сакалава.

— Где это, Антсамака? — поинтересовался я.

— Часах в двух хода отсюда. На песчаной косе, намытой Цирабихиной.

Странная эта река, очень образно названная Цирабихиной, что в переводе означает «стручок акации». Когда смотришь на карту, она действительно напоминает нечто вроде продольного разреза стручка: узкая полоска воды, затем утолщение «для боба», заполненное вытянутыми в меридиональном направлении старицами-озерами, опять узкая полоска воды и опять «озеро».

На местности, однако, долина Цирабихины, вымытая в мягких осадочных породах, представляет собой хаос старых и новых русел и рукавов, желтых песчаных пляжей и черных пойменных топей. Уже почти подойдя к океану, Цирабихина образует огромную ветвистую дельту, один из рукавов которой, следуя за наклоном рельефа, заливал прибрежную низменность, образуя вытянутое на юг километров на тридцать болото. Мы пересекли это болото, однако почти не замочили ног: был сухой сезон, и плотная черная корка, подсушенная солнцем, затвердела, «законсервировав» внутри пропитанные влагой плодородные почвы. Это байбу, или байбохас, Мадагаскара — наиболее плодородные земли острова. Их считают многообещающей предпосылкой для развития земледелия у сакалава и везо.

За сухими байбу началась полоса залитых водой мангровых зарослей, продираясь сквозь которые, мы по уши измазались грязью и явились в гости к празднично настроенным жителям Антсамака в весьма плачевном виде.

Деревенка крохотная, живущая исключительно морем, потому что приютилась она на песчаной косе, где расти ничего не может. Три десятка хижин, которые у везо выглядят весьма своеобразно. Две старые лодки ставят под углом в 45 градусов, в вершине угла вкапывают толстый столб, к нему наверху веревками крепят пучок жердей. Затем к этим жердям и бортам лодок привязывают циновки. Получается островерхий треугольный шалаш без дверей, над которым торчат концы жердей. Между ними протягивают веревки, на которых сушат и вялят рыбу. Рыба, рыба, рыба — она здесь повсюду. Сегодня, правда, никто рыбу в Антсамака не ловил, потому что все ее 89 обитателей были поглощены праздником.

Во-первых, как только солнце сядет в море, родившемуся десять недель тому назад младенцу должны были впервые подрезать волосы, что по древней малагасийской традиции — событие очень большое.

Во-вторых, еще утром, до нашего приезда, отец младенца поменял свое имя. Как выяснил Лиуна, он — довольно преуспевающий рыбак, настолько преуспевающий, что мог разрешить себе кормить трех жен. Но все эти жены, каждая по два раза, рожали ему девочек, а одна даже принесла двойню. Итого: семь дочерей. Можно понять, как молил он духов, прося о сыне. И вот теперь, когда наследник славных рыбацких традиций появился на свет, отец решил запечатлеть это важное и долгожданное событие в своем имени. Раньше его называли Ратрема — «зажиточный». Сегодня утром он стал Райникуту — «отец мальчика». По этому случаю новоиспеченный Райникуту пригласил всех односельчан на площадку перед своей хижиной и поднес им горячительного.

Между тем у дома Райникуту собрались люди: предстояла церемония поздравления родителей. Выстроившись цепочкой, односельчане подходили сначала к матери, затем к отцу, терлись с ними носами и произносили одну и ту же фразу: «Нитади заза ка терадахи» («Вы ждали ребенка и получили сына»). Лишь деды и бабки виновника торжества, почему-то замыкавшие это шествие, поздравляли по-своему: «Арахаба нахазо зафи» («Поздравляем, поскольку вы даровали нам внука»).

Малагасийцы любят детей, причем помимо общечеловеческих причин этой любви есть здесь и своя, специфическая. Отсутствие детей — для малагасийца большое несчастье прежде всего потому, что после смерти бездетного некому будет исполнить все необходимые обряды, установленные разана. Осознающий себя составным звеном в бесконечной цепи поколений, традиционно мыслящий малагасиец может чувствовать себя спокой-

но на этом свете в том случае, если будет иметь детей, для которых он станет «предком», которые будут взывать к его духу, помнить о нем, напоминать о нем другим. Не став ни для кого «предком», малагасиец как бы выпадает из этой цепи и умирает для поколений не только физически, но и духовно.

В сущности, манала валун-дзаза и была поводом для большинства ее участников просить предков продлить их род, дать им потомков. Церемония началась с того, что родители вынесли своего младенца из хижины и в сопровождении деревенских мальчишек, несших за ними символы рыбацкого промысла — сети, гарпуны и весла, — прошли мимо хижин односельчан, которые приветствовали их всяческими напутствиями. Затем церемония вернулась в хижину родителей, в центре которой уже лежало лопатообразное весло, доверху наполненное вареным рисом, перемешанным с кусочками рыбы. Все, кроме Райникуту с ребенком на руках, матери и старца мпанандру, остановились у порога. Вошедшие же в хижину отведали яства, затем мпанандру широким ножом для разделки рыбы отрезал у виновника торжества несколько смуглых кудрей. Было страшновато смотреть, как трясущиеся руки колдуна орудуют столь грубым орудием над головой младенца, но все обошлось. Взвизгнув и пробормотав что-то, старец посыпал волосами младенца рис на весле, отведал его и вынес во двор.

И вот тут-то и началась основная часть церемонии. Кудри новорожденного обладали в глазах собравшихся чудодейственной силой, способной повторить уже свершившееся чудо — рождение ребенка. Расталкивая друг друга, женщины бросились к веслу и, хватая рис, начали поедать его. Те, у кого еще никогда не было детей, старались набрать по несколько пригоршней риса и унести домой. Несколько опоздавших женщин из соседних деревень подошли к родителям и, кланяясь, упросили их разрешить мпанандре отрезать специально для них еще несколько волосков...

Когда рис из весла расхватили до последнего зернышка, было вынесено остальное угощение, стоявшее в «углу предков»: густой суп из креветок, осьминоги в сладком соусе, какая-то морская трава и рыба.

Потом, как только взошла луна, зарокотал барабан, призвав собравшихся к тишине и порядку. Улыбающийся широкой улыбкой Райникуту, подняв над головой младенца, оповестил, что с согласия матери он дает ему имя Ратулудзанахари — «богом данный». Младенца унесли, а взрослые, скинув с себя почти всю одежду, принялись кто петь, кто танцевать. Воздав должное ритуалам предков, везо со свойственной всем малагасийцам легкостью перешли к повседневным делам.

Ближе к полуночи большинство мужчин отправились прямо «с бала на корабль» — ловить рыбу. Свои пироги везо выдалбливают из цельного ствола дерева и оснащают треугольным парусом, позволяющим их суденышкам при благоприятном ветре обгонять катера. Чтобы не перевернуться на такой скорости на волне, параллельно правому борту к лодке на двух поперечных жердях приделывают противовес с загнутым концом, этакую «водную лыжу». Именно благодаря этому балансиру рыбаки отваживаются уходить в открытое море и рыбачить в коварных водах Мозамбикского пролива, где непостоянство вод — их единственная постоянная черта. Наверное, именно это непостоянство, многообразие условий, с которыми приходится сталкиваться рыбакам, и породило необычайное разнообразие способов лова, не свойственное Африке, но характерное для малагасийских рыбаков. Ловят мужчины и женщины, днем и ночью, на мелководье и в открытом море.

Женщины рыбачат днем во время отлива на рифах, среди которых отступающая вода оставляет нечто вроде «аквариумов», заполненных дарами моря. Если «аквариум» невелик, а улов обещает быть богатым, в воду бросают «рыбный яд», а всплывшую на поверхность добычу собирают корзинами.

В открытом океане, где прозрачность воды затрудняет лов на крючок, мужчины опускают снасти на глубину 100—200 метров, причем грузилом им служит кусок коралла в

15—20 килограммов. С одной лодки обычно опускают до десятка таких грузил, причем, чтобы опустить их на такую глубину, а затем поднять, затрачивается минимум четверть часа. Требуемый больших физических сил, подобный лов ведут два-три рыбака. И редко случается, чтобы лодка везо вернулась в деревню не заполненная доверху жирными, змееподобными руветтусами, крупными морскими судаками, серебристыми губанами.

На банках и в устье Цирабихины применяют блесну, изготовленную из отполированного осколка перламутровой раковины. Везо верят, что эта хитроумная снасть наделена магической силой, и очень неохотно расстаются со своими блеснами.

На крупных осьминогов, как и в Полинезии, охотятся на человека-приманку. Это не столько лов, имеющий хозяйственное значение, сколько спорт отважных. Двое молодых везо выслеживают животное, притаившееся где-нибудь в расщелине подводных скал в ожидании добычи. Один из ловцов ныряет в воду и начинает плавать вокруг осьминога, дожидаясь, когда тот выбросит свои щупальца и мертвой хваткой присосется к нему. Как только это произойдет, в воду кидается второй охотник. Держа в зубах нож, он быстро подплывает к своему товарищу, резким рывком освобождает его от смертоносных объятий морского чудовища и, не дав ему опомниться, вонзает нож между глаз осьминога. Обычно такой поединок заканчивается успешно. Однако бывают случаи, когда в деревню везо не возвращаются сразу двое юношей...

А сегодня, как и обычно по ночам, везо вели лов на свет факелов. Привлеченная огнем, крупная рыба всплывает на поверхность, где ее бьют гарпуном. Поднимаются на свет и креветки, их вынимают из воды сачками.

В деревне все еще шел праздник, а напротив, в невидимом черном проливе, мерцало множество факелов.

«Магистраль № 8», «магистраль № 9»

— Ну что, Лиуна, много старых песен удалось тебе услышать на празднике «первой стрижки»? — спросил я, когда, покинув Антсамака, мы выбрались наконец на шоссе. Это была «магистраль № 8» — ворота в провинцию Тулиара.

— Кое-что услышал. Но самое интересное — удалось поговорить с мпанандру, который оказался внуком Туэра — одного из вождей везо времен завоевания Мадагаскара. Вы заметили ряд рубцов на груди у колдуна и у других стариков везо?

— Признаться, нет.

— А я заметил и спросил об их назначении у мпанандру. И вот что он рассказал.

...Издвеле бытовал, да и сейчас еще кое-где бытует обычай, который называют фатидра—«братство, скрепленное кровью». Он возник, наверное, тогда, когда происходило заселение острова и люди из различных племен и кланов, селясь вместе, нуждались друг в друге. Чтобы скрепить братокровный договор, на груди у обоих его участников делались надрезы. Затем мпанандру убивал жертвенную курицу, извлекал из нее печень и смешивал ее с кровью, идущей из надрезов. После этого участники церемонии разрезали печень на две части, обменивались кусками и съедали их. Заключенный таким образом договор делал его участников братьями. Многие малагасийцы и сегодня верят, что нарушение фатидры — страшное преступление. Именно такую фатидру и заключил с Туэром французский купец Сама. Он прожил на его землях несколько лет и пользовался доверием многих вождей везо и сакалава. Про их дружбу в самом конце прошлого века прослышал французский майор Жерар, которому было поручено покорение сакалава. Вызвав Сама, он приказал предупредить Туэра о том, что к нему едут «важные гости».

Ни вождь Туэр, ни, по всей вероятности, даже его «брат Сама» не подозревали о том, что затеял коварный майор. Для встречи гостей Туэр подготовил пышную встречу, пригласил в свою столицу Амбики всех знатных людей округа. Многие прибыли в сопровождении музыкантов, оглашавших обычно сонный Амбики грохотом барабанов. В этом шуме никто и не заметил, как на рассвете к городу подошли колонны французских солдат. Началась резня и насилие. Штыками был заколот доверчивый Туэр. Много, много наших людей погибло тогда из-за нарушения фатидры...

Я не стал разочаровывать Лиуну тем, что подробности этой страшной истории достаточно широко известны. Но выслушал я ее с интересом. И вот почему. Передававшаяся уже, наверное, третьему, если не четвертому поколению история резни в Амбике в устах мальгашских рассказчиков не обросла небылицами о преступлениях захватчиков. Напро-

тив, она сделалась сдержанно документальной, лишенной эмоций и сомнительных подробностей.

— С тех пор фатидра с вазахами сделалась фадри на землях везо, — прервал мои мысли Лиуна. — Так что нам не удастся сделаться братьями. Но зато я узнал, что останки Туэра и других вождей тайком перенесли на кладбище королей везо. Оно сохранилось километрах в двадцати от города Мурундава.

Древних кладбищ много на землях везо и сакалава, и, оберегая их, местные жители еще совсем недавно были готовы ради «покоя предков» жертвовать собственными интересами и благополучием. Особую оппозицию вызвали в начале 60-х годов планы приступить к освоению байбу и созданию в долинах Цирабихины, Мурундавы и Мангоки крупных плантаций. Опасаясь, что осуществление этих планов приведет к распашке древних захоронений и потревожит разана, местные крестьяне отказывались принимать в них участие. Байбу пришлось осваивать руками бецилеу — народа, живущего на плато к югу от мерина и раньше никогда не спускавшегося на жаркие западные равнины.

На дальнейшее освоение байбу сейчас возлагают большие надежды. Хлопок, табак, арахис — вот далеко не полный перечень тех ценных культур, которые уже внедряются в долинах Цирабихины, Мурундавы и Мангоки. Достаточно сказать, что с тех пор, как началась распашка байбу, производство хлопка на Великом острове возросло с 200 тонн до 30 тысяч тонн.

Убедившись в том, что духи предков никак не реагировали на распашку целины, работать на эти плантации теперь идут и сакалава, и везо. У них появились собственные табачные плантации, что, кстати, породило очень интересный феномен — появление женщин среди заводских рабочих. Сбор, сушка и сортировка зеленых табачных листьев считается фадри для мужчин-сакалава, и поэтому этим трудом на плантациях и фабриках юго-запада заняты представительницы прекрасного пола.

...Не знаю, где «магистраль № 8» перешла в «магистраль №9», но, как только мы переехали Мангоки, шоссе улучшилось. Ландшафт вдоль дороги вновь разительно изменился. Почти исчезла пальма рафия, но зато появились алоэ и кактусы, среди которых возвышались толстенные баобабы. Местами растительность пропадала, и тогда на склонах оранжевых песчаных холмов появились огромные термитники, напоминавшие окаменевшие стволы деревьев.

На подробной карте эти суровые заросли ксерофитов, почти на 200 километров вытянувшиеся вдоль побережья, называются «лесами Микеа». Они таят в себе одну из наиболее интересных этнографических загадок Мадагаскара.

Микеа — название полулегендарного народа, живущего в самых труднодоступных районах этого неприветливого района, где нечего делать скотоводам. Однако развитие «Самонгоки» и появление значительного оседлого населения у северных границ лесов Микеа привели к первым, хотя и непроверенным, сведениям об этих затворниках. Появились сообщения, что несколько сот микеа действительно кочуют между озерами Ихутри и Намунти, где занимаются охотой на водоплавающих птиц, рыбной ловлей и собирательством. «Они живут очень замкнутыми группами численностью до 15 человек и не имеют контактов с другими племенами», — прочитал я в путеводителе, изданном в Тана в 1973 году.

В Бециуки, где я решил задержаться для фотосъемок растительности, Лиуна в первый же вечер раздобыл где-то старичка, который принес копьё, вымененное им якобы у таинственных микеа. Копьё ничем не отличалось от тех, что были в руках у мужчин народа махафали, пригонявших на ярмарку в Бециуки зебу. Я сказал старичку об этом, и он ушел, не испытывая и тени смущения на своем морщинистом лице. На следующее утро старичок вернулся без копьё, но в сопровождении прилично одетого малагасийца. На меня старичок глядел обиженно.

Пришедший с ним месье Лаилава — местный коммерсант, поддерживающий торговые связи с рыбаками везо, промышленяющими в бухте Ассассен перламутр, диковинные раковины, щиты черепахи, жемчуг и губки. Раньше на тропках, ведущих через леса Микеа в их деревни, он встречал только сакалава и махафали. Но в последние три-четыре года на тропы, ведущие в прибрежные селения Бефандева и Амбатомилу, начали выходить люди, на них не похожие: низкорослые, с более светлой кожей, прикрывающие свои морщинистые тела лишь набедренной повязкой. Язык их отличается от того малагасийского диалекта, который принят в этих местах. Как-то эти люди, называвшие себя микеа, даже помогли месье Лаилава освободить машину, завязшую среди дюн. В другой раз они попросили у него наконечники для стрел, предложив взамен мед. Лаилава удовлетворил эту просьбу и спросил, не согласятся ли они заготовливать для него пух розовых фламинго. Микеа долго спорили друг с другом, причем говорили так быстро, вставляя в известные слова какие-то щелкающие звуки, что Лаилава с трудом их понимал.

Наконец они договорились между собой и сказали, что розовый пух фламинго им доставать нетрудно при условии, если Лаилава даст им мешки для его хранения. За мешок пуха они затребовали сущие пустяки: дюжину наконечников для копий, два витка табака и две пустые бутылки. Когда Лаилава согласился, микеа указали ему на большой баобаба и сказали, что в его дупле он на обратном пути сможет найти пух. Туда же Лаилава будет класть «плату» для микеа.

— С тех пор, — рассказывал Лаилава, — я примерно каждый месяц проезжаю мимо этого баобаба. Если мешков нет, я все равно оставляю микеа свой товар, и, забирая его, они всегда кладут пух. Иногда они возвращают мне битые бутылки, очевидно, давая понять, что им нужны новые. Я привожу их, и тогда микеа кладут за них в дупло вяленую рыбу. Так длится уже три года...

— И ни разу микеа не выходили к баобабу, чтобы встретиться с вами?

— Это случалось дважды. Месяцев через пять после заключения нашего договора неподалеку от баобаба собралось девять взрослых и семеро детей микеа. Мужчина, с которым я вел еще первые переговоры, сказал мне, что это его семья, которая специально «пришла посмотреть на человека, которому нужно так много розового пуха».

— И вы знаете что-нибудь об образе жизни этих людей, их жилищах, обычаях? — спросил Лиуна.

— Они неохотно отвечают на вопросы, которые непосредственно не касаются интересующего их дела, — ответил Лаилава. — Тогда под баобабом микеа соорудили себе жилища, которые представляли собой неглубокие ямы, обложенные по бокам дерном. Такие жилища называются трану тумбуку. У меня создается впечатление, что эти люди не имеют постоянных селений. Они охотятся и собирают плоды в зарослях, сооружая себе трану тумбуку там, где их застанет ночь. Остатки таких жилищ попадают в лесу Микеа гораздо чаще, чем сами жители.

— Кроме набедренных повязок, никакой иной одежды или украшений на этих людях нет?

— У детей нет даже повязок. А украшения? На взрослых навешано очень много зубов крокодилов, кончиков козьих рогов, косточек птиц. Но вешают их скорее всего не как украшения. Это одисы, священные талисманы, которые, как и у сакалава, предохраняют их обладателей от сглаза и болезней. Микеа вешают одисы на копья, вставляют в волосы, прикрепляют к ногам.

— А как же произошла вторая встреча с этими людьми?

— Тогда на тропинку вышли двое. Увидав их, я даже испугался: их тела были намазаны белой золой, а лица — жиром, к которому прилепились мелко истолченные стебли травы. Мужчины объяснили, что у них заболел мальчик и они вышли на тропу в надежде

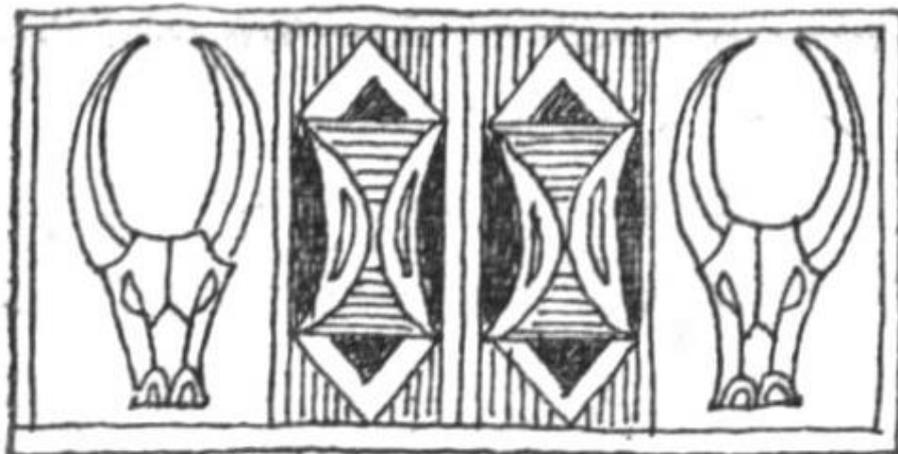
на мою помощь. Я опоздал всего на несколько часов: он умер. Кстати, в тот день мужчины острым камнем скоблили свои одисы, разводили полученный порошок в воде и пили.

— Если поехать к этому баобабу, можно ли там встретить этих людей? — поинтересовался Лиуна.

— Вряд ли, потому что я забрал пух в дупле всего лишь пять дней тому назад. А они привыкли, что я не езжу по тропе в Амбатомилу чаще, чем раз в месяц.

Просить меня сидеть в Бециуке целых три недели Лиуна счел неуместным...

«Запретные леса» махафали

Трудно описать и еще более трудно представить себе этот пейзаж — явно не земной. Но все-таки попробуйте вообразить кряжистые серые стволы баобабов, как будто отлитые из чугуна, и морщинистые, словно нога слона. Только учтите, что пропорции здесь настолько смещены, что слон под этим баобабом выглядел бы игрушечным: диаметр стволов достигает пяти-шести метров... Увеличьте до размеров обычных деревьев привычные, растущие у вас на окне кактусы и алоэ. Вообразите себе молочаи с иголками, достигающими в длину тридцать сантиметров, и гибкие дидиерии с ветвями, на которых колечки скрыли листья... Перенесите все эти фантастические деревья на ослепительно красный песок, как будто бы пропитанный кровью жертв этих колючих чудовищ. Посмотрите на восток, в глубь острова, куда по холмам в бесконечные дали простирается этот безжизненный ландшафт, и попытайтесь увидеть блики лучей заходящего в алой пыли солнца, скользящие по извивающимся, словно змеи, ветвям растений. Или дымящиеся песком желтые дюны, переваемые раскаленным ветром. Или... А теперь сделайте всего лишь легкий поворот головы и зажмурьте глаза — нет, не от солнца, а от удивления! Оттуда, с запада, прямо на баобабы и кактусы катит огромные волны голубой океан. Но они так и не достигают иссушенной земли, а разбиваются о прибрежные рифы в ослепительной белизне шипящей пены.

Так запомнились мне последние километры «магистральной № 9», когда дорога, перепрыгнув через реку Манумбу, по диагонали пересекла леса Микеа и, прижавшись к побережью Мозамбикского пролива, помчала нас к Тулиара — «столице» Южного Мадагаскара. Первые предвестники близости этого города — мальчишки. Только если в предместьях Тана или Туамисина они торгуют бабочками, то здесь предлагают ракушки. Самые предприимчивые из них даже притаскивают к шоссе гигантские, диаметром до полуметра, раковины-тридакны. Ракушки жителям Тулиары дарит «Большой риф», сооруженный кораллами на отмелях Мозамбикского пролива как раз напротив города и считающийся самым большим рифом у африканского побережья.

Не будь его, не было бы, наверное, и самого Тулиары. Во-первых, потому, что риф этот защищает открытую бухту Сент-Огюстен, на берегу которой стоит Тулиара, и превращает ее в закрытую гавань, а следовательно, и в порт. Во-вторых, потому, что рифы и банки своими богатствами компенсируют людям скудность земли, на которой без поддержки моря они вряд ли могли бы существовать.

Хотя Тулиара и слывет центром животноводческого района, на рынке его предлагают не говядину, а акул, устриц, омаров, осьминогов, скатов и черепах. А на улицах Тулиары ряды торговки, словно цветочницы на столичной площади Аналакели, заывают купить «букеты» аляповато раскрашенных кораллов, сушеных морских звезд и лакированных ежей.

Тулиара возникла на месте фактории, основанной купцами английской Ост-Индской компании еще в XVII веке. На рождественские праздники в былые годы город наводняли французы, спасавшиеся здесь от январской жары Диего-Суареса и Мадзунги. В остальное же время порт жил тяжелой жизнью города-труженика, у которого обычные проблемы были отягощены самой природой.

Нигде к югу и востоку от Тулиары на равнине и плато сухой период не длится менее семи месяцев, а годовое количество осадков не превышает 500 миллиметров. Это очень мало при средних температурах января около 30 градусов Цельсия. Поэтому на месте, где раньше были заросли ксерофитов, — поля, на которых почти ничего не растет, а в степях травы не хватает для того, чтобы уберечь скот от ежегодного падежа.

Людей, которые населяют этот суровый край, называют махафали — «те, кто делает много запретного». В борьбе за выживание, которую они ведут с природой, махафали отбросили те фады, которые могут разрешить соблюдать себе жители богатых тропических лесов и плодородных плато, и берутся за любое дело, сулящее облегчение их полуголодному существованию. Сегодня они, пожалуй, единственные из малагасийцев, кто отваживается беспокоить «обитель разана», зарабатывая себе на жизнь на подземных работах на каменноугольных шахтах. Именно 30—40 тысяч махафали ежегодно покидают землю предков и пешком уходят на север, где нанимаются марумитами, грузчиками, поденщиками на плантации. Лишь в одном остались они верны разана.

...К югу и юго-востоку от Тулиары, там, где прибрежное плато Махафали переходит в пораженную карстом равнину Махафали, на подробной географической карте мадагаскарского Юга появляются топографические значки удивительной формы: черный квадратик, увенчанный рогами зебу. Значки эти обозначают местоположение знаменитых кладбищ махафали, расположенных в «священных лесах».

Казалось бы, что может быть легче: найти на местности объект, точно обозначенный на карте. Однако добраться до кладбищ оказалось делом не из легких. Во-первых, потому, что встречавшиеся вдоль дороги люди не желали выдавать нам местоположения усыпальниц своих предков. Во-вторых, махафали верят, что разана имеют обыкновение по ночам покидать гробницы и навещать своих живых родственников. Поэтому кладбища сооружают подальше от деревень, а следовательно, и от дорог. В-третьих, даже добравшись до тех укромных мест, где запрятаны кладбища, их нелегко бывает обнаружить. «Обитель предков должна находиться в укромных тенистых местах», — считают местные жители. Густые заросли самых зловредных растений скрывают их могилы, оцетинившись против случайных посетителей своими колючками, крючками и острыми листьями.

Наконец все препятствия вроде бы преодолены. За изгородью саблевидных агав уже можно разглядеть силуэты могильников. Нещадно царапая машину о колючки, мы по узкой тропке делаем последние метры. «Стоп! Вход на кладбище посторонним строго воспрещен! — переводит Лиуна табличку, болтавшуюся на проволоке поперек тропки. — Обращайтесь в правление фукунулуны».

— Может быть, все-таки пройдем, — предлагаю я. — Вряд ли кто-нибудь заметит.

— Все зависит от того, почему закрыт вход, — возражает Лиуна. — Если это ритуальные запреты, то можно нарваться на неприятность.

Вскоре мы останавливаемся у припорошенной белой пылью хижины, в которой обитают местные власти.

— Нет, никаких запретов для посещения кладбища нет, — выслушав Лиуну, говорит председатель. — Но в циранановские времена сюда повадились американские туристы, которые так и норовили разобрать надгробья на сувениры. Чтобы уберечь оставшееся, мы пускаем теперь иностранцев в «священный лес» только под присмотром кого-нибудь из членов фукунулуны. Вас, конечно, можем пустить и одних. Но если хотите, дадим экскурсовода — пастора Разанаки из евангелистской церкви.

Пастор-экскурсовод по языческому кладбищу — это же, конечно, огромная удача. Мы благодарим за предложение, заезжаем за патером — сухощавым, лет под пятьдесят малагасийцем в строгом черном френче, и уже втроем отправляемся обратно.

— То кладбище, на которое вы попали, очень старое, — рассказывает пастор. — На нем хоронили вождей окрестных родов махафали, или, как их принято называть, «королей». Однако вот уже семьдесят лет мы живем без королей. Таким образом, без труда можно понять, когда здесь происходили последние захоронения.

Это были не похороны, как их понимают европейцы, а настоящие праздники. Со всех земель махафали и их соседей сюда съезжались лучшие танцоры, музыканты, певцы. Атлеты состязались в ловкости, воины — в метании копья, женщины — в искусстве приготовления пищи. Участники этих праздников как бы клялись усопшему вождю: мы будем продолжать твое дело, беречь традиции разана, увеличивать наш род. И не случайно поэтому каждые такие похороны заканчивались «ночью любви», в которой могли принять участие все те, кто съехался на погребение. Ребенок, появившийся на свет после такой ночи, был особенно желанным. Он как бы символизировал принцип, в который верят махафали: «Умерший человек призывает к жизни».

— А означает ли то, что вот уже семьдесят лет на этом кладбище никого не хоронят, отказ махафали от религии предков, их переход в христианство? — полюбопытствовал я.

— Нет, несколько, — покачав головой, ответил пастор. — Если хотите, потом я покажу вам современные кладбища. И не только махафали, но и бара, везо. На них вы не увидите крестов, хотя наша миссия существует на этих землях с начала века.

— Вы объясняете это живучестью культа предков или пассивностью церкви?

— Исключительно силой разана, — не задумываясь отвечает пастор. — Видите ли, здесь, на юге, где действуют различные протестантские миссии, церковь не столько боролась с местными культурами, сколько приспособлялась к ним. Поэтому традиционные верования изменились тут скорее под влиянием экономических причин, распада общины, исчезновения вождей... Однако даже на плато, где действовала католическая церковь, поддерживавшая французскую администрацию и поэтому воевавшая против всего подлинно малагасийского, ей не удалось победить разана.

...Но нет, ошибся пастор, когда говорил, что на этом кладбище не увидишь крестов. Первое, что я заметил, когда, миновав заградительную табличку, мы наконец оказались среди могильников, были огромные крестообразные тени, которые бросали на красную землю гигантские молочаи. И вообще не памятники над надгробьями, а сомкнувшийся над ними фантастический лес на первых порах привлек здесь мое внимание.

Махафали думают, что этот священный лес стережет могилы разана. На деле же получалось наоборот: могилы стерегли этот лес, потому что, если везде и повсюду главный помощник скотовода и земледельца — огонь безжалостно обрушивается на растительность, то сюда ему нет доступа уже несколько столетий. Сплошная стена колючек предохраняла покой предков даже от дуновения ветерка. Ни щебета птиц, ни трескотни цикад — никаких посторонних звуков. В недвижимом воздухе кладбища было что-то напряженное, настораживающее... Молчали суровые, почти лишенные зелени деревья, молчали склоненные над землей сикаморы.

Гнетущую тишину вдруг нарушил певучий голос Лиуны, полушепотом декламировавший Рабеаривелу:

Произрастаешь ты из камней гробовых,
И, может быть, твой сон могильный —
Лишь кровь покойников — тех светочей живых,
В ком доблесть прежняя страны моей бессильной.
В лазурь возносишься, тенист и молчалив,
И темною листвою доносишь издалека
Покойников безмолвный к нам призыв —
Призыв не уступать злокозненным рока.

И еще поразило меня это кладбище своим запустением. Ограды могил были повалены, памятники покосились, ритуальные площадки поросли травой...

— У живых остается все меньше времени думать о столь дальних предках, — как бы угадав мою мысль, говорит пастор. — Для махафали это уже не столько кладбище, сколько священное место, куда они зачастую боятся даже заходить. Для нас же с вами — это своего рода музей, который может рассказать очень многое о былых обычаях обитателей Юга.

К сожалению, уже невозможно найти ни одной могилы, которая сохранила бы свой первоначальный вид. Но если обойти кладбище вокруг, то без труда можно воссоздать его облик лет семьдесят — восемьдесят назад. Каждый могильник представлял собой семейное захоронение. Это был квадрат со сторонами примерно в десять — двенадцать метров, сплошь засыпанный осколками белого мрамора или кварца. В центре этого квадрата, чуть ниже уровня земли, помещались гробницы, которые прикрывали каменной плитой. По периметру квадрата клали рога зебу, а среди осколков мрамора устанавливали многочисленные деревянные памятники — алуалу. Они представляли собой резные столбы, увенчанные скульптурами. Порой алуалу было так много, что они напоминали непроходимый лес. Именно его в былые времена и называли «священным лесом» махафали...

— А теперь давайте пройдем по кладбищу, — предлагает пастор. — Почти вокруг всех могил рога положены так, что их острие направлено к гробницам. Тем самым как бы создается преграда, препятствующая духам выйти наружу. Однако на этой могиле рога повернуты наоборот: так хоронили любимых матерей, дух которых всегда приветствовался в доме ее детьми. Рога зебу, выставленные наружу, предохраняют могилу от внешних злых сил.

— Самое интересное на малагасийских кладбищах — алуалу, — сказал пастор. Но, к сожалению, здесь мало хорошо сохранившихся алуалу — с ними мы лучше познакомимся на новом кладбище. Разве что те две скульптуры.

По почерневшим осколкам некогда белоснежного мрамора мы направляемся в дальний угол кладбища, где частокол алуалу сохранился в своем первоначальном виде. Почти все столбы венчают фигурки зебу, символизирующие изобилие, или парочки птиц, скорее всего голубей, ассоциирующиеся у малагасийцев с любовными удовольствиями. Но что это? Среди этого однообразия — рубленые изображения людей в половину натуральной величины... Несколько смещены пропорции, нарочито подчеркнуты половые признаки. Но сколько экспрессии, динамики в этих на первый взгляд абстрактных деревянных изваяниях!

— Эти высеченные в типичной для прошлого века манере фигуры совсем не обязательно отражают физический облик того, кто под ними покоится, — говорит пастор. — Скорее всего они передают его внутреннее содержание и с помощью символов рассказывают об обстоятельствах, в которых человека застигла смерть. Вот, к примеру, палец, поднесенный ко рту, говорит о том, что этот человек умер при печальных обстоятельствах. У этой женщины руки обхватили живот: она умерла при родах. А тот мужчина, угрожающий кулаками небу, явно ушел из мира сего из-за какой-то случайной болезни.

На следующее утро, чуть свет, мы пошли на новое кладбище. Солнце едва поднялось из-за зарослей, и его лучи, пробиваясь сквозь резьбу деревянных столбов алуалу, превращали их в фантастические кружева. Здесь было также тихо и отрешенно, как и на старом кладбище королей. Но сколько красок, поэзии жизни, да-да, жизни источало это современное кладбище махафали! Больше всего оно напоминало какую-то ослепительно белую и поэтому очень радостную детскую площадку, где на изящных красноватых столбиках были расставлены занятные яркие игрушки: солдатики в зеленых мундирах, крестьяне в широкополых желтых шляпах, красные автомобили и синие паровозики. Были, правда, фигурки и позы, явно запретные для детских глаз. Но и они больше, чем что бы то ни было иное, утверждали на этом кладбище торжество жизни над смертью.

— Через какой-нибудь час, — заговорил пастор, — когда солнце совсем выйдет из-за леса, алуалу начнут отбрасывать на белый мрамор длинные узорчатые тени. Эти тени для махафали полны глубокого смысла, поскольку каждый ромб, треугольник или кружок, каждый элемент деревянных кружев алуалу — это не просто деталь украшения, а символы. Определенные чередования этих фигур и знаков рассказывают о том, кто покоится под алуалу, сколько у него было детей, как он относился к соплеменникам. Осталось мало стариков, умеющих «читать» символы алуалу, заимствованные малагасийцами еще от полинезийцев. Но в былые времена такое «чтение» было доступно всем, и поэтому, когда длинные тени памятников ложились на белые площадки могильников, махафали говорили: «Это солнце напоминает о том, кем были наши предки». Отсюда и произошло название алуалу — «посредник». Посредник между миром живых и миром умерших...

Теперь о скульптурах, венчающих алуалу. Как бы отдавая дань времени, они утратили древние символы, раскрывающие внутренние качества умершего, но зато сделались более конкретными с точки зрения передаваемой ими информации о его роде деятельности. Порою это просто памятники, где яркая, обращающая на себя первым делом внимание зеленая гимнастерка солдата или синяя униформа почтальона рассказывает о том, кто покоится под алуалу. Порою алуалу венчают просто орудия труда — отбойный молоток или ангади. Вам, наверное, ясно, что под изображением паровоза покоится скорее всего машинист или кочегар. Наконец, встречаются и скульптуры, рассказывающие о каком-то одном, но наиболее ярком и значительном эпизоде из жизни усопшего. Смеющиеся люди у перевернутой пироги — это скорее всего спасение от кораблекрушения. Ребенок, улыбающийся из окна самолета, — возвращение из города долгожданного сына... Так что, как видите, никакой мистики, — заключил пастор. — Все очень жизненно на этом кладбище.

— Но отец почему-то нарочито умолчал о тех скабрзных фигурках, которые обычно и привлекают на эти кладбища туристов, — не без ехидства в голосе заметил Лиуна.

— Скабрзных? — с возмущением переспросил патер. — Мой юный друг, даже я, посвятивший жизнь служению Христу, не осмелился бы их так назвать. Вы повторяете французских авторов, которые растрезвонили по всему миру, что кладбища племен Юга — это место, куда нельзя допускать белых девиц. Эдакие музеи порнографии, запечатленной в дереве.

— Но эти скульптуры?.. — попытался возразить Лиуна.

— Что эти скульптуры? — перебил его патер. — Вот эта женщина, лежащая в позе, которая избавляет скульптора от необходимости изображать рядом с ней любимого. Или любовник, по всем признакам идущий к уже сбросившей с себя одежду женщине... «Какая пошлость, какая дикость ставить этакое на кладбище!» — вопят такие туристки. Но при этом каждая из них стремится утащить с нашего кладбища скульптуру пооткровеннее. А если скульптура оказывается слишком большой, то отодрать от нее деталь попоικантнее. А между тем все это создано людьми беспорочными в своей естественности. И только туристы, вскормленные на порнографии, могут увидеть здесь нечто неприличное! Эротическая скульптура махафали и везо — их мировоззрение...

Разгорячившийся патер вытер пот со лба, посмотрел на часы и неожиданно предложил:

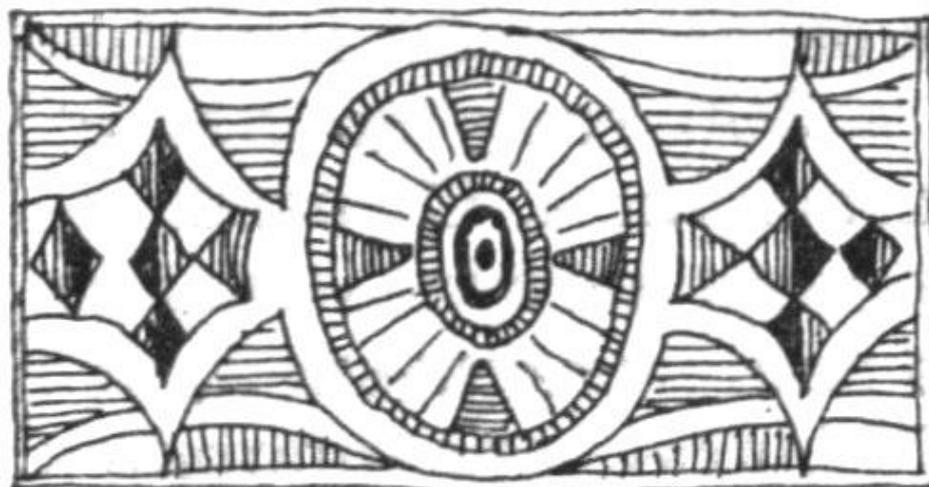
— Давайте съездим на кладбище везо. Это километров сто отсюда. Махафали по сравнению с ними просто целомудренны...

Мнения исследователей и путешественников, писавших об этих памятниках, расходились. Одни были категоричны: пошлость. Другие полагали, что, устанавливая подобные памятники на могилах некоторых своих соплеменников, живые мстили им за их земные грехи тем, что увековечивали память о покойнике как о распутнике. Третьи, однако, утверждали, что большинство памятников везо заказывали себе сами, еще будучи живыми. Их создавали резчики из соседнего племени бара. Мотивы своих деревянных надгробий, попавшие на Мадагаскар еще с индонезийскими предками везо, они исполняли в технике, завезенной бара из Африки.

— Одним из первых в Европе правду о кладбищах везо, сакалава и махафали, изобилующих памятниками с любовными сценами, сказал французский этнограф Мариам Арри, — говорит пастор, завидев на горизонте ограды захоронений везо. — Он правильно подметил: откровенно эротические изображения над могилами свидетельствуют не о распутстве малагасийцев, а об их убежденности в торжестве жизни над смертью. А торжество это — в продолжении рода, берущего свое начало в любви.

Кладбище, на которое привез нас пастор, мало чем отличалось от уже ранее виденного на побережье. Те же серые от времени деревянные ограды, те же массивные, подточенные и изъеденные насекомыми фигуры на четырех углах в позах, вызывающих так много толков. Но теперь я знал: вырезая их из дерева, скульпторы бара меньше всего думали о том, насколько их фигуры будут возбуждать сексуальное воображение зрителей, да еще и зрителей, взирающих на их произведения с мерками чуждой и неизвестной им тогда европейской морали. Зато они преследовали и мастерски достигли другое: запечатлели в дереве великий акт зарождения жизни в той форме, которая представлялась им наиболее выразительной и понятной. Как и на древних кладбищах королей махафали, предки везо как бы использовали свой авторитет и влияние, призывая своих потомков: «Любите во имя жизни!»

На земле эпиорниса

Если вы читали рассказ Герберта Уэллса «Остров эпиорниса», то помните, наверное, удивительные приключения его героя — «человека со шрамом», мистера Батчера. Попав на Мадагаскар, он в болотах восточного побережья острова находит три гигантских яйца — длиной в полтора фута каждое. Затем каноэ, на котором Батчер вез свой драгоценный груз, выносит в открытый океан. Чтобы не умереть с голоду, «человек со шрамом» съедает два яйца, которые, к его величайшему удивлению, оказались свежими, а третье благополучно выносит на берег необитаемого атолла. Вскоре из яйца появляется цыпленок величиной с курицу — птенец легендарной птицы эпиорнис.

Чувствуя себя Робинзоном, «человек со шрамом» нарекает птенца «Пятницей», а атолл — «Островом эпиорниса» и проводит в его компании два вполне счастливых года. Однако потом что-то начинает не ладиться в их маленьком раю. Пятница достиг тогда почти 14 футов роста. Он очень силен и, чувствуя эту силу, начинает терроризировать Батчера. «Я сгораю от стыда, когда вспоминаю, как пренебрежительно обращалась со мной эта музейная диковинка и как она избивала меня!»* — вспоминал он.

Жизнь на идиллическом атолле превратилась в сущий ад. Батчер, прячась от птицы, то забирался в воду по самую шею, то спал на пальме. Наконец он убил этот «дурацкий анахронизм», а диковинные кости эпиорниса сбыв торговцу, обосновавшемуся поблизости от Британского музея.

Как ни странно, отнюдь не все вымысел в этом рассказе знаменитого фантаста. Эпиорнисы действительно жили на Мадагаскаре и успели снести столько яиц, что их осколки и по сей день служат махафали «сырьем» для изготовления украшений.

Именно благодаря этим украшениям и началось наше «знакомство» с эпиорнисом. Выехав из Ампанихи, мы в поисках новых алуалу решили воспользоваться полупустынной дорогой, ведущей на юго-запад, к дельте реки И линта. Неподалеку от селения Итрубики я остановил машину, чтобы сфотографировать открывшуюся за поворотом панораму бескрайней равнины, когда из-за зарослей дидиерий появилось трое мальчишек.

— Пять франков, месье, — сказал старший из них, протягивая мне связку бус.

Бусы были невзрачные: плохо отполированные кружочки, нанизанные на бечевку. Нечто подобное я уже видел у бушменов и туркана в Африке, где кружочки с помощью камня вытачивают из скорлупы яиц страуса. Но здесь, где страусов нет?!

* Уэллс Г. Собр. соч., т. 1. М., 1964, с. 460.

— Из чего это сделано? — спросил Лиуна.

— Эпиорнис, — лаконично ответил парнишка. И для пушей убедительности привстал, чтобы стать повыше, прижал локти к бедрам и замахал кистями рук, как бы изображая огромную птицу, размахивающую неспособными поднять ее в воздух крыльями.

— Эпиорнис? — удивленно посмотрел на него Лиуна. — Где же вы нашли эту скорлупу?

— Там, — безразлично сказал парнишка, махнув на запад рукой. — В Килитока.

Мы взглянули на карту. Это было в каких-нибудь пяти километрах по прямой и километрах в пятнадцати по отвратительной дороге посреди заболоченной, но сейчас, наверное, высохшей котловины.

— Поехали? — завелся Лиуна.

— Сначала надо выяснить, что мы там увидим, — ответил я. — Спроси их, встречаются ли в Килитока неразбитые яйца или хотя бы крупные осколки, которые можно склеить в целое яйцо.

Выслушав Лиуну, мальчишки долго спорили и наконец порешили, что целых яиц они никогда еще не видели. Но крупные осколки есть, и если мы хотим, то они насобирают их.

— Давай так и сделаем, — сказал я Лиуне. — Поручим ребятам набрать осколков, а на обратном пути найдем их в Итрубики. Все равно нам придется ночевать где-нибудь поблизости.

Обрадованные возможностью подзаработать, мальчишки тут же скрылись в зарослях, а мы поехали искать новые алуалу, помогая друг другу вспомнить все, что знали об эпиорнисе.

Впервые известие о существовании огромной птицы привез в Европу Марко Поло. Затем на карте 1457 года, составленной его соотечественником Фра-Мауро, появилась история, заимствованная, очевидно, из арабских источников. Описывая, как около 1420 года безымянная индийская джонка, выйдя в Индийский океан, дошла до южной оконечности Африки и вышла в Атлантический океан, автор пишет об обратном пути: «Собираясь пристать к берегу, моряки увидели яйцо птицы, именуемой рух. Это яйцо величиной с амфору. А сама птица так велика, что от конца одного крыла до конца другого 60 шагов, и она совсем легко поднимает в воздух слона и других огромных животных и причиняет жителям тех стран значительный ущерб».

Современные ученые видят в этой на первый взгляд от начала и до конца неправдоподобной истории реальные отголоски рассказов арабов, посещавших Мадагаскар и поэтому, вполне вероятно, знавших об эпиорнисе. Птица эта, не умеющая летать, конечно же, не могла поднять в воздух никогда не появлявшихся на Мадагаскаре слонов. Однако то, что яйцо эпиорниса без преувеличения можно сравнить с амфорой, ныне является непреложным фактом. Оно вмещает в себя девять литров воды и достигает 38 сантиметров в длину и 24 сантиметров в ширину. Не исключено, что арабские купцы скупали у малагасийцев эти яйца-«амфоры», продавая их в портах восточного мира либо как экзотический товар, либо как прозаические вместилища для воды.

Затем об эпиорнисе напомнил Этьен Флакур, который по заданию кардинала Мазарини представлял на острове Ост-Индскую компанию, а в свободное время писал блестящий труд — «Историю Великого острова Мадагаскар». Будучи первым европейцем, проникшим в глубь земель махафали, Флакур собрал в этой книге интереснейший материал, в том числе и легенды о гигантской птице. Но даже в простодушном XVII веке многие не поверили Флакуру.

В 1832 году на юг Мадагаскара отправился известный французский исследователь Великого острова В. Санзин. В одном из районов, упоминавшихся Флакуром, он выменял у местных жителей одно яйцо эпиорниса и с попутным судном послал его в Париж. Однако у берегов Западной Африки судно пошло ко дну, и скептики во французской столице

начали злословить, что вряд ли ради спасения чести фантазера Санзина стоило устраивать кораблекрушение. Они замолчали лишь в 1850 году, когда арабский купец Абади доставил в Марсель три совершенно целых яйца и кости неправдоподобно большой птицы. Эти находки Абади у берегов Южного Мадагаскара стали не только одной из главных зоологических сенсаций и без того богатого открытиями минувшего столетия, но и привлекли внимание тогда еще молодого естествоиспытателя Альфреда Грандидье, впоследствии заслуженно снискавшего себе славу «отца географии» Мадагаскара.

Отправившись в 1865 году на Великий остров с Реюньона, А. Грандидье вскоре нашел полный скелет этой страусоподобной птицы, доказал, что она была истреблена совсем недавно, и выдвинул предположение, что главными виновниками ее истребления являются охотники и крокодилы. Влюбившись в природу и людей Мадагаскара, Грандидье связал с ним всю свою жизнь. Первая обзорная карта Мадагаскара в масштабе 1: 1 850 000, 22-томный труд «Естественная, физическая и политическая история Мадагаскара», девяти-томная «Коллекция старинных документов о Мадагаскаре» и четырехтомная «Этнография Мадагаскара» — таков перечень основных трудов А. Грандидье, приехавшего на Великий остров в поисках эпиорниса.

На сегодняшний день обнаружены десятки скелетов эпиорниса, причем самый большой и полный из них украшает Национальный музей в Тана. Птица достигала в высоту четырех метров и весила больше 500 килограммов.

Когда же в последний раз пробежал по земле последний эпиорнис? П. Санзин считал, что это случилось в XII веке. Из книги Э. Флакура следует, что в XVII веке махафали еще охотились на этих гигантских страусов. А. Грандидье полагал, что они вымерли три-четыре столетия назад. Но сами махафали и антануси вплоть до 1877 года утверждали, что эпиорнис живет в наиболее труднодоступных и необжитых районах острова.

Что же ждет нас в Итрубики? Стоило нам въехать в селение, как мальчишки, радостно подпрыгивая, подбежали к нашей машине и, крикнув на ходу, чтобы мы ждали их, куда-то ускакали. Вскоре они вновь появились в сопровождении двух женщин солидного возраста. Через голову у них были перекинуты ремни, на которых держались болтавшиеся за спиной плетеные корзины. Остановившись поодаль, женщины с независимым видом начали дожидаться нашего приближения.

Каждая из корзин была почти до половины заполнена... осколками яиц. Были здесь крохотные кусочки, были осколки и побольше. Собирали их в разных местах, и поэтому нечего было даже думать о том, что из них можно склеить одно целое яйцо. Но не это было мне важно. Главное заключалось в том, что эти две корзины давали отчетливое представление об огромных «запасах» скорлупы яиц эпиорниса, находившихся где-то неподалеку и на протяжении веков «разрабатывавшихся» махафали.

— Сколько это стоит? — спросил Лиуна.

— Двадцать франков, — ответил старший парень.

«Коль попросил, надо благодарить», — говорит малагасийская поговорка. И хотя делать с этими осколками мне было абсолютно нечего, я заплатил женщинам, и они, ссыпав содержимое корзин под молочай, удалились.

Вскоре, однако, мальчишки разыскали наш ночлег за деревней и привели с собой еще одну женщину с осколками. Я расплатился, но попросил Лиуну строго-настроено приказать ребятам никого к нам больше не водить.

Как только рассвело и мы принялись собираться в дорогу, из зарослей кактусов показался плотный старец с хитро улыбающимися глазами. В руках у него было два довольно больших осколка. От денег старик отказался, но с удовольствием выпил банку пива и закусил двумя куриными яйцами. Кстати, подсчитали, что таковых в одно яйцо эпиорниса может поместиться 148 штук.

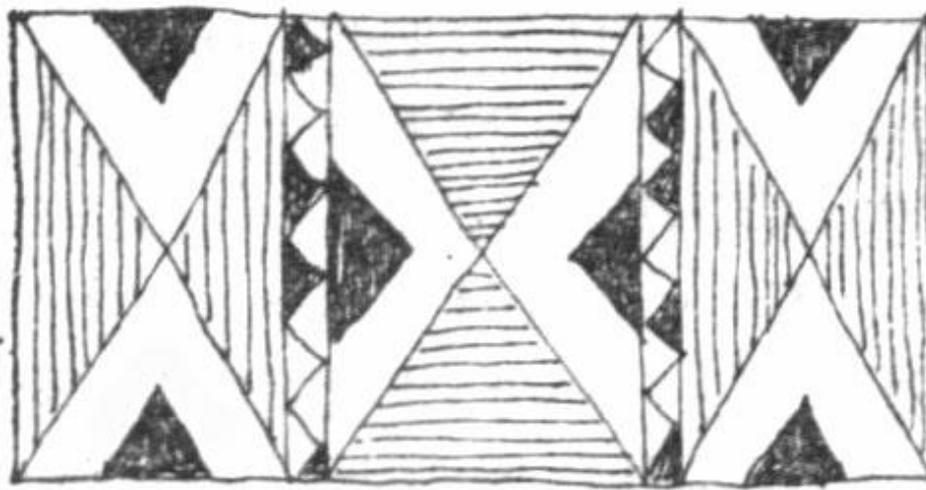
— Он говорит, что нашел эти осколки по дороге в Андрука, куда мы едем, — переговорив со стариком, сказал Лиуна. — Может быть, попросим его показать эти места?

По дороге из рассказа старика стало ясно, что яйцами эпиорниса интересуемся отнюдь не только мы. Время от времени местные селения объезжает торговец-индус из Ам-панихи, который скупает большие осколки и платит неплохие деньги за кости эпиорниса. Но найти их удастся редко. Есть также в округе несколько женщин, которые делают для этого же индуса одисы из скорлупы. За всю свою жизнь старик видел всего лишь два целых яйца, причем одно нашли совсем недавно, и за него индус заплатил «большие деньги — целых 150 франков».

— Индус неплохо подработал, — сказал я, вспомнив появившееся незадолго до этого сообщение в газетах о том, что в Лондоне на аукционе фирмы «Сотби», которая занимается продажей редких и старинных предметов, за полуокаменевшее яйцо эпиорниса было заплачено 1000 фунтов стерлингов.

Но старик мне явно не поверил. Не делая никакого секрета из того, где находят столь драгоценные яйца, он показал, где следует остановить машину, уверенно направился в кусты и вышел оттуда с довольно странным орудием, напоминавшим частые деревянные вилы. Вонзая их в землю, старик просеивал сквозь вилы песок, а предметы покрупнее застревали между зубцами. Первая, вторая, третья попытки оказались безрезультатными. Но вот небольшой белый осколок стал его первой добычей. Потом еще, еще...

Гигантские ракушки и удивительные деревья

Огромные створки раковины тридакны стали неотъемлемой частью быта жителей Андруки. В них стирают белье и купают детей, кормят свиней и толкут зерно. Еще бы! Тридакна — самый большой раковинный моллюск планеты. В диаметре его створки достигают полутора метров и весят до четверти тонны. Вытащил этакую находку из воды, извлек из него килограммов тридцать съедобного мяса, а створки подарил жене вместо корыта.

Именно молва о гигантских тридакнах и поразительной красоты рифах, расположенных как раз напротив Андруки, и привела нас в эту деревню махафали. Когда начинался отлив, в спокойной воде открывался удивительный мир, захватывающий необычностью проявлений жизни и обилием красок. Разноцветные «цветы рифов» — анемоны: то ярко-зеленые, то кроваво-красные или коричневые — иногда образовывали огромные подводные клумбы, глядя на которые трудно было поверить, что анемоны принадлежат не к растительному, а к животному миру. Веселые стайки красочных рыбок проворно скользили среди извивающихся ядовитых щупалец этих «цветов» и, не задумываясь, прятались в их роговое отверстие при малейшей опасности. Красные морские звезды местами скапливались в таких количествах, что издали вода над ними приобретала алый оттенок. А по соседству с ними совсем некрасивое творение природы — «морские сосиски», или «трепанги», в поисках пищи без устали перекачивали через свои жирные тела воду и песок.

Что это? Пестро окрашенная раковина со сверхъестественной для обычно медлительных панцирных быстротой бежит по дну, а затем проворно взбирается на торчащий из воды обломок коралла. Вскоре из ракушки появляется красная с голубыми пятнами клешня, хватая зеленоватого рачка, скрывается в раковине и вместе с добычей падает в море. Наконец я догадываюсь, что это рак-отшельник, прячущий свое мягкое брюшко под броней чужой раковины. Чуть позже мне удастся увидеть и знаменитую тридакну. Этот экземпляр небольшой. Его раковина всего сантиметров шестьдесят в диаметре. Продолжаю свои наблюдения. Слева от меня лежит еще одна «царь-ракушка» таких же размеров. Точнее, не «лежит», а «стоит», так как тридакна упирается в дно частью раковины, обращая к поверхности приоткрытые створки с колышащейся мантией. Для неопытного глаза мантия может вполне сойти за причудливый цветок, настолько ярко она пигментирована. У моей «правой» тридакны мантия окрашена в пурпурный цвет, а «левая» имеет темно-синий наряд с яркими голубыми полосками. Пока отлив еще не обнажил раковину, в ее широко

раскрытых створках, в ткани, соединяющей складки мантии, можно увидеть два небольших круглых отверстия. Через одно из них моллюск непрерывно втягивает воду, фильтруя мельчайшие организмы, которые служат пищей для этого гиганта, через второе же — тридакна выбрасывала назад воду и все, что оказалось в ней несъедобного. Но вот отлив усилился, слой воды истончился, и гигантские «двери» с медлительностью, в которой чувствовалась огромная сила, начали смыкаться.

Тридакн в районе Андрука фантастическое количество. И понял я это не столько днем, во время прогулки по рифу, сколько вечером, когда, проходя по деревне вместе с Лиуной, узнал, что на ужин здесь подают, как правило, мышцу моллюска. Чтобы обеспечить этим деликатесом всех жителей, ежедневно надо добывать триста — четыреста тридакн. И тем не менее недостатка в мышцах в Андрука пока не чувствуется. Но зато недостаток чувствуется во всем другом. На бесплодных песках, окружающих деревню, ничего не растет. Скота у людей здесь мало, а тот, что есть, не зебу, которые наполняют радостью и гордостью сердце каждого махафали, а овцы и козы.

Наверное, именно тяготы жизни сделали здесь людей замкнутыми и негостеприимными. Пожалуй, нигде на Мадагаскаре не встречали нас так, как здесь, в Андрука. Нам не дали проводника на рифы, не угостили мышцами тридакны и не пригласили в дом на ночлег. Когда же мы расположились спать в машине у околицы деревни, то местные парни подтащили поближе к нам барабаны и, явно желая прогнать нас, устроили умопомрачительный концерт. Ритмы были отличными, но даже самое лучшее представление, когда оно перевалит далеко за полночь, утомляет зрителей. Все попытки Лиуны вступить в переговоры со все более впадавшими в транс танцорами, не увенчались успехом. Когда же они начали в такт барабанам кидать в наш «лэндровер» камнями, я решил отправиться в путь несколько раньше обычного.

Говорят, что «нет худа без добра», и наше вынужденное путешествие лишний раз подтвердило эту мудрость, потому что, если бы парни не выгнали нас из Андруки, не видеть мне ночных чудес ксерофитного леса Мадагаскара, как своих ушей. А ночью он оказался еще более и реальным, и страшным, чем при дневном освещении. Свет фар неожиданно вырывал из кромешной тьмы жуткие и «фантастические» образы, которые в действительности были растениями, искривленными сушью и зноем Южного Мадагаскара. Больше всего поражали баобабы, чьи вершины терялись в ночи, а толстенные стволы представлялись ногами доисторических мастодонтов. Причудливо исковерканные, но необычайно подвижные и гибкие безлистные ветви шестиметровых дидиерий склонялись над дорогой, почти черные молочаи-фанцихулитра, напоминающие огромные дорожные указатели, стояли на перекрестках троп, указывая стреловидными ветвями направление на все четыре стороны света. Иногда фары освещали вершины деревьев, и тогда среди колючек фанцихулитров вспыхивали фосфоресцирующим блеском скопища светляков.

А позже мы попали в заросли, в которых, как показалось, незадолго до нас побывал сказочный великан. От нечего делать он выдернул деревья и поставил их «вверх ногами». Корни оказались наверху, а небольшие кинжальные листья, среди которых прятались голубые цветы, росли у земли. Это были велозии — удивительные растения мадагаскарского Юга, которые в борьбе за существование в условиях засушливого побережья «научились» извлекать влагу не из почвы, а из туманов. Местами эта древовидная лилия со стволом, напоминающим перекрученный канат, растет в гордом одиночестве среди камней и скал, где не может выжить ни одно растение.

— Послушайте, — неожиданно говорит Лиуна, хватая меня за руку. — Что это?

Я выключаю мотор и прислушиваюсь. Сначала поражает мертвая тишина. Но потом совсем рядом слышится урчание, переходящее в громкое «ка-ка-ка-ка». Лиуна наводит фонарь на место, откуда доносится крик, и там среди камней сноп света выхватывает семейство серых зверьков с лисьими мордами.

— Катта, — говорит Лиуна. — Кошачий лемуру.

Наше появление им явно не нравится. Но поскольку катта — лемуры дневные, то свет, появившийся среди ночи, их не пугает, а скорее заинтересовывает. Покидать свою скалу они не хотят и поэтому решают прогнать нас. Для этого три самых больших лемура садятся на задние лапы, просовывают между ними свой длинный, наверное, больше самих зверьков, хвост в черную и белую полосы и начинают им быстро вращать. Одновременно катта расширяют большие глаза и, стараясь перекричать друг друга, твердят свое «ка-ка-ка-ка».

Мы сделали вид, что испугались, и оставили в покое катта — единственных из лемуруобразных, избравших местом обитания неприветливые скалы и кустарники Южного Мадагаскара.

Начало светать... В рассеянном свете восходившего солнца, пока все еще свежо и прозрачно, я невольно залюбовался баобабами. Днем, когда солнце своим отвесным слепящим, я бы сказал, жестоким светом заливал мир тропиков, лишая его полутеней и подчеркивая все контрасты, баобабы всегда казались мне какими-то нескладными, уродливыми и громоздкими творениями природы. Сейчас же они выглядели стройными, царственными великанами, своей мощью бросавшими вызов беспощадному солнцу.

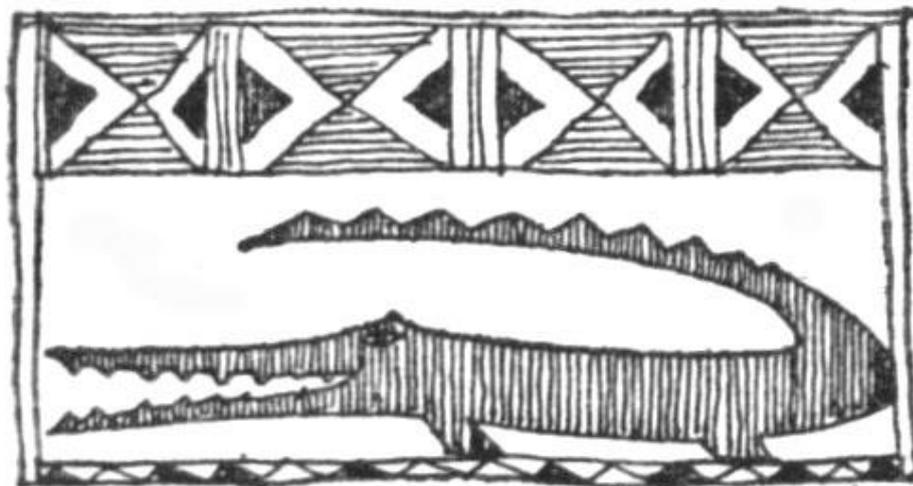
Где-то тут, на юге Мадагаскара, проходит граница ареалов двух видов баобабов. На севере остался африканский вид *Adansonia digitata*, достигающий девяти метров в диаметре ствола и до пятнадцати метров в высоту; далее к юго-востоку начинается ареал *Adansonia madagascariensis*, который можно встретить только на Великом острове. От своих собратьев этот мадагаскарский эндемик отличается стройным стволом, сужающимся у основания и вершины и напоминающим пузатую бутылку.

Одна из многих особенностей этого дерева, которое А. Гумбольдт назвал «старейшим органическим памятником нашей планеты», — способность доживать до невероятного возраста — более 5000 лет. На Мадагаскаре, как считают ученые, есть деревья, которые могли быть свидетелями появления на острове первых индонезийцев.

Но вот еще один парадокс: цветы этих рекордсменов-долгожителей живут несколько часов. Они распускают свои белые лепестки ночью, зловонным запахом привлекают к себе насекомых, которые активны только в период утренней прохлады, и с появлением первых лучей солнца вянут.

Мы покидали плато Махафали, и баобабы сыпали на красную землю, под колеса нашего «лэндровера», свои белые лепестки.

«Люди, живущие в кустах»

Есть на крайнем юге Мадагаскара плато Андруй, что означает «заросли кустарников». Населяющие его племена скотоводов так сроднились с этими колючими зарослями, что начали называть себя антандруй — «люди, живущие в кустах». Среди других малагасийцев четыреста с лишним тысяч антандруев выделяются темным цветом кожи и отсутствием пристрастия к ношению одежды. Они славятся также дружелюбными людьми, умеющими и любящими работать. На протяжении веков антандруй настолько хорошо приспособили свою традиционную экономику к суровым условиям мадагаскарского буша, что никогда не знали нужды. Об этом писал еще Э. Флаккур, приводивший антандруев в качестве примера народа, сумевшего «в условиях примитивного хозяйствования обеспечить себя всем необходимым».

Основой основ скотоводства антандруев, а следовательно, и благосостояния людей было еще одно удивительное растение мадагаскарского Юга — кактус *Opuntia vulgaris*, или райкета. Его мясистые ветви и кожистые листья, богатые влагой, служили отличным кормом скоту, а горьковатые плоды — «берберские фиги» — шли в пищу и людям. Устраивая загоны для скота, а также предохраняя свои хижины от набегов соседей, антандруй разводили опунцию вокруг своих селений и стойбищ. Со временем эти заборы из колючей райкеты сделались настолько густыми, что превратили деревни антандруев в неприступные крепости. Благодаря этим зарослям антандруй — единственный крупный народ Великого острова, не подпавший под власть Имерины.

Когда Мадагаскар был захвачен французами, кактусы вновь долгое время оберегали свободу южан. В 1912 году они все-таки попали под власть французов, но уже через десять лет в одном из рапортов, отправленных властями в Париж, сообщалось: «Заросли опунции делают их деревни недосыгаемыми, помогают населению скрываться, мешают сбору налогов».

И тогда, отчаявшись победить свободолюбивых антандруев, колониальные власти объявили... войну вооруженным колючками кактусам. Из Мексики был завезен злобный червец-кошениль (*Coccus cacti*) — злейший враг опунций. Продвигаясь по югу Мадагаскара со скоростью 100 километров в год, кошениль принялась пожирать райкету. Так Мадагаскар стал первым в истории земли райкетом, где империалисты прибегли к ведению биологической войны — эоциду. За пять лет кошениль уничтожила растительность на одной седьмой части Великого острова. Вслед за нею исчезли эндемичные насекомые и

птицы. От бескормицы ежегодно погибали около 300 тысяч зебу. Страшный голод был результатом этого преступления колонизаторов. Попытки вновь развести райкету оказались безуспешными. Лишенная растительности, земля изнывала от засухи, разрушалась эрозией, и в 1943 году новая вспышка голода потрясла Андруй. Так крохотная кошениль унесла жизни двух третей обитателей этого некогда населенного района. А несколько французских семейств сумели сказочно разбогатеть, заставив умирающих от голода малагасийских детей заниматься ювелирной работой — собирать с опунций крошечных червецов, из которых предприимчивые колонисты добывали кармин — знаменитый красный краситель...

Андруй еще не оправился от кошенили и до сих пор остается самым отсталым районом Мадагаскара.

Сейчас райкета уже кое-где набирает силы, помогая скотоводам встать на ноги. В Амбувумбе — «столице» антандруев — мне рассказывали, что усилия нового правительства в Андруе направлены на то, чтобы восстановить заросли опунции, а в окрестностях города даже показывали деревни, вновь спрятавшиеся за колючей изгородью. По всей стране антандруев проводится «операция ангади»: скотоводам бесплатно раздают лопаты и на государственном транспорте доставляют в места, где посадки опунции необходимо восстановить в первую очередь.

Многие, кто пишет о Мадагаскаре, утверждают, что организация скотоводства на Великом острове во многом напоминает скотоводство в Восточной Африке, и в этом видят одно из доказательств отстаиваемой ими же теории переселения предков нынешних махафали, антандруев и бара с континента. Однако, прожив в Восточной Африке более девяти лет и проведя большую часть своего свободного времени среди номадов, я бы сказал, что сходство это чисто внешнее.

Конечно, и на континенте, и на острове народы, все благополучие которых зависит от домашних животных, фетишизируют скот. В аридных районах, где земледелие почти невозможно, любая семья может объявить себя собственником более или менее значительного надела. Однако этот надел, даже если на нем работать всей семьей, не обеспечит людям средств к существованию. Поэтому землю здесь не присваивают, ибо обладание ею в условиях пастушеского общества ничего не дает. В то же время скот, даже если ему уделять минимум внимания, дает человеку все необходимое, увеличивает поголовье и не вымирает. Его нельзя приобрести свободно в личное пользование, подобно бесплодной земле. Поэтому скот имеет ценность. Он является главным, если не единственным богатством скотоводов и с определенными оговорками играет в их примитивном обществе ту же роль, что капитал в экономических системах Запада.

Как отмечает крупнейший бельгийский знаток Африки Ж. Маке, владелец стада, как и владелец капитала, получает прибыли, не работая, и если он их не тратит, то они у него на глазах превращаются в капитал; он в любой момент может его переместить или обменять на другое благо. Скот поэтому, подобно золоту, становится лучшим средством помещения капитала — тезаврации, или, как говорят мальгасийцы, «ариана». Если в любом ином обществе, основанном на частной собственности, царит культ «золотого тельца», то у пастухов Африки царит «культ скота», а применительно к условиям мадагаскарского Юга — «культ зебу». Скот здесь не для того, чтобы за него получали деньги. Напротив, все деньги вкладываются здесь в скот.

Однако на этом то общее, что существует между скотоводческими обществами континента и Великого острова, на мой взгляд, кончается. Если в Африке вся жизнь скотоводов-нилотов подчинена служению скоту, то на Мадагаскаре главной чертой скотовода следует назвать пассивное отношение к стаду. Поэтому если традиционное скотоводство африканских номадов экономисты обычно характеризуют как «экстенсивное», то скотоводство антандруев и бара они называют «созерцательным». Как удачно заметил француз-

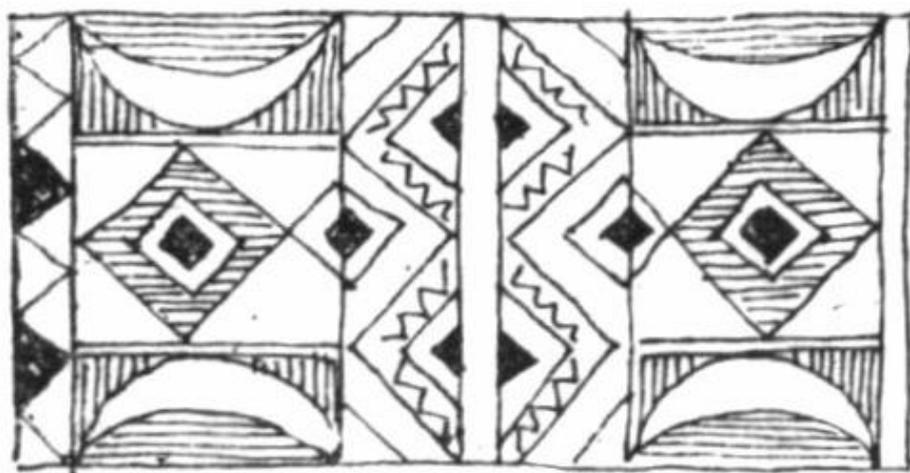
ский экономист М. Болдон, взгляд мальгасийца на свое стадо — это взгляд коллекционера, для которого главное — масть животного, форма его рогов... Даже упитанность зебу рассматривается им лишь как элемент красоты.

На континенте у кочующего по побережью озера Рудольф народа самбуру существует обычай: пастуха, который посмеет хоть на час-другой оставить доверенное ему стадо, подвергают остракизму, то есть изгоняют из родной деревни. У бара и махафали вообще неизвестна профессия пастуха, целый день животные предоставлены самим себе. У них есть лишь ночной сторож, который охраняет зебу в загонах от воров.

Не трудно понять вывод, который делают ученые: скотоводство не является на Мадагаскаре отраслью хозяйства в полном смысле этого термина. «Скот, — пишет французский исследователь Ш. Робекэн, — это в большей степени существенный элемент эмоциональной, социальной и религиозной жизни, нежели основа экономики». Хотя в скотоводстве и занята треть населения острова, оно дает лишь три процента национального дохода и максимум четыре процента стоимости экспорта. Становится ясным, почему Великий остров, 50 процентов территории которого покрыты пастбищами со злаковой растительностью, где разгуливает около десяти миллионов зебу, импортирует мясо.

И со всей очевидностью встает сложность задач, с которыми сталкиваются сегодня сакалава и бара, махафали и антандруи, которым предстоит изменить свою психологию и превратить «созерцательное» скотоводство в современную отрасль.

Антаисака, антаифаси, антаиморо и антамбахуака

Нежданно-негаданно, почти на месяц раньше обычного, полили дожди — самое страшное для всех тех, кто пользуется на Мадагаскаре машиной. Разбухли, стали скользкими и вязкими дороги, вздыбившиеся реки поносили мосты, и наше дальнейшее путешествие по юго-востоку начало обрастать проблемами, как снежный ком. Шоферы-малагасийцы отговаривали нас сворачивать в глубь острова, на земли бара, где, по их словам, завязли сотни машин. Так мы сделались пленниками одной-единственной сносной дороги, идущей вдоль побережья на север.

Четыре близкие друг другу народа заселяют этот отрезок побережья: антаисака — «люди, живущие собирательством»; антаифаси — «люди песков»; антамбахуака — «те, кто отделился от остальных»; антаиморо — наши знакомцы по Анцеранане.

Антаисака, с которыми мы уже тоже встречались, когда речь шла о сакалава, вместе с антаиморо были первыми малагасийцами, вступившими в контакты с муаси — «заморскими кудесниками», прибывшими на Мадагаскар на заре средневековья с Суматры. Именно один из родов антаисака — антамби — был первым, кто освоил на острове секрет выплавки металла и начал делать копья с металлическими наконечниками. С помощью этого оружия, дававшего огромные преимущества над другими племенами, располагавшими всего лишь луками и пищалями, антаисака уже в XIII веке покорили антануси, в XIV веке — махафали, а в XV веке, выйдя на западное побережье, дали начало сакалава.

Однако завоевание столь обширной территории, достигнутое лишь благодаря обладанию железным наконечником и не подкрепленное другими социально-экономическими достижениями, истощило силы антаисаков. Те, кто остались на скудных заболоченных землях предков, именуемых на картах равниной Антаисака, начали сдавать былые позиции. Сегодня этнографы называют антаисака одним из наиболее отсталых мальгасийских народов, остановившихся на примитивной стадии развития.

Главной тому причиной многие считают табу экзогамии, запрещающее браки между мужчинами и женщинами разных родов. Возникшее, очевидно, в те времена, когда могущественные касты колдунов и кузнецов антаисака ревностно сохраняли секреты своего ремесла от чужаков, ныне это табу охраняет лишь замкнутость традиционного общества.

Даже довольно сильное мусульманское влияние не только не разрушило, но, наоборот, укрепило эту замкнутость. Да, зажиточный крестьянин-антаисака может иметь две,

три и даже четыре жены. Но жены эти, как правило, младшие сестры его первой, «главной» супруги. Если у бедняка антаисака умирает единственная жена, то заботу о вдовце берет на себя одна из ее сестер. Таким образом, брак у антаисака ведет не к расширению «внешних связей» с другими семьями, родами и племенами, а к укреплению замкнувшейся внутри самой себя семьи...

Главное, что бросилось в глаза на землях антаисаков, — превращение женщины в основную рабочую силу. Удобно для себя соединив догмы ислама и местные суеверия, мужчины решили, что выращивание риса для них — фади. А поскольку рис вновь делается в этих районах основной культурой, то на обильно политых дождем полях я видел лишь женщин. Мужчины появлялись лишь вместе с солнцем, для того чтобы собрать бананы или подправить подпорки под ветками кофейных деревьев, уже начинавших сгибаться под тяжестью зерен.

В этот день, дважды завязнув на дороге и выбравшись из грязи лишь с помощью женщин, сбегавшихся к нам с полей, мы не рискнули в эту пору распутицу ехать затемно и попросились переночевать в деревне под названием Марумпанахи.

Нас пустил к себе в дом староста, напоил малагасийским чаем рановари, настроенным на поджаренных рисовых зернах. Но разделить с нами трапезу отказался: по местным обычаям, хозяин не должен видеть, как ест гость, дабы кто не подумал, что он жаден и «смотрит ему в рот».

Оказалось, однако, что ни меня, ни Лиуну, поначитавшегося университетских книжек, но так и не научившегося как следует вести себя в приличном доме, оставлять одних было нельзя. Наевшись и напившись, мы решили прогуляться, но, чтобы не беспокоить хозяина, воспользовались не той дверью, в которую он недавно вышел сам, а второй.

Истошный женский визг ознаменовал наше появление на улице. Прибежавший староста схватился за голову и принялся что-то объяснять Лиуне, причем в его интонациях я уловил не столько укор, сколько страх за нас же.

— Хозяин говорит, что через восточные двери дом у антаисака покидают только покойники, — перевел, наконец, Лиуна. — Он боится, что даром нам эта ошибка не пройдет...

Ночь была грозовой, и каждый раз, когда молнии рассекали черное небо, я ждал, что духи покарают нас. Оказывается, о том же думал и староста. Признавшись в этом утром, он на прощание долго тряс нам руки, как бы желая убедиться, что мы все еще теплые, и просил быть поосторожнее.

— Духи все равно уже считают вас покойниками, — сказал он. — Они могут забрать вас и на дороге. Поэтому задабривайте их, подбрасывая камешки к придорожным кибори...

Кибори — это родовые могильники антаисака, напоминающие каменный дом без окон. Перед тем как отнести труп в кибори, его в течение двух-трех лет высушивают и бальзамируют дома. По старой традиции каждый проезжающий мимо могильника из уважения к предкам бросает рядом с ним камень. Нередко сами кибори разрушаются, но набросанные когда-то рядом с ними каменные кучи все еще напоминают о былых местах захоронения.

Вскоре мы достигли Фарафанганы, стало ясно, что духи антаисака нас миловали и теперь уже не настигнут. За этим городом кончалась зона их влияния и начинались земли антаифаси.

«Людей песков» на Мадагаскаре около девяти тысяч. Они населяют носящую их же имя аллювиальную равнину, изобилующую реками, озерами и искусственными прудами. В них антаифаси разводят и ловят рыбу, а по берегам выращивают рис.

Весь остров наслышан о целомудренности девушек из Фарафанганы. Моральный кодекс антаифаси отличается строгостью, их женщина не имеет тех свобод, которыми поль-

зуются малагасийки у других народов. Им не разрешены пробные браки, а развод жена может получить только с согласия мужа.

Рассказывают, что антаифаси — один из немногих народов острова, который уберег в лесах языческих идолов «сампи» и, несмотря на все старания христианской церкви, сохранил им верность.

Считают, что сампи на Мадагаскар привезли кудесники антаиморо, провозгласившие их высшими символами королевской власти. Наиболее почитаемым сампи у мерина приписывалась способность подчинять себе дождь, охранять посевы, делать армию непобедимой и т. д. На землях антаифаси и антаиморо и ныне еще можно услышать, что королевские сампи, не дожидаясь, когда их сожгут, «сами ушли в лес» и прячутся там до сих пор.

Есть еще у антаифаси также родовые сампи. Обычно это кусочки дерева, завернутые в красную рабану и украшенные амулетами и старыми монетами.

Однажды утром, так и не дождавшись солнца, накрепко упрятанного свинцовыми тучами, мы выехали на север. За Манакара, где вдоль океана тянется широкая полоса болот и маршей, прорезанных пангаланами, дорога ушла довольно далеко от побережья, в глубь земель антаиморо. Ралаймунгу рассказывает о них много интересного.

— Антаиморо, — говорит он, — были первыми знахарями и врачами на острове. Они сумели сохранить много старых секретов индонезийской медицины. Потом благодаря контактам с мусульманским миром антаиморо познакомились и с восточной медициной. Используя арабские буквы, они начали записывать свои секреты врачевания и передавать из поколения в поколение. Так возникали целые семьи и даже кланы врачей-лечителей. Со временем их стало так много, что антаиморо начали покидать свои земли и селиться среди других народов, занимаясь исцелением больных. Именно в таком качестве они и попали в Имерину.

Благодаря своим медицинским познаниям антаиморо оказывали значительное влияние даже на владык Руву.

Антаиморо, исцеляя больных, «делали чудеса» в глазах людей того времени, считавших, что любая хворь — это наказание за нарушение ими фади или мести разана. А уж коли лекарь умел отводить эту мечь, то, следовательно, он умел общаться с теми сверхъестественными силами, которые вершили судьбами людей и управляли природой. Поэтому лекарю приписывалось и умение устранять сглаз, и искусство вызывать или останавливать дождь, и способность обеспечивать обильный урожай. И если антаиморо не довольствовался своим положением знахаря, хотел власти и богатства, он брался и за другие магические ремесла.

Одним из них везло — они превращались в придворных предсказателей. Вторые довольствовались ролью знахарей в пределах округи. Третьи были всего лишь продавцами «фанафоди газы» — целебных трав на зуме. Но почти все люди, связанные с традиционной медициной, проходили курс наук у антаиморо. В конце XVIII века наиболее влиятельные представители антаиморо, желая отмежеваться от шарлатанов, примазавшихся к их ремеслу, решили поставить свое дело на твердую основу. Открыв двору глаза на различия, существующие между целебными свойствами растений и магическими силами, они добились отделения медицины от магии. Торговцев, продававших «фанафоди газы», начали подвергать специальному экзамену для выяснения их знаний лекарственных свойств трав.

При Ранавалуне II в Тана была создана медицинская академия, в которой первоочередное внимание уделялось не только народным средствам, но и методам психического воздействия лекарей на больных. В архиве Тана сохранилась рукопись книги о лекарствах и различных болезнях, написанная в 1864—1868 годах Равухинахитриниариву — членом королевской семьи. Это — интереснейший памятник достижения традиционной малага-

сийской медицины еще до того, как на нее начала влиять европейская наука. Сейчас многое для создания отечественной фармацевтики делает Национальный центр изучения лекарственных растений. Именно малагасийскими врачами впервые выявлено целебное свойство кокоса. Найдены травы, излечивающие от некоторых форм проказы.

— А что можно сказать о сегодняшнем уровне медицинского обслуживания на Мадагаскаре? — поинтересовался я.

— Положение тяжелое. Мы сейчас находимся на территории провинции Фианаранцуа, где один врач приходится на двадцать две тысячи жителей. Это самый низкий показатель на острове. В столичной провинции получше: там один врач обслуживает шесть тысяч человек, в Махадзанге — шестнадцать тысяч. Всего практикуют около двухсот пятидесяти врачей. Это катастрофически мало! Сейчас власти делают все возможное, чтобы повысить эффективность системы медицинского обслуживания. Создаются санитарные бригады, проводятся национальные кампании профилактического характера, студентов на время каникул привлекают для проведения вакцинации населения. Успехи в общем есть. Из-за нехватки врачей малагасийцы вынуждены обращаться к знахарю чаще, чем к дипломированному врачу.

За окном машины мелькают умытые дождем склоны холмов, засаженных небольшими деревцами. Кофе, кофе, кофе... Для антамбахуака эта культура за последние два десятилетия сделалась главной, вытеснив из их хозяйств все остальные товарные культуры. Поэтому о них нередко говорят как о единственном малагасийском народе, живущем экономикой монокультуры.

— Да, совсем забыл еще одну особенность, интересную отнюдь не только медикам, хотя и имеющую для нас очень много последствий, — говорит доктор. — Антамбахуака, пожалуй, единственные на Мадагаскаре, кто сохранил у себя традицию проведения масовой церемонии посвящения в мужчины.

— Нас в университете учат, что все празднества, связанные с этой церемонией, ушли в прошлое, а обрезание теперь делают врачи-хирурги, — вставляет Лиуна.

— Я не знаю, чему сейчас учат в университете, — улыбается Ралаймунгу. — Но я точно знаю, что на всем нашем острове не хватило бы хирургов для этих операций. И вижу десятки юношей, которые каждые семь лет заполняют койки местных госпиталей с одним и тем же диагнозом: заражение крови.

— Почему именно каждые семь лет? — удивляется Лиуна.

— Потому, что самбатра — так называют эту церемонию — проводится не ежегодно, а каждые семь лет.

— В чем же заключается самбатра? — спросил я.

— Во времена мпандзаков это был пышный ритуал, которым руководили сами андрианы. Он сопровождался молитвами, стрижкой волос у родителей, принесением зебу в жертву богам, стрельбой из пушек. Посвящаемым делали замысловатые прически, их обряжали в красочные одеяния, привлекали к участию в ритуальных танцах вокруг специально построенных хижин, задрапированных шелком. Приготавливались ритуальные яства, над детьми проводили целый ряд манипуляций, целью которых было подчеркнуть значимость посвящения мальчика в мужчину для всего общества. В общем это был общенародный праздник, растягивавшийся на несколько дней.

Сейчас антамбахуака при проведении самбатры довольствуются одной ночью, во время которой забивается несколько зебу и выпивается много туаки. Затем мальчикам делают операцию, родители танцуют до самого утра, едят мясо и расходятся по разным хижинам, поскольку половые сношения между матерью и отцом посвященного до тех пор, пока у сына не зажила ранка, могут привести к его гибели.

Кофе и хамелеоны земли танала

Стоило нам подняться на плато, как дождь прекратился, а наш «лэндровер», проявлявший завидную выносливость куда в более сложных районах, начал барахлить. А несколько позже у машины застучал передний мост. Затем начало заедать сцепление, а когда на пошедшей под уклон извилистой дороге я почувствовал, что сдают тормоза, выход оставался лишь один: искать механика. В Антанамбау — первом селении, до которого мы дотащились, все в один голос сказали, что ближе, чем в Фианаранцуа, сведущего человека не сыскать. Ехать туда на попутных машинах вызвался Лиуна. Я с доктором, беспокойно поглядывавшим на луну, остался в Антанамбау.

Густые леса, в своем естественном виде мало чем отличающиеся от тех, что подступают к дороге Антананариву — Туамасина, со всех сторон окружают Антанамбау. Разница лишь в том, что там бецимисарака и безанозано сводят лес и устраивают свои поля на расчищенных участках. Здесь же, на землях народа танала, крестьяне хозяйствуют под пологом леса. Главная выращиваемая ими культура — кофе, который не любит интенсивного освещения и дает лучшие урожаи в тени. Поэтому, как говорят танала, они не сводят, а только «подправляют» лес, расчищая лианы и освобождая его от подлеска, забивающего кофейные деревья.

Танала нередко называют «новоселами» плато: они переселились в горные районы с прибрежных равнин примерно 250 лет назад. Ранние пришельцы, которые осели на севере нынешней этнотерритории танала, в лесах Менабе, сразу же подпали под власть Имерины и переняли у мерина многие обычаи. Более поздние мигранты, облюбовавшие горные леса Икунгу, никогда не теряли автономии и сохранили многое из своей самобытной культуры. Танала-икунгу, в частности, один из немногих малагасийских народов, не забывших ремесло резьбы по дереву. После обеда, когда на плантации уже обычно не ходят, почти у каждой хижины в Антанамбау можно увидеть мужчин, мастеровых самых разнообразных поделок.

Из мягких пород обычно режут круглые коробочки и ларцы. Древесину для них подбирают белого или желтоватого цвета, закрашивают ее коричневой краской и уже по ней вырезают орнамент или сценки-иллюстрации к похождениям героев сказок. Получаются очень изящные и интересные вещи, кажущиеся из-за темного цвета дерева тяжелыми, а на самом деле почти невесомые.

Из твердого и тяжелого розового палисандра режут подкупающие своей примитивной выразительностью фигурки животных, которые можно использовать и для вполне утили-

тарных целей: крокодила — как пепельницу, черепаху — как шкатулку. Кроме того, из красных и черных пород делают декоративные ложки и вилки, ручки которых украшают орнаментом, заимствованным с алуалу. Примерно раз в два месяца из Тана сюда приезжают оптовики, скупающие у резчиков их продукцию. Так что большая часть сувениров, продаваемых на столичном зуме, создается в лесах Икунгу.

Еще этих жителей леса нередко называют «людьми камней». Это потому, что свои хижины на сваях танала ставят не среди леса, а на вершинах холмов, среди скал, чтобы жилища не смыли дождевые потоки. Рассказывают, что в сравнительно недавние времена мужчины танала собирали среди этих скал гнезда стрижей-салангана. Свежие гнезда употребляли в пищу, а старые продавали купцам-мерина, извлекавшим из них желатин. Женщины же танала выращивали рис и тыквы-аривулахи, которые и сейчас, заменяя малагасийцам африканский калебас, используются вместо бутылок и горшков.

Сегодня основное внимание танала привлечено, однако, к кофе. Никто не помнит, когда и кем было завезено на Мадагаскар первое кофейное зерно. Но в начале прошлого века многие европейцы уже видели посадки кофейных деревьев близ Туамасина. Не исключено, что именно танала, переселяясь с побережья на плато, распространили эту культуру в горы.

Но, как бы то ни было, сегодня кофе — главная товарная культура острова. На его долю падает больше трети стоимости экспорта, его выращиванием занято около полумиллиона человек, или каждый десятый малагасиец. Эти цифры, говорящие сами за себя, показывают, сколь велик должен быть интерес малагасийского крестьянина ко всему, что связано с кофе.

Особенно велик этот интерес именно здесь, на землях танала, и в соседних районах, где выращивают три четверти мадагаскарского кофе. От урожая этой культуры зависит у танала благополучие каждого из пяти крестьян. Все разговоры в Антанамбау вертятся вокруг кофе, и, если бы не Ралаймунгу, уверен, что вертелась бы и в первый день нашего приезда в деревню.

Однако появление врача в такой глуши — событие экстраординарное. Забросив кофейные дела, жители все сразу столпились у нашей хижины, причем, выйдя после приема от Ралаймунгу, не шли домой, а усаживались где-нибудь неподалеку, поджидали родственников и соседей и что-то бесконечно обсуждали. Лишь с наступлением темноты и появлением старосты, предложившего односельчанам разойтись, жизнь в деревне вошла в нормальную колею. Мы же с Ралаймунгу, получив приглашение отужинать, пошли к старосте.

Ни в обстановке его дома, ни в сервировке я не заметил ничего такого, что резко отличало бы танала от уже виданного мною в других малагасийских домах. Зато в угощении была специфика. Украшением стола служил здесь жареный дикий кабан. Его черный пятачок, изжаренный особым способом, предназначался «главному гостю». Таковым по праву стал Ралаймунгу, трудившийся весь день, не покладая рук. Мне досталась вторая «по значению» часть кабаньей туши — печень. На второе подавали бульон, густой и экстрактный, именуемый ру мазава.

Поскольку тон за столом задавал доктор, разговоры на кофейные темы начались с болезни кофе. Он поинтересовался, не навредываются ли больше на плантации инфекции и вредители.

— В конце прошлого века на остров с Маскарен был завезен злостный вредитель *Nemileia vastatrix*, который за короткий срок уничтожил почти все плантации. Может показаться неправдоподобным, но в тысяча девятьсот четвертом году Мадагаскар не смог бы обеспечить годовые потребности в кофе даже одного человека. В тот год было «экспортировано» всего лишь четыре килограмма зерен. Я не оговорился, четыре килограмма, тогда как десятью годами раньше вывозились тысячи тонн. Сейчас вредители нам вроде бы не

угрожают, но это не значит, что у нас все хорошо, — говорит староста. — В шестидесятых годах, когда большинство африканских стран резко увеличили сбор кофе, мы, видимо, отстали от них. Тогда на острове бытовало мнение, что конъюнктура кофе на мировом рынке не улучшится и что нет смысла расширять площади под этой культурой. Сейчас, как вы знаете, положение резко изменилось, кофе стал на мировом рынке одним из наиболее дефицитных товаров.

— Правительство поставило перед нами задачу увеличить сборы, — продолжал староста. — Если в тысяча девятьсот шестидесятом году мы собирали пятьдесят шесть тысяч тонн кофе, то в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году должны были получить девяносто тысяч тонн.

— И сколько из них пойдет на экспорт? — спрашиваю я.

— Почти все, — говорит староста. — Многие танала, которые его выращивают, даже не знают, как приготавливать этот напиток. Мы предпочитаем пить наш рановари.

Я прошу старосту показать мне местные крестьянские хозяйства, и на следующее утро мы вместе отправляемся на плантации.

— В среднем крестьянин отводит под кофейные деревья гектар — полтора, на которых имеет триста — четыреста корней, — говорит он. — Раньше ежегодный доход с такого участка составлял не больше восьми — десяти тысяч франков. Сейчас в результате введения государством твердых закупочных цен, устранения перекупщиков и других мер положение заметно улучшилось. Поэтому многие крестьяне стремятся расширить свои плантации, заменить старые деревья на новые. Государство предоставляет им молодые саженцы, удобрения, инсектициды.

Мы идем сквозь ряды деревьев, на ветках которых уже появились вишневые зерна кофе. Кое-где этих зерен много, но встречаются участки, где урожай не обещал быть хорошим.

— Сколько же здесь собирают с одного дерева?

— Около четверти килограмма. Таким образом, в среднем крестьянин снимает со своего участка сто — двести килограммов зерна.

— Но ведь это очень низкая урожайность по сравнению с другими африканскими странами, — удивляюсь я.

— Одна из причин такой низкой урожайности — солидный возраст деревьев и их разнорослица. Считается, что в районе плато возделывается кофе «арабика», на побережье — «робуста», а в долине Самбирану — «киулу». Однако на землях танала все эти сорта перемешались, появились почти бесплодные гибриды. В некоторых хозяйствах не плодоносят каждые два из трех деревьев. Я слышал, что сейчас ученые работают над тем, чтобы скрестить «арабику» с «киулу» и вывести новый сорт, приспособленный к местным условиям.

Чем дальше вверх по склону мы идем, тем запущеннее делаются плантации, теряющиеся в лесу. По всему видно, что кофе здесь одичал и превратился в объект собирательства...

— Раньше эти плантации принадлежали французам, — предвосхищая мой вопрос, говорит староста. — Почему-то, когда они уехали, в этих местах развелось множество хамелеонов. Малагасийцы, как вы, наверное, знаете, опасаются этих тварей. А тут на каждом дереве их по две-три штуки. Кто-то из реакционеров распустил слух, что это французы подослали хамелеонов стеречь свои плантации и что каждого, кто начнет собирать кофе с охраняемых ими деревьев, ждет суровое наказание. Только сейчас страх преодолен, и молодежь начинает расчищать эти земли...

— А почему же крестьяне так боятся хамелеонов?

— Многие вазаха задавали мне этот вопрос, — усмехнувшись, сказал староста. — Раньше я отвечал им: «Потому что в хамелеоне сидит злой демон рангутре». Тогда они

удивленно пожимали плечами и спрашивали, почему мы думаем, что рантутре сидит именно в хамелеоне, а, скажем, не в кабане. Поэтому я говорю теперь всем вазахам: «Сядьте под куст, на котором охотится хамелеон, и понаблюдайте за ним. И тогда вы сами вскоре увидите, что в хамелеоне сидит сразу два духа: его собственный и сатанинский». Хотите посидеть под кустом?

Несмотря на то, что я повидал в Африке немало этих безвредных чудовищ, чтобы не огорчать старосту, я согласился.

«Что действительно больше всего поражает суеверного в этом непохожем ни на что творении природы?» — подумал я.

Общеизвестна способность хамелеона приспосабливаться к окружающей среде, превращаться из ярко-зеленого то в красно-бурого, то в небесно-голубого, то в аспидно-черного. Это во-первых. Во-вторых, удивительный внешний вид хамелеона, у которого одни части тела, например рога-выступы на голове, существуют неизвестно зачем, а другие выполняют совершенно не те функции, что у других животных, и выглядят весьма странно. Например, язык, которым хамелеон «стреляет» на 20—30 сантиметров, хватая добычу. Выпуклые глаза, которые как бы живут независимо друг от друга, одновременно смотрят в противоположные стороны, поворачиваются на 180 градусов в горизонтальной плоскости и на 90 градусов по вертикали, позволяя тем самым хамелеону, не двигая головы, видеть одновременно все вокруг, в том числе и сзади. Хвост и ноги, которые ведут себя очень странно и совсем не так, как у всех остальных земных созданий.

Вот, к примеру, тангарирана, самка хамелеона, которую я сейчас наблюдаю. С тех пор как я появился под кустом, она с полчаса неподвижно сидела на ветке, приподняв переднюю левую ногу. Но теперь без явной причины решила двинуться вперед: отцепила хвост от ветки и переставила заднюю правую лапу. Опершись на переднюю левую и заднюю правую лапы, она как бы приподнялась на них, постояла, передвинула туловище вперед и только тогда подтянула к нему переднюю правую лапу. Задняя левая, распрямившись, так и осталась на прежнем месте, в то время как передняя правая пошла вперед. Вскоре я окончательно запутался в последовательности, с которой хамелеон пользуется своими конечностями. Но было ясно, что предугадать, какая из его лап передвигается вслед за предыдущей, невозможно.

Затем, приподнявшись на передней левой и задней правой лапах, она начала ритмично раскачиваться. Покачалась, сделала шаг вперед, поменяла лапы и опять начала качаться, одновременно быстро вращая глазами: вперед-назад, вверх-вниз. Создается впечатление, что две силы борются внутри этого зеленого существа: одна тянет хамелеона вперед, другая — назад, одна — направо, другая — налево. По прежнему опыту знаю: подобные телодвижения начинаются в том случае, если где-то неподалеку появился другой хамелеон. Но поскольку глаза у меня вращаются под гораздо меньшим углом, разглядеть пришельца из-под куста я не мог.

«Танец» заканчивается, и тангарирана замирает. За полтора часа она продвинулась не более чем на полметра. Далее происходит следующее. Один глаз хамелеона продолжает вращаться, другой суживается и взгляд его устремляется на конец ветки. Там сидит небольшой палочник, умеющий не хуже хамелеона прятаться среди зелени. Беспорядочно перебирая ногами, тангарирана медленно подкрадывается к насекомому. Только тогда, когда дистанция между ними сокращается до полуметра, второй глаз также включается в охоту. Примерив расстояние, хамелеон делает еще несколько шагов и замирает. Кажется, все готово к броску, и только хвост все еще цепляется своим концом за ветку, накрепко прикрепляя к ней охотника. Затем хамелеон сводит глаза в одну точку и раскрывает пасть, подбитую ярко-алой подкладкой. Впечатление такое, что тангарирана ждет, пока палочник сам залезет в ее пасть. Однако создается впечатление, что палочник уже во рту у хамелеона, и действительно пасть захлопывается. В чем же дело?

Человеческий глаз порою не способен даже уловить те мгновения, за которые прикрепившийся к ветке хамелеон успевает выбросить из своей пасти язык, с помощью хитроумного устройства, создающего вакуум, «наклеить» на этот язык жертву и столь же молниеносно отправить ее в рот. Лишь с помощью ускоренной киносъемки удалось проследить весь этот процесс в деталях и установить, что выбрасывание языка длится у хамелеона... 0,04 секунды, а втягивание жертвы в пасть — 0,19 секунды. Понятно, что суеверному лесному жителю гораздо проще поверить в демонические силы, чем заподозрить язык неподвижного хамелеона в подобных скоростях.

Очень хорошо подметил это А. Фидлер, объяснивший, почему малагасийцы считают, что в этом животном сидит злой демон рантутре. В самом деле, невероятная двойственность уживается в натуре хамелеона. В неподвижном, беспомощном теле внезапный, молниеносный, хищный язык — какая-то западня, небывалая, исключительная хитрость, подстроенная природой, предательство почти сатанинское.

Но есть еще одна причина подозрительного отношения малагасийцев к хамелеону. Природа наделила это беззащитное практически перед любым врагом животное удивительной способностью камуфляжа, благодаря которому плотные и округлые хамелеоны вдруг кажутся тонкими и плоскими. Достигается этот оптический обман на основе принципа, именуемого в биологии «скрадывающим затемнением». Используя свет и тени окружающей среды, затемняя себе спину, но оставляя освещенными бока, эти рептилии добиваются удивительного эффекта: почти в два раза «уменьшают» свой видимый объем.

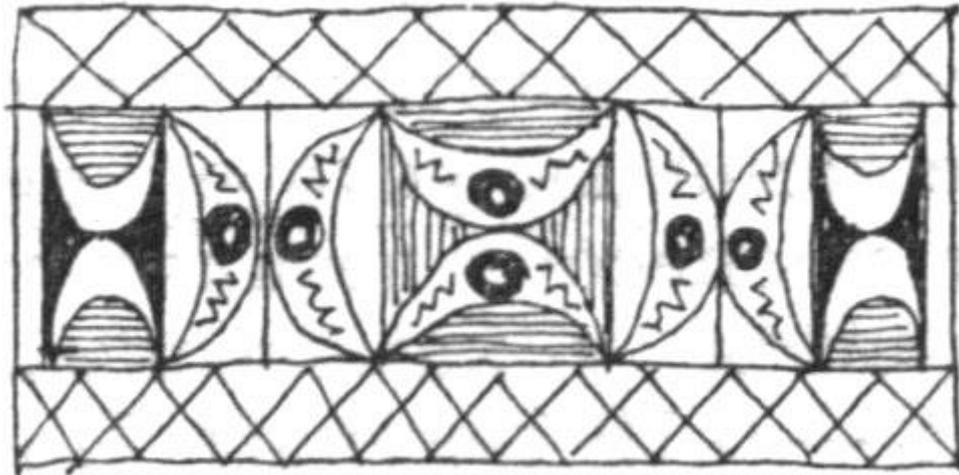
Особенно искусно к этому камуфляжу прибегают самые крупные в мире мадагаскарские хамелеоны — аустолетти. Подходишь к такому 60-сантиметровому хамелеону — он кажется небольшим и легким. Отрываешь его от затемненной ветви, и он буквально на глазах «увеличивается» вдвое и оказывается намного тяжелее, чем ожидал. Этот эффект действовал на мои нервы как-то неприятно. Тем более можно понять тех, кто склонен подменяющую на глазах окраску шкуру хамелеона засовывать сразу две души...

Водятся на острове и крохотные хамелеоны — брукезии, которых считают одними из самых мелких пресмыкающихся. Они редко достигают четырех сантиметров в длину, а вылупившись из яиц, уступают по размерам муравьям. Жители северо-запада, где обитают брукезии, обычно ползающие по земле среди опавшей листвы, за хамелеонов их не признают и причисляют к насекомым.

В общем сидение под кустом в компании тангаринаны не пропало для меня даром: я вспомнил все, что знал об этой рептилии, и понял, что преследующая малагасийцев мысль о «раздвоении личности и души» у хамелеонов не лишена основания.

...Вернувшись в деревню, я увидел, что под нашим «лэндровером» уже лежит механик. К вечеру машина была отремонтирована, и мы тотчас же отправились в путь...

Колдуны, знахари и ясновидцы

Теперь вместе с механиком бецилеу по имени Ралаиву нас было уже четверо. Вскоре за Антанамбау начался асфальт, и мои малагасийцы, дабы не дать мне задремать за рулем, принялись рассказывать истории, наслушавшись которых заснуть нельзя было бы даже в постели.

Все началось с Ралаиву. Узнав, что Ралаймунгу — дипломированный врач, везущий демонстрировать знахаря иностранцу, он нисколько не удивился и, приняв подобную ситуацию лишь за лишнее подтверждение высокого авторитета народной медицины, принялся укреплять этот авторитет еще больше.

— Слышали ли вы историю, которая произошла здесь несколько месяцев назад? — спросил механик.

— Если историю братьев Ратсимбазафи, то только краем уха, — ответил доктор.

— Да, именно Ратсимбазафи. Года три тому назад умер их отец, и они получили довольно большое наследство. Другие же родственники, оставшиеся ни с чем, начали доказывать, что братья эти были не кровными, а усыновленными детьми умершего, что мать их была мпамасави — колдуньей и что, кинув этих двух своих сыновей еще в детстве, она отобрала у них души. Селение, где все это происходило, было маленьким, многие поверили наветам родственников и отвернулись от братьев, которые, как все начали говорить, «были лишены души».

— Надо объяснить нашему гостю, — перебивает механика Ралаймунгу, — что это означает. У малагасийцев в понятие «человек без души» вкладывается совсем не то, что европейцами в слово «бездушный». Это не «черствый», «неотзывчивый», «эгоистичный» человек, а всего лишь телесная оболочка человека, из которой душа изъята как бы физически. Эта телесная оболочка не должна и не может жить самостоятельно, поскольку это противоестественно.

— Такого «человека без души» убьют другие, или он очень быстро умрет сам, — уточнил я.

— С формальной точки зрения скорее всего сам, но если смотреть в корень, то зачастую такой человек делается жертвой внушения. В условиях деревенской общины, где коллективное мнение играет огромную роль, человек, который от всех и отовсюду слышит, что его «лишили души», начинает в это верить. А поверив в это, он считает себя обреченным, смиряется с тем, что скоро умрет, ждет этой смерти, желает ее и наконец умирает. К сожалению, бывают случаи, когда среди колдунов встречаются еще и такие, кото-

рые занимаются психологической магией и по просьбе тех, кто им платит, внушают людям, потерявшим душевное равновесие, неизбежность их конца. Ну об этом потом. Что же было с братьями?

— Ратсимбазафи заболели и пролежали в больнице больше двух месяцев. Тем временем в их деревне родственники распустили слух, что они умерли и постепенно начали прибирать к рукам наследство. Жены братьев отправились в город, с тем чтобы забрать тела своих мужей. Но вместо этого они вернулись в деревню вчетвером живыми и невредимыми.

Родственники были в некотором замешательстве, но уже на следующий день пригласили Ратсимбазафи к себе в гости, хорошо накормили и обласкали. На ужине были только свои, и лишь один человек, которого хозяева называли «заезжим другом», вызвал тогда у братьев подозрение. Он долго расспрашивал их о здоровье и на прощание предложил вместе отведать какой-то настойки, излечивающей от всех болезней.

Но через несколько дней отношение родственников резко изменилось. «Тем, что братья не умерли, они обманули духов», — заявили они. Затем им удалось убедить жену одного из братьев в том, что ее муж — оборотень и что, живя с «пустым телом», она навлекает на себя гнев разана. Женщина ушла из дому, а оба брата, прожив несколько недель в обстановке непрекращающейся травли, вновь попали в больницу.

— С каким же диагнозом?

— Я бы назвал это заболевание «параличом воли к жизни», — ответил доктор. — Главный его симптом — тусклый взгляд. У человека ничего не болит, он ни на что не жалуется. Ему внушили, что он умрет, с помощью гипноза ослабили волю, и теперь он ждет одного: прихода смерти. Кажется, один из братьев умер?

— Да, младший, от которого ушла жена, — подтвердил механик. — Старший же исхудал настолько, что сам говорил: «Душа уже ушла от меня, теперь уходит и тело». Врачи в больнице обычно не лечат таких больных, а ждут, когда они умрут. Но тут из Туамасина, прослышав о всех неприятностях, свалившихся на отца, приехал его старший сын, шофер. Погрузил еще живого Ратсимбазафи на грузовик и повез куда-то за Ихуси, к мписикиди — колдуну, принадлежащему к народу бара.

Не знаю уж, чем этот мписикиди лечил Ратсимбазафи-отца. Но, как говорят, не успела луна на небе вновь сделаться круглой, как тот не только встал на ноги, но и решил объявить войну своим родственникам.

Тогда в деревне произошел раскол. Одни начали побаиваться Ратсимбазафи, поскольку он продолжал жить «наперекор духам». Другие, не заинтересованные в дележе наследства и, очевидно, знавшие кое-что о неблагоприятных действиях тех, кто на него претендовал, решили занять принципиальную позицию. В общем расстановка сложилась так, что в деревне состоялся традиционный суд. На нем Ратсимбазафи хотел выяснить главное: кто руководил интригами против их семьи, и кто подсыпал зелье в питье, после того как братья первый раз вышли из больницы. Колдун-бара утверждал, что именно это зелье ускорило гибель младшего брата и лишило врачей в больнице возможности помочь старшему.

Перед началом суда мписикиди выстроил на деревенской площади всех подозреваемых, собственноручно скрутил шею красному петуху, тщательно ощипал его, перья сжег на костре, а птичью тушу обмазал белым пеплом.

«Тот, кто виновен в смерти младшего брата, кто занимался черным колдовством, умрет, дотронувшись до этой птицы», — провозгласил знахарь и, положив петуха на вытянутые руки, прошел мимо выстроившихся в ряд подозреваемых. Их было около тридцати человек, и все они поочередно клали руки на петуха. Иногда бара прекращал церемонию, вновь обваливал б птицу в золе и возвращался к испытуемым.

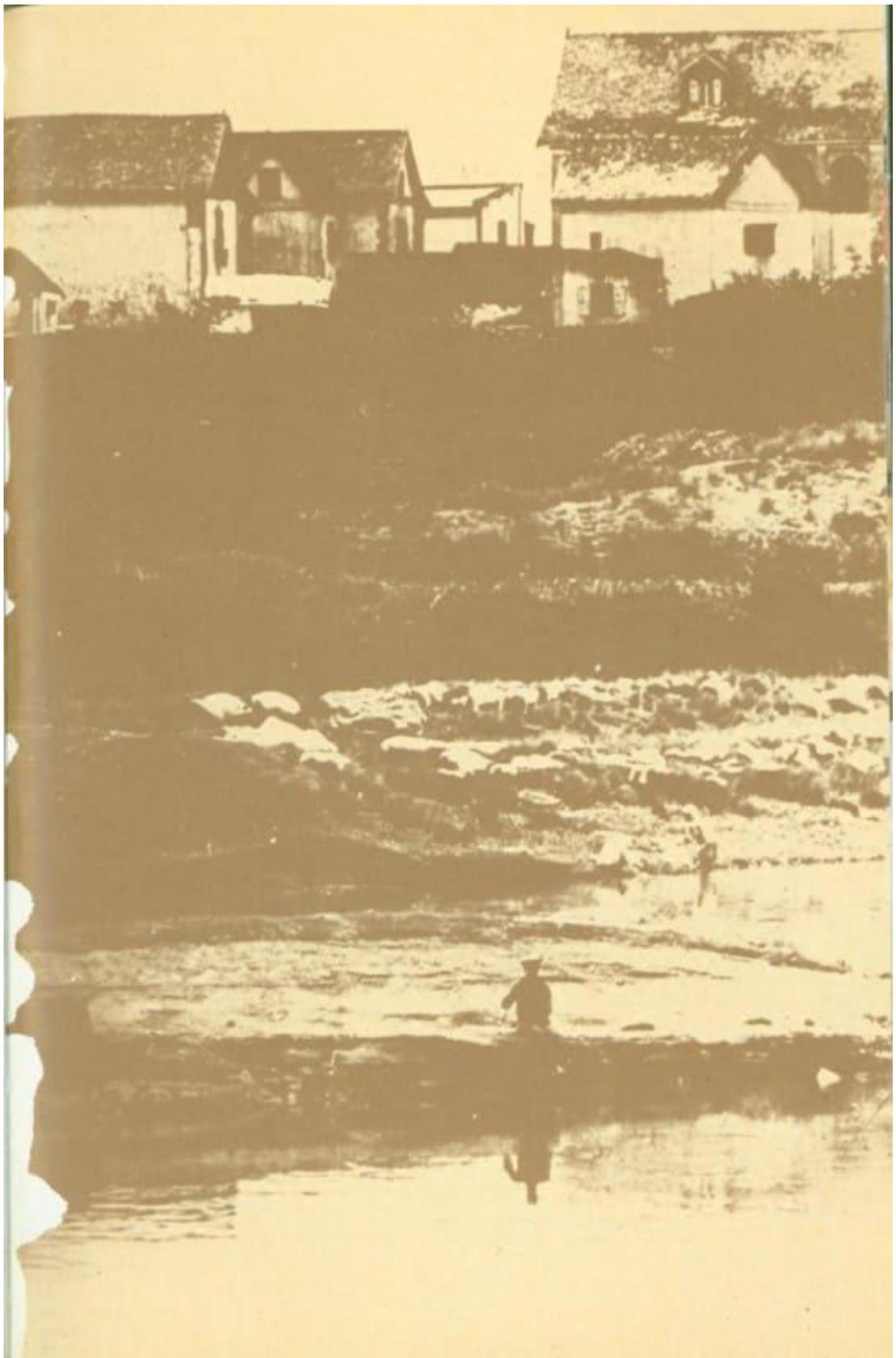
Когда последний из родственников дотронулся до петуха, мписикиди велел принести ему белую курицу, убил ее, обмазал X ее кровью свое лицо, а затем приказал развести ко-

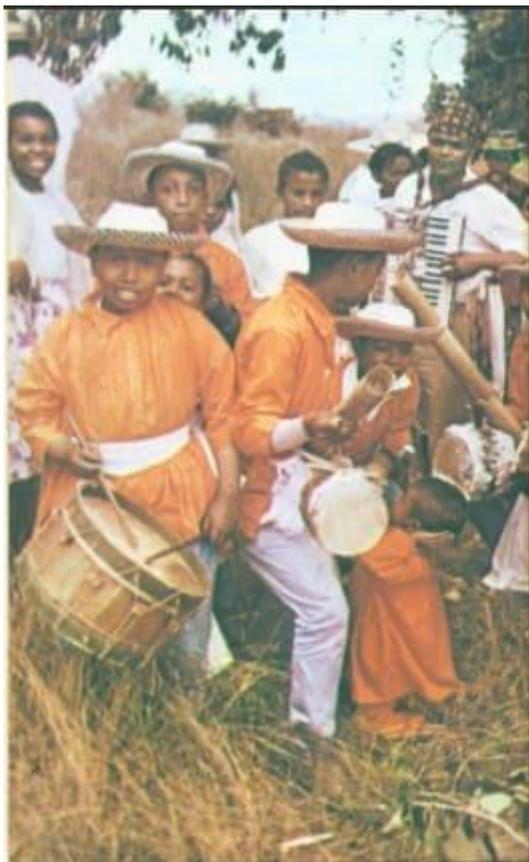
стер поярче. И «Вытяните руки вперед ладонями вверх, а сами смотрите на небо», — властно приказал он и, как только костер разгорелся, быстрым шагом прошел мимо людей. Затем, усевшись на землю спиной ко всем, начал «советоваться» с камешками и костями, извлеченными им из сумки. Более часа продолжались эти консультации, и все это время люди безмолвно стояли у костра, напряженно ожидая приговора мписикиди.

— Виноваты двое, — вдруг выкрикнул знахарь, так ни разу и не кинув взгляда на обвиняемых. — Тот, кто стоит пятым от северного конца, и тот, кто стоял третьим с южного...

Тот, кто стоял пятым, бросился перед костром на колени, даже и не пытаясь отрицать свою вину. Он лишь оправдывался, возлагая всю вину на другого, старшего родственника. Однако о том, «кто стоял третьим с южного конца», можно было говорить действительно лишь в прошедшем времени: пользуясь напряженным ожиданием, царившим у костра, и лучше других зная свою вину, он убежал...

— Ты умрешь через три дня! — вынес приговор колдун и, посыпав голову преступника белой золой, удалился.

Фемадихана — церемония отнюдь не траурная. У мерины и бецилеу преворачивание трупов...

...сопровождается жизнеутверждающими танцами...

...исполняемыми под аккомпанемент барабанов и валих

Есть в Фианаранцуа и свое зуме, где продают лучшие на острове валихи...

...и изготовленные искусными ремесленниками — бецилеу ткани

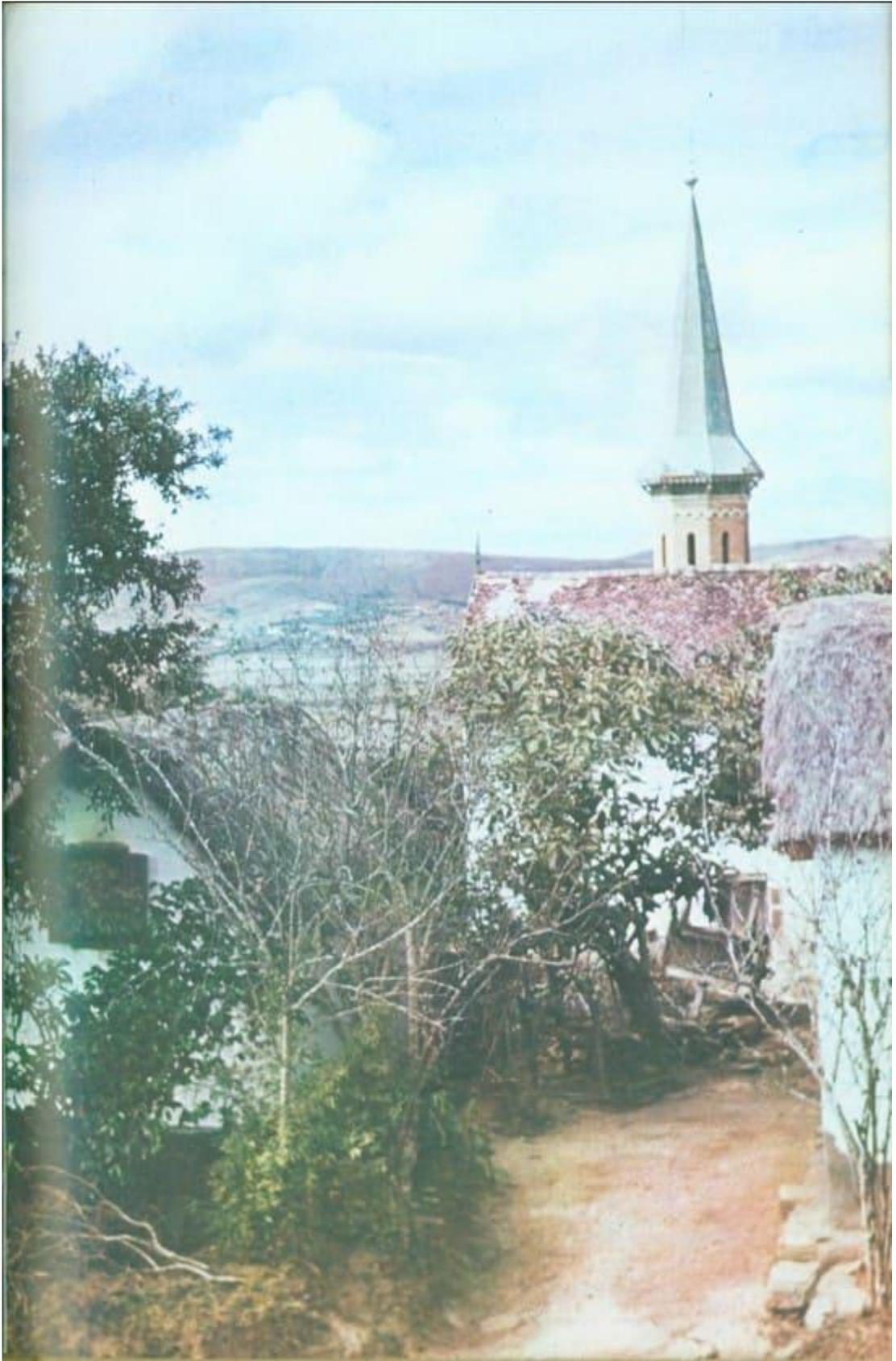
Священное озеро
Тритритва

В наиболее разви-
тых рисосеющих
районах острова
зебу уже исполь-
зуют как тягловый
скот

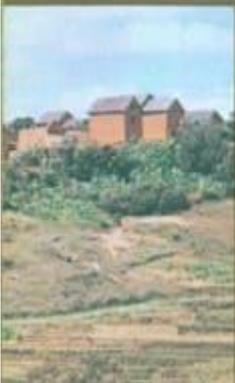
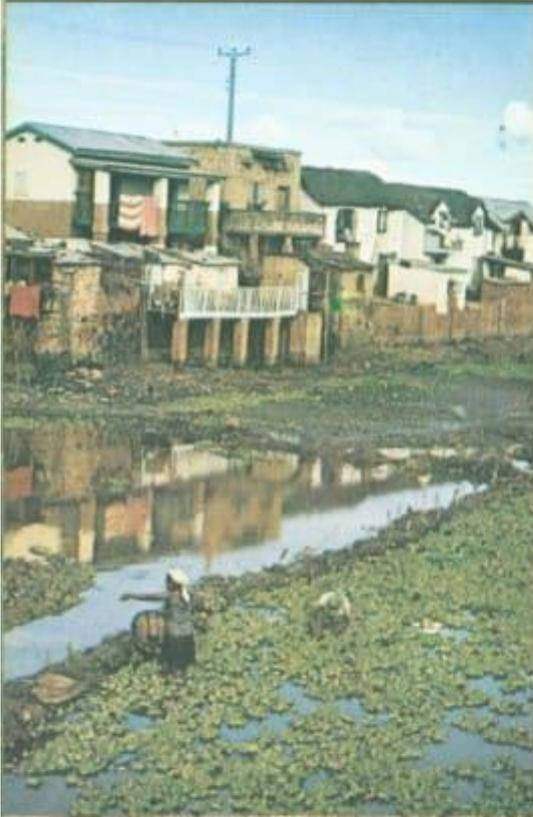

Моя подопытная
Тангаринана

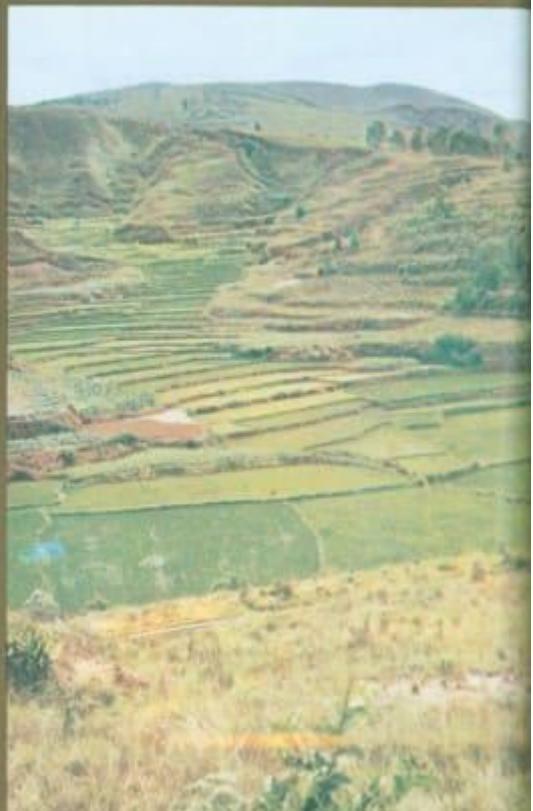
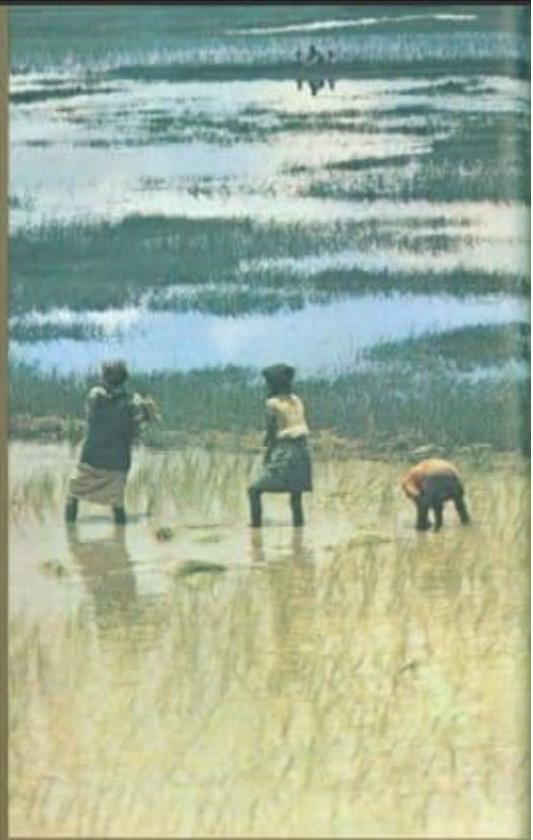

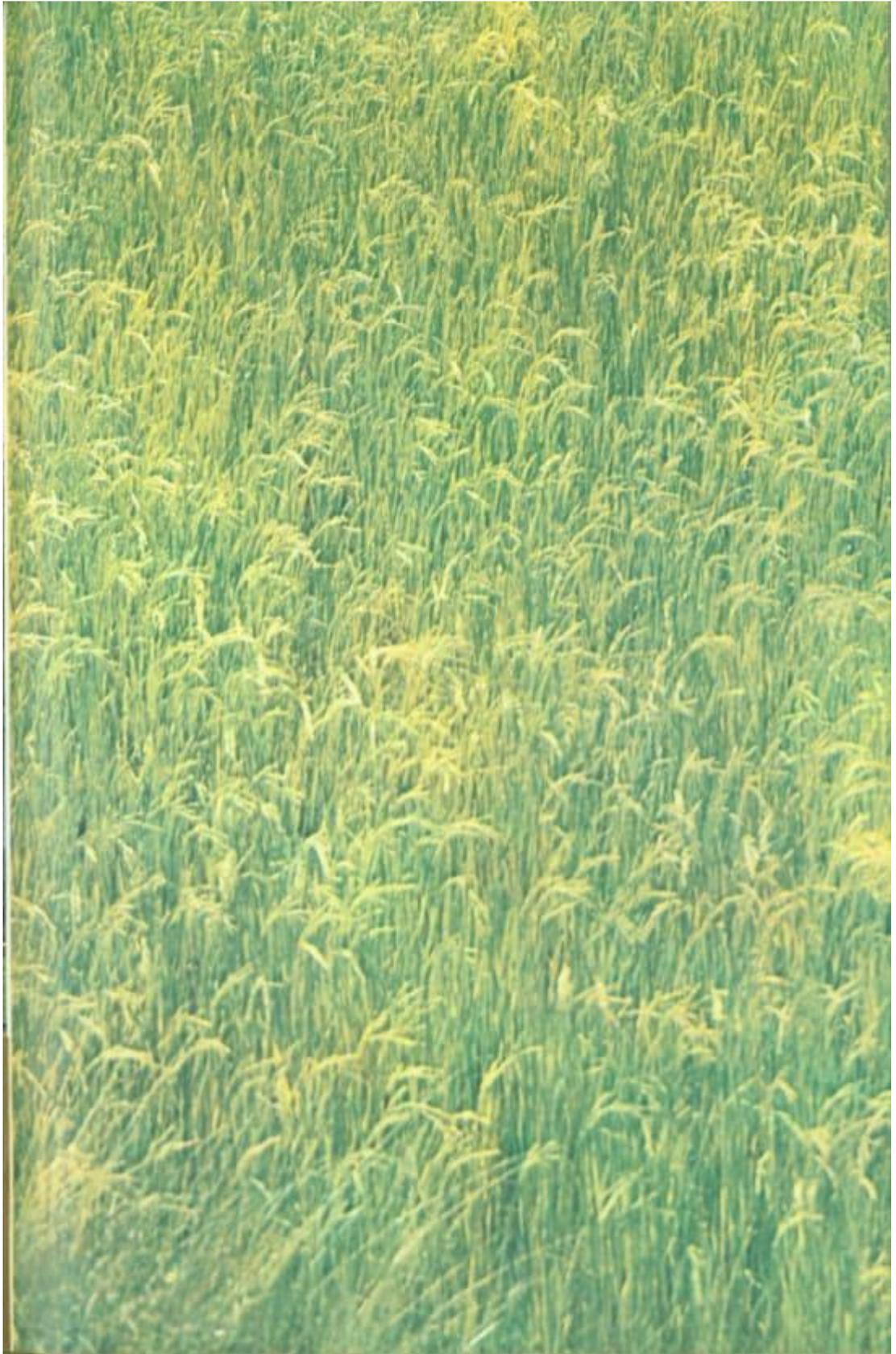

◀
И вспоминается
Утрилло...

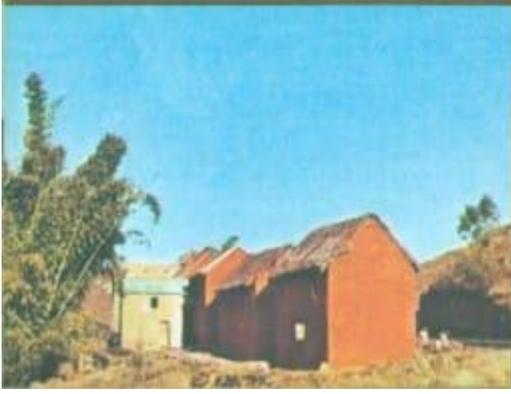

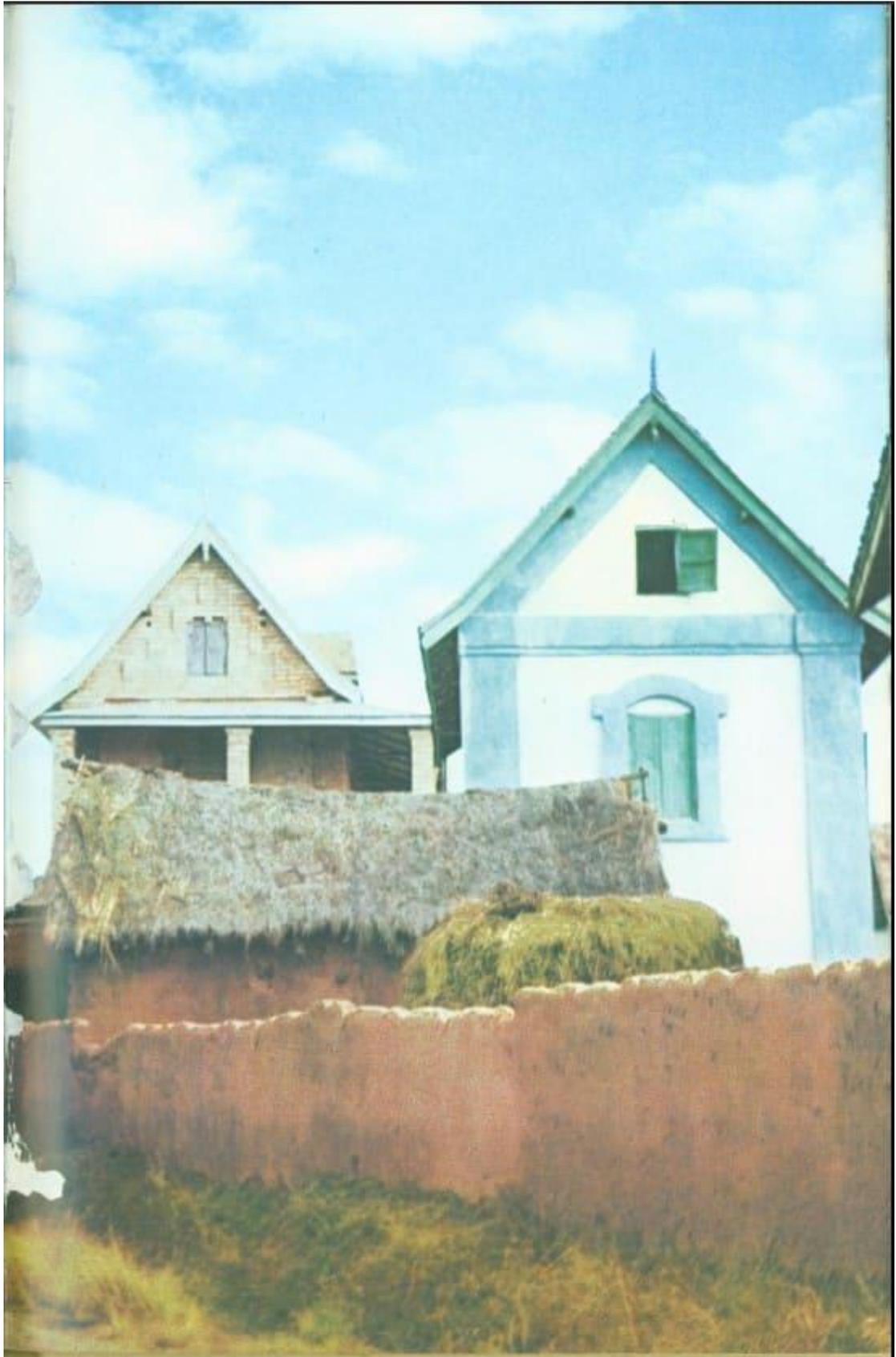
Рис, рис, рис...

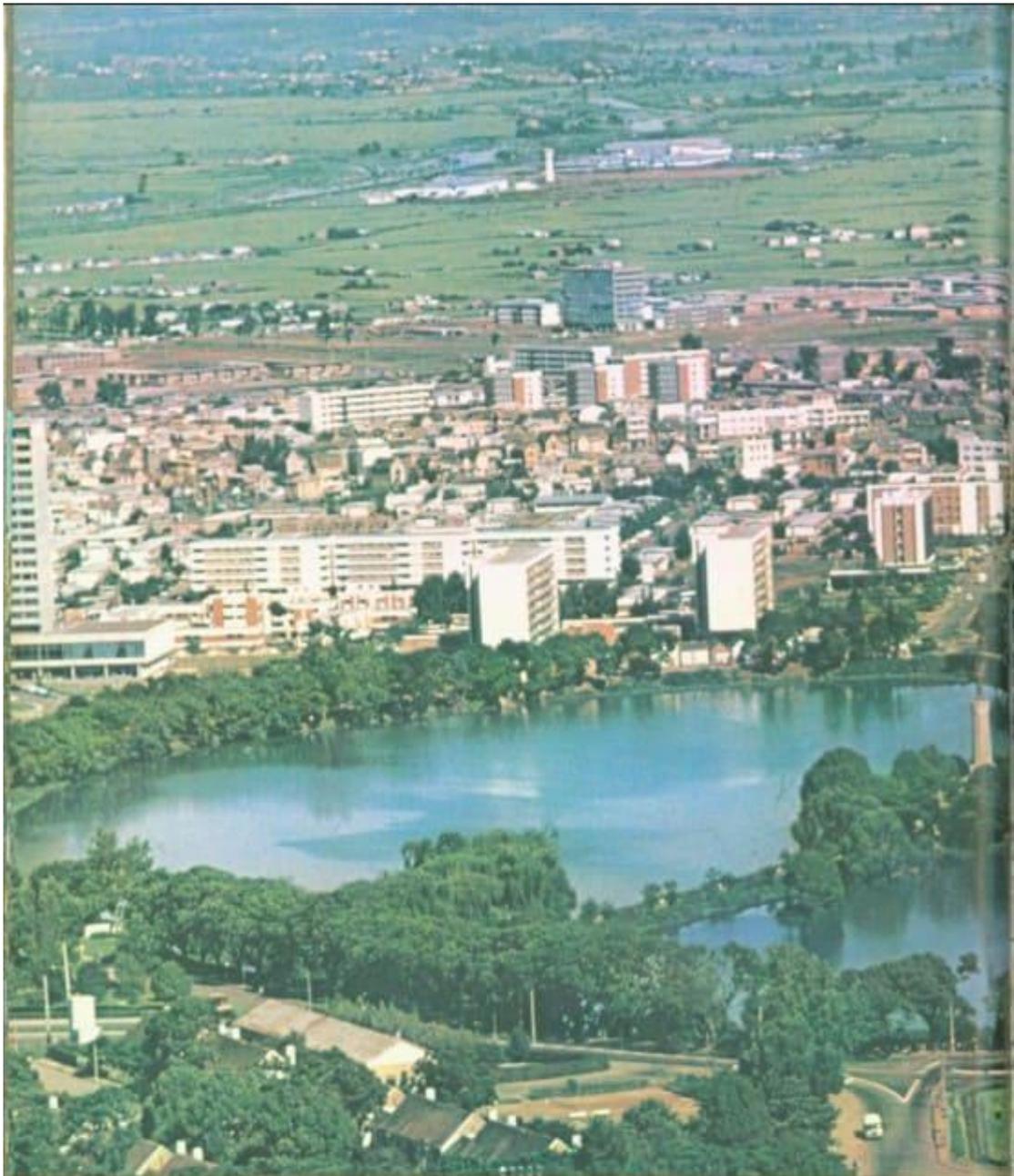

В сельских районах плато кирлич крестьяне изготовляют сами, а дома строят сообразно с условиями местности

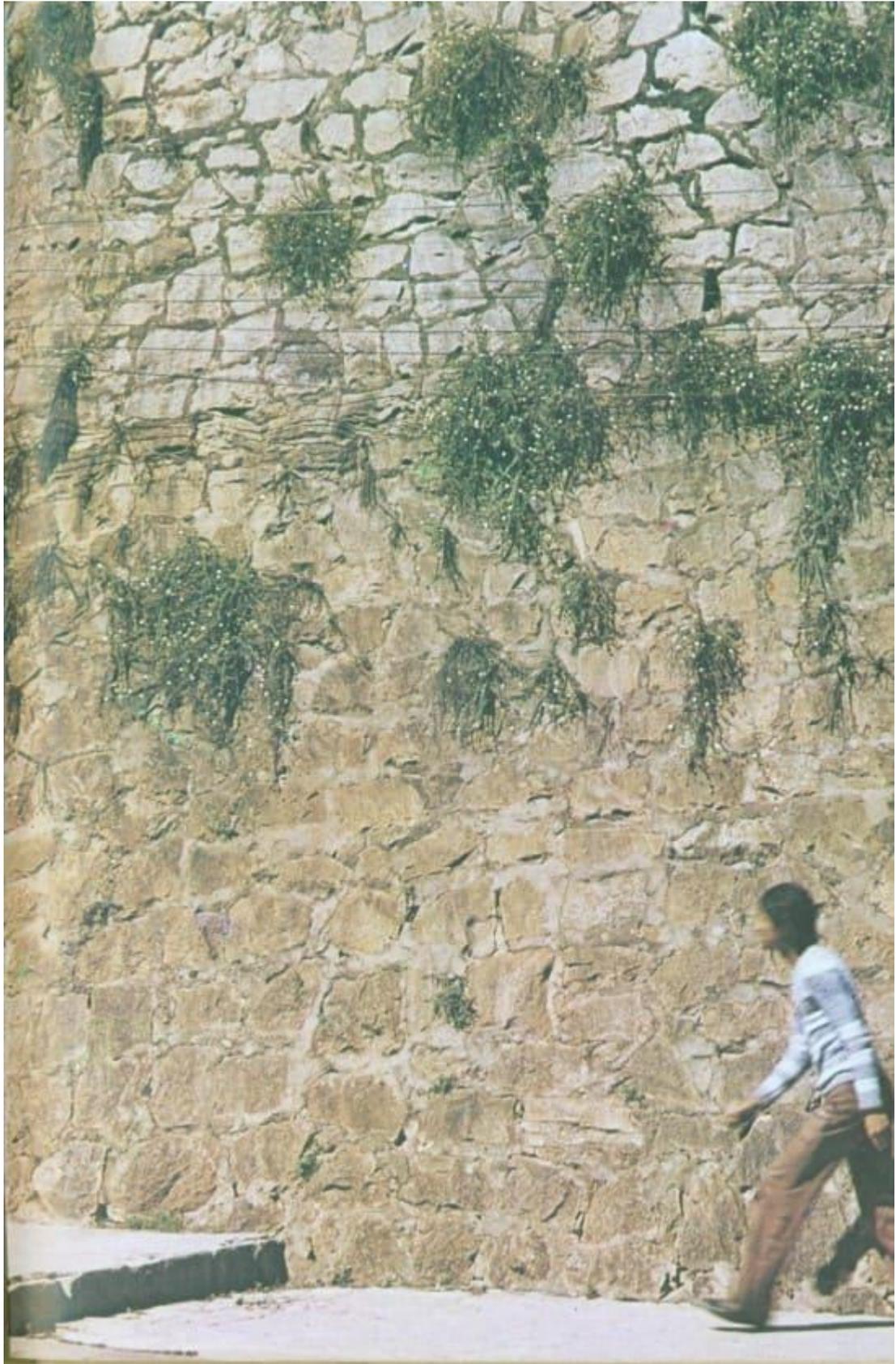

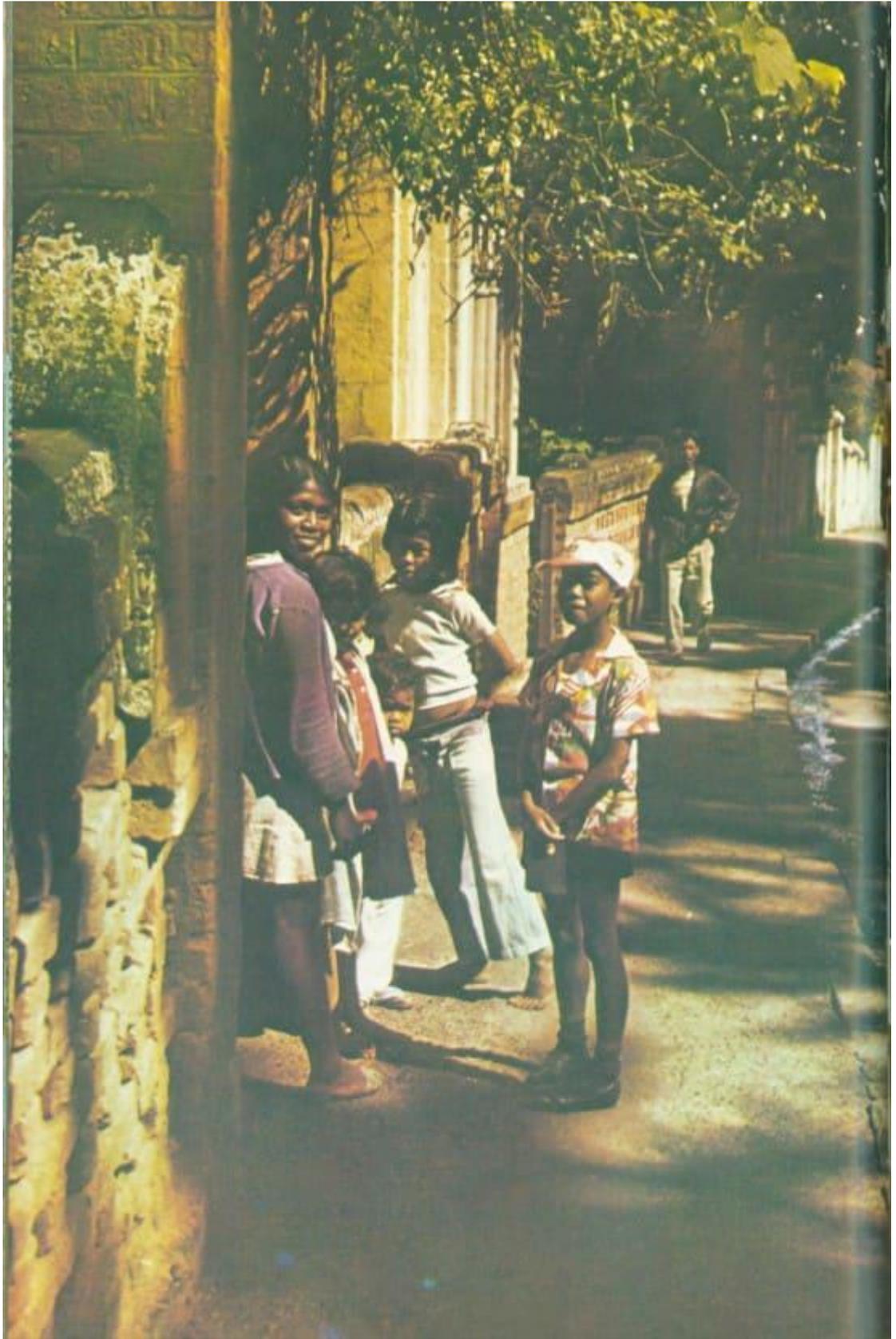

Вокруг озера Иту-си вырос модернистский центр столицы

Это не крепостная стена, а укрепленные каменными плитами отвесные склоны холма, по которому поднимаются ступени улицы, ведущей к Руве

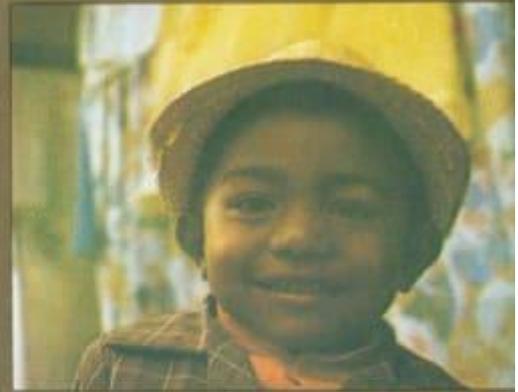
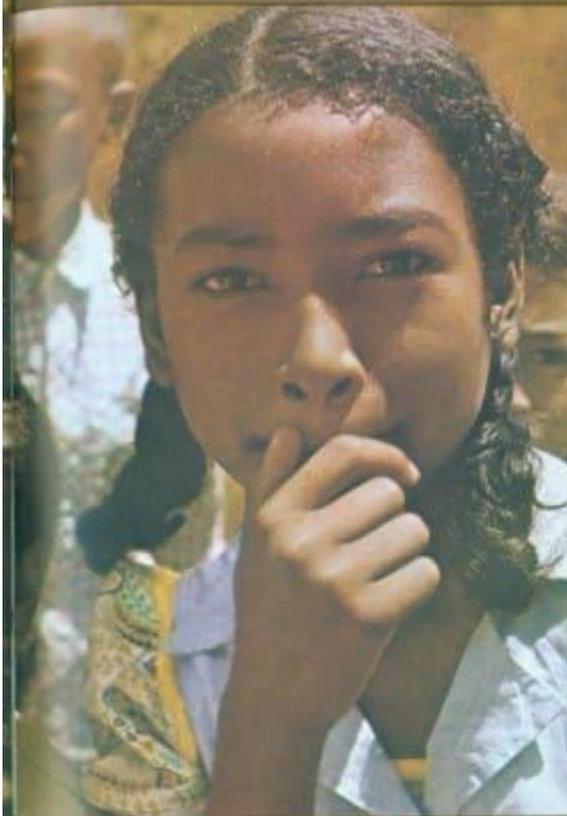

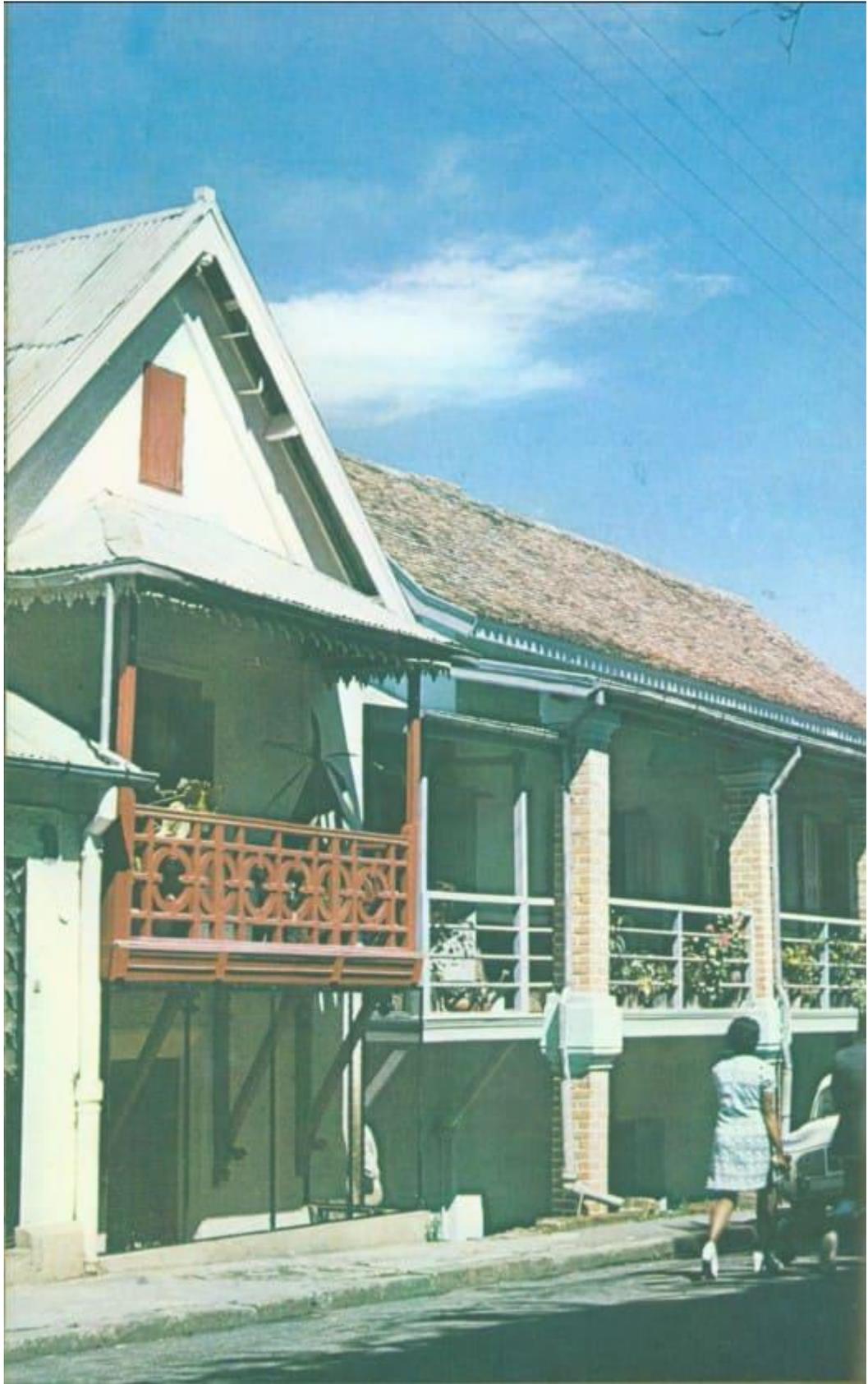

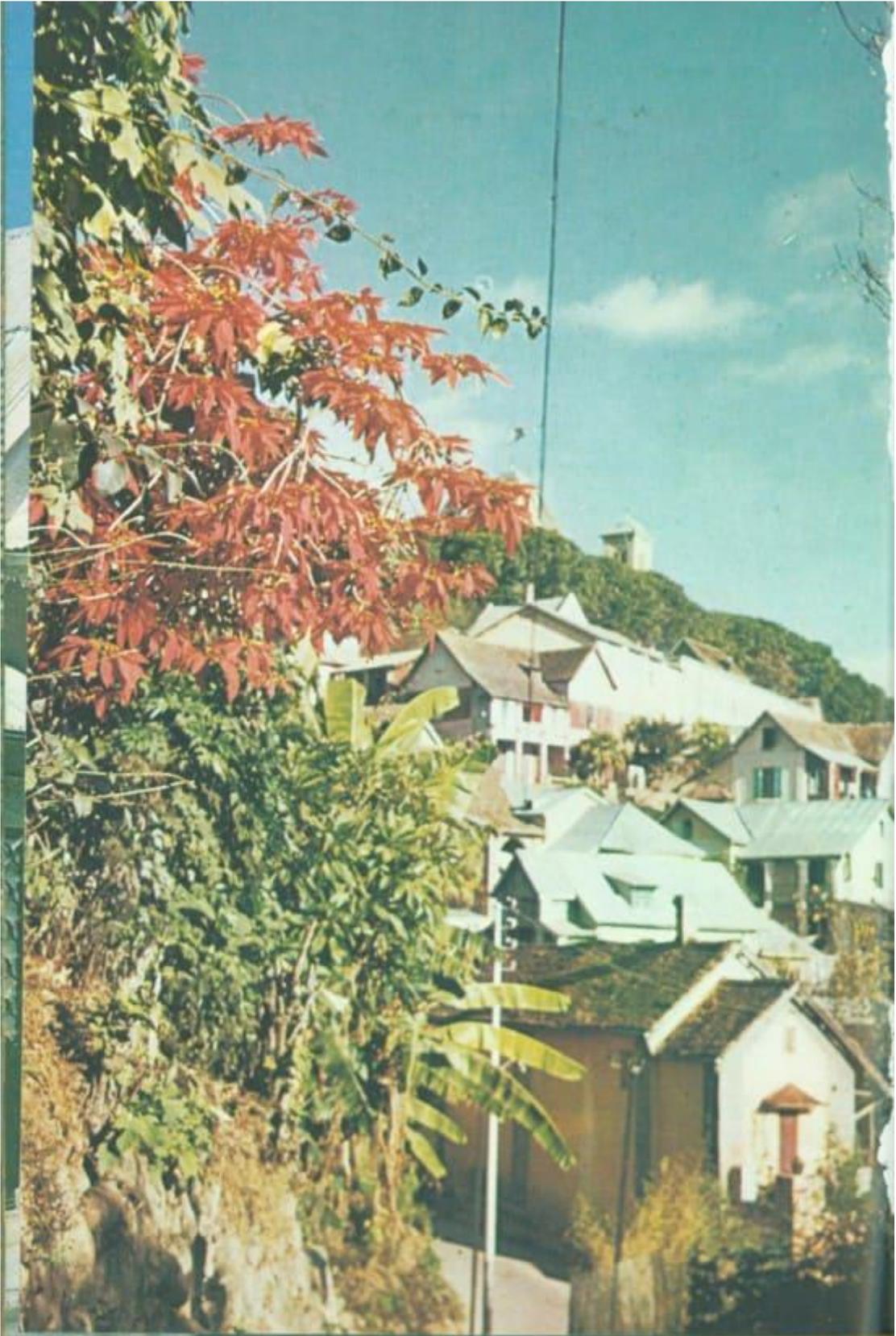
Дети Тана

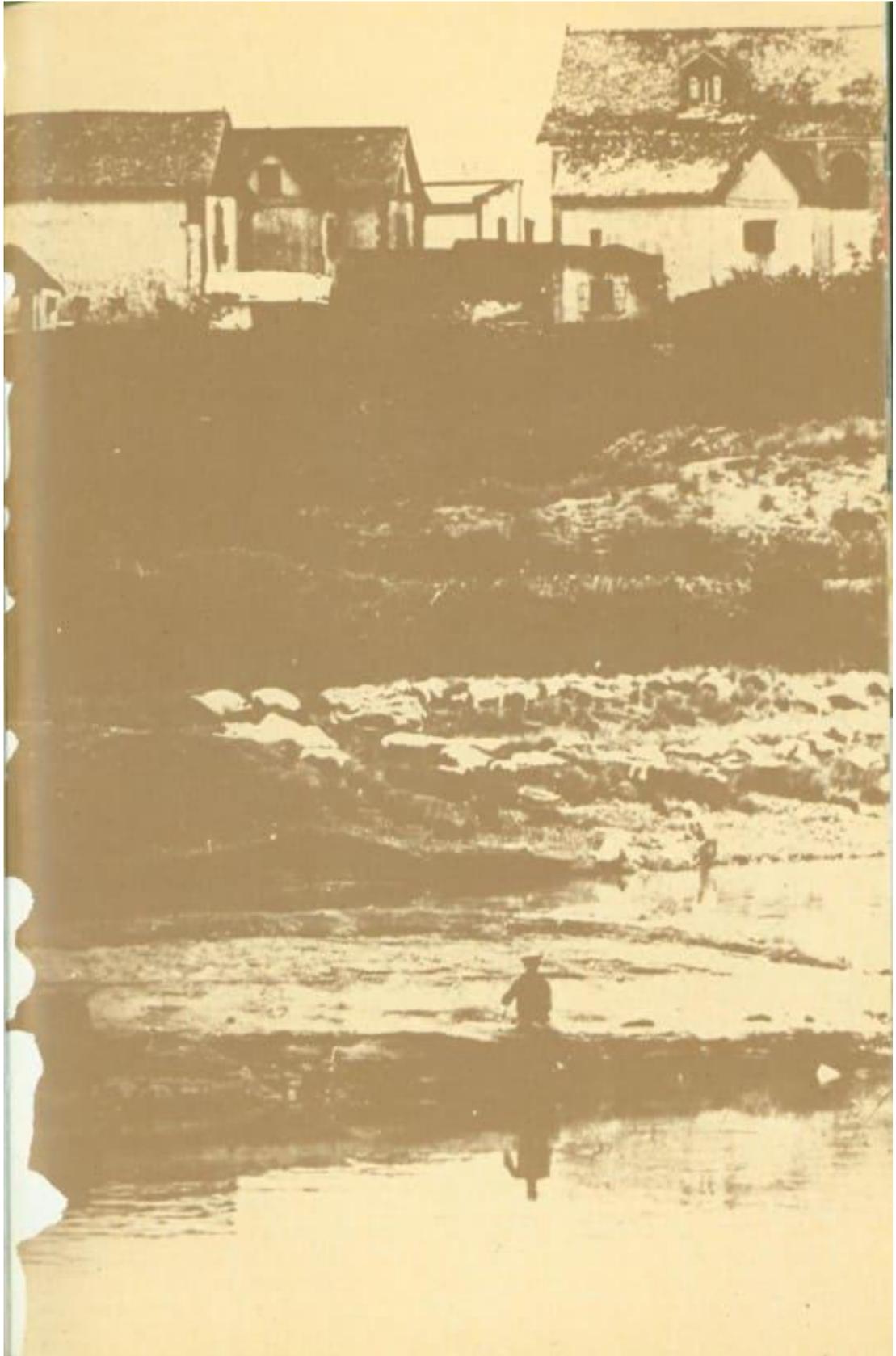

Тана — это улицы, бегущие по холмам, это причудливое смешение времен и стилей... ▶

— И действительно эти люди оказались виновными? — ошеломленный услышанным, спросил я.

— Уже то, что один из них сбежал, а другой лишь оправдывался, говорит, что бара не ошибся, — сказал доктор. — Умело применяя прикладную психологию, многие колдуны добиваются поразительных результатов. Очевидно, пожив в деревне и кое-что поняв, мписикиди пришел к выводу, что распутает дело. В противном случае он вряд ли бы за него взялся.

— Ну и как же все-таки удалось ему это сделать при помощи красного петуха, белой курицы, камешков и костей?

— Да при чем тут красный петух и камешки? — полураздраженно возразил доктор. — Все дело в петухе, обмазанном белым пеплом. Те люди, которым нечего было бояться, клали руки на петуха, оставляя на них золу. Виновные же, лишь делали вид, что прикасаются к птице. Когда при свете разгоревшегося костра бара обошел обвиняемых, он моментально заметил их чистые ладони. А камешки и кости — это для отвода глаз, для того чтобы представить свое ремесло как можно более таинственным.

Но история на этом не кончилась. Так как дело приняло серьезный оборот, в него вмешалась полиция. Того родственника, что не убежал, посадили в тюрьму, где он и умер через три дня...

— Умер, потому что знал, что должен умереть? — перебил я механика.

— Вот именно, — кивнул головой Ралаймунгу.

— А тот, который убежал?

— Того полиция искала, но так и не нашла, — продолжал механик. — Тогда мписикиди, который после суда никуда из дома Ратсимбазафи не выходил, заявил, что тот, второй, уже умер, и он знает, где лежит его тело. «Однако, — сказал колдун, — он умер не своей смертью, а был убит».

В сопровождении нескольких официальных лиц бара сел в машину и указал дорогу в деревню, которая находилась километрах в сорока от места событий. Оттуда он поднялся по узкой теснине в горы и указал на небольшую пещеру. В ней завернутый в циновку из тростника харефу лежал разыскиваемый труп. Из шеи покойника, в котором все опознали родственника Ратсимбазафи, торчала крохотная стрела. Мписикиди очень внимательно осмотрел эту стрелу, но до тела дотрагиваться не стал и категорически запретил делать это всем присутствующим. «Нельзя тревожить тело, потому что это помешает духу погибшего найти своего убийцу. Когда он отомстит за себя, я узнаю. Тогда можно будет забрать тело». На вопрос, кого он считает убийцей, бара загадочно хмыкнул и лишь сказал: «Он одного со мною племени». Ехать в деревню Ратсимбазафи он отказался и ушел в горы...

Полицейские же, вернувшись назад, получили нагоняй от начальства за то, что пошли на поводу у колдуна и не привезли труп для вскрытия. Тогда они вновь поехали в пещеру. Но, кроме циновки из харефу, в ней ничего не оказалось...

Лишь на третьи сутки вернулся в деревню мписикиди и был тотчас же вызван в полицию. «Душа убитого уводила из пещеры тело, чтобы отомстить, — сказал он. — Теперь она нашла убийцу и вернула тело. Можете забирать труп». На вопрос о том, кто же был убийцей, колдун назвал имя своего соплеменника — бара, занимающегося черным колдовством. Впоследствии выяснилось, что это именно он на ужине у родственников угощал братьев настойкой...

— Каковы будут комментарии доктора? — обратился я к Ралаймунгу, выслушав эту странную историю.

— Главное, что я могу сказать, так это то, что удивлен услышанным гораздо меньше, чем вы. С подобными таинственными историями, в которых колдуны и знахари дают сто очков вперед любому инспектору Мегрэ, в практике приходится сталкиваться, и не редко. Но объяснить эту часть работы, проделанной мписикиди, уже гораздо труднее... Нет петуха, за которого можно было бы зацепиться... За неимением другого объяснения, приходится предположить, что труп был обнаружен колдуном посредством ясновидения. О том, что убийца был бара, поведала ему скорее всего стрела, имеющая у этого народа специфическую форму. Кто же конкретно выпустил эту стрелу? Колдун знал, что на ужине присутствовал некто, кого Ратсимбазафи обвинил в убийстве брата. Яды, которые применяют бара, специфичны. Поэтому, леча Ратсимбазафи, подбирая противоядие, он определил и яд, а затем уже и «вычислил» того, кто его давал.

— А таинственное исчезновение трупа из пещеры?

— Скорее всего труп понадобился самому мписикиди (ведь такие колдуны очень суеверны), чтобы где-нибудь на вершине горы, «поближе к богам», поговорить с духом убитого, войти в транс, усилить дар ясновидца...

— Значит, насколько я понял, того колдуна, который присутствовал на ужине, арестовали? — уточнил я.

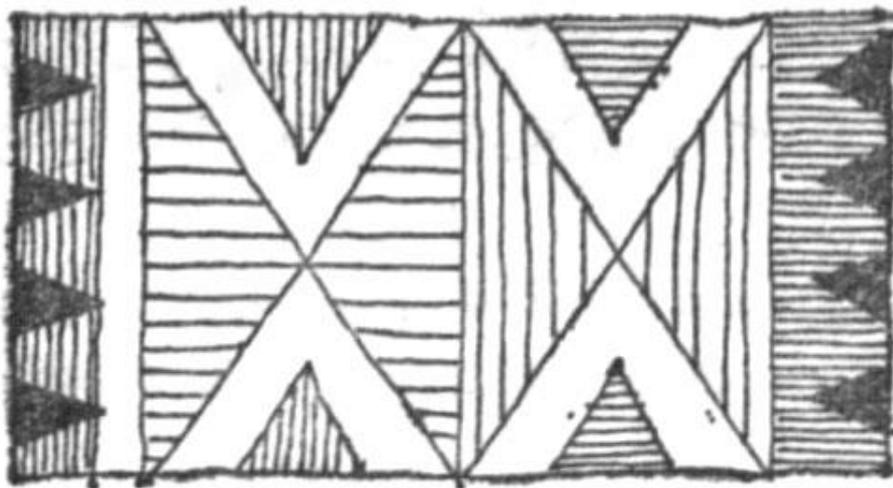
— Да, — кивает головой Ралаиву.

— Ну а мписикиди, который превзошел Мегрэ и Шерлока Холмса, вместе взятых? — спрашиваю я.

— Тот получил в награду за труд с полдюжины зебу из наследства, которое помог отстоять Ратсимбазафи, и отправился к себе в Ихуси, — говорит механик. — А полиция...

— А что полиция? — пожимает плечами доктор, — В сущности он один распутал за нее сложнейшее дело.

Хадридридридрна!!!

Африка... Настоящая Африка! Если бы мы путешествовали днем, то африканский колорит раскрывался бы постепенно. Но ночное путешествие помешало этому, и, как только вошло солнце, мы оказались совершенно в ином, не похожем ни на что ранее виденное на Мадагаскаре мире.

Чернокожие поджарые высокие мужчины, одетые не в белые ламбы, а в красные тоги... Юноши с копьями наперевес, гоняющие скот по заросшей колючками равнине... Женщины, увешанные множеством украшений, которых нет у других малагасиек... Уж слишком все вокруг напоминало Восточную Африку, какой-нибудь населенный скотоводческими племенами район полупустынь.

Такими при первом знакомстве показались мне земли бара — единственного малагасийского народа, название которого, как утверждают справочники, не поддается объяснению. Но мне подумалось, что объяснение это найти можно, если искать его не в малагасийском языке и не на Мадагаскаре, а там, откуда пришли чернокожие потомки этого народа, смешавшиеся затем на острове с желтокожими мальгашами.

Легенды бара утверждают, что некогда их отцы жили в Африке, а затем переселились на Мадагаскар и обосновались в районе Тулиары. На континенте их отцы были номадами. Поэтому и здесь, на Мадагаскаре, в отличие от всех других малагасийских народов, они сделали кочевниками, которые, как и всюду, создают воинственные организации.

Сначала они были необходимы для защиты собственных стад. Однако по мере роста численности бара и укрепления их военных институтов вооруженные копьями юноши возродили ранее неведанную на острове африканскую традицию: военные рейды на земли соседей за скотом. А поскольку к западу и югу от земель бара было море, а на севере жили могущественные сакалава, то единственным возможным направлением для этих рейдов стало восточное. Скота у кочевников становилось все больше, жалкие пастбища вдоль побережья уже не устраивали их. И тогда воинственные скотоводы, в жилах которых текла немалая доля африканской крови, устремились во внутреннюю часть острова, на равнины, облюбованные ими во время рейдов.

Однако на арабском языке, которым пользовались купцы побережья, да и на языке суахили, которого не могли не знать эти жившие раньше в прибрежных районах люди, внутренняя часть любой страны именуется «бара». Так почему же тогда не предположить, что народ бара — это «жители внутренних районов» Мадагаскара?

Когда я высказал эту свою догадку моим попутчикам, Лиуна, все время дремавший на заднем сиденье «лэндровера», лишь пожал плечами, а Ралаймунгу устало проворчал:

— Сейчас главное не отвлекаться от дороги и не проскочить поворот. Вскоре за Ихуси должна быть тропа, ведущая в Андриабе. Она-то нам и нужна.

Поворот мы не проскочили, тропу нашли, но в хижине, принадлежащей знахарю, нас встретил лишь его старший сын.

— Отец еще до рассвета уехал в деревню Амбатубе, — объяснил он. — Это недалеко от Бетрука. Там заболели несколько жителей, и местный колдун объявил, что во всем виноваты хелу. Отца вызвали успокоить людей.

— Бетрука — город на юге земли бара, делящий с Ихуси честь именоваться их «столицей». Еще сто тридцать километров по утопающей в пыли дороге...

— Несколько больных плюс хелу, — значит, там будет серьезное действие, — говорит Ралаймунгу. — Надо ехать...

Я бы предпочел поспать, но представившийся случай требует вновь садиться за баранку.

— Кто же такие хелу? — спрашиваю я, чтобы узнать, ради чего страдаю.

— Хелу... хелу? — не то задумчиво, не то растерянно повторяет Ралаймунгу и смотрит на Лиуну. — По-моему, это какие-то духи, в которых верят только бара.

— Я тоже довольно плохо знаком с верованиями бара, — говорит Лиуна. — Помню только, что хелу живут среди корней деревьев и могут быть как плохими, так и хорошими. Плохие хелу насылают болезни и смерть. Это служит предзнаменованием того, что хелу недовольны людьми и больше не хотят, чтобы те жили рядом с ними.

— Тогда понятно, почему знахарский сын сказал, что отца «вызвали успокоить людей», — говорит доктор. — Очевидно, бара решили уходить, и мписикиди попросили уговорить их не делать этого...

— Неужели для этого не нашлось никого, кто жил бы поближе? — удивляется Лиуна.

— Неужели вы никогда не слышали о том, что в районную больницу для консультации иногда вызывают из города светило-профессора? — улыбаясь, отвечает доктор. — Ведь знахарь знахарю рознь. Во-первых, бывают среди них попросту шарлатаны, которые кидают камешки, режут петухов, но, кроме как снять головную боль или остановить кровь из пальца, ничего сделать не могут. Во-вторых, уже среди сильных и знающих оккультных деятелей бывают «злые» и «добрые», «плохие» и «хорошие» знахари. Одни влияют на пациентов или даже на толпу в расчете исключительно на «черные силы», используют гипноз в своекорыстных целях, охаивают медицину и занимаются не столько врачеванием, сколько «предупреждением» сглаза и наговоров.

Кроме того, есть колдуны, которые берутся вызывать дождь, возродить плодородные земли, участвуют в облавах на ведьм, оказывают услуги всем, кто к ним обращается: студенту, который боится провалиться на экзамене; политику, который добивается избрания на выборах; мужчине, получившему отказ любимой; даже торговцу, пытающемуся избежать налогов... Таких жрецов черных сил называют в народе мпаморика — «человек, который готовит яд».

— Таким «плохим колдовством» занимаются только мужчины?

— Женщин-колдуний, имеющих дело с ядами, называют мпамасави. Они тоже служат силам зла, хотя и не так активно, а иногда даже могут делать и добро. Особенно деятельны они, когда в деревне кто-нибудь умер. Тогда мпамасави обмазывают тело жиром и по ночам обнаженные танцуют среди могил. Их нередко изгоняют из деревень, к ним крайне подозрительно относятся власти, все чаще запрещающие их деятельность.

— Надеюсь, что именно таких колдунов мы и увидим? — подал голос Лиуна.

— Если и увидите, то только без меня, — покачал головой доктор. — Я познакомлю вас со знахарем, который не только прекрасно знает травы, но несколько месяцев провел в

больницах, знакомясь с современными препаратами. У него огромный авторитет, далеко выходящий за пределы Ихуси.

— Как же его имя? — спросил Лиуна.,

— Из боязни оскорбить духов, которым служит знахарь, здесь никогда не произносят его имени. Это — фади, и поэтому никого не интересует, как зовут врача. Обычно в разговоре в отношении их употребляют термин «омбиаси» или «мпимаси» — «добродетельный человек».

— Кто же тогда тот колдун бара, о котором рассказывал Ралаиву, и почему вы называли его мписикиди?

— Мписикиди, если переводить буквально, означает «правдovesатель», «ведатель судеб». Это колдун, который, примиряя оккультный мир с человеческим, действует в интересах восстановления правды и творит добро. Очень часто мписикиди выступают также в роли врачей, особенно когда дело касается заболеваний, связанных с отравлением, сглазом, «черным гипнозом». Поэтому многие крестьяне видят в мписикиди главную силу, которая может противостоять жрецам черных сил. Нередко они берут на себя также функцию астрологов-мпанандру, выбирая лучший день для свадьбы, закладки дома, рытья могилы или другого важного мероприятия. Колдунов и знахарей, которых называют мписикиди, обычно очень любят и ценят в народе.

Приехав в Амбатубе, мы увидели, что деревенская площадь полна народу, а врачеватель уже занят своим делом. Запретив нам выходить наружу, Ралаймунгу направился к толпе. Было видно, как он обменялся со знахарем дружескими рукопожатиями, перекинулся несколькими фразами.

— Можете выходить, угрозы инфекции нет, — сказал он, вернувшись к машине. — Массовое отравление испорченным мясом. Пятерых он уже привел в чувство, шестого отхаживает. Люди заболели на пастбище, куда нельзя проехать на машине. Знахарь разрешил смотреть, но просил не путаться под ногами.

Толпа безмолвно расступилась, и мы прошли на площадь, посреди которой на шкуре зебу лежал обнаженный мужчина. Знахарь — человек лет пятидесяти, одетый, к моему удивлению, в европейский костюм, что-то шептал больному, плавно двигая руками с растопыренными пальцами над его головой.

Вдруг знахарь отпрянул назад. По худому телу больного пробежали конвульсии, сопровождавшиеся сильной рвотой.

— Хадридридридрна! — выкрикнул знахарь и начал медленно приближаться к больному, не спуская с него глаз. При этом его простертые руки, как бы что-то хватали в воздухе и бросали в лицо больного. И после каждого такого «броска» судороги ослабевали, было видно, как тело, послушно следуя воле знахаря, расслаблялось.

Двое юношей, помощников врача, подошли к больному. Один из них начал делать ему промывание кишечника, другой подал знахарю деревянный сосуд, наполненный темно-зеленой жидкостью. Тот поднял валявшийся на шкуре рог, вставил его в рот больному и стал медленно лить эту жидкость.

— Думаю, вам не надо объяснять происходящее, — наклонившись ко мне, шепчет Ралаймунгу. — Знахарь действует точно так же, как поступил на его месте любой врач: промывает кишечник и вводит через рот настой трав, который вызывает рвоту и очищает желудок. Только в добавление ко всему он еще применяет и гипноз, заставляя больного очень сильно сокращать мышцы живота, с тем чтобы поскорее избавиться от токсинов. Затем он возвращает пациента в состояние полного покоя, и все начинается сначала. Как видите, в его обиходе очень мало «экзотических» средств. Какое-то длинное слово, которое я даже и не берусь повторять, носит магический смысл.

Тревожный гул неожиданно пронесся по толпе: на площадку на носилках-филанзана внесли трех отравившихся, которые все еще оставались на пастбище. «Они умерли!» — запричитали женщины, принявшись рвать на себе волосы.

Ралаймунгу и знахарь одновременно рванулись к носилкам. Доктор, на ходу вынув из кармана стетоскоп, начал поочередно прикладывать его к сердцу больных. Знахарь, слегка наклонившись, ограничился лишь визуальным осмотром. Потом вернулся к лежавшему посередине и приложил указательный и средний палец к его вискам.

— Те двое, с западного конца, действительно скончались, — сказал Ралаймунгу.

— Только средний, — возразил знахарь, перейдя на французский. — Если шприц с тобой, сделай лежащему слева инъекцию. Что-нибудь стимулирующее сердечную деятельность.

Пока Лиуна бегал за докторским саквояжем, знахарь приказал своим помощникам расстелить вторую шкуру и принялся за юношу, которого Ралаймунгу счел мертвым. Он начал с того, что положил на его грудь большую плоскую раковину с красным порошком и поджег его. Едкий желтый дым почти тотчас же окутал и знахаря, и его пациента. Лишь подойдя поближе, я увидел, что врачеватель начал делать искусственное дыхание. Минут пять понадобилось Лиуне и Ралаймунгу, чтобы организовать укол. Но когда доктор, наклонившись к больному, начал делать инъекцию, с его уст сорвалось удивленное: «Он, кажется, действительно дышит».

— Сделай укол и второму, — попросил знахарь и, убрав раковину, начал мять живот больному, одновременно втирая ему какую-то вязкую прозрачную мазь. Помощники уже приготовили все необходимое для промывания кишечника, но знахарь властным движением остановил их, прекратил массаж и вновь приложил два пальца к вискам больного.

— Ралаймунгу, — с тревогой в голосе позвал он. — Сердце сдает. Ему бы продержаться, пока я вызову рвоту.

— Уже почти сдало, — выслушав парня, подтвердил доктор. — Сделаю еще укол. Больше ничем не поможешь,

— Что ты вводишь?

— Кофеин.

— Если камфоры нет, то не надо, — махнул рукой знахарь. — Другие лекарства возбуждают его и только помешают мне. Э-э, принесли бы его первым... Я уже слишком устал...

— Попробуй, все-таки, — сказал Ралаймунгу.

— Да, ничего не остается, — вздохнул он и, перейдя с французского на малагасийский, властно приказал: — Все десять шагов назад. И ни звука, ни вдоха. Тот, кто скажет первое слово, будет убийцей больного.

Покорно и беззвучно толпа отступила назад. Знахарь отдал распоряжение помощникам делать промывание желудка, а сам ушел в соседнюю хижину. Вышел он оттуда по пояс голый, в ламбе, словно юбка, прикрывавшей нижнюю часть его тела, и с белой повязкой, туго перетягивавшей лоб.

— Хадридридридрна! — воскликнул он, и толпа, и без того хранившая молчание, замерла. Было видно, как люди сдерживают дыхание и боятся даже шелохнуться.

— Хадридридридрна! — вновь повторил он и сел на корточки лицом к больному, пропустив его тело между ног.

Знахарь проверил биение пульса на висках у юноши, взял его руки в свои и замер. — Одна, две, пять минут... Знахарь не двигался и только по его напряженному лицу было видно, какое огромное волевое напряжение он испытывает. Шесть, семь минут... Знахарь освобождает свои руки и, впившись глазами в закрытые глаза юноши, начинает двигать пальцами перед его лицом. Восемь, десять минут... Пальцы двигаются в разных направлениях, иногда знахарь меняет и положение рук, но при этом видно, что он все время пытается удержать кисти под одним углом к голове больного. Десять минут... Знахарь вскаки-

вает, с силой ударяет юношу в область сердца, громовым голосом выкрикивает несколько фраз и вновь садится перед больным.

Глаза омбиаси широко раскрыты, мускулы лица напряжены до предела, и крупные капли пота, катящиеся по лбу, все чаще и чаще падают на неподвижное тело умирающего. Четырнадцать, пятнадцать минут... Удар по сердцу, властный окрик и вновь напряженное волевое усилие. Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать минут... Удар, окрик. Девятнадцать, двадцать... Теперь удары следуют все чаще и чаще, а окрики делаются все более громкими и яростными. Я еле сдерживаюсь, чтобы не спросить Ралаймунгу, что означают выкрикиваемые слова. Но боязнь в случае летального исхода быть обвиненным в смерти юноши заставляет меня помалкивать. Однако доктор первым нарушает молчание.

— Лиуна, — слышу я его шепот, — у нас есть компас?

— Есть, в машине, — отвечает он.

— Принеси побыстрее.

Когда тот возвращается, Ралаймунгу знаком зовет нас следовать за ним. Подойдя к знахарю сзади, он осторожно кладет компас на траву у головы больного. Знахарь произносит свой очередной выкрик, вновь как бы ловит что-то в воздухе и бросает в лицо юноши. Одна из его рук в этот момент оказывается рядом с компасом: магнитная стрелка дергается и поворачивается вслед за пальцами знахаря. Тот, сделав хватательное движение и вскрикнув, склоняет руки над лицом больного. Я внимательно смотрю на эти руки: ни часов, ни колец, ни других металлических предметов на них нет.

Ралаймунгу забирает компас и отзывает нас обратно. Перехватив мой вопросительный взгляд, он лишь пожимает плечами и загадочно улыбается.

— Никто не может толком объяснить это явление, — говорит он. — Но есть среди знахарей и такие, которые, войдя в транс, сдвигают взглядом небольшие металлические предметы и своими глазами, словно рентгеновским лучом, точно видят то место в желудке, где застряла проглоченная иголка.

Тридцать четыре, тридцать пять минут... Знахарь вскрикивает что-то новое, и первая конвульсия пробегает по телу юноши. Омбиаси трясется мелкой дрожью, и кажется, что эта дрожь, передаваясь юноше, усиливается, заставляет его тело извиваться в судорожных движениях. Тридцать шесть, тридцать семь минут... У больного начинается рвота.

— Все, — говорит доктор Ралаймунгу. — Теперь знахарь не даст ему умереть. А я вне больницы, без необходимых лекарств и приспособлений, этого под баобабами сделать бы не смог.

Помощники знахаря прилаживают рог ко рту больного, промывают кишечник и поджигают какой-то порошок, принимаясь окуривать юношу. Он даже слегка улыбается им. Он будет жить.

А знахарь, сорвав повязку с головы, вытирает ею пот и устало идет к хижине.

— Пусть отдохнет, — говорит Ралаймунгу. — А ты, Лиуна, приготовь-ка лучше обед в машине. Когда омбиаси отойдет, мы пригласим его перекусить вместе.

Вновь начинают голосить женщины: ведь одного отравившегося все-таки не сумели вовремя доставить к знахарю. В отличие от остальных малагасийцев бара, подобно африканцам, боятся мертвецов и не любят держать их в селениях. Свои кладбища они устраивают где-нибудь подальше в пещерах, среди гор.

Голосят по покойнику, рвут на себе одежду женщины. А мужчины бредут друг другу головы в знак траура.

— Что же все-таки случилось в деревне? — спрашиваю я Ралаймунгу.

— Отравились, значит, на пастбище, девять мужчин. Узнав об этом, местный мпамарика заявил, что в ночь перед тем, как случилось несчастье, он встретил под деревом хелу, которые сказали ему: «Род, к которому принадлежат отравившиеся мужчины, должен покинуть деревню».

— Какой же колдуну смысл изгонять этот род?

— Живут в Амбатубе всего два рода: тот, который постигло несчастье, и тот, к которому принадлежит мпамарика. Пастбища здесь небогатые, водопоев мало. Поэтому пополнить их остающемуся роду — прямой резон...

— И что же будет дальше?

— В хелу здесь верят. Поэтому похоже на то, что половина деревни готовится сняться с места. Тем более что не обошлось без смертельного исхода. Одного этого для бара достаточно, чтобы переселиться на новые земли.

— В чем же тогда будет заключаться миссия омбиаси? И кто попросил его «уладить дело»?

— Обо всем происшедшем узнали местные власти. Однако, когда речь идет о хелу, административные меры применять они не считают возможным. Поэтому и обратились к авторитету омбиаси. Ну а что он придумает, спросим у него.

Бара впадают в транс

Однако знахарь оказался немногословен и за обедом ограничился тем, что обронил: «Вечером проведем тромбу». Он съел две банки компота, сказал, что ни пить пиво, ни есть мясо ему сегодня нельзя, загадочной улыбкой ответил на предположение доктора о том, что отравление мясом, возможно, совсем и не случайно, если принять во внимание заинтересованность мпамарика. «Я очень устал и должен отдохнуть перед тромбой», — сказал он и, поблагодарив, удалился.

Устав после бессонной ночи и обрушившихся на нас впечатлений, прилегли отдохнуть в машине и мы.

Тромба?.. По своему значению этот термин скорее всего близок к понятию «коллективный транс», «массовая истерия». В анналах истории острова разбросаны многочисленные свидетельства о самых разнообразных проявлениях тромбы, отмечавшиеся у многих мальгашских племен. Обычно тромба — это спиритический сеанс на малагасийский манер, во время которого оккультных дел мастер «общается» на виду у всех соплеменников с каким-нибудь из их знатных предков. Вещая затем участникам тромбы «волю предков», касающуюся, как правило, дел, затрагивающих будущее всего рода или даже племени, ее организатор, умело используя приемы массового гипноза и играя на религиозном фанатизме присутствующих, вводит их в состояние коллективного транса.

Особенно распространенные ранее среди сакалава и бара такие «сеансы» нередко проводились среди солдат этих племен, с тем чтобы снять нервное напряжение перед боем и внушить воинам уверенность в победе. Некоторые омбиасы, проводя массовые тромбы, избавляли от недуга заикавшихся и парализованных детей.

Нередко тромба становилась грозным политическим инструментом, направлявшим умонастроения тысяч, десятков тысяч людей. В 1910 году политические тромбы среди бецилеу привели к возникновению «эпидемии билу» — кампании массового неповиновения колонизаторам, своего рода симуляции «массового безумия». Десятки тысяч людей, объявлявших, что страдают «болезнью билу», отказывались выполнять любые работы, к которым их принуждали власти. Позднее движение «одержимости» в форме коллективного неповиновения колонизаторам возникало и среди махафали.

Начиная с двадцатых годов нынешнего столетия, малагасийцам разрешалось проводить тромбы лишь в целях излечения от болезней, да и то среди жителей одной деревни. При этом, чтобы не выпустить вошедших в экстаз крестьян из-под контроля, мпиадиды должны были предупреждать власти о проведении церемонии заблаговременно. Если

тромбу разрешали, то в деревню являлся жандарм, собиравший с присутствующих по 50 франков. Так неожиданно малагасийская тромба сделалась для французов прибыльным делом...

Меня разбудил зловещий гул барабанов. Яркая луна уже успела занять свое место на небе.

Ориентируясь на гул тамтамов, мы поспешили на опушку зарослей, где уже собрались жители деревни. В довольно глубокой яме, вырытой среди пыльной площадки, пылал костер. В отсвете пламени эффективно проступали полуобнаженные фигуры приплясывающих людей. Многие из присутствующих пока что чувствовали себя лишь только зрителями, но кое-кем уже начало овладевать то нервное состояние, которое всегда и повсюду в Африке свойственно участникам подобных ритуальных действий.

Странное дело, но, сколько раз я ни присутствовал на таких церемониях, рассудочно наблюдая сам за собой, я замечал, что царящее на них настроение коллективного психоза передавалось и мне. Я не верил, конечно, в отличие от других участников тромбы в предстоящее свидание с разана, но по мере того, как нагнеталась атмосфера, неумолимо ритмично ухали невидимые за ярким светом костра тамтамы, истерически взвизгивая, извивались над огненной ямой женщины и с воистину сатанинским темпераментом прыгали через котлован мужчины, какое-то состояние отрешенности овладевало и мною. Коллективный экстаз подчинял индивидуальную волю, а однообразие барабанных ритмов приглушало сознание. Не прошло и получаса, а нервы мои были уже напряжены до предела. Я даже поймал себя на мысли о том, что, если бы сейчас на площадке произошло какое-нибудь «чудо», я бы в первый момент воспринял его не менее простодушно, чем уже начавшие входить в транс малагасийцы...

Внезапно стихли тамтамы, умерили свой пыл танцующие, и перед костром, появилась женщина средних лет. Ее наряд состоял из тростниковой юбки, а груди и плечи, вымазанные пеплом, закрывали распущенные волосы. Низко наклонив голову, выкатив безумные глаза, она начала с легкостью птицы виться вокруг огня. Иногда она останавливалась, вырывала из головы несколько волосков и, вытянув руки, прыгала к костру, словно желая броситься в огонь вслед за прядью собственных волос, уже поглощенных пламенем. Но каждый раз, когда желтые языки были готовы коснуться ее, жутко ухали барабаны, и женщина, отпрянув назад, вновь принималась кружиться у костра.

— Это мать юноши, что умер сегодня, — прошептал мне доктор. — Своим танцем она говорит, что злой дух, забравший ее сына, теперь вселился и в нее, хочет и ее смерти. А для родственников — это сигнал, что хелу желают, чтобы они покинули селение. Подобная позиция матери умершего может затруднить задачу омбиаси задержать людей...

Женщина вновь подбегает к костру, но, когда барабаны предупредительно ухают, не отпрыгивает назад, а падает на землю. Огонь уже взбирается по ее тростниковой юбке... Но в этот момент возникший из темноты омбиаси, завернутый в белоснежную ламбу, становится рядом с нею. Он выбрасывает вперед обе руки. Желтые языки на одежде потерявшей сознание матери внезапно делаются ярко-зелеными, а затем густой белый дым обволакивает и женщину, и склонившегося над нею омбиаси. Когда дым рассеивается, знахаря на площадке уже нет. Женщина медленно встает с земли, несколько минут стоит неподвижно, а затем, как бы стряхнув усталость, начинает новый танец — энергичный и жизнеутверждающий. Исступленно гремят барабаны. Я ловлю себя на том, что тоже непроизвольно прыгаю и хлопаю в ладоши.

Сколько же это может продолжаться? Пошел уже второй час, как омбиаси театрально появился и исчез посреди площадки, а женщина, еще не похоронившая своего умершего сына, все кружится в диком ритме. Время от времени она падает на землю, содрогаясь в конвульсиях. Порою кажется, что силы покидают ее, что ей уже не встать. Но каждый раз повелительный гул тамтамов возвращает ей энергию, и она вновь пускается в пляс.

— Что это? Отрепетированный веками ритуал или порыв души, рожденный на наших глазах? — спрашиваю я.

Ралаймунгу, продолжая подпрыгивать в такт хлопкам, расширенными, ничего не понимающими глазами смотрит на меня. Ему, конечно, быть сторонним наблюдателем на этой церемонии куда сложнее, чем мне. Я повторяю свой вопрос и по взгляду доктора вижу, как он постепенно «возвращается на землю».

— Скорее всего рожденный на наших глазах порыв души, которым движут вековые традиции, — наконец говорит он. — Никто, в том числе и сам омбиаси, не смогут вам точно сказать, где здесь начинается и где кончается область сознательного и подсознательного, где серьезное переходит в игру, а заранее задуманное — в экспромт. Есть лишь какие-то вехи, символы, имеющие глубокий смысл для участников этой церемонии. Когда омбиаси потушил огонь, готовый поглотить женщину, он дал всем присутствующим понять, что справился с теми силами, которые убили ее сына и теперь якобы угрожают всему ее роду. За те несколько минут, что дым скрывал их, он сумел так воздействовать на психику вошедшей в транс танцовщицы, что изменил ее настроение. Теперь своим танцем она не зовет людей с насиженных мест, а «работает» на омбиаси. Состояние транса, в котором уже находится женщина, постепенно передается толпе, тем самым создавая у нее то психическое состояние, при котором омбиаси сможет без труда воздействовать на настроения людей. Для них эта церемония имеет глубоко религиозный смысл. Поэтому невменяемое, истерическое поведение женщины воспринимается ими как проявление сверхъестественной силы, злого духа... И то, что мы сейчас наблюдаем, можно назвать изгнанием бесов — ритуал, который был распространен еще в средневековой Европе.

Распростершись на земле, женщина содрогалась в непрерывных конвульсиях. Несколько соплеменниц пытались удержать несчастную, но, как мне показалось, лишь усилили ее припадок. Минут пятнадцать продолжалась их борьба. Внезапно поднявшись, она с силой, свойственной лишь людям в невменяемом состоянии, бросилась к толпе и принялась вытаскивать в центр площадки тех, кто ранее ограничивался лишь ролью аккомпаниаторов. Почти не сопротивляясь, они подбегали к костру, как бы перенимая у женщины эстафету танца. Многие из них, однако, не выдержав напряжения, которое требует в этих условиях «сольный танец», почти тут же валились с ног. Кто-то, дико взвизгивая, бился головой о землю. Кто-то, вцепившись сильной рукой в мою ногу, пытался выволочь к костру и меня.

Большая часть присутствующих, однако, продолжала пританцовывать на месте. Никто не высказывал признаков усталости. Напротив, в глазах у всех горел экстаз, и было видно, что все они переживают глубокий внутренний подъем и прилив энергии.

Стихли тамтамы, и тихая, щемящая сердце мелодия внезапно донеслась из темноты. Толпа замолкла, ее внимание невольно обратилось к женщинам, бившимся в конвульсиях у костра. Нагнетая атмосферу психоза, валихи выли все жалобнее.

Еще совсем немного, и нервы мои не выдержали бы. Но неожиданно появившийся у костра омбиаси с удивительной легкостью и быстротой изменил настроение всех присутствующих.

Он начал с того, что громовым голосом произнес несколько фраз, обращенных к толпе. Затем, поочередно подходя ко все еще катавшимся по земле женщинам, как бы встряхивал и ставил их на ноги. Положив свою левую руку на голову женщине, он начинал быстро водить правой рукой перед ее глазами, одновременно что-то приговаривая. Через две-три минуты женщина успокаивалась и, словно остолбеневшая, застывала на площадке. Тогда омбиаси оставлял ее и переходил к следующей.

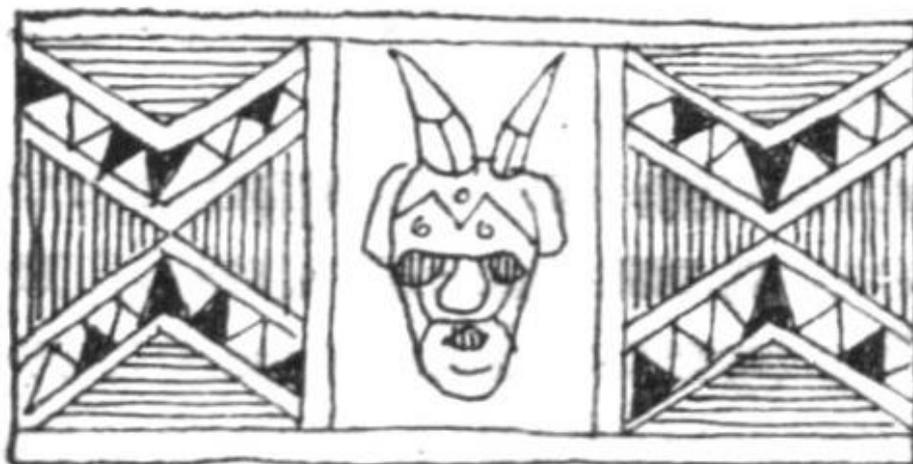
— Ну что ж, если взглянуть на происходящее глазами современной медицины, то можно сказать, что мы находимся на сеансе массового императивного внушения, — нарушил гнетущую тишину доктор. — Омбиаси переводит только что бесновавшихся

женщин в состояние глубокого гипноза. В данном случае он одновременно внушает родственникам отравившегося юноши, что хелу изменили свое решение и что людям не надо уходить из деревни. Поэтому, когда женщины придут в себя и поведают всем «волю духов», никто не поставит под сомнение их слова.

— В том числе и местный мпамарика? — спросил я.

— Конечно, — уверенно сказал Ралаймунгу. — Мпамарика — второстепенный местный колдун, для которого все происходившее полно мистических загадок не менее, чем для всех остальных. Я наблюдал за ним. Он впал в транс раньше других и не проявлял никаких признаков «оппозиции». Мпамарика может по-прежнему утверждать, что видел хелу, но потом более важные духи, вызванные омбиаси, отменили их волю. Без преувеличения можно сказать, что церемония имела для деревни огромное психотерапевтическое значение. Она сняла нервное напряжение и подозрения, вызванные несчастным случаем на пастбище. Спорами на деревенском собрании такого эффекта, конечно же, достичь было бы нельзя...

В столице бецилеу

Ландшафт вдоль дороги в Фианаранцуа живо напомнил мне Австралию. Именно такие пейзажи видел я под Сиднеем: эвкалиптовые леса, подернутые голубой дымкой, лесистые горы, небольшие коттеджи под разлапистыми пушистыми соснами. Город Фианаранцуа находится на высоте 1200 метров над уровнем моря и обладает климатическими условиями, которые считаются лучшими на острове.

Лишь там, где леса расступались и открывался вид на лежащие внизу изумрудные долины, можно было «узнать» культурные ландшафты Мадагаскара: рисовые поля, прорезанные каналами, красные валы террас, островерхие дома, окруженные голубизной прудов. Фианаранцуа — столица третьего по численности народа Великого острова — бецилеу, сливающего наиболее искусными рисоводами Мадагаскара.

— До чего же красиво! — протирая глаза, улыбается Лиуна. — Пожалуй, даже красивее, чем в окрестностях Тана: величественнее горы, ярче краски.

Какая-то неповторимая камерность присуща уютному Фианаранцуа, расцвеченному яркими красками вечноцветущих бугенвиллей.

«Место, где хорошо обучают» — так переводится название Фианаранцуа. Еще в середине прошлого века бецилеу создали на своей земле прекрасные школы, слава о которых шла по всему острову. Наряду с мерина они дали острову большую часть его интеллигенции, а свою столицу превратили в один из главных центров ремесел Мадагаскара, славившийся кузнецами и ювелирами.

О бецилеу говорят, что в них в наибольшей степени воплотились свойства малагасийского характера. Они — работяги, поэты и свободолюбцы. Зажатые между могущественными соседями (мерина — на севере, бецимисарака — на востоке и сакалава — на западе), бецилеу долгое время отстаивали свою независимость и вошли в состав Имерина добровольно лишь в начале XIX века, когда это сочли выгодным и необходимым для своего народа его правители. С тех пор как бецилеу успешно отражали попытки завоевать их земли, и пошло нынешнее название этого ныне миллионного народа. Бецилеу переводится как «множество непобедимых».

Очевидно, стремясь подчеркнуть положение Фианаранцуа как второго по значению культурного и ремесленного центра острова, бецилеу создавали свою столицу наподобие Антананариву. Есть здесь королевский холм Рува, на котором прежде стояли дворцы, а сейчас теснятся увенчанные колпаками черепичных крыш дома зажиточных горожан. Ес-

ли с Ру вы пешком спускаться из верхнего города вниз, то за каждым поворотом его гористых улочек будут открываться неповторимые по своей красоте и разнообразию виды: утопающие в садах жилые кварталы, голубое озеро Ануси посреди оживленной площади, овощные базарчики, величественный кафедральный собор в тосканском стиле, старые мальгашские кварталы с домами из красной глины. Чтобы защититься от сильных ветров, дующих на плато со стороны Антарктиды и океана, восточные и южные стены жилищ делают здесь глухими, а двери и окна, расположенные в западной и северной стенах, обращают во двор. Застроенные такими «слепыми» домами улицы выглядят несколько безжизненно.

Расположившийся у подножия Рувы «нижний» город интересен своим зума и пестрыми торговыми кварталами, заполненными лавками индийских и китайских купцов, Плутая в их лабиринтах, мы набрали с Лиуной и на ряды ремесленников-торговцев, занятых изготовлением ламб. Кругом в азиатских магазинчиках лежали груды цветастых, на все вкусы, тканей со всего мира, а покупатели в основном толпились у лавок, где продавали домотканые белые ламбы, украшенные скромным узором в виде полос.

— Уже в семнадцатом веке бецилеу подметили, что в их лесах живет паук, которого называют халабе — «ткач». Самка его — огромная, в размахе лап достигающая двадцати сантиметров, а самец — крохотный, редко превышающий сантиметр. В отличие от самки, которая с утра до ночи плетет паутину и собирает попавшуюся в нее добычу — а ею могут стать даже воробьи, — самец бездельничает и довольствуется лишь тем, что перепадет ему от остатков трапезы супруги. Безделье это, однако, дорого обходится самцу. Паучиха терпит его лишь до тех пор, пока он не обеспечит ей потомство, а затем тотчас же пожирает самца. Став по собственной воле вдовой, у которой вскоре появятся сотни детей-паучат, мать-халабе с невероятной энергией начинает плести вокруг этажи паутины, по которым затем и расселяется ее потомство. Бецилеу догадались собирать эти паутины и научились изготавливать из них нежную пряжу. Из нее-то и ткнут знаменитые шелковые ламбы.

Удивительные семейные взаимоотношения халабе стали любимой темой сказок бецилеу, в которых ленивые мужья становились жертвами своих энергичных жен. Придумали они также версию о том, что халабе — это «домашний скот» сверхъестественных существ — кинулу — уродливых крошечных полулюдей, полуживотных, в реальность которых твердо верят бецилеу. Одни утверждают, что кинулу совершенно прозрачные, другие представляют их черными, как уголь, но все рисуют их тощими, беззубыми, гнусавыми, с длинными-предлинными когтями. Живут кинулу в пещерах, устланных шелком, который и готовят для них пауки-халабе.

Наслушавшись подобных сказок, на поиски кинулу в конце прошлого века отправился католический монах Камбуэ. Никаких жителей пещер он, естественно, не обнаружил. Но заинтересовался халабе, по достоинству оценил качество их паутины и в тысяча восемьсот девяносто седьмом году открыл в окрестностях Тана ткацкую мастерскую. На ней трудилось около тридцати тысяч пауков, дававших в год более двухсот тысяч метров первоклассной шелковой нити. Позднее несколько мастерских, существующих и поныне, возникли и в Фианаранцуа.

Лиуна без труда нашел мне ламбы, сотканые из паучьей пряжи, — нежно-золотистого цвета, невесомые, но, как утверждал продававший их лавочник, очень крепкие...

— А вот траурная ламба из нити халабе, — сказал продавец, протягивая мне кусок шелка, отливавшего сочным пурпуром. — Ее заказали мне для фамадиханы, которая сочится завтра в одной знатной семье.

— А что это такое, фамадихана? — любопытствовал я.

— О, вазаха никогда не слышал о фамадихане? — удивился продавец. — Это церемония переворачивания трупа, который заворачивают в новое одеяние. Очень важная, интересная церемония. Обязательно сходите посмотреть...

— Разве можно идти в чужую семью на такое событие?

— Все, все могут посещать фамадихану, — замахал руками торговец. — Чем больше народу присутствует, тем больше почета и уважения к памяти усопшего в его семье.

Удивительная церемония фамадихана

Семья Ратафика, хотя и зажиточная, имевшая в Фианаранцуа несколько складов и магазинов, жила на окраине города. Когда мы подъехали к дому, вокруг уже толпилась добрая сотня людей, в том числе и несколько европейцев. Их присутствие избавило меня от чувства неловкости, а дух веселья и оживления, царивший среди собравшихся, навел на мысль о том, что фамадихана — церемония отнюдь не траурная и семейно-интимная, как того можно было бы ожидать.

Как выяснил Лиуна, уважаемый Ратафика был дедом главы семьи, организовавшей фамадихану. Прошло уже лет восемь, как он умер, но несколько дней тому назад дед явился внуку во сне и пожаловался, что он соскучился по своим живым близким, что цинновка его сгнила, а саван — рассыпался. Сна этого было достаточно, чтобы на немедленном созванном семейном совете установить дату проведения церемонии. Фамадихана должна доказать дедушке и всем другим родственникам в склепе, что их воля — закон, что их по-прежнему любят. Тем самым живые получают благословение предков и возможность надеяться на лучшее.

— Неужели, Лиуна, владельцы этого дома, ворочающие торговыми делами и разъезжающие на машинах, верят, что дедушке Ратафике все еще чего-нибудь хочется? — спросил я.

— Видите ли, на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Допустим, что сам его внук, получивший образование во Франции, и не верит в благословение предков. Но у него есть традиционно мыслящие родители и куча других родственников, которые придают фамадихане огромное значение. Есть к тому же мнение соседей, клиентов магазинов семьи Ратафика, с которыми они не могут не считаться.

Семью, которая не устраивает подобную церемонию в течение трех-четырех лет, сочтут не только жадной или бесчестной по отношению к разана, но и попросту глупой. Во-первых, если духи предков существуют среди живых и управляют их судьбами, то вполне очевидно, что живущие должны задабривать разана. Во-вторых, своими глубокими корнями фамадихана, очевидно, уходит в те далекие времена, когда малагасийцы, приступая к обработке рисовых полей, приносили жертвы силам плодородия. Раньше фамадихану разрешалось проводить в конце бездождного сезона, когда пересохшая земля готовилась наполниться жизненными соками. Именно тогда и выносили завернутые в истлевшие саваны трупы предков, заворачивали их в новые ламбамены, а в награду просили о посредничестве силы плодородия. Существует, кстати говоря, поверие, что свойством возрож-

дать плодородие обладают циновки и саваны покойников. Поэтому некогда их истлевшими остатками, добытыми после фамадиханы, посыпали поля.

— Какие-нибудь приготовления предшествовали сегодняшней церемонии?

— Прежде всего разрешение на проведение фамадиханы надо получить у властей и заплатить налог за каждый «перевернутый труп». Вчера вечером ближайшие родственники ходили в родовой склеп, чтобы предупредить разана о предстоящем «переворачивании» дедушки и пообещать, что вскоре будет проведена фамадихана и для других. После этого в доме всю ночь готовили угощение, которое выставят сегодня после посещения склепа. Пищу обязательно варят на пару, поскольку есть жареное во время фамадиханы считается фади. Меню предписывается традицией: надо заколоть быка, зарезать индеек и цыплят. Тех, кто обойдет эту традицию, сочтут скрягой и нарекут «собачьим сыном».

Я, было, хотел сказать, что не каждому малагасийцу по карману уберечься от подобного прозвища, но собравшиеся зашевелились, приветствуя вышедших из дома хозяев. Все они были одеты в строгие черные костюмы. Головы мужчин прикрывали черные котелки, женщин — белые ламбы. поприветствовав гостей и усевшись в машины, они медленно, так, чтобы не отделиться от тех, кто шел пешком, направились к склепу. Время от времени кто-нибудь высовывался из машины и отпускал шуточку, которую мгновенно подхватывали и передавали из уст в уста до самого конца процессии, растянувшейся на добрый километр.

Склеп семьи Ратафика представлял собой внушительное сооружение из необработанного туфа высотой в три и длиной в четыре метра. Огромный плоский камень служил ему дверью, и потомкам почившего дедушки стоило немалых усилий сдвинуть его с места. Лишь ближайшие родственники. — две дочери и три внука Ратафика — вошли внутрь склепа, где на полках, установленных вдоль стен в три ряда, лежали останки разана. Вошедшие переложили завернутого в полуистлевший саван дедушку Ратафика на свежую циновку и на руках, поднятых над головами, вынесли наружу. Каждый из присутствующих подходил к дедушке и говорил несколько приветственных слов. Затем его останки положили на багажник, укрепленный на крыше автомобиля, и повезли к дому. Рядом с машиной теперь шли музыканты, исполнявшие хвалебные оды в честь дедушки и его достойного потомства. Все присутствующие вторили им.

Дойдя до дому, родственники положили циновку с останками Ратафика на помост посреди лужайки, и присутствующие вновь возобновили свои приветствия покойному.

— Главная их цель — доставить удовольствие Ратафике, а в его лице и всем разана, — объяснил Лиуна. — Подходя к дедушке, они говорят, что очень рады приветствовать его в этом доме. Они готовы весь день петь дедушке его любимые песни и танцевать, чтобы почтенному Ратафике было весело и уютно среди потомков.

Ближайшие родственники завернули дедушку в циновку и унесли в дом.

— Там происходит самая главная часть фамадиханы, к которой не допускают посторонних, — сказал Лиуна. — Родственники развернут саван, обмоют кости и в зависимости от семейных традиций совершат кое-какие ритуальные церемонии.

Часа через два дедушка Ратафика, запеленатый в пурпурный саван, вновь появился на улице. На вытянутых руках его пронесли сначала вокруг дома, затем вокруг рисового поля, которое он некогда обрабатывал, затем вокруг квартала, где некогда жил он и его друзья. Потом Ратафика водрузили на багажник и повезли в склеп. Перед тем как внести останки внутрь, их семь раз обнесли вокруг склепа. Бецилеу и мерина верят, что тем самым они «оградили путь смерти», которой теперь «будет труднее покинуть захоронение».

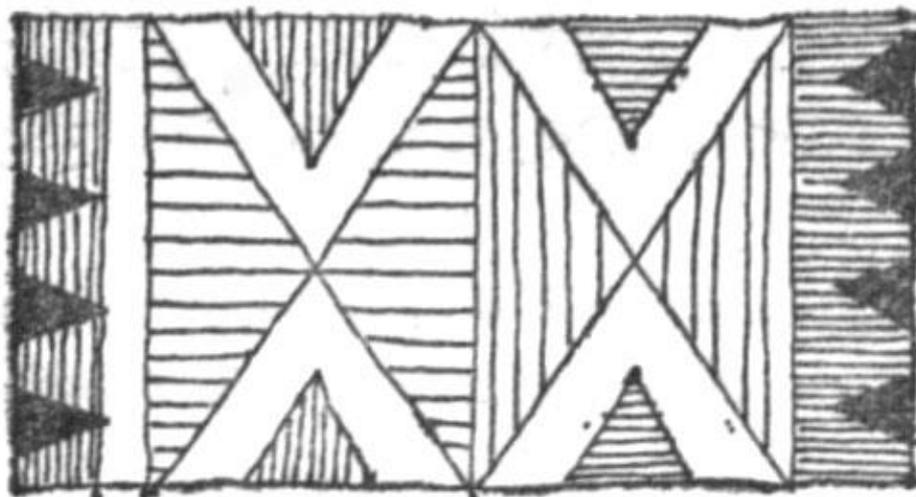
— И во что же живым обошлось проведение фамадиханы? — спросил я.

— О, это была очень пышная церемония, — ответил Лиуна. — Поэтому я затрудняюсь сказать, сколько денег потратили на нее богачи Ратафика. В среднем же обычный праздник обходится сорок — восемьдесят тысяч франков. Это огромные деньги для кре-

стьянина, выбрасываемые на чествование мертвых, вместо того чтобы улучшить существование живым. Вот почему у нас сейчас говорят, что подобные церемонии превратились в большую социально-экономическую проблему и стали серьезным тормозом прогрессу. Ведь на эти деньги можно было бы купить мотыгу, удобрения, семена, расширить поля, увеличить урожай и тем самым улучшить и свои дела, и дела всей страны.

— В прошлом году на каникулах студенты нашего факультета ездили по всей провинции Фианаранцуа, разъясняли крестьянам вред ненужных трат на ритуалы, с карандашом в руках подсчитывали, сколько полезного можно сделать на высвободившиеся средства, — увлеченно рассказывал Лиуна. — Потом местные власти говорили, что после нашего отъезда подобных церемоний проводилось значительно меньше. Сейчас фамадихану проводят либо богачи, которым надо поддержать свой престиж, либо совсем отсталые крестьяне. Те же, кто пошел в фукунулу, понял не только преимущества новой жизни, но и вред, бессмысленность подобных церемоний. Так что фамадихана уходит в прошлое...

Малагасийский хлеб

Оглушительный гул самых разнообразных тональностей, доносившийся откуда-то из долин; скрытых лесом, сопровождал нас на протяжении почти всего пути от Фианаранцуа до Тана. Это крестьяне обмолачивают новый урожай риса: его связывают в снопы, кладут на пустые металлические бочки и колотят палками. Бывает также, что зерно обивают о врытый в землю камень или гонят на току зебу по разбросанным по земле снопам.

Лучшее на острове шоссе проходит через рисовые районы. Оно пересекает благодатный горный край плодородных вулканических почв, довольно умеренного климата и вечнозеленых лесов, где тропические мимозы уживаются с соснами, а скромные эвкалипты — с усыпанными лиловыми цветами джакарандами. Это земли наиболее развитых народов острова — бецилеу и мерина, которых нередко называют «крестьянами Мадагаскара» или «кормильцами острова». Плотность населения здесь велика, стоящие вдоль шоссе деревни с длиннющими названиями переходят одна в другую, а рисовые поля, заполонив все долины, энергично теснят леса, взбираются по лестницам террас вверх, в горы, сплошным изумрудным ковром сопровождая дорогу. Причем, чем дальше на север, тем больше людей и риса.

Лишь два любопытных городка, стоящих на этой главной дороге острова, вносят разнообразие в рисовое засилье.

Первый из них носит название Амбуситра — «там, где много евнухов». Предания рассказывают, что в начале прошлого века бецилеу оказали здесь яростное сопротивление войскам Радамы I. Выйдя победителем из битвы, король приказал оскопить всех захваченных в плен противников и превратить их в рабов — строителей крепости Амбуситра. Те же из сопротивлявшихся, кто спаслись, бежали в глубь лесов. Смешавшись там с охотниками- танала, эти бецилеу положили начало новому малагасийскому народу — зафиманири.

Сейчас вокруг Амбуситры, сливущей их столицей, живут около 15 тысяч зафиманири, создавших в горных лесах Анкаратры более ста деревень. Интересны они в первую очередь тем, что сберегли архитектуру жилищ, в которых бецилеу жили до объединения с Имериной. Строятся такие жилища без гвоздей, из бамбука и коры, могут быть легко разобраны и перенесены на новое место. Еще зафиманири известны как резчики по дереву, а также искусные земледельцы, выращивающие на лесных огородах лиану с темной листвой, дающую душистый перец. Как черный, так и белый перец, сбываемый на рынке

Амбуситры, — продукт одного растения, изменяющий свою окраску, вкус и аромат в результате различной обработки зерен.

...Полтора часа езды под пологом прохладных лесов — и мы в Анцирабе — главном курортном городе Мадагаскара. Свое название, переводимое как «там, где много соли», это место получило благодаря минеральным источникам, выбивающимся из отрогов Анкаратры. Многие из них имеют целебные свойства, и поэтому французы именовали его не иначе как «Виши Индийского океана». Вокруг Анцирабе много исторических и геологических достопримечательностей. Среди них овечьими легендами древнейшие поселения в лесу Ветафу, якобы созданные вазимба, а также знаменитое озеро Тритрива. Оно лежит на дне кратера вулкана, красные стены которого почти вертикально обрываются к иссиня-черной глади зловеще сонного водоема. С Тритрива связано множество легенд.

Еще известен Анцирабе как центр виноделия и молочного животноводства острова. Именно здесь было положено начало преодолению свойственной традиционной малагасийской экономике разобщенности земледелия и скотоводства, что позволило резко продвинуть вперед экономику этого района.

На животноводческой станции, куда мы заехали, чтобы познакомиться с успехами крестьян Анцирабе, нас встретил руководитель рабочего комитета товарищ Раламбутсирафу.

— Прежде чем несколько лет тому назад мы взялись здесь за дело, нас пригласили на семинар в Тана, — рассказывает он. — Там мы узнали, что по количеству голов крупного рогатого скота на душу населения Мадагаскар обогнал почти все развивающиеся страны и приближается к Австралии—одному из мировых лидеров производства мясомолочных продуктов. Однако, хотя на каждого малагасийца и приходится почти по полторы коровы, радоваться пока нечему. Забой крупного рогатого скота составляет не более семи процентов от общего поголовья. Это один из самых низких показателей в мире. Об удоях молока, если вы едете с юга, рассказывать не надо. Для сельскохозяйственных работ зебу используют лишь два-три дня в году, когда после сжигания леса рисовые поля надо «утоптать» перед посевом.

Вернулись мы тогда в Анцирабе, подумали, поговорили и пришли к выводу: где же, как не здесь, в наших рисовых районах, начинать объединять земледелие и скотоводство в одном хозяйстве. В сухой период зебу не всегда хватает кормов... Но что нам стоит не сжигать рисовую солому, а сохранить ее на случай бескормицы? Рисовым полям нужны удобрения... Так давайте использовать на них навоз, чего никогда и нигде на острове не делали! Не хватает рук, чтобы поднять новые земли? Начали впрягать в плуг буйволов: то, что раньше крестьяне делали за две недели, мы сделали за три дня.

Тут, правда, восстали старики и местные богатеи и начали «жалеть» скотину. Первые — по традиции, вторые — потому, что любой совместный успех крестьян, любой шаг вперед по пути к кооперированию — им словно нож в горло. Ссылались на предков, говорили, что они никогда не заставляли зебу надрываться на полях. Кое-кто из крестьян загнал животных назад, в ямы, где они обычно сидят круглый год на откорме.

Но вскоре выяснилось: тех зебу, что в яме сидят, мучают слепни, а тех, что на воле, почти не трогают; у тех, что работают на полях, приплод живой, а в яме из трех телят двое мертвыми рождаются; в сухой сезон наш скот на соломе вес нагулял, а тот, что в яме, исхудал.

— В общем, как теперь принято говорить в Тана, наглядная агитация, — вставляет Лиуна.

Когда перед отъездом из Тана я знакомился с историей Мадагаскара, со стремительным возвышением Имерины, мне оставалось неясным главное: где и в чем была экономическая основа для этого возвышения? Поездка по острову, знакомство с его своеобразным, но крайне примитивным натуральным и разобщенным хозяйством лишь усилили эту не-

ясность. И только здесь, на землях бецилеу и мерина, я понял, что этой экономической основой был рис.

Культура крайне трудоемкая, требующая ведения интенсивного земледелия, рис на протяжении веков самым активным образом влиял на малагасийское общество. Это именно он объединил крестьян в фукунулуны. И это именно рис позволил создать малагасийцам достаточный прибавочный продукт в сельском хозяйстве, дав возможность зародиться на плато феодализму, который в свою очередь и породил предпосылки для развития производительных сил, возвысивших Имерину над всем Мадагаскаром. «Рис создал Имерину», — часто говорят малагасийцы. И в этом нет преувеличения.

Мы едем мимо уже собранных и еще зеленеющих полей, мимо отразивших голубизну неба лент каналов и исполинских ступеней террас, взбирающихся к самым вершинам красных холмов. И всюду люди, люди, люди, сегодняшний труд которых, мало в чем изменившийся за последние столетия, дает возможность из отдельных фрагментов воссоздать картину той гигантской работы, которую проделали на плато бецилеу и мерина.

За городком Амбухибари, где на первый взгляд кажется, что рис заполнил все земли, крестьяне возводят вдоль крутого склона новую террасу. Для этого от основания нижней ступени создают почти вертикальную стену из камней, затем между нею и естественным склоном засыпают землю. Примерно 10—12 метров в высоту и по меньшей мере метров триста в длину. Сколько тысяч кубометров каменистой земли предстоит перелопатить людям примитивной ангади и в корзинах, переброшенных через плечи, затащить наверх, прежде чем «крыша» такой террасы превратится в ровное поле? А ведь подобных террас на плато уже построено десятки тысяч километров. Осуществляемое веками террасирование проводилось в таких масштабах, что изменило ландшафт плато, и сейчас порою уже невозможно установить, естественный ли это ландшафт или созданный руками земледельцев...

По спидометру я отмечаю место, где столпились люди, расчищающие завал на реке, образовавшийся как раз в том месте, где из нее берет начало канал. На восемь километров тянется этот канал, примерно через каждые 100—120 метров от него отходят рукава, отводящие воду на поля. И всюду по пояс в воде в каналах женщины: углубляющие дно, расчищающие протоки от растительности с помощью тростниковых сачков, вычерпывающие из воды рыбу. Подсчитано: чтобы в условиях Мадагаскара обеспечить нормальное функционирование каналов, необходимо на каждый метр водостока ежедневно затрачивать 40 минут рабочего времени. А протяженность каналов в одном хозяйстве нередко достигает 10 метров...

На Мадагаскаре растут самые разнообразные сорта риса, и поэтому в то время, как на одном поле женщины колотят снопы на пустых бочках, соседки лишь выращивают рисовую рассаду, а мужчины начинают подготовку поля-хетра. Подготовку эту начинают с тщательного взрыхления земли, которую затем просушивают до тех пор, пока в ней не уничтожатся корни сорняков. Такую «чистую» землю заливают водой и на два-три дня выгоняют на нее скот, который копытами «месит» будущее поле. В это месиво крестьяне, стоя по щиколотку в воде, высаживают рассаду болотного риса.

Пока на орошаемых полях злак набирается силы, люди поднимаются в горы, где располагаются поля-ладанги суходольного риса. Затем начинается борьба с сорняками. Сорняки еще не побеждены, а внизу болотному рису начинает угрожать расплывшаяся в каналах зловредная рыбешка, перегрызающая стебли. Чуть злак зацвел, как на него налетают насекомые; заколосился — и он стал лакомством для прожорливых красных воробьев. И все это, однако, полбеда по сравнению с тем, что может натворить циклон, не только уносящий весь нынешний урожай, но и разрушающий террасы и каналы, а следовательно, затрудняющий любые попытки заложить основы урожая будущего. Дорогой, очень дорогой ценой достается бецилеу и мерина малагасийский хлеб.

Та роль, которую сыграл рис в истории мальгашей, и то значение, которое он занимает в экономике Мадагаскара, обусловило и то почитание, каким этот злак окружен на острове. В ритуальных обычаях малагасийцев ему отводится едва ли не столь же заметная роль, как священному зебу. Наряду с лунорогой коровой и веером равеналы колоски риса — основные элементы мадагаскарского герба. «Тот не крестьянин, кто не возделывает рис», — говорят на плато. «Тот не малагасиец, кто не ел риса», — утверждают повсюду на острове.

Скорее всего рис попал на Мадагаскар вместе с древними мореплавателями восточных морей. На эту мысль в первую очередь наводит то, что малагасийцы выращивают рис теми же методами, что и люди, говорящие на индонезийском языке.

Повсеместно вытесняя кассаву, рис победоносно шествовал по острову и вскоре превратился в его главную экспортную культуру. Хотя вслед за рисом столь же победоносно шествовала малярия, владыки Имерины принудительно внедряли его во все новых и новых районах. Первая железная дорога острова Антананариву — Туамасина, строившаяся в 1901—1913 годах, получила название «рисовой» — по названию главного продукта, вывозившегося по ней с плато за океан. Долгое время Мадагаскар был одним из крупнейших экспортеров риса в южном полушарии.

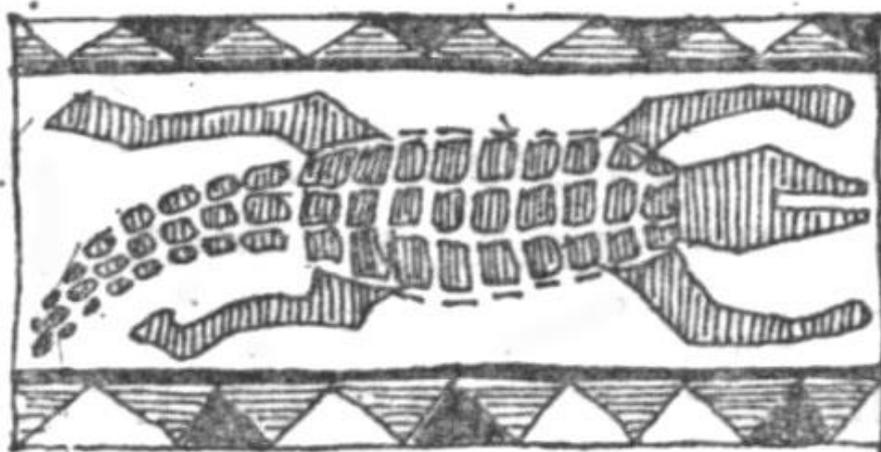
Однако в годы циранановского правления положение резко изменилось. Низкие закупочные цены, произвольно установленные прежним правительством, сделали рис невыгодной для крестьян культурой. На юге зерна не хватало, в то время как чиновники заставляли крестьян сокращать площади, занятые рисом, ради увеличения производства культур, вывозимых за границу. В результате из крупного экспортера риса Мадагаскар превратился в его импортера. Так на острове, обладающем огромными ресурсами, возникла продовольственная проблема, которая вскоре переросла в проблему политическую. Рис вновь властно вмешался в ход развития малагасийского общества.

Чтобы понять, что это не преувеличение, достаточно привести несколько статистических данных, показывающих ту доминирующую роль, которую играет рис в жизни и экономике малагасийцев. Ныне производством этой зерновой культуры занято 80 процентов населения острова. Под рисом находится 60 процентов всех обрабатываемых и 95 процентов орошаемых земель. На рис падает более 40 процентов стоимости сельскохозяйственной продукции острова. Приняв во внимание все это, становится ясно, почему проблема риса заняла центральное место в экономической политике правительства демократического Мадагаскара.

— Где лучше всего можно познакомиться с успехами крестьян в этой области? — не раз спрашивал я малагасийских друзей. И всегда получал один и тот же ответ: «В фукунулунах, расположенных по берегам Алаотра — самого большого озера острова».

Вот почему, вернувшись в Тана, я, не теряя времени, занялся организацией поездки в Амбатундразака — центр «приозерного края» Мадагаскара.

Битва за рис

— Вот он, наша гордость, — рис сорта вари-лава, слывающий лучшим на острове, — пересыпая сквозь пальцы крупные полупрозрачные зерна, не без гордости говорит товарищ Раданиелина, председатель объединенного правления 17 приозерных фукунулун. Во Франции такой рис продают под названием «каролина», стараясь не напоминать покупателю, что эти первосортные зерна вырастили малагасийцы. А наши крестьяне вкладывают в него все свои силы и искусство земледельцев, еще на корню удаляя с поля растения с недостаточно длинными зернами. Мечтаем, что когда-нибудь будем снимать с этих земель только вари-лава...

Вот уже четвертый год с момента объединения в кооператив первых фукунулун товарищ Раданиелина находится на своем посту. Ему бы писать историю первых коллективных хозяйств на Мадагаскаре. Но пока что едва хватает времени, чтобы в самых общих чертах рассказать эту историю мне.

— Из зернышек риса складывается большой мешок, из повседневных мелочей — большое, народное дело, — продолжает он. — Как вам обо всем расскажешь? Трудно это, ой как трудно, потому что поставленная нашим правительством задача добиться самообеспечения зерном, прекратить его импорт, а к тысяча девятьсот восемьдесят пятому году начать ежегодно производить восемьдесят тысяч тонн риса на экспорт — это проблема не самостоятельная. Ведь на крохотных участках единоличников урожай риса не увеличишь. Значит, единственный путь, который может обеспечить решение продовольственной проблемы, лежит через кооперативы.

Раданиелина задумался, перебирая пальцы, как бы что-то подсчитывая.

— Вот смотри. Кооперирование — раз. Развитие фукунулуны — два. Национализация — три. Это как бы сражение на многих фронтах. И выигрывая каждое из этих сражений, мы приближаем победу в главной битве — в битве за рис. Это не моя выдумка. «Битва за рис» — это официальное название общенациональной кампании, проводимой по всему острову.

— Как она проводится у нас, на берегах Алаотры? — повторяет мой вопрос председатель. — Началось здесь все еще в тысяча девятьсот семьдесят пятом году, когда наше правительство, осуществляя один из главных принципов «Хартии» — принцип «Земля тем, кто ее обрабатывает», приступило к проведению аграрной реформы: отобрало у латифун-

дистов первые пятьсот тысяч гектаров земли. Получили тогда и мы директиву из Таны: на национализированных землях создавайте кооперативы.

— А как их создавать? — задумались мы. Большинство настаивали на том, чтобы раздробить эти хозяйства на мелкие участки по полгектара и каждый из них передать крестьянам. Начали мы это делать, но тут же остановились. Что же это? Одной рукой мы объединяем мелкие хозяйства фукунулуны в кооператив, а другой — дробим крупные фермы между единоличниками.

К этому времени из Тана по всему острову разъехались активисты и агитаторы, которые должны были помочь крестьянам лучше организовать «Битву за рис». Один из трех тысяч агитаторов приехал и к нам. Своего мнения он нам не навязывал, но на правлении подсказал: национализированные крупные хозяйства должны стать ядром будущего кооператива. Постепенно к этому ядру будут присоединяться фукунулуны.

— А что представляют собой фукунулуны в этих местах?

— Да, думаю, то же, что и везде на острове, где сеют рис. Возделывают его здесь, правда, уже не знакомые вам бецилеу и мерина, а преимущественно сиханака — «люди, которые живут на болотах». Вокруг Алаотры много заболоченных участков, долин и низин, так что сама природа предопределила участь наших крестьян. Издревле сажаем мы болотный рис, к двумстам тысячам сиханака за последние годы прибавилось множество пришельцев. А площади болот не увеличиваются... Средний размер участков у сиханака редко превышает четверть, в лучшем случае полгектара. А что будет через пятнадцать — двадцать лет, когда эти крохотные наделы будут поделены между сыновьями их нынешних владельцев?..

— Но ведь вокруг Алаотры уйма отличной, пригодной для обработки земли? — удивился я.

— Во-первых, это не совсем так. При системе тави земля на выжженных участках в первый год дает здесь отличный урожай, на второй — мы достигаем уровня средней урожайности по стране, а на третий год она резко падает. После этого полю надо отдыхать семь-восемь лет. Так что большинство земель здесь не пустует, а восстанавливает силы.

— Во-вторых, в рисовых районах «пригодные для обработки», пусть даже и отличные земли и земли, способные принести урожай, — это отнюдь не одно и то же. Сплошь и рядом у нас по соседству с массивами плодородных и ничейных земель живут безземельные крестьяне. А почему? Да потому, что «взять» эту землю у природы и превратить в рисовое поле одному крестьянину не под силу. Сейчас здесь остались такие земли, что освоение их, связанное со строительством сложных ирригационных сооружений, не под силу даже общине. Пять, десять, двадцать соседских фукунулунов, объединяясь вместе, должны теперь наступать на природу. Так и рождается объективная необходимость создания кооперативов. Именно поэтому ее и поддерживают рядовые сиханака, которые охотно идут в коллективные хозяйства, видят в них свое будущее.

— Можно ли уже говорить о том, что объединение фукунулунов в кооператив принесло свои плоды?

— Конечно, — убежденно кивает головой Раданиелина. — Программа «Битва за рис» предусматривает, что ежегодно под эту культуру будет осваиваться по меньшей мере двадцать тысяч гектаров новых земель. Наш вклад — сто пятьдесят гектаров. Площадь эта не ахти какая большая. Но дело вот в чем: чтобы обеспечивать каждый год такой прирост, надо предварительно построить плотину длиной в сорок и высотой в девять метров, провести более двадцати километров каналов, насыпать три террасы. Тут-то и нужен коллективный труд. Организовали мы его так: четыре дня крестьяне работают на землях, закрепленных за их семьями, два дня сообща трудятся для того, чтобы подготовить условия для освоения новых площадей.

— А как же с фади, которые, как я знаю, у сиханака запрещают работать минимум три дня в неделю? — изумился я.

— Мы перехитрили фади, — улыбается Раданиелина. — В воскресенье мы действительно не работаем, а в остальные дни традиция запрещает трудиться на своем семейном поле, которое некогда обрабатывали сами разана. «Хорошо, — решили мы на правлении. — Пусть предки продолжают себе отдыхать именно в эти дни, а мы тем временем будем работать на новых землях». Кое-кто, конечно, на первых порах роптал, но сейчас на работу уже выходит большинство крестьян. А тех, кто не выходит, мы лишаем благ, которые предоставляются членам фукунулуны, решившим объединиться в кооператив.

— И эти два дня в неделю дают кооперативу возможность справиться с заданиями по освоению новых земель?

— Пока что мы практически новых земель под рис не отвоевали. Все силы ушли на те большие ирригационные и земляные работы, о которых я уже говорил. Но через два года, когда мы их закончим, крестьяне сразу же получают около двух тысяч гектаров. Так что план мы даже перевыполнили.

— Однако, если прироста земель до сих пор нет, как же кооператоры добиваются увеличения сбора риса? — спрашиваю я.

— Видите ли, традиционный для Мадагаскара путь экстенсивного земледелия не оправдал себя. Освоение новых земель под рис для нас не самоцель, а лишь результат улучшения ирригационных сооружений. Практически везде на острове при условии хорошего искусственного орошения можно собирать по два урожая риса. А сейчас два урожая дают не более одной десятой всех полей. Представляете, какой эффект: улучшить ирригацию — и сразу же прирост производства в два раза! — увлекшись, рассказывает Раданиелина.

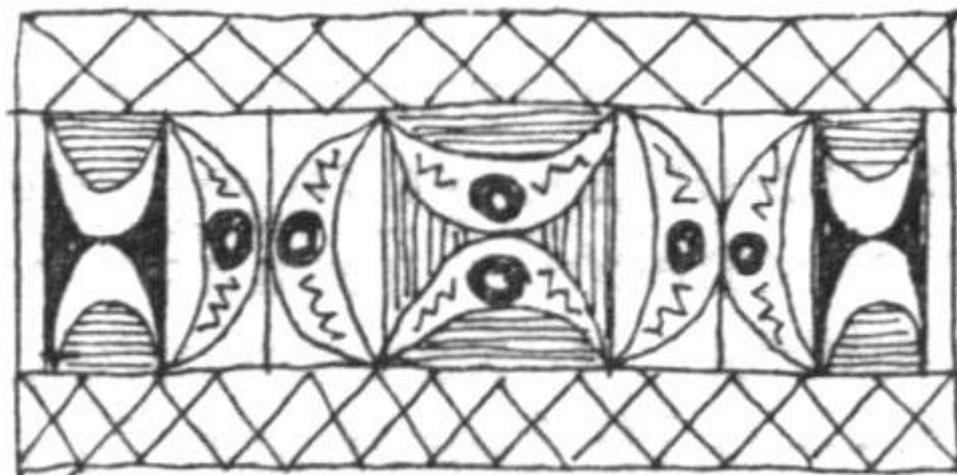
Нашу беседу, затянувшуюся до захода солнца, прервали члены правления кооператива, начавшие стягиваться на собрание.

Когда мы выходили из правления, полная луна уже выкатилась на небо, призрачным светом осветив ступени рисовых полей, поднимавшихся от серебристо-черной глади Алаотры.

— Ну вот вам всего лишь один день «Битвы за рис», всего лишь в одном кооперативе Мадагаскара, — прощаясь со мной, заключил председатель. — До конца года еще далеко, но сражение мы начинаем выигрывать. Фукунулуны в окрестностях озера Алаотра уже достигли наибольшего на острове перевеса производства риса над потреблением. Сейчас мы собираем по шесть-семь центнеров зерна на человека. Если так получится у всех, битва будет выиграна.

Закончился год, и вскоре стали известны результаты «Битвы за рис». Сбор «малагасийского хлеба» впервые за много лет перевалил за два миллиона тонн, государству было продано 250 тысяч тонн зерна. Если в 1974 году на остров было ввезено 150 тысяч тонн риса, то в 1975 году импорт снизился до 10 тысяч тонн, а в 1976—1977 годах впервые был собран урожай, которого хватило на нужды внутреннего потребления. Одна из главных экономических целей малагасийской революции была выполнена: Великий остров добился самообеспечения населения его основным продуктом питания.

Снова в Тана (Вместо заключения)

Он показался мне старым знакомцем, близким и понятным, но таким же интересным и еще больше, чем в наши былые встречи, наполненным жизнью. Антананариву, Тана, Иарив — так поэтично называют свою столицу малагасийцы.

Стояла зимняя пасмурная погода. Яркая экзотичность города несколько померкла. В туман закутались необъятные зеленые дали рисовых полей и голубых гор. Раньше в такие дни, взбираясь на Руву и поражаясь увиденному, я всегда задумывался над тем, почему соседство поэтической малагасийской души и французской культуры не создало здесь своего художника — певца красных черепичных крыш, разноцветных домиков на склонах холмов, причудливых переулков и тупиков с брусчаткой мостовых, то отражающих солнце, то до блеска омытых дождем. Теперь я знал, что эта мысль приходила на ум не только мне.

Зимним вечером дождь моросит
Над кровлями Тананариве —
Вспоминается Утрилло, —

писал Рабеаривелу.

О бурных событиях, пережитых Тана со времен «малагасийского мая», напоминали лишь развалины дворца на королевском холме, да полуобуглившееся здание мэрии на авеню, вдоль которой шумит базар. Прямо над ним, на площади Независимости, с роскошного здания в стиле эпохи Возрождения исчез французский флаг. Занимавшее ранее дворец посольство переехало подальше от этого места, ставшего для малагасийцев символом борьбы за свободу. Теперь на площадь к строгому гранитному монументу, на котором выбит бело-красно-зеленый флаг Мадагаскара и слова: «Свобода. Народ. Развитие» — приходят школьники. Они кладут цветы к подножию памятника и дают клятву верности Революции.

Несмотря на слякоть и холод, улицы столицы были оживлены, даже веселы. Под тысячами, десятками тысяч зонтиков пряталась уличная толпа. Реже попадались европейцы: из 36 тысяч французов, подпиравших циранановский режим, добрая половина уже покинула остров. Меньше стало нищих, но больше — мальчишек и девчонок, прятавших под зонтами книги и тетради.

Несколько поблекли витрины фешенебельных магазинов, в которых малагасийцы прежде появлялись разве что в роли грузчиков и уборщиков. Республика сократила ввоз в

страну предметов роскоши, которые были по карману лишь колонистам, одновременно расширив ввоз оборудования и машин. Это не только благоприятно отразилось на производстве местной продукции, но и позволило ДРМ в 1976 году впервые в своей истории свести баланс внешней торговли с положительным сальдо.

На транспарантах, протянутых над улицами, а то и прямо на стенах домов — лозунги и призывы. Иногда это целые фразы из «Хартии», но чаще всего выведенные на фоне мадагаскарского флага слова: «Кто ты, малагасиец?» — так называется общенациональная кампания за нового человека на Великом острове. Ее цель — деколонизация сознания рядового мальгаша, борьба с предрассудками и суевериями, против инертности, за повсеместную и повседневную инициативу.

Поздно вечером, накануне отъезда из Тана, я позвонил в редакцию «Имунгу ваувау» своему старому другу Морису Ракутубе.

— Конечно, сейчас заеду, — слышался в трубке приветливый голос. — И знаешь с кем? С твоим любимым Жоржем Раду.

Втроем мы отправились на зума. Мне показалось, что шли мы каким-то странным путем. Но, подумав, что как москвичу мне не совсем удобно поправлять тананаривцев, я промолчал.

— Вот тебе сюрприз, ради которого мы делали круг, — разрешил мои сомнения Ракутубе. — Хотели тебе показать: улица Ленина. Представляешь! При «пису диа» за одно вслух произнесенное имя «Ленин» сажали за решетку. А теперь улица Ильича в самом центре Иаривы.

Улица Ленина в Тану... Да, многое изменилось здесь с 1968 года, когда я впервые ступил на мадагаскарскую землю. Тогда, выходя на улицу вместе со своим коллегой правдистом, мы неизменно чувствовали у себя за спиной пристальный взгляд некоего человека в широкополой шляпе. Он не отставал от нас ни на шаг и время от времени предупреждал: «Туда вам не следует заходить, господа». Где-то на склонах Рувы среди зарослей кактусов человек в шляпе признался, что он кончил русское отделение Сорбонны, работает чиновником в МИДе, но по случаю нашего приезда «пису диа» обратили его в шпика.

— Знаешь, о чем я думаю? — прервал мои размышления Ракутубе. — Нужно было обладать большим мужеством, чтобы объявить в «Хартии»: «Мадагаскар делает ставку на социализм». В Африке подобный выбор повсюду требует мужества.

— Да я не о том. Все безобразия и беззакония циранановского режима совершались под прикрытием разглагольствований о «малагасийском социализме». Редко, где этот термин был так затаскан, как у нас, на острове. Мне даже порою кажется, что «пису диа» употребляли его для того, чтобы полностью дискредитировать подлинный социализм в глазах малагасийцев. Люди были полностью дезориентированы их демагогией... Но сейчас картина изменилась, потому что малагасийцы увидели, что у нового правительства слова не расходятся с делом. Крестьян в этом убедила прежде всего аграрная реформа, рабочих — переход под их контроль большинства фабрик и заводов. К началу тысяча девятьсот семьдесят восьмого года все наши дети школьного возраста сели за парты. Ежегодно семьи трудящихся получают по двадцать тысяч домов.

Незаметно за разговорами перевалило за полночь, когда, петляя по уже заснувшим улицам Тана, мы наконец вышли к зума. С тех пор как восемь лет тому назад Ракутубе впервые привел меня на это фантастическое торжище, зума стало еще более грандиозным, богатым и впечатляющим.

Долго бродили мы среди развалов товаров, как бы играя в «отгадки»: малагасийские друзья отыскивали какой-нибудь предмет позамысловатее, а я, вспоминая, где видел его во время путешествий по острову, догадывался, ремесленниками какого народа он сделан. Иногда Жорж останавливался, вслушиваясь в мелодии, доносившиеся из чрева рынка. Поразившее меня когда-то своей немотой в дневное время зума было полно звуков ночью.

— Слышите эту песню? — спросил Жорж Раду. — Раньше таких здесь не пели.

Пробираясь сквозь кипы шляп и плетеных сундуков, мы подошли к небольшому ко- стру. Поющих не было видно, но их песня, сопровождаемая решительными аккордами ва- лих, звучала громко. Подымаясь из темноты, она неслась над огромной площадью к вер- шинам холмов, на которых застыли дворцы правителей Имерины. Отбивая ногой в такт валихам, Жорж переводит:

Богатый белый господин,
Ты прибыл к нам на две недели.
Ты зря с бумажником ходил
По всем углам Аналакели.
Зайди на пятничный базар,
На всякий вкус товар найдется.
Но помни, что Мадагаскар,
Мадагаскар не продается...

— Аналакели — это площадь, где мы сейчас находимся, — дождавшись, пока стихнут певцы, и запоют валихи, напомнил Ракутубе. — Но для нас, малагасийцев, она знаменита в первую очередь не этим базаром. Девятнадцатого мая тысяча девятьсот двадцать девято- го года здесь состоялось первое массовое выступление рабочих острова. Оно прошло под лозунгом «Мадагаскар — малагасийцам!». А вот вам лозунги сегодняшнего дня на той же славной площади Аналакели:

Мы битый час твердим тебе:
У нас свои простые нравы,
Глотни вина Анцирабе,
Поешь горячей ру мазавы.
Но ты не хочешь есть и пить,
Кривишь уныло бледный рот свой.
Мадагаскар нельзя купить,
Мадагаскар не продается.
Что в мире краше наших мест
От Нуси-Бе до Тулиара?
Горит над нами Южный Крест —
Священный Бык Мадагаскара.
Шумит вечерняя Тана,
Валиха плачет и смеется...
Мадагаскар — моя страна,
Мадагаскар не продается!

Кулик С. Ф.

К90 Когда духи отступают. — М.: Мысль, 1981. — 223 с., ил., 32 л. ил.

В пер.: 3 р.

Новая книга географа-писателя С. Ф. Кулика посвящена Мадагаскару, где он бывал неоднократно в течение многих лет. Автор рассказывает о верованиях, обычаях, образе жизни малагасийцев, о пестрой этнографии острова, о новых прогрессивных социально-экономических преобразованиях правительства страны; повествует, как под влиянием пропаганды новых идей уходит в прошлое вера в духов предков, вытесняются архаические предрассудки. Многие страницы книги рассказывают об эндемичной флоре и фауне Мадагаскара — древних растениях и животных, вымерших повсюду, кроме этого замечательного острова.

Книга богато иллюстрирована уникальными цветными фотографиями.

К $\frac{20901-010}{004(01)-81}$ 158-81

**ББК 26.89(6)
91(И6)**

ИБ № 1668

Кулик Сергей Федорович

КОГДА ДУХИ ОТСТУПАЮТ

Заведующий редакцией	О. Д. Катагощин
Редактор	В. Н. Тихомиров
Редактор карты	Л. А. Гусева
Младший редактор	Ю. С. Макаревич
Художественный редактор	Е. М. Омельяновская
Технический редактор	Ж. М. Голубева
Корректор	Н. С. Приставко

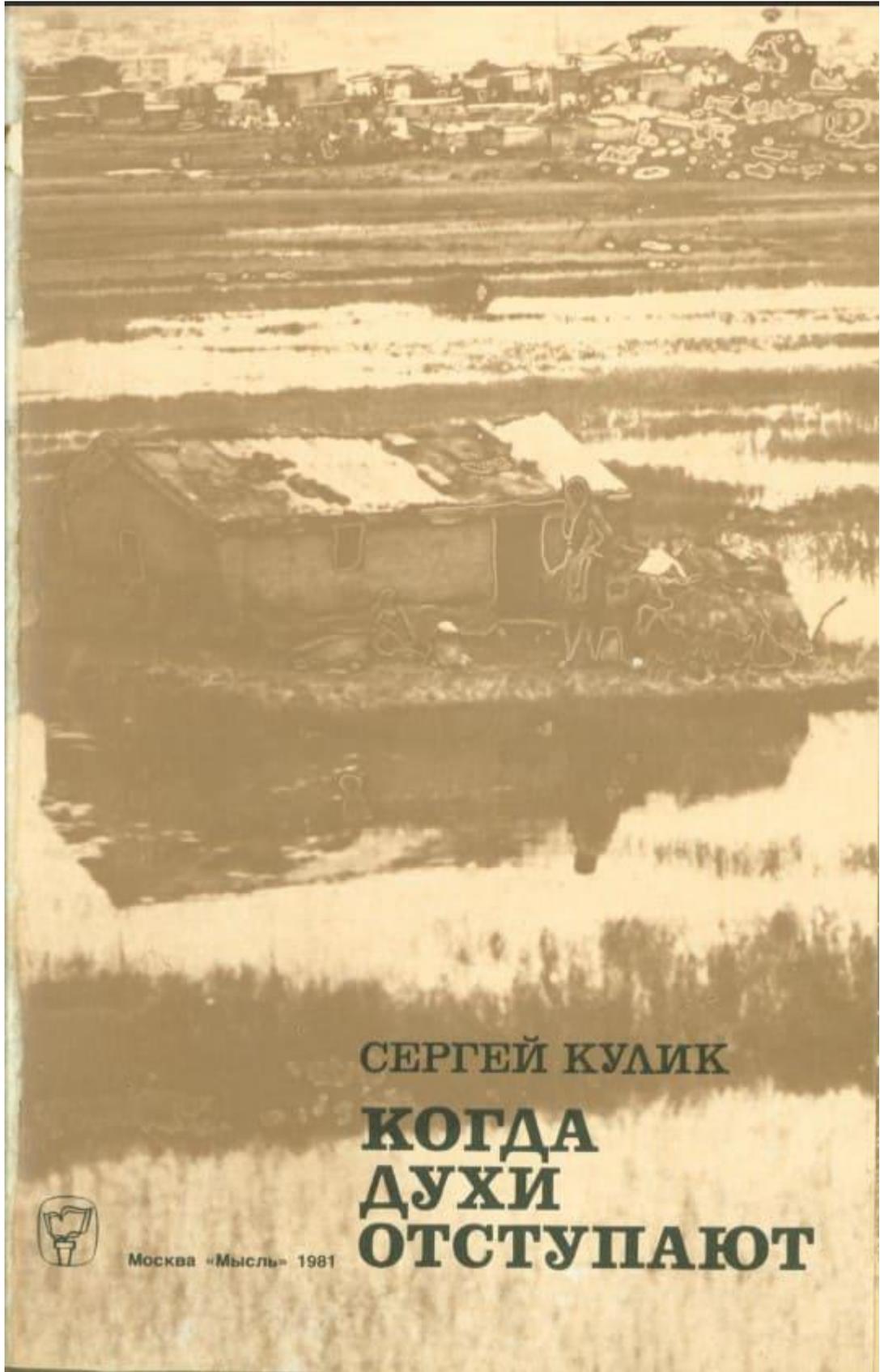
Сдано в набор 14.01.80. Подписано в печать 19.09.80. А02444. Формат 60X90^{1/16}.

Бумага типогр. № 1. Школьная гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 18 (с вкл.)

Учетно-издательских листов 21,98 (с вкл.). Тираж 100 000 экз. Заказ № 1449. Цена 3 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

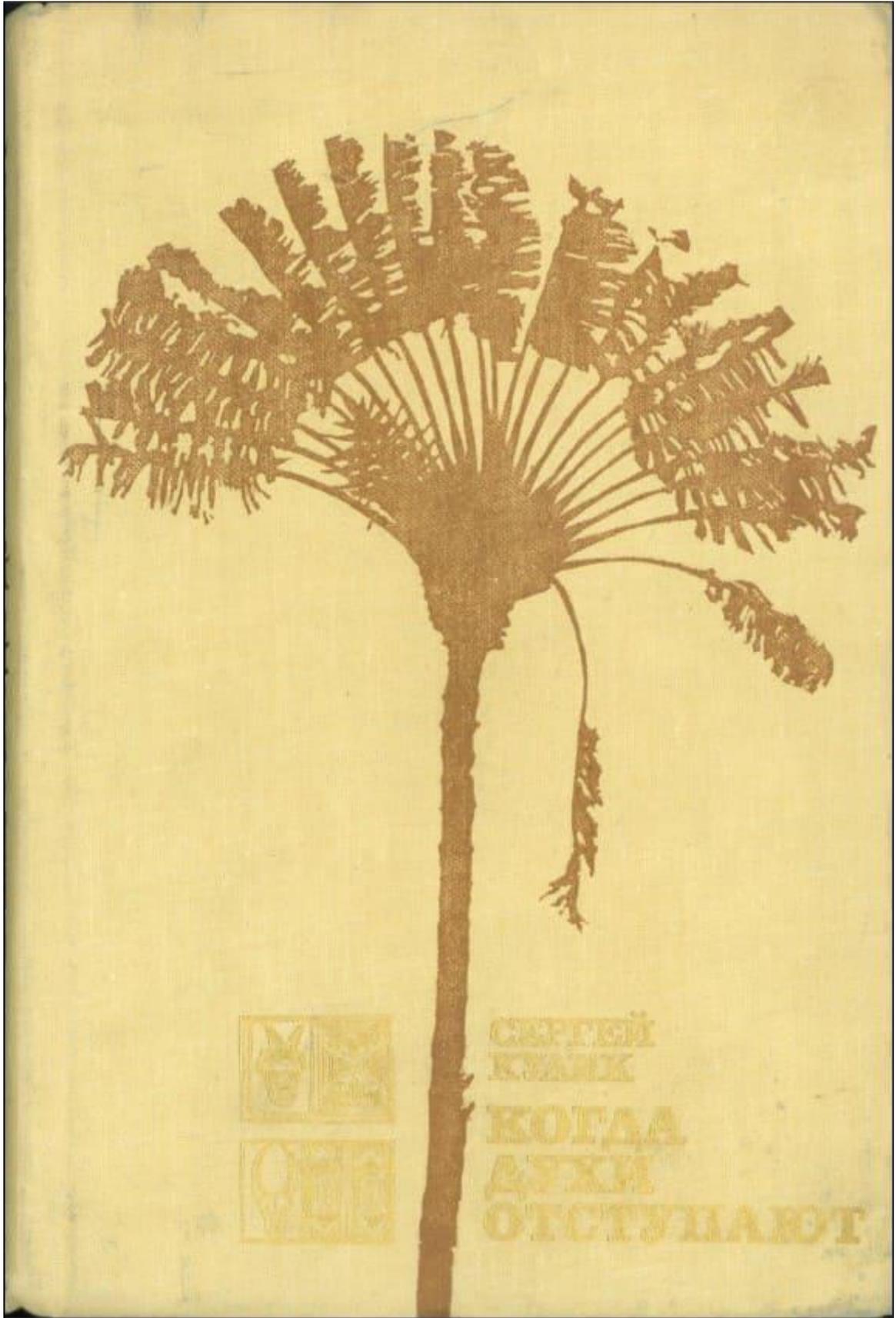

СЕРГЕЙ КУЛИК
**КОГДА
ДУХИ
ОТСТУПАЮТ**

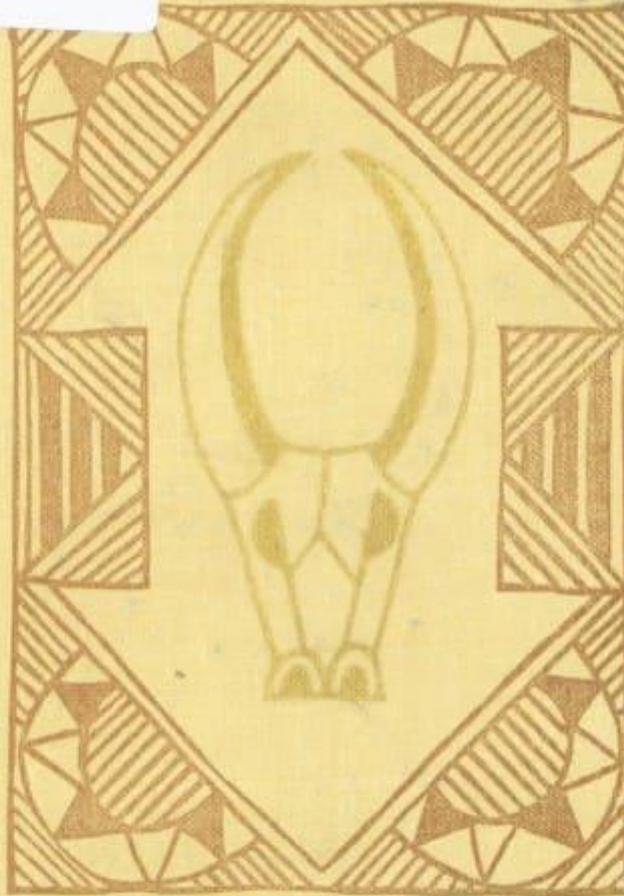
Москва «Мысль» 1981

40380-06102293

Издательство
«Мысль»